Содержание.

Стратегия и тактика.

Из архива военной истории.

Военная техника.

Военная география и статистика.

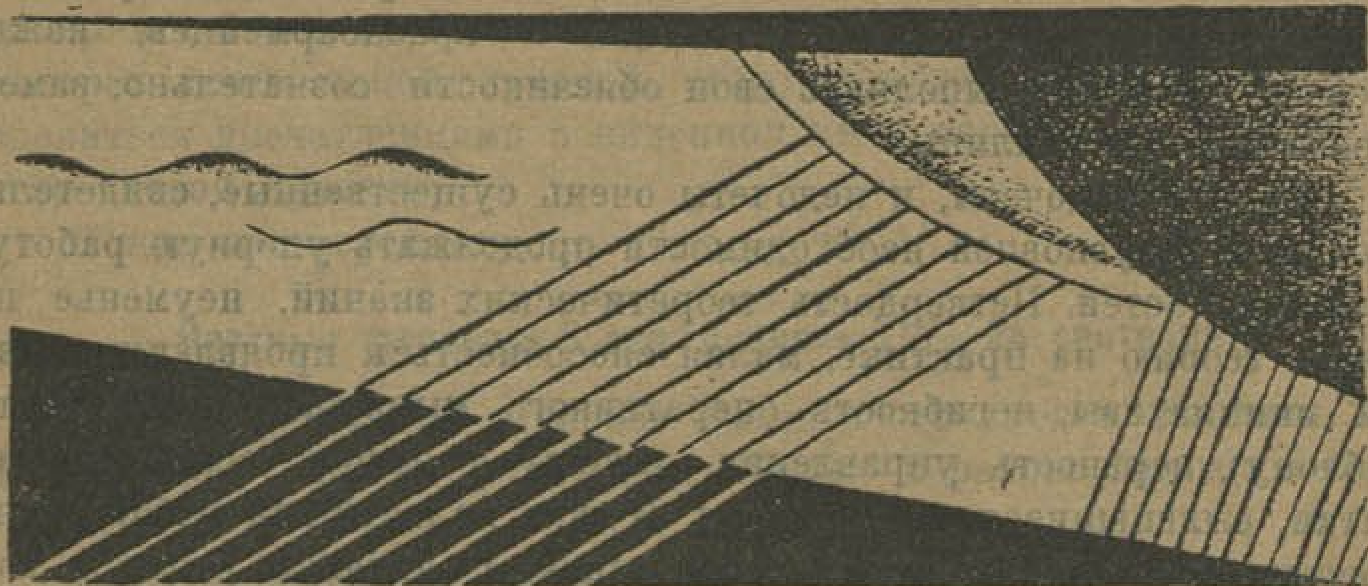
Военно-научная хроника.

Библиография.

Русская военная литература.

Иностранная военная литература.

Окончание статей В. Лучинского—„Железнодорожные войска Польши в войну 1918—20 г.г.“ и И. Колендо—„Битва под Варшавой“ будет дано в № 20-м.

Н. Варфоломеев.

Маневры на запфронте.

(В сентябре 1922 г.).

Ликвидация внешних фронтов позволила приступить к обучению Красной Армии в условиях мирного времени. Стационарное расположение войсковых частей и „оседлость“ комсостава существенно облегчили возможность поставить дело обучения в известные рамки планомерности и систематичности. Стало возможным задаться определенной программой занятий, как с красноармейцами, так и с командным составом, разбив ее по периодам и проводя ее в жизнь с учетом особенностей обучения в различные времена года. Многообразные заботы в хозяйственной области и отвлечение войсковой силы на „посторонние“ (однако, зачастую жизненно необходимые) наряды ослабляли успешность обучения; тем не менее части, принявшие участие в маневрах в сентябре месяце с. г., вышли на них с известной подготовкой, явившейся результатом предшествовавшего обучения. Маневры, имевшие место в сентябре месяце с. г., завершили период обучения 1922 года и с этой точки зрения послужили пробным камнем для частей, в них участвовавших. Было бы ошибочным, судя по результатам маневров, давать твердую исчерпывающую оценку подготовки частей, ибо маневры, являясь эпизодом, и оставляют эпизодическое впечатление. Однако, маневры являются вполне достаточным средством для того, чтобы судить о работе командования и о службе войск в условиях конкретной обстановки, определенных заданий. В силу этого получается возможность вынести определенное же общее впечатление о состоянии частей в смысле их обученности и подготовленности.

С большим удовлетворением следует отметить, что это общее впечатление, этот общий вывод в итоге маневров двух стрелковых дивизий фронта и одной кавбригады вполне благоприятны для уча-

ствовавших частей. Наблюдалась налаженность работы, интерес к ней; чувствовалось стремление комсостава и красноармейцев, каждых в своей области, выполнить свои обязанности сознательно; заметно укрепление дисциплины.

Были и недочеты, и недочеты очень существенные, свидетельствующие о безусловной необходимости продолжать упорную работу по обучению частей. Нетвердость теоретических знаний, неуменье применить теорию на практике, малая способность к проявлению разумной инициативы, негибкость оперативного мышления (склонность к шаблону), нервность управления—таковы в общем основные недостатки, выявившиеся на маневрах. Нужна дальнейшая работа для их уничтожения. Как бы то ни было, маневры, являясь работой войск и управления в условиях полевой обстановки, принесли свою значительную пользу, дав возможность: 1) взаимного ознакомления начальников и подчиненных, а, следовательно, и персонального учета сил и способностей каждого и 2) практики крупных войсковых соединений в условиях, более или менее близких к военной действительности. И с этой точки зрения их нельзя не приветствовать.

В данной статье автор отнюдь не собирается предлагать вниманию читателей подробный фактический отчет о маневрах. В задачу автора входит, пользуясь присутствием на этих маневрах и вынесенными оттуда впечатлениями, дать очерк действий управления и войск, суммируя все положительные и отрицательные стороны таковых.

Организация маневров.

Маневры были назначены на период времени с 17 по 26 сентября с. г.

По замыслу командования, общим двухдивизионным маневрам (25—26 сентября) должны бы предшествовать частные маневры в пределах каждой из маневрующих стрелковых дивизий, на что отводилось время с 17 по 24 сентября с. г. Подобное подразделение маневров на частные и общие преследовало собою цель наиболее целесообразного использования на частных маневрах времени и движения сторон, идущих на сближение для розыгрыша общих маневров. Одновременно, частные маневры служили практикой частям перед их участием в маневрах общих.

Таким образом, по окончании частных маневров, обе стороны к вечеру 24 сентября должны были занять исходное положение, сосредоточившись в районах: синяя сторона—в составе 1 стр. дивизии с приданными ей частями *) в районе г. Игумена и красная сторона (3 стр. дивизия и одна кавбригада)—в районе м. Лапичи.

Частные маневры в обоих сторонах состояли в исполнении походных движений, отдыха с мерами охранения и боев различного вида. Общее руководство этими маневрами принадлежало соответствующим начдивам, кои и давали задания. С целью непосредственного

*) Все названия войсковых частей—вымышленные.

руководства, при каждой отдельной части пехоты, кавалерии и артиллерии состоял свой особый руководитель. Присутствуя на частных маневрах лишь одной красной стороны, автор, естественно, может поделиться впечатлениями о виденном им в период частных маневров 3 стрелковой дивизии.

К ним мы перейдем.

Частные маневры 3 стр. дивизии (17—24 сентября).

К моменту начала маневров части 3 стрелковой дивизии были расположены: 7 полк—в Рогачеве, 8 полк—в районе Химы и 9 полк—в Бобруйске.

Имея задачей сосредоточиться к вечеру 24 сентября в исходное перед общими маневрами положение в районе м. Лапичи—с одной стороны, и учитывая разбросанность стационарного расположения частей дивизии—с другой, командование дивизии организовало проведение частных маневров с таким расчетом, чтобы собрать все части дивизии в г. Бобруйске, откуда уже продолжать маневры с современной высылкой вперед частей, получающих оборонительные задачи. В соответствии с этим программа частных маневров свелась к следующему: 7 и 8 полки с боями между собою (один наступает, другой обороняется) к вечеру 19 сентября сосредоточиваются в г. Бобруйске, имея 20 сентября дневку. 9 полк, до этого не принимавший участия в маневрах и продолжавший находиться в Бобруйске, с утра 20 сентября выступает из Бобруйска в район Дурыничи—Бояры, где занимает позицию и дает оборонительный бой наступающим 7 и 8 полкам.

С утра 22 сентября принимала прибывшая к тому времени кавбригада в составе двух кавполков, входящая в состав красной стороны и поступающей в подчинение начдива 3.

22, 23 и 24 сентября командованием дивизии предполагалось использовать на продолжение частных маневров (в вышеуказанном духе), причем на конницу возлагались задания по разведыванию или вообще по службе отрядной конницы. В этой последней части программа была изменена главным руководством и на конницу, временно из'ятую из подчинения Начдива 3, были возложены иные задачи, подробности коих приводятся ниже.

Частные маневры 3 дивизии до 22 сентября, как по заданиям, так и по технике выполнения их, пройдя в общем гладко, не дали ничего существенно интересного, в отличие от маневров 22—24 сентября с участием конницы. К этим маневрам мы и перейдем.

Маневры 22—24 сентября.

К вечеру 21 сентября части 3 стрелковой дивизии располагались: 7 и 8 полки с дивизионной артиллерией и 3 кавполком в районе Дурыничи—Бояры—Быбновщизна и 9 стрелк. полк в районе з. Ясинь—Ясинь.

Противная сторона—1-ая кавбригада—к тому же сроку сосредоточилась в районе Горожка (западн.)—Горожка (вост.)—Лучичи.

Задания 3 стрелк. дивизии.

21 сентября штабом Главного Руководства были отправлены сторонам задания на 22 сентября, которые гласили следующее: для 3 стр. дивизии: „По имеющимся сведениям синий корпус противника высаживается на ж. д. линии ст. Верейцы—ст. Уборск, имея впереди пехотные части, кои к концу 21 сентября заняли линию ст. Осиповичи—р. Синяя—р. Свислочь до м. Холуй включительно. Кавалерийский отряд противника силой до кавбригады к тому же сроку занял район Горожка зап.—Лучичи, откуда ведет разведку в направлении Татарковичи и Ясинь. Наша 3 дивизия к вечеру 21 сентября, оттеснив мелкие неприятельские конные части, достигла и расположилась в районах: авангард—З. Ясинь—Ясинь—ст. Ясинь, прочие части дивизии Дурыничи—Бояры—Быбковщизна. Частями 8 кавполка к 18 часам 21 сентября были заняты Рожнегово и ст. Татарка. Правее левофланговый 9 кавполк (с одной батарей) соседнего 11 корпуса к 16 часам 21 сентября занял район Лютин—Чучче, имея задачей 22 сентября овладеть м. Свислочь. Левее—9 дивизия к 17 часам 21 сентября заняла авангардом (25 полк) район Каменка—Осов и главными силами Барановичи—Побоковичи (5 в ю. в. Барановичи), имея задачей с утра 22 сентября, продолжая наступление, к вечеру того же дня овладеть районом Прудок—Караны—3. Барки, войдя в связь с частями 3 дивизии в районе ст. Осиповичи.

Задача корпуса*) остается прежней—овладеть г. Минском.

Приказываю:

1) 3 стрелковой дивизии энергичным наступлением сбить неприятельскую кавбригаду и к 15 часам 22 сентября овладеть районом Горожка (зап.)—Замоша—Лучичи, захватив и обеспечив переправы на р. р. Синия и Свислочь в пределах разграничительных линий. Иметь ввиду с утра 23 сентября дальнейшее наступление с целью овладеть ст. Лапичи.

2) Не ранее 24 часов 22 сентября выбросить разведку с целью розыска противника в районе, ограниченном: с севера линией Б. Гравка—Орча—Брицаловичи и с юга ж. д. Минск—Бобруйск. Основные направления разведки—на ст. Лапичи и вышеуказанной жел. дороги.

3) Разграничительные линии устанавливаются: между 11 корпусом и 3 стрелковой дивизией ст. Убарск—Химное—Косье—Игнатовка, все для 3 дивизии исключительно; между 3 и 9 дивизиями ж. д. Минск—Бобруйск включительно для 3 дивизии.

4) Донесения посылать на сборный пункт, который распоряжением Штакора будет открыт к 8 часам 22 сентября в ф. Мотовило.

5) Корпусная прод и артлетучки и головной эвакопункт будут к 10-ти часам 22 сентября выдвинуты на ст. Ясинь (приложение № 1).

Таково было задание 3 дивизии на маневр 22 сентября.

Оценка обстановки в целом приводит к следующим соображениям:

1) Общая задача корпуса, в состав коего входит 3 дивизия.

*) Мнимого, предполагается, что 3 дивизия входит в его состав.

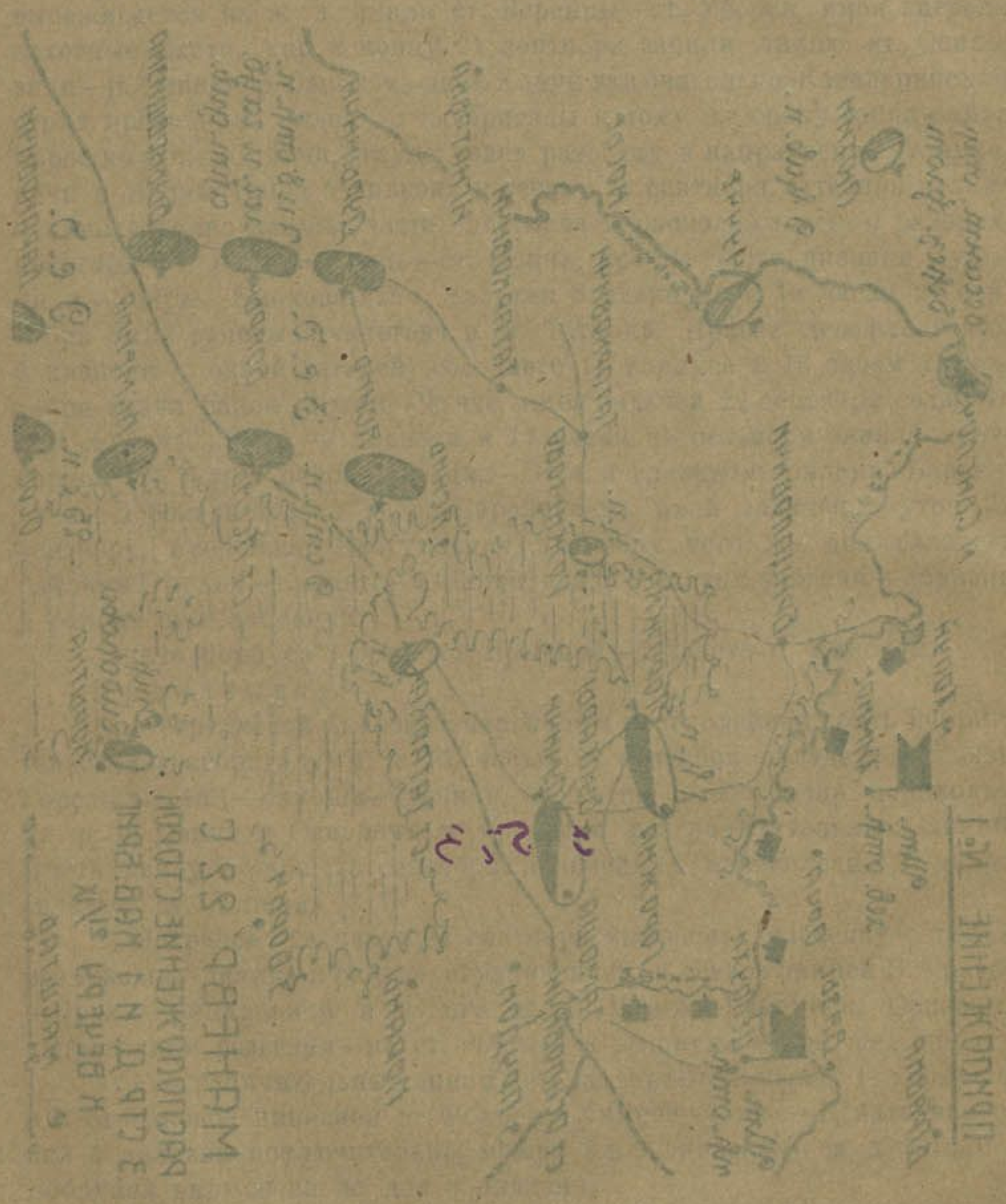
ПРИЛОЖЕНИЕ №1

МАНЕВР 22 С

РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН 3 СТР. Д. И 1 КАВ. БРИГ. К ВЕЧЕРУ 21/IX

МАСШТАБ 0 — 7 — 15 — 19 в.

Б. Гравна
Шт. лев. отр.
м. Хопун
м. Свислочь
десант. отр. берез. флот.
Лютин
9 кав. п.
Вязы
Орча
Химное
Брнцаловичи
Шт. пр. отр.
Цепухи
Чучче
р. Березина
1 к. п.
Горожна
Горожна
2 к. п.
Косое
Татарковичи
Замоша
Булгары
Рожнетово
ст. Осиповичи
Пучичи
3. Прудом
Татарковичи
Игнатовка
1. Ясинь
ст. Татарка
3 к. п.
Кораны
Ясинь
Дурынчи
9 стр. п.
3 е. д.
7 и 8 стр. п. лег. и гауб. арт. див.
3. Борин
ст. Ясень
Бояры
Бывковщизна
Отр. Сидорова
Кымення
Корытна
25 с. п.
9 е. д.
Осов
Барановичи

овладеть Минским ж. д. узлом. Как видно из вышеприведенного приказа комкора соседние части—корпус и 9 дивизия, действуя севернее и южнее 3 дивизии, облегчают достижение поставленной ей задачи и к тому же обеспечивают оба ее фланга. Следовательно, 3-й дивизии следует развить энергичное движение.

2) Противник—кавбригада в составе двух кавполков без артиллерии. Его свойства—подвижность и сравнительно малая устойчивость. Превосходство сил на стороне Начдива 3, располагающего тремя стрелковыми полками, одним кавполком, легким и гаубичным артдивизионами. Следовательно, опять—таки быстрое движение вперед и бой с расчетом на безостановочное сталкивание конницы пр-ка с своего пути.

3) Подвижность неприятеля позволяет ему затемнить обстановку на фронте, выбросив вперед широкую сеть разведывательных органов. Быстрое движение вперед для Начдива 3 возможно лишь при условии итти с открытыми глазами, иначе конный противник парализует эту быстроту и вообще успешность продвижения.

Отсюда—безусловная необходимость надлежащей организации разведывания.

4) Местность района действий—почти сплошь лесисто-болотистая мало пригодная для широких действий в конном строю. Путей движения к пр-ку очень мало: 1) Дорога Дурыничи—Татарковичи—Рожнетово—Гаражка и 2) Ясинь—Лучичи.

Правый сосед—кавполк в течение 22 сентября действует из района Люпинь—Чучче на м. Свислочь и, следовательно, несколько отрывается от правого фланга 3 дивизии. Кроме того, как кавалерийская часть, он менее устойчив. Значит, правый фланг третьей дивизии требует к себе внимания. Отсюда распределение сил при движении к пр-нику определяется наличием путей (двух) и необходимость уплотнить правый фланг.

Таковы естественные основания решения Начдива 3. С точки зрения этих последних являлось целесообразным:

1) Быстро выдвинуться в двух походных колоннах (сделав правую сильнее) на высоту Рожнетова (где следовало ожидать столкновения).

2) Поставить первоначальной задачей—овладение районом Горожка—Лучичи; по исполнении ее—захват переправ на р. Синия и Свислочь.

3) Движение и бой сопровождать широкой и деятельной разведкой, использовав для этого кавполк.

Приказ Начдива 3 стр.

Приказом дивизии № 04, разосланном в части в 23 ч. 55 м. 21 сентября, задача, поставленная Начдиву 3, разрешается следующем образом:

1) Устанавливается два боевых участка; а) *правый* в составе 7 стрелкового полка и одной легкой артбатареи; задача—наступать с рас-

четом пройти к 8 часам 22 Сентября до Рожнетово и последующим затем стремительным ударом опрокинуть противника в районе Горожка (вост)-Горожка (зап)-Цеплухи; захватить переправу через р. Свислочь у Вязы; вести разведку на Химное и Изборск (6 в. с.-з. Рязы); б) *левый*—в составе 9 стрелкового полка и двух батарей (легкой и гаубичной)—наступать с расчетом пройти к 8 часам 22 сентября Татарка; опрокинуть стремительным ударом пр-ка в районе Лучичи—г. дв. Булгары; овладеть районом Замоша—ст. Осиповичи; вести разведку в направлении на ст. Верейцы.

В дивизионный резерв выводился 8 стрелк. полк и 1 легк. и 1 гауб. батареи. Получал задачу наступать за правым боеучастком и к 9-ти часам 22 Сентября остановиться в Рожнетово, где и ожидать дальнейших распоряжений Начдива.

2) 3 кавполку ставилась задача, обеспечивая правый фланг дивизии, наступать по тракту Татарковичи—Брицаловичи и лихим ударом на оба. Горожка содействовать правому боеучастку. Оценивая по существу приведенный приказ Начдива 3, мы видим, что: 1) в 20-ти слишком верстах от противника устанавливаются боевые участки. Является ли это целесообразным? Думается, что нет, ибо в этом не было никакой необходимости. Кроме этого, Начдиву с места же затруднится управление дивизией в целом. Задачи боеучасткам, ставящиеся им в переходе от противника, могут по фактически сложившейся обстановке оказаться невыгодными и их придется менять, что, конечно, крайне нежелательно во всех отношениях.

В силу сказанного, казалось было бы более правильным выступить в походных колоннах, в каковых и подвести дивизию к полю боя и здесь, на основании полученных (уже более детальных) сведений об обстановке—поставить боевые задачи и дать направления ударов. Этим достигалось более лучшее и пригодное управление дивизий и ликвидировалась возможная предвзятость боевых решений; 2) 3 кавполк получает задачу по выполнению обходного движения и удара и этим самым выводится из строя, как средство широкого разведывания.

Успех полка и польза от его удара—весьма сомнительны, а дивизия осталась без разведки, важность и необходимость коей диктовалась всем характером предстоявшего боя.

Задания 1 кав. бригады.

Обратимся теперь к кавбригаде, являвшейся противником 3 дивизии.

На маневр 22 сентября она получила следующее распоряжение от главного руководства: 1) о противнике имеются сведения мирного времени, что его 3 дивизия стояла по квартирам в г. Бобруйске; 2) вправо от нас действует сводный отряд тов. Сидорова, ядро которого к 24 часам 21/IX было в д. Корытно. С утра 22 Сентября отряд двигается в направлении Бобруйска с задачей осветить район Барановичи. Слево в районе м. Свислочь находится дессантный отряд

Березинской флотилии с задачей удерживать этот пункт до 14 ч. 22 сентября. К этому времени к Свислочь подойдет дивизия соседнего корпуса; 3) наш синий корпус высаживается на участке ж. д. ст. Верейцы—ст. Уборск. Дивизии корпуса сосредоточиваются—одна в Аминовичи и другая в Лапичи. Передовые отряды пехоты к 24 часам 21 сентября занимали фронт ст. Осиповичи вдоль р. Свислочь до м. Холуй. Штаб правого отряда в Цеплухи и штаб левого в Химное. Впереди этих частей для розыска противника в районе, ограниченном с юга ж. д. Минск—Бобруйск и с севера условной линией м. Холуй включительно—з. Рыдлевка включительно выдвинуты 1-я кавбригада 1 кавдивизии, которая к 24 часам 21 сентября сосредоточилась в районе Горожка—Лучичи.

Основными направлениями для разведки и прикрытия считаются: а) Лучичи—ст. Татарка—г. дв. Ясинь—г. дв. Дурыничи и б) Горожка (восточная)—ф. Мотовило—Татарковичи.

Бригаде держаться восточнее реки Свислочь, во всяком случае до 24 часов 22 Сентября. После этого времени сосредоточиться в районе Вязы, где быть не позднее 11 часов 30 мин. 23 сентября.

Этим, в сущности говоря, и исчерпывается задача, поставленная кавбригаде. Далее идут мало интересные указания о порядке доставления донесений и о расположении тыловых учреждений.

Следует еще отметить существенно важное, обязательное для комбрига кавалерийской условие, поставленное ему главным руководством, а именно: а) начало маневра—с 6 час. 22 сентября, б) высылка вперед частей до эскадрона включительно разрешается с 18 часов 21 сентября.

Итак, 1 кавбригаде (1 и 2 кавполки) 1 кавдивизии ставится задачей:

Прикрыть совершающуюся высадку своего корпуса на участке ж. д. ст. Веренцы—ст. Удорск, не допустив противника помешать его успеху.

Во исполнение этого задания кавбригаде надлежало во всяком случае держаться на восточном берегу р. Свислочь до 24 часов 22 Сентября. Что значит „во всяком случае", спрашиваем мы, подчеркивая это обстоятельство? Это значит (при условии добросовестного выполнения поставленной задачи) держаться „во что бы то ни стало". Значить, хоть умри, а не дай противнику возможности переправиться на западный берег реки Свислочь и реки Синия ранее конца 22/IX. Значит, будучи выброшенным вперед от своей передовой пехоты (в среднем на 6—8 верст) продержаться под натиском неприятельской стрелковой дивизии почти сутки.

Задача безусловно серьезная. Кавбригада в составе двух кавполков вынуждена почти сутки держаться на восточном берегу реки Свислочь (имеющую переправы лишь в определенных и при том весьма ограниченных пунктах) против натиска неприятельской пехотной дивизии.

Как же надо действовать в подобных случаях? Как распределились силы, где и как драться? Вот вопросы, которые встают перед командиром бригады. Этот последний рассуждает так: передо мною пехотная дивизия, мало подвижная, но стойкая в закреплении захваченного. Под натиском пехоты, поддержанным артиллерией, я со своей конницей удержаться долго на одном месте (рубеже) не могу. Очистить же восточный берег реки Свислочь я могу только к исходу суток 22 сентября. Следовательно, *упорство* моего сопротивления должно базироваться на двух основных фактах: 1) мне необходимо, пользуясь возможностью высылки с 18 часов 21 сентября частей до эскадрона включительно, захватить в сторону противника возможно большее пространство, насытив его своими передовыми частями. Это обеспечит мне достаточный плацдарм для моих действий и, увеличив территориально район отхода, даст мне выигрыш времени, существенно мне необходимый; 2) тактика действий должна преследовать целью тот-же выигрыш времени, для чего мне необходимо организовать упорство сопротивления в глубину, развертывая для этого часть своей спешенной конницы на определенных, заблаговременно намеченных рубежах. Здесь огнем вынуждать противника, разворачиваться и вести планомерное наступление, на что, естественно, он будет тратить время. В дальнейшем, не ввязываясь в бой, отскочить на следующий рубеж, где снова повторить то же самое. Одновременно, пользуясь превосходством именно в коннице, как таковой, опутать его сетью передовых частей, имеющих задачу всячески тормозить его продвижение (маячение раз'ездов перед фронтом противника и противодействие его разведке).

Сказанное выше дает основание для ответов на вопросы, поставленные комбригом самому себе: где и как драться, и как распределить силы? Драться надо на известных рубежах, тактически выгодных для короткого боя спешенной конницей; учитываются полностью все местные условия (обзор, обстрел, подступы, пути отхода, скрытность расположения, обезпеченность взаимодействия частей боевого порядка и т. д.). Оценка района действий дает первый естественный рубеж—западная окраина болота, что к западу от Рожнетово. Занимать ли ее сплошь и густо? Конечно, нет. За вычетом расхода на передовые части, остальные силы держать в кулаке, занимая спешенными частями прерывчатую позицию с хорошим ближним обстрелом (это обязательное условие) и основывая бой на работе огневых узлов сопротивления (массирование пулеметов).

Указание дальнейших рубежей явилось бы шаблонным; комбриг сделает свой выбор, сообразуясь с картой и результатами предыдущих рекогносцировок. Как распределить силы? Для розыска противника и вообще насыщения пространства, определяющего от противника, выбрасываются передовые части с основной задачей работать на направлениях Горожка—Татарковичи и Лучичи—Дурыничи, в общем два эскадрона.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ
3 СТРЕЛКОВОЙ ДИВ. 22 СЕНТЯБРЯ
(ПРИКАЗ НАЧДИВА)

От комбрига остается 6 эскадронов, часть из коих занимает позиции, а остальные составят резерв.

Итак распоряжения комбрига в исполнение поставленной ему задачи (розыск про-ка в определенной полосе и прикрытие высадки своего корпуса) должны носить активный характер в смысле предварительного захвата местности впереди, базируя в дальнейшем свои действия на ряде коротких боев на рубежах, последовательно с этой целью занимаемых (первый—западная окраина болота восточнее Горожка и последний—р. Свилочь—р. Синия с предварительным уничтожением переправ на них).

Приказ комбрига 1 кавалерийской.

Теперь посмотрим, как комбриг разрешил поставленную ему задачу. Приказ 1-й кавбригаде от 22 часов 21 сентября в части, касающейся постановки частных задач, гласит следующее: „Вверенной мне бригаде приказано произвести разведку противника и прикрыть наши части в полосе, ограниченной с севера линией м. Холуй—з. Рыдлевка (оба пункта включительно), с юга линией ж. д. ст. Веренцы—Бобруйск, причем бригада должна оставаться на восточном берегу р. Свислочь до 24 часов 22 сентября, после чего перейти в район Вязы, что 8 верст юго-западнее м. Холуй.

Во исполнение сего приказываю:

1) Командиру 1 кавполка в ночь с 21 сентября на 22 сентября выставить сторожевые заставы: № 1 у разветвления дорог, что 3 версты сев.-вост. Горожка (вост.), № 2 у д. Рожнетово.

Командиру 2 кавполка выставить сторожевую заставу по дороге ведущей из Лучичи в ф. Ясинь в 3 верст. ю.-з. Лучичи.

3) В 5 час. 30 мин. 22/IX полкам быть построенными в резервной колонне на южной окраине Горожка, откуда бригада выступит в направлении Рожнетово—Татарковичи.

4) Сторожевое охранение снять с выступлением бригады на марш (приложение № 3).

Приведенный приказ содержит в себе указания о сторожевом охранении и о сборе бригады к 5 час. 30 м. 22 сентября для выступления в определенном направлении без указания, однако, задачи.

Еще до выхода этого приказа, комбриг в 19 час. 45 мин. послал командирам кавполков следующие предварительные распоряжения, „По имеющимся сведениям, противник (3 стрелковая дивизия с ее кавполком) ведет наступление от г. Бобруйска—м. Холуй—ст. Осиповичи... Приказываю: полкам принять все меры охранения, имея части в готовности на случай появления противника.

Командиру 1 кавполка, для выяснения группировки сил противника, его направления, с получением сего выслать разведэскадрон в полосе: ограниченной с юга линией Горожка (вост.)—Рожнетово—ф. Мотовило—Татарковичи (сев). и с севера линией м. Холуй—з. Рыдлевка (6 в. вост. Татарковичи), все пункты включительно. Командиру 2 кавполка выслать разведэскадрон в полосе, ограниченной с севера южной грани-

цей для 1 кавполка, а с юга ж. д. ст. Татарка—ст. Ясень, обе включит. (приложение № 3).“ Наконец, в 6 час. 45 мин. 22 сентября комбриг приказывает: „В 3 ч. 22 сентября раз‘езды противника появились в районе Рожнетово, где обстреляли заставу 1 кавполка и скрылись в направлении на ф. Мотовило. В районе ст. Татарка противник не обнаружен. Бригаде ставлю задачей выдвинуться на линию Татарковичи—ст. Ясинь, обнаружить главные силы противника и удержать их в течение 22 сентября на восточном берегу реки Свислочь, для чего приказывию:

1) Комполка 1 выслать один эскадрон с 4 пулеметами по маршруту Лучичи-Рачичи-Александровка по пути следования подчинить себе расведэскадрон; выйдя на линию з. Ясинь и ст. Ясинь, закрепить таковую за собой и в случае наступления противника всемерно задерживать, не давая ему продвинуться от з. Ясинь на Лучичи. Для лучшего обеспечения своего участка взорвать ж. д. в районе станц. Ясинь. Свои действия командиру эскадрона сообразовать с действиями бригады и находиться в непосредственном моем подчинении.

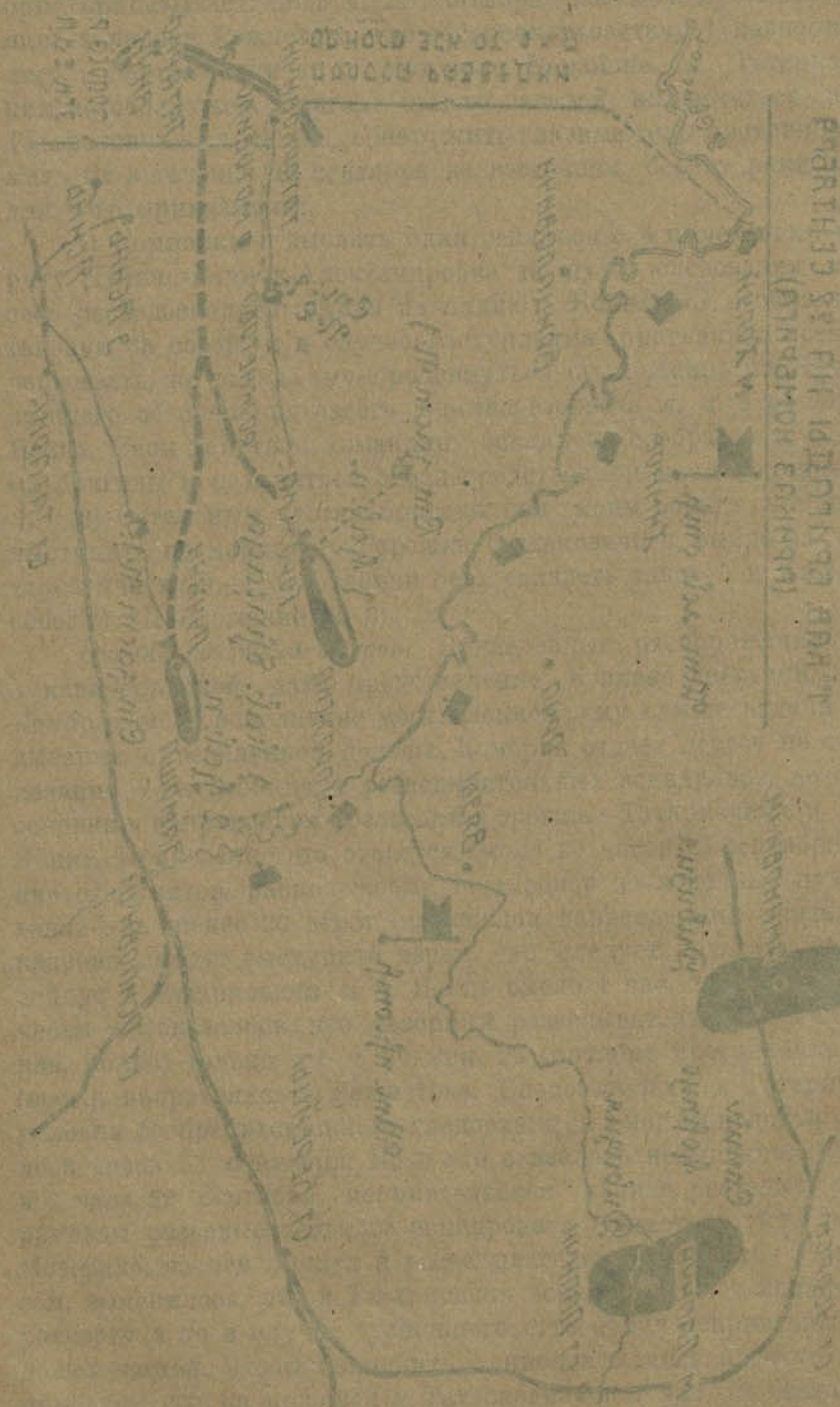
2) Остальным частям бригады под моим общим командованием выступить по маршруту Горожка-Татарковичи и, выйдя на линию Татарковичи южн.—Татарковичи сев., овладеть таковой и удерживать за собою“). (Приложение № 3).

Оценка действий сторон. Приведенные распоряжения Комбрига 1 кавалерийской дают представление о плане действий, принятом Комбригом. В исполнение поставленной ему свыше задачи по разведыванию определенной полосы. Комбриг отдает первое по счету приказание о высылке двух разведывательных эскадронов, по одному на основные направления разведки Горожка—Татарковичи и Лучичи—Ясинь. Приказание это отдается около 20 часов 21 сентября, расстояние от пунктов расположения эскадронов до конечных пунктов разведки—не менее 20 верст (на каждом направлении). Считая, что эскадроны смогут выступить через час, следует полагать, что они подойдут к Татарковичи и З. Ясинь около 1 час. 22 сентября. Фактически же оказалось, что северный разведывательный эскадрон (от 1 кав. полка) только в 0 ч. 30 мин. 22 сентября проследовал Горожка (вост.), направляясь в Рожнетово. Следовательно, к Татарковичи при условии беспрепятственного следования он смог бы подойти лишь около 3 часов 22 сентября. Но и это оказалось невыполнимым, так как в 3 часа 22 сентября неприятельская конная разведка обстреляла раз‘езды разведывательного эскадрона в Рожнетово, уйдя затем на ф. Мотовило; за ней пошел и разведывательный эскадрон. Таким образом, выяснилось, что в Татарковичи эскадрон может попасть лишь к рассвету и то в случае успешного оттеснения неприятельских передовых частей. Чтобы покончить с описанием действий этого эскадрона, прибавим, что он подошел к Татарковичи в 7 час. 22 сентября и атаковал здесь дивизион 3 кавполка (направлявшегося в Брацаловичи и отдыхавшего здесь), после чего не мог уже присоединиться к своему полку, так как позади его уже находилась пехота противника, заняв-

ПРИЛОЖ. № 3

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ
1-ой КАВ. БРИГАДЫ НА 22 СЕНТЯБРЯ
(ПРИКАЗ КОМБРИГА)

ст. Уборск
Аминовичи
Сппий корпус
Дивизия
м. Лапичи
Дивизия
ст. Лапичи
Шт. лев. отр.
м. Холуй
р. Свислочь
Химное
Орча
Брицаловичи
Вязы
Шт. пр. отр.
Ст. заст. № 1
1 кав. п.
Ст. № 2
Горожка
Горожка
ст. Берейцы
1 кав. бригада
Рожнетово
Мотовило
Татарновичи
Полоса разведки одного эск. от 1 к. п.
2 кав. п.
Лучичи
Замоша
Ст. заст. № 1
ст. Осиповичи
з. Ясень
Ясень
Татарновичи
Полоса р. эск. 2 к. п.
ст. Татарка

шая к этому времени ф. Мотовило и Рожнетово. Эскадрон двинулся на Чучче. К своему полку он присоединился лишь в 23 часа 22 сентября. Что касается южного эскадрона, то, выступив в 24 часа 21 сентября, он в 2 часа 22 сентября достиг ст. Татарка, где противника не обнаружил и продолжал двигаться на ст. Ясень. В дальнейшем, раз'ездом этого эскадрона около 4 часов 22 сентября обнаружен эскадрон противника в Залесье (7 верст юго-вост. Лучичи).

Итак, работа разведэскадронов дала сведения о группировке и движении передовых неприятельских частей к утру 22 сентября; однако позднее выступление и медленное их продвижение не обеспечило Комбригу захват впереди лежащего пространства, так как эти эскадроны уже были предупреждены неприятелем. Второе по счету распоряжение Комбрига—приказ бригаде—говорит лишь о мерах охранения и с точки зрения выяснения оперативного плана действий не интересен.

В этом отношении достойно внимания третье распоряжение Комбрига, подписанное им в 6 час. 45 мин. 22 сентября. Из него видно, что Командир бригады становится на правильный путь и, решаясь быть активным, выдвигает бригаду вперед с задачей овладения и удержания линии Татарковичи—Ясень.

Решение безусловно правильное; его исполнение обеспечило бы Комбригу глубину и упругость отхода и дало бы необходимый выигрыш времени, т. е. то, что и требовалось по духу поставленной ему задачи (держаться до 24 часов 22 сентября на восточном берегу реки Свислочь). Естественно, что к подобному выдвижению Комбриг приступил бы ранее, чем с рассветом 22 сентября, но он был связан условием начать маневр не ранее 6 часов 22 сентября

Этого условия не выполнил Начдив 3, который (см. выше) дал своим частям задачу уже к 8 час. 22 сентября выйти на линию Рожнетово—ст. Татарка. В силу этого полки 3 дивизии выступом со своих ночлегов задолго до расвета и совершили ночной марш. Поэтому и вышло, что 3 дивизия подошла к району Горожка—Лучичи в тот момент, когда 1 кавбригада собиралась лишь выступить вперед на восток в район Татарковичи—Ясень. Подобное кардинальное несоблюдение условий маневра привело к тому, что самый маневр оказался скомканным.

Весь маневр утром 22 сентября разыгрался очень быстро. Части 3 стрелковой дивизии (9 стрелк. полк) около 9 часов вышли на восточную окраину Рожнетовского болота и повел наступление на 1 кав. полк, спешенные эскадроны которого заняли стрелковую позицию непосредственно восточнее дер. Горожка (вост.). После непродолжительного огневого боя почти в упор, конница ввиду обнаружившегося обхода левого фланга конницы неприятельской пехотой, очистила позицию и отошла назад.

Позиция, занятая конницей, оказалась крайне неудачной ввиду почти полного отсутствия всякого обстрела (100—300 шагов), в силу чего пехота 3 стрелк. дивизии, дебутировавшая из леса, прямо вышла

на эту позицию. Следовательно, огонь, на силе которого должно было основываться упорство сопротивления спешенной конницы, не мог получить должного развития, что явилось, конечно, крупным недочетом со стороны выбиравших позицию.

Что касается действий 3 стрелковой дивизии, то следует отметить один весьма существенный дефект, упоминавшийся уже выше: отсутствие не только дальней, но и, самое важное—даже ближней разведки, приведшее к тому, что выход пехоты на позицию, занятую частями 1 кавполка, произошел почти неожиданно для наступавших. Выходя на восточную опушку Рожнетовского болота и идя по лесу цепями, наступавшие части имели *в линии* цепей некоторое количество всадников 3 кавполка. Понятно, что *такая* конная разведка не могла заблаговременно дать никаких сведений о неприятеле, его передовых частях, группировке и расположении остальных сил. Смело можно сказать, что 3 дивизия в бою у Горожка (вост.) наступала с закрытыми глазами, причиною чему служили: 1) недостаток конницы для разведки, что в свою очередь явилось следствием нецелесообразно поставленной задачи 3 кавполку (обходное движение на Брацаловичи) и 2) неумелый и совершенно неправильный образ действий той небольшой конной части, на которую было возложено ведение разведки на фронте наступавшего 9 стрелкового полка.

Таков, в общих чертах маневр 22 сентября. Правильный розыгрыш его требовали от сторон: одной—наступавшей с превосходными силами—быстрого движения и энергичного образа действий, с правильно, однако, налаженной и надлежащим образом организованной разведкой; отсутствие последней, естественно тормозя продвижение, грозило многими сюрпризами в столкновениях с *конным* противником; другой—упругости сопротивления с расчетом на нужный по духу поставленой задачи, выйгрыш времени. Указанные условия как той, так и другой стороной, выявлены не вполне отчетливо, а потому как в области замысла боя (работа управления), так и в области исполнения (служба войск) были некоторые, выше отмечанные, существенные недочеты.

Маневр 23 сентября.

Этот день маневров отводился опять для действий тех-же „противников"—с одной стороны 3 стрелковой дивизии, а с другой—1 кавбригаде.

По замыслу главного руководства предстоящий маневр должен быть организован так, чтобы дать возможность: коннице, действуя в открытом поле, тревожить на походе неприятельские колонны и использовать удобные случаи атак в конном строю; пехоте—так организовать свои движения и принять такие меры походного охранения и разведки, чтобы парализовать попытки конницы противника тормозить продвижение; вместе с тем, конные атаки давали практику их отражения из походных колонн.

Задания сторонам.

Руководствуясь этими соображениями, главное руководство разослало сторонам следующие приказания:

Задача 3-й стр. дивизии.

3 стрелковой дивизии: „Дивизия синих продолжает сосредотачиваться в м. Лапичи. Ее передовые пехотные части в течение утра 23 сентября сбиты нашими частями и к 11 час. начали отход от м. Холуй по направлению к м. Гравка. Перед фронтом дивизии конница противника отходит на Лапичи. В районе ст. Осиповичи наши части ведут бой с 3 бронепоездами противника.

Комкор приказал: 1) 3 стрелковой дивизии в *одной* колонне выступить с места расположения головой авангарда с западной окраины Веплухи в 12 час. 23 сентября и следовать по дороге Веплухи—Смык (Слободка)—Изборск—З. Ораны (Вечки)—Озерище—м. Лапичи—с задачей овладеть м. Лапичи к исходу суток 23 сентября; 2) 9 дивизии следовать по дороге Осиповичи—Верейцы с задачей к исходу суток 23 сентября овладеть ст. Верейцы.

3) Левофланговый 9 кавполк соседнего с севера корпуса должен к исходу суток 23/IX занять Погорелое (приложение № 4).

Это приказание уже в полдень 23/IX было изменено в отношении маршрута движения, а именно 3 стрелковой дивизии было приказано двигаться по маршруту Веплухи—Вязы—Верейцы—Изборск, что вызывалось наличием переправы через р. Свислочь лишь у д. Вязы.

И так, на фронте 3 стрелковой дивизии обстановка складывалась вполне благоприятно. Противник начал отход по всему фронту. Выброшенная вперед конница также вынуждена отходить на свою пехоту. Энергичным натиском следовало ускорить этот отход передовых неприятельских частей и по возможности быстрее добраться до главных сил неприятеля, видимо концентрировавшихся где то вдоль ж. д. Уборск—Верейцы, вероятнее всего в районе ст. и м. Лапичи. Здесь можно ожидать сосредоточения примерно около неприятельской дивизии. Естественно, что обстановка требовала быстрого продвижения вперед с задачей войти в соприкосновение с главными силами противника и этим помешать высадке и окончанию сосредоточения корпуса.

Противник, преграждающий дорогу 3 стрелковой дивизии—кавбригада. Мало стойкая против пехоты, конница своей подвижностью и изворотливостью в состоянии, однако, тормозить движение противника внезапными нападениями, появляясь со всех сторон и на всех направлениях. В этом отношении под особой угрозой находится тыл. Как же организовать марш с расчетом выполнить его беспрепятственно? Решительным средством для достижения этого—идти с открытыми глазами, застраховав себя от „сюрпризов", хотя бы в пределах полосы, непосредственно прилегающей к району движения. Опасаться упорного сопротивления со стороны конницы противника вряд ли приходится. Это было бы невыгодно, прежде всего, для самой конницы. Но предположить, что конница использует всякий удобный случай для внезапных нападений на части походных колонн, для тревожения тыла,

для устройства засад, для коротких огневых действий на фронте путем выделения специально для этой цели небольших частей,— предположить все это начдив 3, конечно, должен.

Таковы основания, на которых должно строиться решение начдива 3, и которые должны лечь в основу его распоряжений.

Распоряжения начдива 3.

В исполнение поставленной ему задачи, начдивом 3 стрелковой отдан приказ дивизии, в коем предписывалось:

Авангарду—9 стрелковому полку с одной батареей—выступить головой авангарда от западной окраины Веплухи в 12 час. 23|IX и следовать по маршруту Веплухи—Смык и далее на Лапичи (впоследствии маршрут был изменен от Веплухи на Вязы—Веренцы—Изборск).

Главным силам в составе 7 и 8 стрелковых полков, двух легких и 2 гауб. батарей, сапроты, роты связи следовать за авангардом достигнув головой колонны в 13 час. 23|IX южной окраины Веплухи.

Арьергарду в составе 1 баталиона 9 полка следовать за главными силами.

Комкавполка 3 с разветом 23|IX выступить с места своего расположения на д. Веплухи, обрекогносцировать правый берег р. Свислочь от впадения р. Синия до м. Лапичи, а также и дороги, идущие от р. Свислочь к ж. д. Бобруйск—Лапичи, обратив особое внимание на переправы через реку Свислочь, что у Вязы и З. Притыка, имея ядро полка в районе З. Селище—Былина, где к 11 час. ожидать дальнейших моих распоряжений.

Таковы задачи, которые начдив 3 ставит подчиненным частям.

Нас должна интересовать задача, поставленная начдивом 3 своей коннице, ибо правильное ее использование гарантировало бы движение, так сказать, в светлую на основе получаемых от конницы сведений о противнике, о его группировке и действиях. Это тем более являлось существенно важным, что весь путь дивизии проходил по лесистым участкам, не дающим достаточного обзора и облегчающим противнику возможность скрытного сосредоточения и внезапных действий. Следовательно разведывание всеми средствами—вот на чем должно было фиксироваться внимание начдива 3. В распоряжении начдива 3 имелось единственное средство для производства подобной разведки—это его кавполк. Ему в первую голову следовало дать определенную разведывательную задачу с целью розыска противника в полосе предстоящего движения, установления с ним соприкосновения и непрестанного ориентирования о его перемещениях и действиях.

С этой точки зрения вряд ли можно согласиться с задачей, данной 3 кавполку. В ней говорится про рекогносцировку переправ и дорог, но ни слова не упоминается про разведку. Правда, добавлено, что полку к 11 час. ожидать в З. Селище „дальнейших распоряжений“. Весьма вероятно, что начдив здесь отдал бы дополнительные приказания по производству разведки. Но... тут мы видим два существенных „но“... во первых, гарантирован ли начдив 3 от того, что, выполняя

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

МАНЕВР 23/IX
ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН

Погорелое
К исходу 23/IX
9 к. п.
11 час. 23/IX
На м. Гравка
м. Холуй
м. Гравна
м. Лапичи
Див. синих (к. 11 ч. 23/IX)
ст. Лапичи
Озерище
Орды
Химное
Изборск
1 кав. бр. (к 10 ч. 23/IX)
Смоск
Орча
Веренцы
Дязой
Цеплухи
3 стр. див.
В 12 ч. 23/IX
3. Комарин
ст. Веренцы
ст. Осиповичи
К исходу 23/IX
9 стр. див.
ст. Татарка

поставленную ему первоначальную задачу по рекогносцировке, комкавполка 3 не израсходует на эту большую часть своих сил оставив небольшое ядро в З. Селище—Былина? И не окажется ли это ядро слишком недостаточным для выполнения разведывательных задач? По нашему мнению, это вполне возможно. Во вторых, не будет ли в 11 час. из З. Селище *поздно* отдавать распоряжения о разведке? Расчет времени говорит за то, что это явится запоздалым. Действительно, в 11 час. комкавполка получит задачу и, примерно (в лучшем случае), в $11^1/2$ часов вышлются разъезды. А уже в 12 часов авангард и в 13 час. главные силы начинают движение от Веплухи. Значит, конница, имея в запасе лишь 1/2 часа времени в состоянии уйти вперед лишь на 5—6 верст максимум, что, конечно далеко не достаточно.

Вот почему, учитывая, что характер предстоящего движения и возможных столкновений требовал исключительного внимания делу розыска противника для установления с ним связи и установления боевого соприкосновения с целью непрерывного ориентирования командования, нельзя считать вышеупомянутый приказ начдива 3 удовлетворительно разрешающим задачу.

Задача 1-й кавбригады.

Для 1 кавбригады на 22|IX главным руководством была дана следующая обстановка: 1) Противник продолжает наступать в направлении на Лапичи. В районе ст. Осиповичи наши дессантные отряды и 3 бронепоезда с утра 23|IX возобновили бой с превосходными силами противника. Наш левый пехотный отряд под натиском противника в 11 час. 23|IX начал отход от м. Холуй по дороге на м. Гравка. К 11 час. 23|IX одна наша стрелковая дивизия сосредоточилась в м. Лапичи, выставив авангард в Озерище.

2) 1 кавбригаде приказано, оставив наблюдение за направлениями а) Веплухи—З. Селище—Смык (Слобода) и б) Вязы—Веренцы—Озерище, прочими силами бригады сосредоточиться в лесу ю. з. кладбища, что в $1^1/_2$ версты южн. З. Ораны (Вечки) с задачей организовать нападение на тылы противника при движении его на участке Веренцы—З. Ораны (Вечки).

В дальнейшем установить непрерывное огневое нападение на хвост противника, обеспечив себя заслоном в направлении на Вязы (приложение № 4).

В указанную обстановку была внесена поправка в отношении места сосредоточения бригады (так в силу этого же, как в связи с этим же и в отношении маршрута движения 3 стрелковой дивизии— (см. выше). Необходимость этой поправки вызывалась результатами специально произведенной накануне рекогносцировки местности и р. Свислочь на участке Вязы—З. Ораны (Вечки), причем оказалось, что:

1) Других переправ через р. Свислочь на участке Вязы—м. Лапичи, кроме мостов в этих пунктах, не имеется.

2) Весь левый берег р. Свислочь на указанном участке является командующим; левый же берег, в районе кладбища (у з. Ораны), пред-

ставляет собой безлесную песчаную местность радиусом около 3 верст вокруг кладбища.

3) Непосредственной конной атаки из района кладбища на участке Веренцы—3. Ораны произвести невозможно.

4) Между Вязы и Верейцы к северу от дороги от них имеется удобный участок местности для конной атаки (с перекрестка дорог, что IX верст сев. Вязы).

В силу этого являлось целесообразным сосредоточить бригаду утром 23/IX в районе Орча, что и было приказано бригаде последующим распоряжением. На основании этого распоряжения бригада должна была к 10 час. 23/IX сосредоточиться скрытно в лесу к западу от Орча с задачей атаковать тылы противника во время прохождения его по участку Вязы—Верейцы и в дальнейшем организовать непрерывное огневое нападение на колонну противника при движении его на 3. Ораны. Кроме того, в целях наблюдения за действиями неприятеля и для обеспечения операции бригады установить заблаговременно тщательное и скрытное наблюдение в направлениях: а) Орча—Вязы—Веплухи, б) Орча—Холуй, в) Орча—Химное.

Наконец, ставилось условием начать маневр, т. е, самые боевые действия не ранее 12 час, 23/IX.

Такова была обстановка, в условиях которой приходилось 23/IX действовать 1 кавбригаде. Перед Комбригом стояли задачи:

1) Установить наблюдение за определенными направлениями с целью тщательной и непрерывной слежки за противником.

2) Скрытно сосредоточить бригаду конницы в районе возможно близком к дороге, по которой будет двигаться походная-колонна неприятеля и внезапно атаковать противника на походе, действуя преимущественно по его тылу.

3) В дальнейшем организовать непрерывное огневое нападение на хвост противника. С точки зрения наилучшего разрешения вышеупомянутых задач надлежало:

1) Принять за основу своих действий работу *в промежутках* между частями походной неприятельской колонны, исходя из соображения, что это облегчало бы растрепывание по частям двигающейся дивизии противника.

2) Так организовать разведывание (наличие двух кавполков вполне это допускало), чтобы иметь возможность непрерывно следить за движением *каждой* части походной колонны неприятельской дивизии. Соблюдение этого условия, естественно, гарантировало бы комбригу правильный выбор минуты и об'екта атаки (с расчетом, конечно, на максимальные результаты).

При этом требовалось: а) учесть расход на разведывательные органы, соблюдая необходимую экономию, в целях наличия большей части сил в кулаке, б) дать каждому из них точную задачу по цели и направлению и в) надлежащим образом организовать сбор и доставку донесений с расчетом на их безусловную своевременность.

3) Связать фронт походного порядка неприятельской дивизии действиями небольших конных частей, кои, пользуясь подвижностью должны „маячить“ перед носом двигающихся передовых частей, беспокоя их своим огнем. Основная цель действий этих частей—отвлечь внимание противника на фронт, в голову своего движения, и этим облегчить беспрепятственность действий на флангах и в тылу.

4) Огнем, т. е. действиями спешенных частей нападать на продолжающего свое движение неприятеля на участке Вязы - Ораны. Следовало или заранее насытить в строго нужном количестве своими частями участок Вязы—3. Ораны, укрыв их до поры до времени в лесу или же после атаки перебросить такие части от Вязы далее на Веренцы—Изборск—3. Ораны. Итак, прежде всего, разведка, затем одна две стремительных атаки и, наконец, ряд огневых нападений—вот схема действий 1 кавбригады в течение 23|IX.

Распоряжения комбрига 1 кавалерийской.

Приказанием на имя командиров 1 и 2 кавполков комбриг приказывает полкам быть построенными к 7 час. 23/IX в резервных колоннах на северной окраине Вязы. В дальнейшем около $8^{1}/_{2}$ час. бригада сосредоточилась в лесу на поляне, что $1^{1}|_{2}$ версты вост. Верейцы, заняв, таким образом, исходное положение для атаки.

С целью наблюдения за противником, на переправу у Вязы высылается раз‘езд силою в 1 взвод с задачей доносить о движении неприятельских частей к переправе, а затем по дороге Вязы—Верейцы. Помимо этого приказывалось вести наблюдение за направлениями Изборск—Верейцы, 3. Ораны—Смык—3. Селище- Ветлухи и Вязы—Орча—Химное—Холуй.

Ход Маневров.

Исполняя приказ начдива, части 3 стрелковой дивизии выступили с мест расположения и миновали Веплухи: авангард в 12 ч. 30 м. и главные силы в 13 ч. 50 мин.

По сведениям, полученным от разведки, имелись сведения, что переправа через р. Свислочь у Вяз занимается одним эскадроном противника при двух пулеметах *). Головной отряд авангарда (баталион 9 полка) вступил в бой и через короткий срок овладел (в 13 ч. 20 м.) этой переправой, противник отошел по дороге на Изборск.

Дальнейшие сведения от разведки говорили про переправу двух неприятельских эскадронов в 13 час. 23/IX на правый берег р. Свислочь в районе кладбища сев.-зап. Смык с очевидным намерением атаковать колонну главных сил или ариергард.

От 3 кавполка получены донесения, указывающие, что в районе дер. Вязы в ночь на 23/IX ночевала неприятельская кабалерийская бригада.

Таковые сведения о противнике, имевшиеся в распоряжении Начдива 3 к началу и в начале движения 3 дивизии. Что мог уяс-

*) На самом деле там был раз‘езд 1 кавполка в один взвод.

нить из них Начдив 3? Во первых, что ни одно из донесений не говорит про пехотные неприятельские части, упоминая исключительно про кавалерию (ночлег кавбригады в Вязы, эскадрон, занимающий переправу у Вязы и т. д.). Следовательно, дивизии приходится иметь дело с конной массой неприятеля силой примерно в два полка; во вторых, поступающие донесения говорят о расположении, движении и действиях мелких частей противника, оставляя невыясненным место нахождения и группировку ядра неприятельских сил. Вот все, что знал Начдив. Этого, конечно, далеко не достаточно, но с этим приходилось считаться. Что мог ожидать Начдив 3 в условиях слагающейся таким образом обстановки? Очевидно, что где то дивизия на походе подвергнется нападению главных сил неприятельской конницы. Отсюда естественный вывод: учитывая условия местности, по которой приходилось итти дивизии (крайняя ее закрытость) надлежало принять все меры к усилению разведки, как распоряжением Начдива 3 (его кавполк), так и распоряжением Начальника авангарда (пешая разведка). Последнему безусловно необходимо было, двигаясь от Вязы на Верейцы—Изборск, прочистить лес севернее этой дороги, хотя бы на 1—2 версты от опушки вглубь, так как весь лес, конечно, исследовать не представлялось возможным. Кавполк должен получить дополнительные задания по разведке в направлениях на Орча и, главным образом, на Верейцы—Изборск с основной задачей разыскать и установить боевую связь с главными силами противника. Итак, следовательно, разведка, разведка и разведка.

Переправившись у Вязы через р. Свислочь, авангард продолжал свое движение на Верейцы. Впереди двигался головной отряд (один баталион), прикрытый с фронта походной заставой; правой боковой заставы не имелось. При подходе головного отряда примерно к второму разветвлению дорог, что восточнее Вязы, его походная застава, втянувшаяся в лес, наткнулась на „маячивший“ перед фронтом движения дивизии неприятельский раз'езд и занял позицию, выслав в то же время разведчиков в лес севернее дороги.

Главные силы авангарда продолжали двигаться сзади примерно верстах в 2-х от головного отряда (что кстати указывало на растяжку колонны).

В момент приостановки движения головного отряда к нему подошел один эскадрон 3 кавполка. Здесь пришлось наблюдать мало поучительную картину растерянности в этом эскадроне. Впереди слышатся выстрелы, дорога уходит в лес. Итти по ней - эскадрон рискует нарваться на огневую заставу; оставаться на месте, ничего не предпринимая—не годится. И вот принять правильное решение в подобной обстановке Комэскадрона не мог. Он подавал какие то команды, эскадрон принимал различные строи, но в результате, кроме шума и суетни ничего не получалось. Подоспевший в это время Помкомполка 3 кав. поступил правильно, приказав эскадрону отойти к кладбищу у Вязы, откуда выслать раз'езды для розыска противника.

Так обстояло дело в 15 ч. 23/IX, когда главные силы авангарда при подходе их к первому разветвлению дорог восточнее Верейцы были атакованы одним кавполком противника. Атака была встречена огнем стрелков и частью пулеметов. однако, времени на открытие этого огня, ввиду внезапности атаки, было очень мало. В отражении атаки принял участие и вышеупомянутый 3 кавполк.

Решением главного руководителя атаковавший кавполк должен был оставаться в бездействии до 16 час., продолжая оставаться в распоряжении своего Комбрига. Атакованный авангард двинулся далее, выполняя свою задачу.

В 16 часов 23/IX в $1\frac{1}{2}$ верстах сев. зап. Вязы перегруппировавшимися частями кавбригады была произведена атака на колонны главных сил 3 стрелковой дивизии. Атака была встречена огнем винтовок и быстро ставшей на позицию артбатареи.

В 16 час. 20 мин. колонна главных сил двинулась далее.

Теперь обратимся к „неприятелю", действовавшему против 3 стрелковой дивизии—к кавбригаде. Действия кавбригады в этот день маневра сложились следующим образом: к $8\frac{1}{2}$ часам кавбригада (1 и 2 кавполки) сосредоточились в лесу на поляне в $1\frac{1}{2}$ в. юго-вост. Изборск с задачей выждать подхода неприятельской колонны и атаковывать ее. Для розыска противника, установления за ним наблюдения, а также для собственного охранения высланы раз'езды: от 1 кавполка в направлении на Верейцы и от 2 кавполка в направлениях Смык—з. Селище—Веплухи, Изборск—з. Ораны и Вязы—Орча—Холуй, причем около 10 час. 23/IX раз'езд, работавший на направлении Смык—Веплухи, был захвачен противником в плен. В 13 ч 15 мин. от раз'езда на Изборском направлении получено донесение, что в Изборске появилась пехотная часть противника силой около 20 штыков. В 13 час. 40 мин. раз'езд, высланный на Вязы, донес, что Вязы заняты двумя эскадронами неприятеля, причем вслед за этим через р. Свислочь переправился и неприятельский авангард, двинувшийся на Верейцы. Вскоре начали появляться раз'езды противника и передовые пех. части его походного охранения, наткнувшиеся на раз'езды „маячившие" на фронте движения.

Когда голова колонны главных сил авангарда поровнялась с скрытно расположенной бригадой, 2-й кавполк тремя эшелонами стремительно атаковал голову колонны; после этого часть полка приняла участие в отражении атаки эскадрона 3 кавполка, пошедшего на выручку своей пехоты (приложение № 5).

В этом эпизоде характерно то обстоятельство, что атакуя авангард, Комбриг 1 кав. был совершенно уверен, что он атакует колонну главных сил неприятельской дивизии. Подобная ошибка, конечно является результатом плохо поставленной разведки. Получив от главного руководителя приказание произвести атаку на главные силы 3 дивизии, продолжавшие двигаться и не знавшие о том, что происходит в авангарде, Комбриг 1 кав. перебрасывает бригады по лесу в направлении на Вязы и сосредоточивает ее в 1 версте сев. зап. Вязы,

где и поджидает подхода главных сил неприятельской колонны. По подходе колонны бригада атаковала последнюю, причем голову колонны атаковал 2 кавполк, а фланг—1 кавполк (приложение № 6).

Оценка действий сторон.

На этом фронте в 16½ часов и закончился маневр 23 сентября.

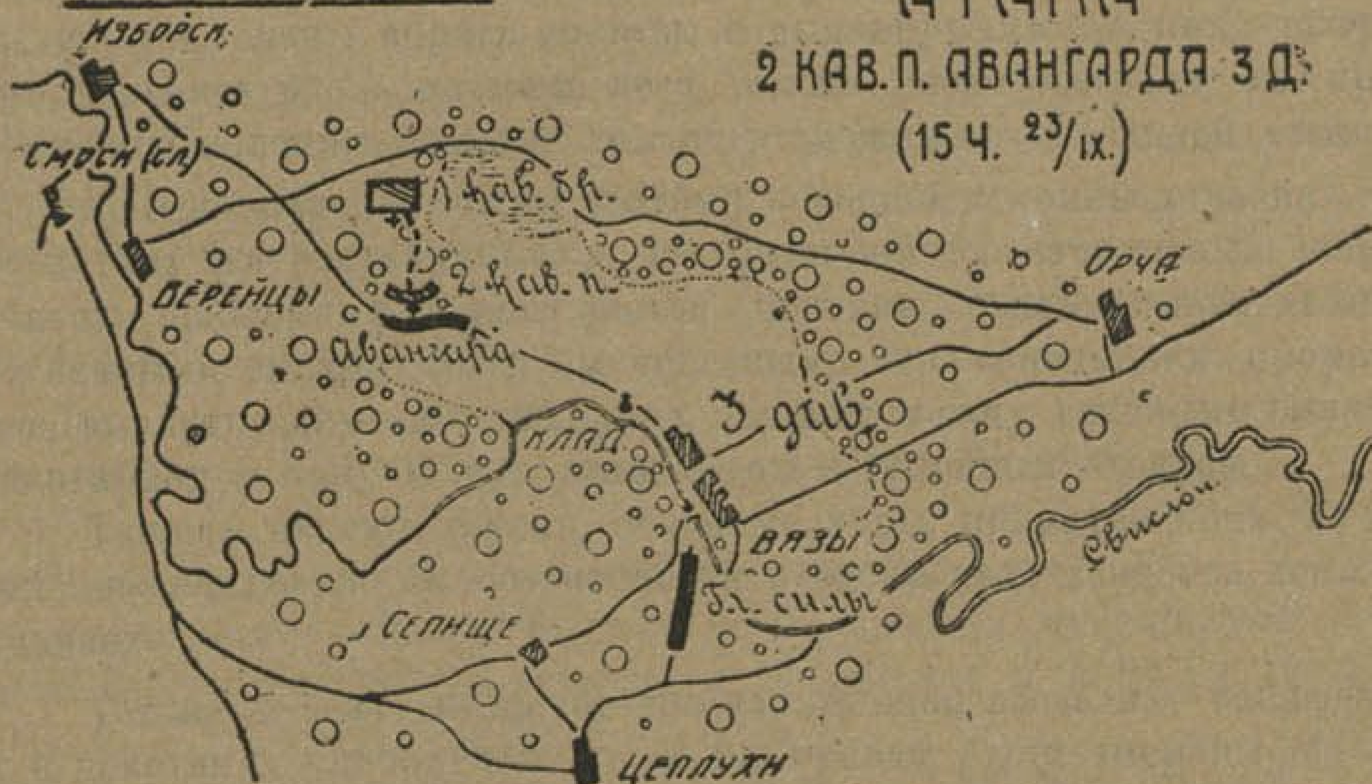
Условия местности, по которой надлежало совершить свой марш 3 дивизии (большие леса), противник (конница), с которым приходииметь ей дело, характер задач, поставленных 1 кавбригаде, подавляющее превосходство в коннице в отношению своего противника—все это выдвигало на первый план требование к обоим сторонам надлежащей организации разведки. Эта последняя, по справедливости, могла считаться „гвоздем" маневров. И с точки зрения этого требования и должны быть оценены действия сторон.

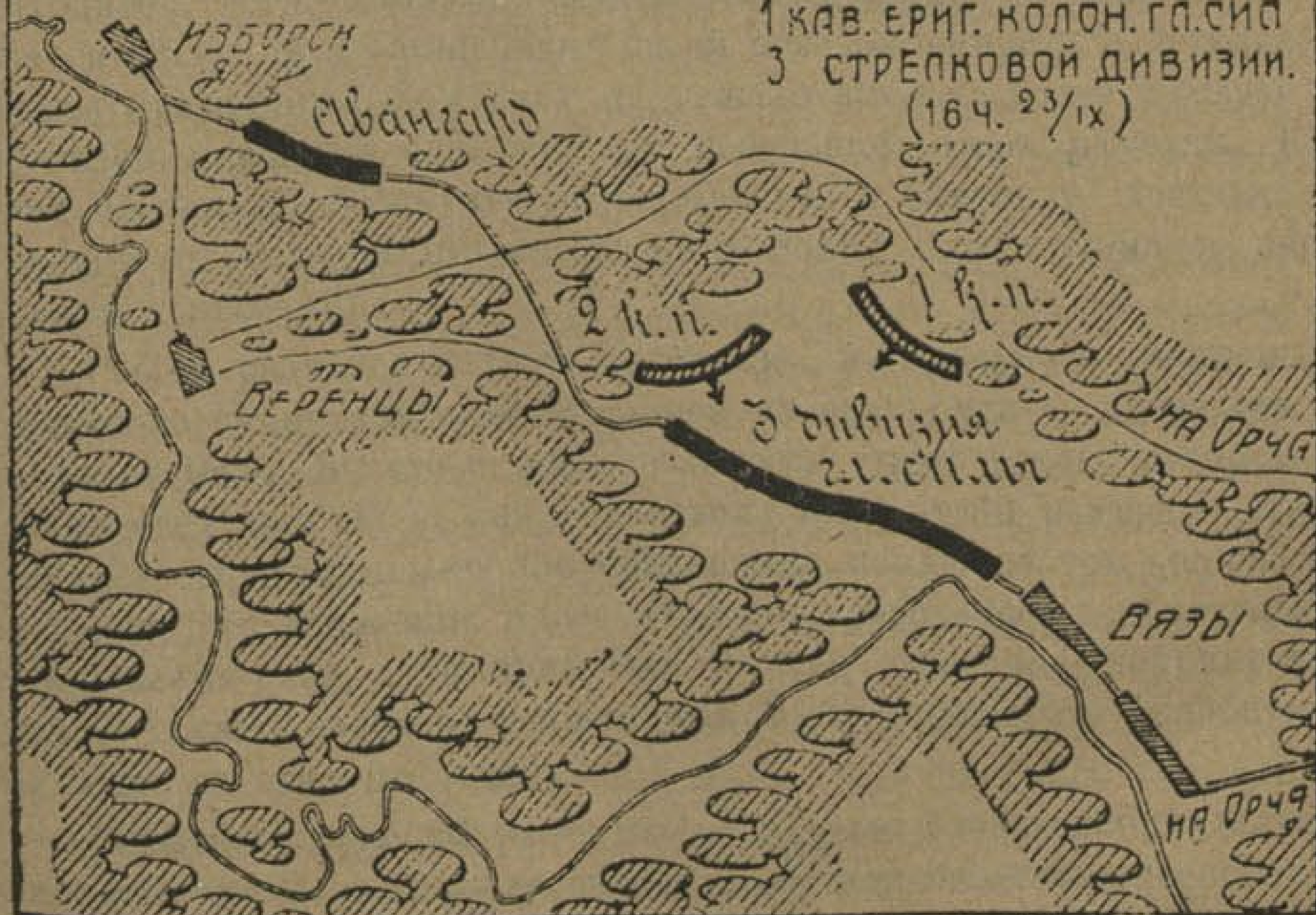
Что же говорят факты? Возьмем 3 стрелковую дивизию и мы увидим, что:

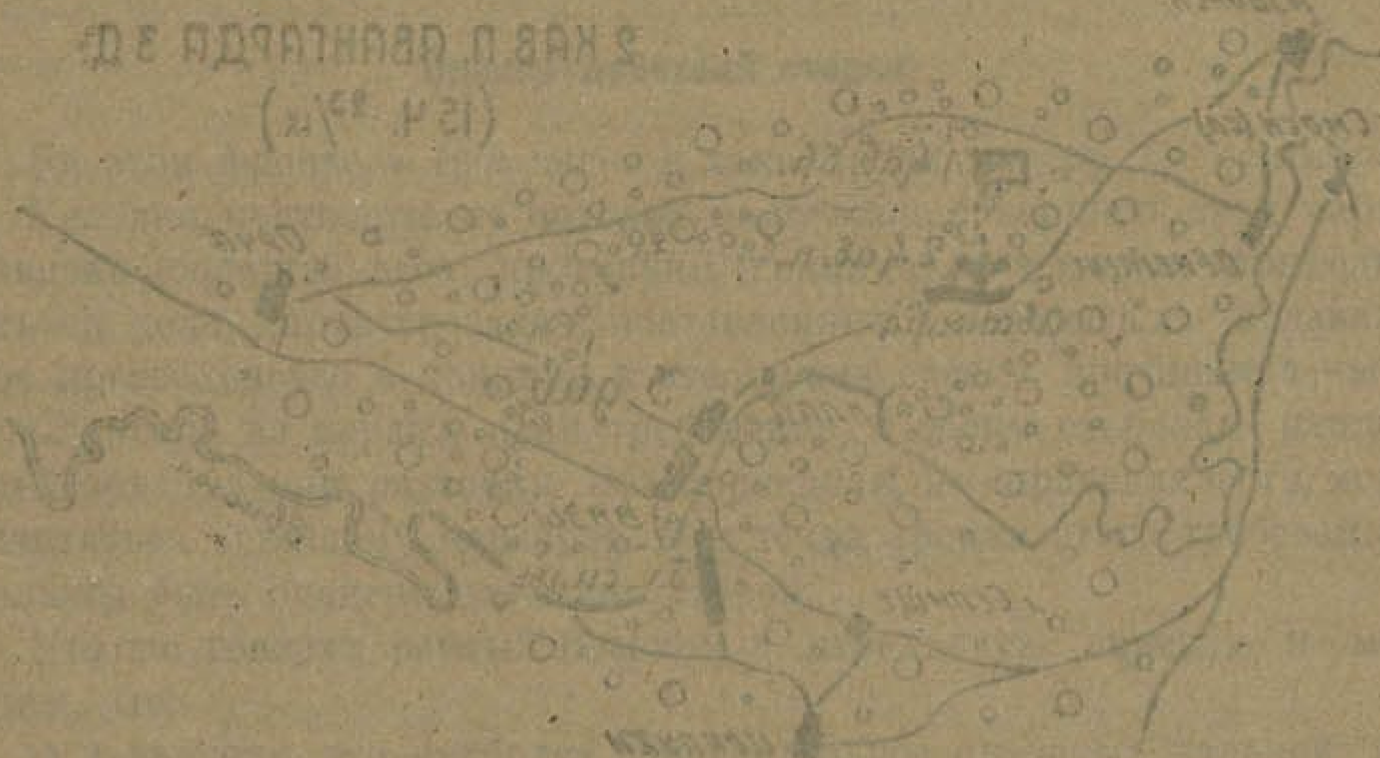
1) 3 кавполк, это наиболее действительное средство дальней (в масштабе дивизии) разведки в руках начдива 3, получил задачу, не отвечающую требованиям обстановки. Полк должен был рекогносцировать переправы и дороги, но разведывательной задачи он не имел (см. приказ начдива 3). Казалось бы, однако естественным, дать полку задачу еще с разсветом 23/IX выслать раз'езды из Веплухи, по крайней мере, на: 1) Вязы—Орча и 2) Вязы—Верейцы—Изборск и 3)—3. Селище—Смык, при чем раз'ездам, работавшим на северном берегу р. Свислочь, необходимо было обратить особое внимание на лесное пространство в районе Орча—Изборск—Верейцы—Вязы, тщательно исследовав дороги, идущие вдоль или вблизи южной опушки этого леса (Вязы—Верейцы—Изборск—Орча—Изборск). Соблюдение этого условия позволило бы нащупать расположение неприятеля и не дало бы последнему возможности сосредоточить скрытно, на пути движения неприятельской дивизии, целую кавбригаду и при том в расстоянии, допускавшем возможность атаки чуть ли не с места.

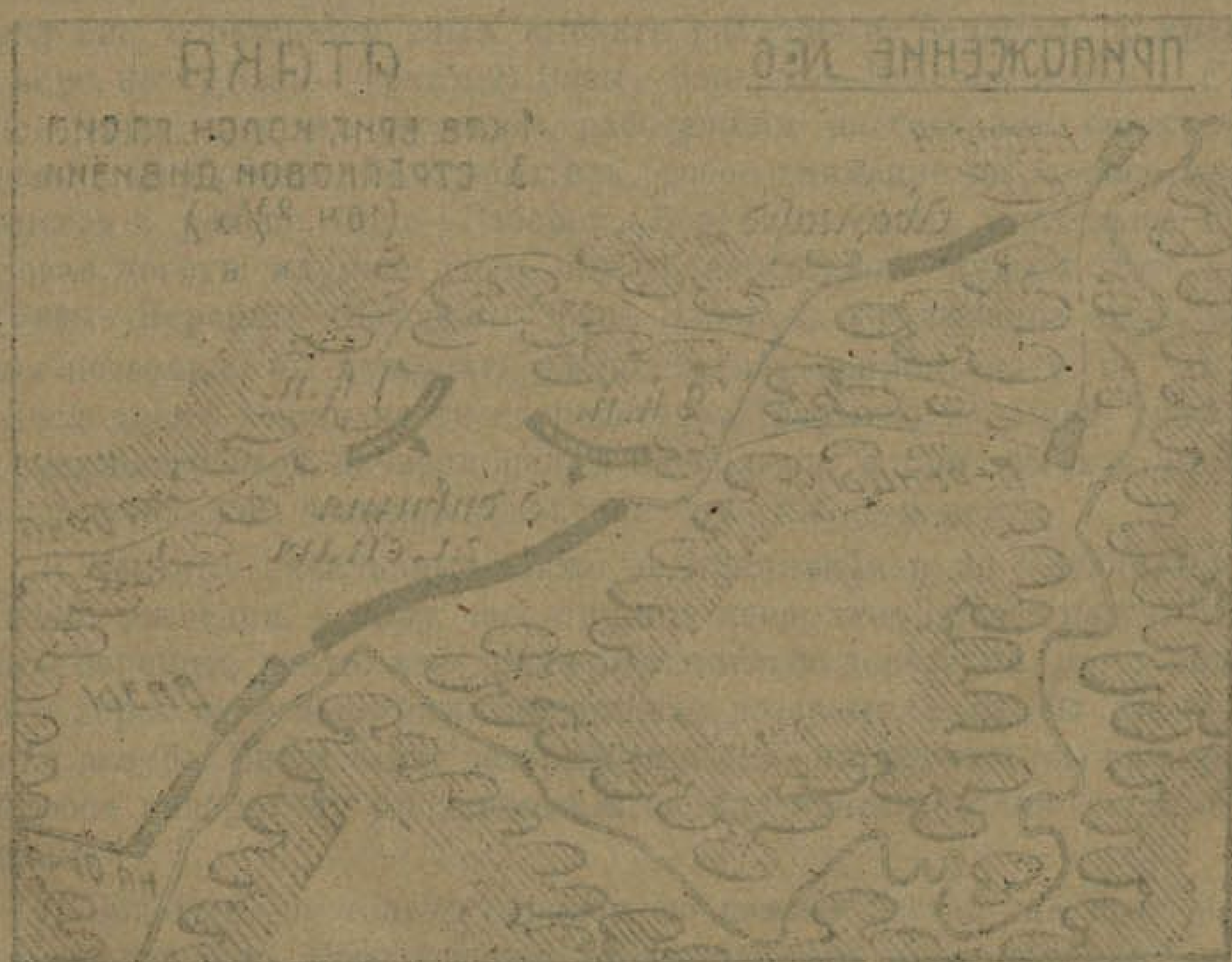
2) Частные начальники также не приняли мер по организации ближней разведки, в силу чего опушка леса, тянувшаяся на участке Вязы—Верейцы, почти все время параллельно дороге, на расстоянии 1—1½ верст от нея не была прочищена дозорами, хотя бы на 1—2 версты вглубь. Иначе такие дозоры неминуемо наткнулись бы на спрятавшуюся кавбригаду противника, и всякие конные атаки были бы сорваны.

3) Боковых—не только отрядов, но даже и застав—не было выслано совершенно. Несоблюдение этого условия имело вредные последствия в связи с отсутствием правого бокового отряда, между тем, как для него имелся вполне подходящий путь дорога Орча—Верейцы. Безусловно, если бы по этой дороге была выслана, хотя бы застава, то уже, конечно, она бы обнаружила два неприятельских конных полка, ибо кавбригада—не иголка в сене.

ПРИЛОЖЕНИЕ №5
АТАКА
2 КАВ. П. АВАНГАРДА 3 Д.
(15 Ч. 23/IX.)
Изборск
Смоск (сл)
1 кав. бр.
2 кав. п.
Веренцы
авангард
Орча
3 див.
Вязы
Гл. силы
Свислочь
Селище
ЦЕПЛУХН

ПРИЛОЖЕНИЕ №6
АТАКА
1 КАВ. БРИГ. КОЛОН. ГЛ.СИЛ
3 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ.
(16 Ч. 23/IX)
Изборск
Авангард
2 к.п.
1 к.п.
Веренцы
3 дивизия
гл. силы
на Орча
Вязы
на Орча

4) Непосредственного охранения колонны главных сил (а эта колонна по составу была очень и очень большая), также не было, вопреки определенному на сей предмет требованию полевого устава. Поэтому, не подлежит сомнению, что если от упомянутой колонны были бы высланы вправо заставы с выдвинутыми от них дозорами они, двигаясь вдоль опушки леса, также способствовали бы предохранению колонны главных сил от возможности внезапной атаки.

5) Промежутки между частями походной колонны дивизии, сильно к тому же растянувшейся, не были ничем заполнены, если не считать шаблонных парных постов, цепочки, связывающей авангард с главными силами. Было бы полезным, для заполнения промежутков, выслать одну—две походных заставы между главными силами и авангардом и одну между авангардом и головным отрядом.

Таковы, на наш взгляд, основные меры, принятие коих во многом способствовало бы безопасности и беспрепятственности движения дивизии.

Тот-же дефект—недостаточно налаженная разведка—наблюдается и в действиях кавбригады. Раз'езды, правда, были высланы во многих направлениях, но, тем не менее, результаты оказались недостаточными. Выше уже упоминалось, что при атаке главных сил авангарда, комбриг 1 кав. был в полной уверенности, что он атакует главные силы дивизии. Вот это то и есть недостаток разведки, которая должна была, вцепившись во все части походной колонны противника, сопровождать их и точно ориентировать, где, когда и кто находится. Тогда комбриг, выбирая об'ект атаки, не ошибся бы так основательно. Для обезпечения своей осведомленности о деталях движения противника, Комбригу надлежало выслать более густую сеть щупалец, каковыми являлись бы небольшой силы раз'езды. Кроме того, следовало обеспечить непрерывность и быстроту доставки донесений от раз'ездов (промежуточные посты для приема и переотправки донесений).

Работа раз'ездов должна протекать в плоскости непрерывной слежки за неприятельской колонной на всем пути ее движения, начиная от Вязы. Вместе с тем внезапность атаки (цель, которую поставил себе комбриг 1 кав.) требовала того, чтобы раз'езды эти оставались бы невидимыми для противника, исключая тех, кои работали на фронте его движения. Здесь, наоборот, требовалось демонстративное обнаружение себя, дабы приковать к себе внимание неприятеля, и этим, а также необнаружением себя на его флангах, ослабить его внимание на этих последних.

Скрытность работы раз'ездов на правом фланге неприятельского движения значительно облегчалась наличием большого лесного пространства, почти вплотную примыкавшего к дороге, по которой (от Вязы на Верейцы) двигалась 3 стрелковая дивизия. Пользуясь лесом, представлялось возможным прекрасно наблюдать и все, что надо видеть, самим продолжая быть незамеченным. Это требование скрытно-

сти не было выдержано, и наблюдавшееся обилие бесцельно снующих отдельных всадников не могло, конечно, не способствовать преждевременному обнаружению.

Обращаясь к организации и выполнению самих конных атак, следует, как наиболее существенное, отметить:

1) Выбор направления атаки и боевой порядок были правильны отвечая условиям возможности достижения наибольшего успеха.

2) Пулеметы в обоих атаках участия не приняли и огня не открыли; они мешались по полю, вместо того, чтобы огневой вспышкой с опушки леса подготовить успех атаки.

3) Резервов оставлено не было, что, в случае неудачи атаки, лишало возможности повторить ее.

Маневром 23/IX окончились частные маневры 3 стрелковой дивизии и 1 кавбригады.

День 24/IX прошел в дневке для обеих сторон красной (2-ой стрелковой дивизии, сосредоточившейся к тому времени в районе г. Игумена) и Синей (3 стрелковой дивизии с приданной ей 1-й кавбригадой).

С утра 25 сентября начались общие маневры, описание и разбор которых составит предмет следующей статьи.

(Продолжение следует).

С. Ч.

Подготовка разведчиков*).

Полевой устав Р. К. К. А. говорит, что одной из основных причин успеха в бою является твердая и основная постановка цели действий.

Начальник должен быть осведомлен обо всем, что может обеспечить выполнение задач и безопасность войск. Это доставляется правильно организованной разведкой.

Целый ряд данных всех войн, известных каждому военно-образованному человеку, показывает, что правильность организации и хорошая работа разведки является делом, требующим определенных навыков и знаний. Это заставляет обратить самое серьезное внимание на подготовку разведчиков специалистов и вообще на всю разведывательную службу войск.

В журнале „Военный Вестник“ с. г. № 14 помещено две статьи посвященные вопросам подготовки разведчиков. Статьи эти являются началом той кампании, которая должна вестись всеми лицами работающими непосредственно с разведчиками в частях. Для ведения этих занятий всюду нужны специалисты, разведчики—руководители. Это признано в настоящий момент целесообразным и в центре, но нельзя давать заглохнуть этому важному начинанию.

*) В дискуссионном порядке.

Следует сказать несколько слов по поводу примечания ред. „В. В.“ к одной из указанных статей о школе разв. (тов. Уварова), которое является отчасти принципиальным: „Редакция не разделяет взглядов автора на необходимость превратить в „особую науку“ разведку, являющуюся одним из основных элементов военного дела.

Придавая разведке соответствующее крайне важное значение, редакция считает, что с методами разведки должны быть ознакомлены не особо избранные люди, а весь командный состав, так же, как он знакомится с методами охранения, связи и т. д.“.

Замечания совершенно правильные—должны—но мы видим, что нам приходится готовить спец. связи и др. Почему?—потому что это потребует «специальн.» навыков. Война показала необходимость иметь в войсках специальный комсостав, ведущий разведку, и команды специалистов—разведчиков. Знание разведки д. б. обязательно также для всего комсостава и красноармейцев, следовательно необходимо комувести эту работу в частях—работу чрезвычайно ответственную.—Военной литературе в отчетах о боев. действ., очень часто приходится сталкиваться с замечанием что разведка была плоха ввиду недостатка соответств. спец. разведчиков.

Подготовкой таких специалистов—руководителей войсковой разведки и должны заняться особые курсы. Они не должны быть длительными, а скорее краткосрочными и характера повторительных, пропущен во всяком случае комсостав—руководители частей войск в самое ближайшее время Для выполнения этой задачи на запфронте были организованы распоряжением командзапа по ходатайству разведупра 6 месячные курсы для подготовки разведчиков руководителей.

Задачей курсов, как указано у нас выше, было поставлено дать специальную подготовку лицам комсостава частей фронта для ведения работы по подготовке войсковых разведчиков. На курсы были вызваны из частей фронта лица комсостава имеющие боевой опыт и по возможности работавшие как нач. техн. или иных команд. разведчиков. Учебный план и программы курсов были разработаны Об'единенной Высш. Воен. школой совместно с Разв. Упр. фронта.

План предусматривал классные и полевые занятия. Несмотря на некоторые технические затруднения, все же при содействии Высш Школы и фронта удалось провести его в жизнь почти полностью. Особое внимание было обращено на полевые занятия, как дневные так и ночные. Последние как показал опыт приносят громадную пользу при правильной организации, развивая все свойства необходимые для разведчика. Произведенные выпускные испытания показали, что курсы значительно подняли уровень специальных знаний у слушателей, а также их общее развитие, что показало целесообразность таких курсов.

Но к несчастью для самих слушателей им пришлось столкнуться с тем обстоятельством, что в частях не оказалось подходящих штатных мест для лиц с такой подготовкой. Некоторым из них пришлось

занять должности пом. ад'ютантов полка (по разв. части) хотя до командирования на курсы они были на должностях комбатов, нач. ком. разведчиков и комроты.

Для избежания этого необходимо при командировании на курсы лиц из частей оставлять за ними их штатные должности.

Продолжительность обучения на курсах возможно сократить до 2—4 месяцев при условии командирования лиц с достаточным развитием в военном отношении (надо примерно развитие подходящее к поступлению в Высш. Воен. Шк.). Сокращение курса следует произвесть за счет теоретических занятий, обратив внимание на практические, классные и полевые занятия.

Вопрос поднятый на Зап. в настоящий момент д. б. разрешен в центре в ближайшем будущем и проведен в жизнь.

Не останавливаясь подробно на педагогической стороне вопроса работы курсов, которая тоже интересна, особенно имея данные опыта, все же следует заметить, что постановка всех занятий как класных так и полевых д. б. такова, чтобы поднять интерес слушателей к делу разведки и повысить их общее развитие. От разведчика—руководителя требуется всегда больше находчивости, уменья разобраться и ориентироваться во многих таких вопросах, с которыми рядовому командиру не всегда приходится встречаться.

Это требует самой интенсивной работы на курсах: как со стороны слушателей, так и со стороны руководителей. Для правильной организации полевых занятий необходимо наличие соответствующих войсковых соединений. Опыт показывает, что занятия с обозначенными частями не дают нужного представления об обстановке. Потому к полевым занятиям должны привлекаться курсами соответствующие войсковые части через штаб фронта (округа). Это принесет пользу и привлекаемым к занятиям частям, т. к. они будут тоже получать указания руководителей. Занятия при первой возможности следует вести двусторонние, что дает возможность создать обстановку близкую к действительности, особенно ночью.

Правда, двусторонние занятия, особенно ночные, всегда требуют более тщательной разработки и умелого руководства т. к. иногда сами участники очень увлекаются.

Курсам должна быть предоставлена возможность дать слушателям хотя бы краткое понятие о всех известных данных в области военного дела как у нас, так и за границей.

Конечно, такие краткосрочные курсы не могут дать полностью все что нужно разведчику—руководителю, но желательно создание в центре соответствующей школы или курсов с более длительными сроками обучения и соответствующим образом обставленной.

Эта школа должна дать тех разведчиков-руководителей, которые, являясь специалистами своего дела и имея широкий военный кругозор, могли бы готовить в частях войск соответствующих исполнителей—разведчиков и инструкторов и развивать это дело.

Гражданская война, война где особенно трудны были задачи разведчиков, подчеркнула необходимость иметь таких лиц. Мы видим что в частях на эту работу выдвинулись, естественно, наиболее развитые лица. Там, где не было соответствующих зав. разведкой, эту работу приходилось выполнять самим командирам частей, чтобы не быть „слепыми". Подготовка разведчиков должна вестись непрерывно и самым интенсивным образом, к этим занятиям должен быть привлекаем возможно больший круг лиц.

Сами занятия в частях должны быть так поставлены, что бы быть возможно ближе к жизни, к действительной возможной обстановке. Руководителей—специалистов следует поставить в условия дающие им возможность вполне отдаться этому делу и тогда только возможно привлечение действительно подходящих лиц как руководителей

Не следует забывать, что мирное время—время учения и его нужно использовать возможно продуктивнее и конечно наличие хороших руководителей даст возможность подготовить части в отношении развед. службы. К занятиям должен привлекаться весь комсостав частей и руководители как специалисты—разведчики явятся ближайшими помощниками командиров частей в этой крайне важной отрасли военного дела.

Нас могут упрекнуть в желании создать новые курсы и школы в то время как мы закрываем уже существующие, но следует твердо отстаивать необходимость курсов разведчиков—руководителей, так как хорошо поставленная войсковая разведка принесет армии большую пользу, и окупит с лихвой те затраты, которые для этого потребуются.

Переходя к вопросу: является ли разведка особой наукой, следует конечно сказать — да, является. Опыт подготовки среднего и старшего комсостава показал необходимость выделения ее как особой науки, обязательной для всего комсостава

Сама наука разведки подразделяется на различные виды: войсковую (пехотная, инженерная и кавалерийская) и агентурную. Существуют определенные методы организации того или иного вида разведки.

Это конечно вызывает необходимость иметь специалистов этой науки. Подготовкой их и должны заняться специальные курсы и школы.

В. Можайский.

Героизм в бою *).

(*Опыт психологического анализа*).

В настоящей статье мы ставим своей задачей попытку дать психологический анализ психического состояния бойца в самый напряженный момент боевой жизни—в то время, когда он идет в атаку.

Весьма трудно, даже невозможно нарисовать ясную картину психического состояния бойца во время атаки, картину, точно отвечающую действительности с точки зрения современной психологии. Ведь эта картина могла бы представиться таковой нашим глазам тогда, если бы мы имели верное изображение как внутреннего состояния бойца, так и внешних проявлений этого состояния (деятельность мышц-движение; состояние сосудов-побледнение; покраснение; работа сердца, желез и т. д.). Первое мы могли бы получить из рассказа самого участника боя, второе—от спокойного привычного постороннего наблюдателя.

Но рассказ самого непосредственного участника боя не может дать нам верной картины потому, что он делается обычно спустя более или менее долгое время, в течение которого работа фантазии уже успела сделать свое искажающее дело—это с одной стороны. С другой—одни в действительности не помнят ничего из периода времени атаки, другие умышленно или неумышленно уклоняются от истины из тщеславия, или каких-нибудь других причин. Однако несомненно, что во время атаки боец переживает такое колоссальное психофизическое напряжение, которое далеко выходит из ряда обычных нормальных переживаний и несомненно производит в душевном состоянии огромную пертурбацию. Это и служит причиной того, что более или менее продолжительный период времени, соответствующий времени атаки, как бы вырывается из памяти принимавшего непосредственное участие в бою. Это же обстоятельство делает бойца как-бы автоматом, который легко может стать героем и также легко может поддаться панике. Впрочем на этом вопросе мы более подробно остановимся потом, а теперь я хочу на примерах показать, насколько

---

*) Статья т. Можайского „Героизм в бою“, носящая несколько специальный характер, давая интересный сам по себе подробный анализ психического состояния бойца, представляет особый интерес в том отношении, что обусловивает с точки зрения психологической науки тот практически общеизвестный факт, почерпнутый из опыта классовых войн, что в повышении классовой сознательности бойцов (а след. и их общего культурного уровня) лежит условие и *массового, индивидуального* героизма.

Для нас не представляется вполне очевидным, что этот вывод, неизбежно вытекающий из статьи, вполне осознан автором, которого, повидимому, сбивают многочисленные отклонения суб'ективного характера от классовой *основы*, имеющие место в движущих силах индивидуального героизма.

Редакция.

искажаются факты при передаче их непосредственными участниками когда после фактов прошло уже некоторое время, и переживший их успел успокоиться и придти в нормальное состояние.

Д—р Шумков рассказывает об одном случае, имевшем место во время русско-японской войны: „В гостях у знакомых на театре войны, встретил я одного полковника, принимавшего участие в одном видном сражении. Как участник боя он пользовался общим вниманием и почетом. Полковник был навеселе; пустился в рассказ о том как он был в сражении, и какие оказал чудеса храбрости. Слушатели с глубоким интересом отнеслись к рассказу и прониклись уважением к герою. Рассказывал, что он спокойно ходил в сфере огня, спокойно отдавал приказания и вдохновенным словом своим поднимал в солдатах храбрость и отвагу.... Он отразил врагов. В конце концов представлен к награде за храбрость.

Зная по опыту, что рассказы участников, искренно передающих свои переживания в бою, не бывают такими гладкими, цельными, свидетельствующими лишь только о храбрости и нигде не говорящими о человеческой природе—особенно во время сильных переживаний под огнем, я невольно думал о преднамеренности и искажении фактов участником боя, но не имел возможности проверить свои подозрения.

Случайно в кампании по соседству со мной оказалось лицо бывшее в том же сражении, знавшее полковника раньше и видевшее его тотчас же после боя. Сосед мой знал меня и я его, а так как он знал мои психологические занятия, то и обратился ко мне за раз'яснениями, правда ли то, что говорит полковник. „Я его видел после боя и вот как", сказал он: „Полк отступает с позиции и идет верст 5—6 под градом пуль и треском орудийных снарядов. Иду я к вагонам, куда выносят раненых и вижу знакомого полковника бледного, с перепуганным лицом, с мутными блуждающими глазами, лежащего на руках санитаров. Я заинтересовался—не ранен ли, и подошел ближе. Он не был ранен. А внесшие его санитары начали его раздевать, вымывать и вычищать. Он не узнал меня. Вымытый и вычищенный сидел он молча с опущенной головой и осунувшимся лицом. Сидел за чаем, изредка глотал его и усиленно вздыхал. Через три дня снова встречаю его. Он узнал меня. С виду был бледен, говорил слабым голосом и неохотно поддерживал разговор. Теперь же через две недели, как видите, он герой—и я его не узнаю. С откинутой головой назад, с папиросой в зубах он говорит о храбрости и геройстве. Правда ли это. Мне думается, он трусил; со страха был бледен и, быть может, со страха же расстроил себе желудок" *).

А вот еще случай, который я сам наблюдал в 1915 году во время империалистической войны:

Я находился в 12-ти верстах от боевой линии. В ясный зимний день я сидел в избе с одним из товарищей по отряду. Послышалось

---

*) Д—р Шумков. Психика бойцов во время сражений. Общество ревнителей военных знаний 1908 г., кн. 3, стр. 37, 38.

характерное жужжание летящего германского аэроплана. В это время вошел в избу один мой приятель за каким то делом и остановился у стоявшего посреди избы стола, за которым мы с товарищем сидели. Вдруг раздался оглушительный взрыв, с треском вылетели стекла, комната наполнилась дымом. Мой приятель моментально опустился на корточки и пополз к выходу, но не кратчайшим путем к двери, а сначала к стене, а затем уж вдоль стены к двери. Взрыв произошел от брошенной с аэроплана бомбы, которая разорвалась снаружи на расстоянии одного аршина от избы, в которой мы находились. Когда все успокоилось, мой приятель, ползавший на четвереньках очень связно рассказывал о своих переживаниях и поведении, но при этом выходило так, что он будто бы поспешно вышел из избы, торопясь к себе. Когда я потом с глазу на глаз расспрашивал его и убеждал сознаться в истинном своем поведении, он меня с клятвами уверял, что дело происходило именно так, как он рассказывал, даже рассердился на меня и упрекал меня в том, будто я намеренно стараюсь выставить его в комическом положении.

Однако подлинный факт был отмечен не только мной, но и тем товарищем, который вместе со мной в то время находился в избе.

Приятеля моего нельзя заподозрить в неискренности, но очевидно психика его была настолько сильно поражена неожиданным сильным взрывом, что образовался пробел в непрерывной связанной цепи переживаний сознания, который работой фантазии был заполнен представлениями тех движений, которые соответствовали сложному акту поспешного выхода из избы. Затем уже в спокойном состоянии эти представления воспроизводились моим приятелем, как подлинно соответствовавшие действительности.

Подобных фактов жизнь дает много, а психология их отмечает.

Подобным же образом, рассказ бойца, принимавшего непосредственное участие в атаке, не может дать нам об‘ективной правды об его суб‘ективных переживаниях во время этой атаки.

Можно ли ожидать каких либо ценных данных от рассказа постороннего наблюдателя, который, спокойно наблюдая поведение участников боя в массе и каждого в отдельности, мог бы регистрировать это поведение и затем об‘ективно изложить его?

Однако трудно представить себе, чтобы кто-нибудь, находясь тут же, на месте боя, мог сохранить такое душевное спокойствие, какое необходимо для об‘ективного наблюдателя. Несомненно, обстановка боя будет также поражать психику наблюдателя, если бы таковой нашелся как и непосредственного участника боя, поэтому к его показаниям пришлось бы относиться так же, как и к показаниям бойца.

Значит мы не имеем и пока не можем иметь точных, определенных данных, ясно рисующих душевное состояние бойца в самый напряженный момент боя, таких данных, которые обыкновенны в нормальных условиях жизни добывает наука всеми доступными ей способами.

Однако положение не столь безнадежно, как кажется на первый взгляд. Мы можем косвенным путем составить себе представление о

состоянии бойца во время боя. Средства для этого могут быть следующие:

1) Наблюдение за боем на расстоянии. Здесь наблюдатель, вооруженный совершенным оптическим прибором, находится в стороне, он более или менее спокоен и может, хотя в общих чертах, схватить своим взором и ухом картину боя. Кроме того, наблюдатель обычно бывает не один, и сходное в показаниях различных наблюдателей несомненно отвечает действительности.

2) Как ни мало достоверны показания каждого в отдельности из непосредственных участников боя, но и в их рассказах обыкновенно бывает сходное, и в этом сходстве мы должны видеть соответствие действительности.

3) Тот или иной бой всегда ведет к определенному результату, и последний также может дать нам много указаний на действительное переживание бойца.

4) Условия, отдаленно, близко и непосредственно предшествующие и сопутствующие бою: в чьих руках инициатива, успех или неуспех, утомление от длинных переходов, бессонных ночей, напряженной физической работы, неправильное питание, длительность боя, продолжительность пребывания в сфере огня.

5) Несомненно огромное значение имеет подготовленность бойца предыдущим воспитанием. Боец, обучавшийся военному искусству в мирное время и вооруженный необходимым запасом военных знаний, будет чувствовать себя в бою иначе, чем новобранец, получивший наспех короткую военную подготовку.

Зная эти условия, мы можем нарисовать в общих чертах картину тех переживаний, которые будет испытывать боец в напряженный момент боя, причем мы будем исходить из тех данных, которыми в настоящее время располагает психология,—так как человек остается тем же человеком, с теми же свойствами своей психофизической природы, только действует он в условиях, отличающихся от обычной нормальной обстановки.

Остановимся несколько дольше на тех условиях, в которых боец находится, как перед боем, так и во время самого боя, и учтем то влияние, какое они могут иметь на психофизическое состояние бойца.

1. *Питание.* Боевая обстановка, конечно, не позволяет педантично выполнять все те гигиено-диэтические требования, которые пред'являет наука о здоровье. Это так понятно, что говорить здесь много не приходится. Приходится довольствоваться тем, что по тем или иным причинам есть в данный момент, и при подсчете и установлении калорийной ценности пищи исходить из наличных запасов. Отсюда получается периодическая и часто очень длительная односторонность питания: то не достает свежего мяса, то хлеба, то жиров, а особенно часто не достает свежих овощей. Эта односторонность несомненно влияет неблагоприятно на общее состояние бойца и впоследствии сказывается массовым развитием цынги, являющейся по новейшим данным результатом одностороннего неправильного питания. Во время самого боя

питание нарушается еще больше, так как в лучшем случае прием пищи бывает только раз в сутки в необычное ночное время, что, конечно, не может не влиять ослабляющим образом на психофизическое состояние бойца.

2. Часто, если не в большинстве случаев, боец идет в бой уже физически утомленным. Или он должен был совершить длинный переход, чтобы попасть к месту боя, или принимать участие в устройстве позиции и рыть окопы. Все это требует большого расхода мускульной силы, утомляет бойца и тем действует на его настроение, отражается на его психической работе.

3. Кроме того, что такое утомление, нередко чрезмерное, не получает должной компенсации вследствие односторонности и часто недостаточности питания, обычно не бывает возможности восстановить силы и сном надлежащей крепости и продолжительности. При большой длительности современных боев, которая измеряется несколькими днями и неделями, а в момент наивысшего напряжения—и днем и ночью,—естественно, что боец, вынужденный силою обстоятельств все время находиться в линии боя, испытывает такое колоссальное психофизическое напряжение, что о нормальном сне не может быть и речи. Беспокоящее действие артиллерийского, пулеметного и ружейного огня—с одной стороны, с другой—необходимость каждый момент быть наготове, во всеоружении своих материальных и духовных сил—являются теми причинами, которые исключают возможность нормального крепкого сна.

4) Огромное положительное значение имеет общий успех и инициатива армии, в которой находится боец. Представление этого общего *нашего* успеха, *нашей* инициативы входит постоянным элементом в содержание сознания бойца, является „психическим обертоном“ *) каждого момента его сознания и, имея интенсивный положительный чувственный тон, становится одним из богатых источников бодрости, выносливости, под'ема, повышения всех психических способностей—того, что называется психофизическим тонусом. Наоборот, общий неуспех и отсутствие инициативы в армии действует угнетающе, убивают интерес, энергию, бодрость, лишают бойца уверенности в собственных силах, постоянно внедряясь в его сознание, как „психический обертон“ отрицательной окраски, который является здесь источником представлений, влияющих задерживающим образом на представление высшего порядка и тем дающих большую активность

*) „Психический обертон“—термин известного психолога Джемса, заимствованный им из области слуховых ощущений. Тон, издаваемый человеческим голосом или каким нибудь музыкальным инструментом (допустим тон do), не есть простой тон; он обыкновенно сопровождается несколькими добавочными гармоническими тонами меньшей силы, которые воспринимаются нашим ухом не как отдельные тоны, а как окраска основного тона, его „тембр“. Эти добавочные тоны сопутствующие основной тон (в нашем случае do) человеческого голоса и музыкального инструмента, называются обертонами.

„Психические обертоны“ не сознаются нами отчетливо и ясно, они лишь сопутствуют нашему представлению или образу, который в данный момент является содержанием сознания и находится в нем с ясностью и отчетливостью.

представлениям низшего порядка—опасности, самосохранения, средств уклониться от боя и т. п. Указанным положительным „психическим обертоном", разумеется, не исчерпывается та часть содержания, сознания, которая находится как бы в тени. Сюда входят и такие „психические обертоны", которые даются революционным порывом, чувством товарищества, общим отношением солдатских масс к данной войне и т. п.. Но положительный психический обертон, даваемый представлением успеха, всегда будет действовать усиливающим образом на эти последние.

5. Насколько длительны все описанные условия, это также небезразлично для бойца, если, разумеется, он непрерывно подвержен их влиянию. Если эти условия длительны, если бой длится многие дни и даже недели, и передышки при этом по тем или иным причинам боец не получает, то является перенапряжение нервно-мышечного аппарата, и это при постоянном недоедании и отсутствии надлежащего отдыха (путем крепкого сна) создает то своеобразное состояние нервной системы, которое находится уже на границе с психопатологией, а, быть может, даже переходит эту границу.

Нельзя, конечно, предполагать, чтобы в каждом отдельном случае все эти условия были непременно налицо. В действительности возможна самая разнообразная комбинация. Для нас важно знать, как то или иное условие должно действовать на психику и поведение бойца, и в дальнейшем, по мере надобности, мы будем обращаться к каждому из них и учитывать его действие *).

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, нам необходимо, в целях большей ясности сделать короткую экскурсию в область физиологической психологии, ограничив эту экскурсию пределами, необходимыми по интересующему нас вопросу.

Первоначальное элементарное психологическое явление есть *ощущение*—зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое, обонятельное, мышечно-сухожильно-связочное, внутренних органов. Каждый орган чувств (глаз, ухо, чувствительное окончание кожи, мышцы, вкусовое окончание языка, обонятельное—носа и т. д.) получает ему одному свойственный, специфический род ощущения, при чем качество последнего может быть различно: цвет—синий, красный, желтый; вкус—горький, соленый, сладкий; тон звука—высокий, низкий, или звук не имеющий тона (шум). Различна может быть *интенсивность* (сила) ощущения: цвет—яркий, слабый; звук—громкий, слабый; вкус—очень горький, горьковатый и т. д. Как только (у ребенка) начинается психическая жизнь, ребенку дано *только* ощущение. Раз возникнув, ощущение не пропадает с прекращением вызвавшего его раздражения, оно запоминается (оставляет в коре мозговых полушарий определенный след). При вторичном действии того же раздражения в памяти ребенка возникает образ прежнего ощущения и вступает во взаимо-

*) Во всем дальнейшем изложении автор исследует *индивидуальный*, а не массовый героизм. *Ред.*

действие с реальным ощущением (вызываемым данным раздражением); результатом взаимодействия является *восприятие*. Ясно, что восприятие— такое психическое явление, которое свойственно человеку, уже имеющему предварительный опыт. Каждое восприятие может вызывать в сознании образ прежнего ощущения. Этот воспроизведенный образ есть *представление*. Представление будет простым, если в нем воспроизводится одно какое нибудь качество (ощущение)—синий цвет, тон do, горький вкус. Предметы окружающего нас мира действуют на нас одновременно несколькими раздражениями, которые вызывают различные по роду и качеству ощущения. Напр. дерево возбуждает в нас и зрительные ощущения (зеленая окраска листьев, характерная форма последних, характерный цвет коры) и осязательные (твердость ствола и сучьев, ломкость, гибкость последних, мягкость листьев) и слуховое (характерный шум листьев от трения друг о друга при ветре) и т. д.—целый ряд смежных по времени и пространству ощущений разного рода и разного качества, вызывающих соответствующие представления, из которых складывается одно *сложное* и цельное представленне дерева, первоначально дерево определенного, *этого*. В дальнейшем, с развитием психики, образуется *понятие*: жизнь дает бесконечное количество *этих* деревьев; образы их откладываются в определенном участке коры мозга; происходит своеобразная ассимиляция, в процессе которой, в конце концов, извлекается нечто общее для всех *этих* деревьев, и образуется понятие дерева, отличающееся от представления меньшей живостью и определенностью, имеющее расплывчатый, несколько туманный характер и находящее свое выражение в слове „дерево". Представление, как и ощущение, может иметь ту или иную степень интенсивности (живости). Но, кроме того, как ощущение, так и представление всегда сопровождает чувственный тон положительного (приятный, дающий наслаждения) или отрицательного (неприятный, вызывающий страдания) знака. Чувственный тон представления первоначально обязан своим происхождением ощущению, образ воспоминания которого является содержанием представления. Напр. представление сладкого окрашено положительным чувственным тоном, который она заимствовала от ощущения сладкого. Этот закон правилен только при первоначальном возникновении представлений. В процессе психической жизни, представления постоянно взаимно действуют друг на друга и в этом взаимодействии могут передавать друг другу свой чувственный тон, так что, в результате, какое либо представление оказывается окрашенным чувственным тоном, совсем не свойственным вызвавшему его ощущению. В своем месте мы более подробно коснемся этого явления, и оно тогда предстанет перед нами в более ясном свете.

Ощущение вызывает в нашем сознании представление, последнее вызывает в нас другое представление, это, в свою очередь, третье и т. д. Так совершается наше мышление. В нем мы можем отметить связь, как между ощущением и вызываемым им представлением, так и в ряде представлений между отдельными представлениями. Связь

эта называется *ассоциацией идей.* Параллельный ей физиологический процесс в мозговой коре заключается в следующем: внешнее раздражение воспринимается периферическим органом чувств (напр. ухом), по центростремительному чувствительному пространству, передается мозговой коре, где в определенном участке (височной доле), в определенной группе клеток возникает возбуждение (психически-слуховое ощущение). По межкорковым нервным проводникам это возбуждение передается другой группе клеток, где также происходит возбуждение (психически-слуховое представление), это по тем или иным причинам может передаться по нервным же проводникам группе клеток, лежащей в затылочной доле и служащей центром зрительных представлений, вызывая здесь возбуждение (какое либо зрительное представление). Некоторую аналогию этому мы имеем в передаче электрического тока по металлическому проводу. Мы можем представить себе мозговую кору полем, состоящим из многочисленных центров, способных к возбуждению и связанных между собой проводниками. Первоначальный толчок к возбуждению дается внешним раздражением. Это раздражение приходит к одному из центров упомянутого поля и вызывает здесь возбуждение; этот возбужденный центр свое возбуждение передает по внутреннему проводнику другому центру, играя для последнего роль раздражителя,—только внутреннего, а не внешнего,— этот другой центр возникшее в нем возбуждение передает третьему и т. д. Токи разнообразного направления, разнообразной силы и качества пронизывают это поле центров; центры, при посредстве этих токов, находятся в постоянном взаимодействии, благодаря чему возбуждение в них то усиливается, то ослабевает, то вовсе уничтожается.

Представлений у развитого человека бесконечное количество, и каждое из них связано со многими, при чем наиболее тесная связь устанавливается между группой определенных, так или иначе сродных между собой, представлений. Так образуются комплексы представлений,которые, в свою очередь вступают, в связь друг с другом.

В установлении связи между представлениями наблюдается определенная законосообразность. Основное и важное в этой законосообразности, в этих *законах ассоциации идей* сводится к следующему.

1. *Смежность по времени и пространству.* Напр. Я любуюсь пейзажем с своим другом. При воспоминании о пейзаже в моем сознании всплывает представление моего друга.

2. *Привычность.* Напр. слово „удар" у военного возбуждает представление об энергичном частичном наступлении на каком нибудь участке фронта, которое наносит неприятелю большой урон. У врача тоже слово вызывает представление о кровоизлиянии в мозг, ведущем к параличу.

3. *Недавность.* Напр. вы только что закончили изучать историю и разбор Наполеоновских войн. Слово „тактический маневр" вызывает у вас представление о каком нибудь тактическом маневре Наполеона.

4. *Живость*. Напр., кто один раз был живым зрителем расстрела, у того каждый раз слово расстрел поведет к воспроизведению образа виденной когда то живой картины.

5. *Сходство в эмоциональном (чувственном) тоне*. Напр. один и тот же об'ект возбуждает в нас различные представления в зависимости от нашего настроения. Если мы веселы, нам идут в голову только веселые картины, и наоборот, когда мы в дурном настроении нам лезут в голову мысли о болезни, неудаче и т. п. Джемс приводит такой случай из своей жизни: „Немногие романы читаются с таким веселым чувством, как „Три мушкетера“ Дюма. А между тем я могу засвидетельствовать, что, читая этот роман во время морской болезни, я почерпнул из него только чувство глубочайшего отвращения к той жестокости и резне, виновниками которой были герои романа—Атос, Портос и Арамис“ *).

6. *Констелляция представлений*. Термин профессора Цигена, которым он определяет весьма сложное и интересное психическое явление, имеющее колоссальное значение, как в нашем мышлении, так и в нашей волевой деятельности. Вот как сам Цыгин изображает это явление: „Пусть b, c, d, e, f, являются теми пятью скрытыми представлениями, которые прежде всего могут последовать за a. Сами эти представления обыкновенно находятся между собой в прямой или косвенной связи, благодаря ассоциативным путям. Здесь начинает проявлять свое значение тот закон, который заимствован нами из общей нервной физиологии, и который соответственно нашей задачи, может быть выражен нами так; если в двух элементах коры a и b, соединенных между собой проводником, происходит возбуждение определенной силы или величины, которая в a напр. равна m, а в d, равна u, то эти две силы или величины возбуждения могут себя взаимно модифицировать. Такая модификация может выразиться или в торможении или в усилении возбуждения. Возвратимся теперь к состоянию скрытого возбуждения представлений b, c, d, e, f, которые как бы стремятся все превратиться в психические явления. Все они согласно данному закону находятся между собой в сложном отношении взаимного торможения или усиления. (Сюда относится еще и то торможение и усиление, которое возникающее представления получают в той или другой мере со стороны предшественниц a, т. е. со стороны незадолго перед тем бывших действительных представлений). Это же взаимное торможение или усиление ведет к тому, что представление, на которое преимущественно направлены тормозящие моменты, в борьбе представлений терпит поражение, несмотря на свою большую отчетливость, более живой чувственный тон и более сильное ассоциативное средство с начальным представлением a, тогда как другое представление, находящееся быть может по отношению к трем упомянутым факторам в менее благоприятных условиях, благодаря отсутствию тормозящих и наличности усиливающих моментов выходит из борьбы победителем, т. е. следует за начальным представлением a.

*) Джемс, Психология, перев. Лапшина 1922 г. стр. 202.

Итак, последовательность представлений обусловливается еще четвертым фактором, который коротко мы можем назвать „констелляцией“. Нетрудно заметить, что эта констелляция оказывается чрезвычайно изменчивой, в силу чего постоянно меняется и ряд представлений. В данный момент за а следует с, но через несколько часов место с заступает освободившееся от тормозящих моментов представление b. Только таким образом мы и можем об'яснить себе крайнее разнообразие нашего мышления. Одно и то же ощущение или представление сегодня может напомнить нам об одном, завтра—о другом, сегодня о чем либо близком, а завтра о чем либо далеком. Благоприятное или неблагоприятное действие этой констелляции может быть представлено, очевидно, как преходящее повышение или понижение интенсивности или энергии скрытого представления, подвергавшегося подобному воздействию.

Хороший пример такого влияния констелляции дает нам Вале. В течение долгого времени он совершенно не вспоминал о Венеции, хотя ежедневно проходил мимо готической ратуши своего родного города, которая своими колонками на оконных сводах легко могла бы пробудить в нем воспоминание об арках венецианского дворца дожей. Ратуша вызывала в нем множество других представлений, но только не о Венеции. Однако, у него внезапно появился, однажды, при виде ратуши воспроизведенный образ дворца дожей. Он вспомнил тогда, что за два часа до этого у одной дамы он видел брошь в форме венецианской гондолы. Влияние констелляции здесь очевидно *).

Поведение человека определяется этими же законами. В каждом поступке человека мы различаем: а) раздражение — ощущение, б) борьбу мотивов (представлений), в (решение, как результат борьбы мотивов) представление взявшее верх в борьбе), г) двигательное представление, д) движение. В простейшем поступке борьбы мотивов мы можем и не наблюдать, здесь вслед за ощущением возникает представление, которое возбуждает двигательное представление, а это в свою очередь возбуждает центр движения, откуда по центробежному проводнику посылается группе мышц двигательное возбуждение, и мы в результате имеем движение.

В сложном поступке схема та же—только вместо одного промежуточного (между ощущением и двигательным представлением) представления, возбуждается целый, иногда очень длинный ряд представлений (комплексов представлений), причем они как бы вступают в борьбу друг с другом за первенство, за решающее значение. Чувственный тон и констелляция представлений играют в этой борьбе особенно важную роль среди тех законов, которыми управляется ассоциация идей.

Сказанного для понимания дальнейшего достаточно, и теперь мы вернемся к предмету нашего исследования.

Идущий в атаку боец выполняет ряд определенных действий. Действия эти крайне разнообразны в каждом отдельном случае. Это

*) Проф. Т. Циген, Физиологич. психология в 15 лекциях. Перев. Динзе 1909 г.

разнообразие обусловлено изменчивостью внешних условий, индивидуальностью бойца, неустойчивостью его психофизического состояния. Как бы ни были разнообразны эти действия, все они вытекают из одного представления, об'единены и тесно связаны друг с другом этим представлением и направляются им. Представление это—боевая задача. Если б мы попытались уложить ряд этих действий в психологическую схему поступка, то в ней этому ряду соответствовало бы последние звено. Борьбу мотивов и раздражение мы должны были бы искать в более или менее отдельном прошлом бойца; если это профессионал, то в периоде его созревания и выбора карьеры; если это доброволец или призванный во время войны, то—в период об'явления войны или добровольного вступления в ряды сражающихся. С этой точки зрения мы не можем смотреть на приказ об атаке, как на раздражение, определяющее собой дальнейший ход поведения бойца. Не этим приказом определяются все действия атакующего, а чем то иным, данным раньше и лежащим глубже.

Например, возьмем рабочего, который от станка был призван на Колчаковский или Деникинский фронт. Несомненно, его действия во время атаки определялись революционным порывом, выросшим из классового самосознания; а ведь это последнее зародилось в прошлом, когда он стал сознательным и осмыслил свое положение. Отнимите революционный порыв и классовое самосознание, и остается пустое место, которое не заполнит никакой приказ.

Как бы то ни было, бесконечное разнообразие поведений атакующего можно свести к двум категориям оступков.

1. Поведение автоматического характера (психический автоматизм.

2. Поведение сознательное.

1. *Возможность автоматизма* (психического) Психический автоматизм—выражение условное. Не надо смешивать его с теми автоматическими действиями в тесном смысле, которые представляют из себя как бы усложненный рефлекс. Это требует некоторых пояснений.

Простой рефлекс есть нервно-физиологическое явление, состоящее в следующем: щекотание подошвы ноги вызывает движение—отдергивание ступни. Здесь раздражение, полученное извне, передается по чуствительному нерву только двигательному центру спинного мозга, по двигательному нерву идет к группе мышц и вызывает в них соответствующее сокращение.

Автоматический акт будет тогда, когда раздражение модифицируется новыми привходящими раздражениями, и соответственно этому усложняются движения, причем раздражения здесь идут по спинному мозгу дальше, восходят до подкорковых центров там перерабатываются определенным образом, и в результате получается ряд сложных, целесообразных действий. Напр., лягушка, у которой удалены мозговые полушария, но оставлены зрительные бугры (подкорковые центры), от каждого щипка ея лапки будет прыгать (это еще только рефлекс). Если на пути ея прыжков поставить какое нибудь

препятствие, то она станет обходить его, или соразмерит свой прыжок так, что перепрыгнет через это препятствие. Это будет уже автоматический акт. Если у лягушки вместе с полушариям удалены и зрительные бугры, то она станет натыкаться на эти препятствия, станет неспособной к автоматическому акту.

Как рефлекс, так и автоматический акт непсихичны, бессознательны.

Автоматизм, о котором у нас идет реч—другого рода. Он психичен: здесь на-лицо и ощущения и представления и чувственный тон—элементы психической жизни, сознания. Соответствующие им физиологические процессы восходят до коры мозговых полушарий.

Сущность этого автоматизма, надеюсь, будет понятна из дальнейшего. Если мы примем во внимание все те неблагоприятно действующие на организм условия боевой жизни, о которых говорилось нами раньше, то возможность автоматических действий станет нам вполне понятной.

Наша нормальная сознательная деятельность в каждый данный момент, хотя и определяется каким нибудь определенным представлением, но это представление входит, как часть, в целый комплекс связанных друг с другом представлений. Как мы видели уж, различные комплексы представлений в свою очередь находятся в той или иной связи друг с другом, и поэтому наша нормальная сознательная деятельность всегда протекает под известным контролем, исходящим от тех или иных находящихся в более или менее отдаленной связи с содержанием нашего сознания в данный момент представлений (комплексов представлений). Этим обусловливается цельность и непрерывность нашего сознания, благодаря чему мы без труда воспроизводим, напр., тот или иной период или эпизод из нашей личной жизни.

Не то мы наблюдаем при автоматических действиях. Наиболее ярко и выпукло автоматические действия проявляются при патологических состояниях (напр. при истерии). Иллюстрируем это интересное психическое явление примером заимствованным нами у П. Жане*). „Это был молодой человек 17-ти лет Ру.. сын невропатки матери и сам достаточно нервный, с 13-ти лет часто бывавший в маленьком кабачке, посещаемом старыми матросами. Последние заставляли его пить, и когда он слегка одурманивался напитками, наполняли его воображение прекрасными рассказами о путешествиях... Молодой мальчик страшно восторгался этими рассказами, которые действовали на него тем сильнее, что он находился в полуопьяненном состоянии. Однако когда опьянение проходило он, повидимому, мало интересовался этим, не говорил вовсе о путешествиях, а наоборот, готовил себе более усидчивую и спокойную карьеру, так как поступил в мальчики в колониальную лавку, где старался только возвыситься на своем посту.

*) Пьер Жане, проф психологии в Collège de France, в Париже. Неврозы. Перев. д-ра С. С. Вермеля 1911 г.

Но вот какие стали замечаться у него неожиданные инцинденты: почти всегда после усталости, эмоции (sic!) или нового опьянения он преображался, забывал возвращаться домой, не думал о своем семействе и уходил из Парижа, направляясь, куда глаза глядят... Я остановлюсь только на одном его бегстве, которое было особенно забавно и продолжалось, странным образом, 3 месяца.

Он уехал из Парижа 15 мая и шел пешком до окрестностей Melun'а. На этот раз он в своем воображении комбинировал все средства к тому, чтобы лучше выполнить свою экспедицию и достигнуть Средиземного моря. В виду этого он возымел блестящую идею: недалеко от Melun'а, в Moret, имеются каналы, направляющиеся более или менее прямо на юг Франции; по этим каналам отправляются суда с товарами. И вот ему удалось получить место в качестве слуги на одном из судов, перевозившем уголь. Служба его на судне была ужасная: то он должен был переносить уголь, то тащить корабль бичевой вместе с ослом, по имени Kadet, его единственным товарищем. Он плохо питался, его часто били, он изнемогал от усталости, но сиял всетаки от счастья и думал только об одном—о блаженстве быть у моря. К сожалению, судно остановилось в Оверне, и он вынужден был его оставить и продолжать путешествие пешком, что, конечно, было еще труднее. Чтобы не остаться без средств, он нанялся в помощники и товарищи к одному посудному мастеру. Он подвигался вперед медленно, работая в пути, но однажды вечером вновь произошло неожиданное событие.

День был хороший, оба товарища заработали семь франков, и вот старый мастер остановился и сказал Ру...: „Знаешь, мальчик мой, мы имеем право устроить себе хороший обед и отпраздновать сегодняшний день, ибо сегодня 15 августа". В этот момент молодой человек невзначай прибавил: „15 августа! да, ведь, это день Марии, день моей матери!" Едва он произнес эти слова, как с ним вдруг произошла совершенная перемена, он с удивлением оглянулся по сторонам и, обращаясь к своему товарищу, сказал: „Но кто вы такой, и что я делаю у вас?". Тот был поражен и ничего не мог растолковать своему товарищу, воображавшему себя еще в Париже и ничего не помнящему о предыдущих трех месяцах".

В менее выпуклой форме автоматические действия наблюдаются и нормальных людей, у которых они проявляются при некоторых сильных эмоциональных состояниях, называемых аффектами. Напр. аффект гнева иногда сопровождается сложными разрушительными действиями, которые автоматичны. Характерным для всех автоматических действий является то, что они происходят как бы вне поля личного сознания, и после, когда человек приходит в нормальное состояние, он ничего не может вспомнить из тех действий, которые им были произведены. Целый эпизод, целый более или менее продолжительный период времени не может быть воспроизведен—образуется пробел, пустое место.

Об'ясняются эти автоматические действия диссоциацией сознания. Как мы упоминали уже, в нормальном состоянии содержание нашего сознания определяется более или менее явной связью между комплексами представлений*). При патологическом состоянии сознание заполняется каким нибудь одним комплексом представлений, связь между ним и другими нарушается, и этот комплекс неограниченно царствует. Все действия, совершаемые в период автоматизма, определяются этим царствующим комплексом, связаны только с представлением этого комплекса и раз'единены с другими комплексами, оставаясь как бы совершенно изолированными**). П. Жане говорит: „Они (т. е. невропаты в состоянии автоматизма—*В. М.*) недоступны всем впечатлениям, не относящимся к их грезам. Чтобы заставить их слышать, надо грезить вместе с ними и говорить им такие слова, которые гармонируют с их бредом"***).

Многие участники атак передают потом, что они ничего не помнят из того, что с ними было во время атаки. Некоторые передают о мимолетных впечатлениях от внешнего вида противника или соседа. В таких случаях иногда противник рисуется с красным лицом, выпученными глазами; он мечется, наносит удары штыком или прикладом куда попало, пока самого не прикончат пулей или штыком Иногда же он рисуется с бледным лицом, трясущимися челюстями, бросающим винтовку, беспомощно падающим на колени и просящим пощады.

В первом случае внешний вид, как будто, говорит за то, что имеющий его переживал эмоцию (аффект) гнева, который характеризуется расширением поверхностных сосудов (краснота лица), выпячиванием глазных яблок (вследствие изменения кровообращения), сильным раздражением двигательных центров (напряжение мускулатуры тела, беспорядочные или преувеличенные движения, хриплый крик- при чем хриплость здесь обусловлена чрезмерным набуханием голосовых связок и выделением слизи от расширения сосудов),—в психической сфере—быстрой сменой представлений (отсюда отрывистая бессвязная речь).—Некоторые рядовые бойцы говорят, что во время штыковой атаки на них находила „злоба".

Второй случай—бледность и пр.—достаточно ясно указывает на эмоцию страха, который характеризуется спазмами сосудов (бледность),

*) Кора мозга с ее клеточными группами (комплексы представлений) и нервными волокнами (связи между комплексами) находится в состоянии определенного нормального возбуждения, которое закономерно распределяется между отдельными частями, сильнее в одном месте (ясно сознаваемое представление), слабее в другом (неясно скользящие образы), минимально в третьем (несознаваемые образы, но легко воспроизводимые при наличии благоприятных условий ассоциации).

**) В мозговой коре все возбуждение как бы сосредоточивается на соответствующей ограниченной группе клеток; на остальных участках оно доходит до минимума, если совсем не замирает. Раздражения воспринимаются только этой группой клеток, в ней остаются и дальше не распространяются по нервным волокнам, вследствие временного нарушения контакта.

***) П. Жане. Неврозы. Стр. 22.

расслаблением мускулатуры (дрожание), глубоким угнетением психики (невнятное бормотание слабым голосом).

Таким образом с этими явлениями мы должны считаться, как с фактами. Эти факты указывают на то, что в напряженнейший момент боя имеют место аффекты, которые достигают такой силы, что сопровождаются полным психическим автоматизмом. Вышеупомянутые пробелы памяти у непосредственных участников подтверждают сказанное.

Необходимо отметить, какую важную роль в возникновении вышеописанных состояний психического автоматизма играют те неблагоприятные моменты, которые предшествуют их наступлению. Эти моменты—переутомление, сильные эмоции, опьянение—все то, что ведет к истощению нервной системы и тем подготовляет почву для возникновения патологических состояний. Это мы видели в выше приведенном случае П. Жане, это же наблюдается во всех описанных до сих пор случаях подобного рода. Это же касается не только людей с невропатической конституцией, но и нормальных людей, которые, подвергаясь сильному и продолжительному влиянию неблагоприятных условий, теряют свое душевное равновесие и становятся раздражительными, вспыльчивыми, склонными к аффектам.

Выше мы не напрасно подробно касались тех неблагоприятных для здоровья условий, которые сопровождают боевую жизнь вообще и, в частности, свойственны напряженнейшему моменту боя. Не трудно видеть, что степень влияния этих неблагоприятных факторов в большинстве случаев исключительно велика, вследствие чего они не могут пройти бесследно для психики бойца. Нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что во время войны обычно не приходится говорить об отборе в ряды сражающихся наиболее здоровых и крепких элементов. Сюда просачивается, а иногда и прямо вливается много таких, которые обременены неблагоприятной наследственностью (алкоголизм, туберкулез, сифилис родителей) или приобретенным предрасположением (собственный алкоголизм, излишества всякого рода, сифилис, переутомление). Эти элементы, принося в себе самих зачатки нервных страданий, представляют благодарную почву для возникновения в них патологических состояний, которые могли бы возникнуть и при менее сильных неблагоприятных факторах, чем те, которые дает боевая обстановка.

Нельзя забывать и того, что такой человек попадает в массу, индивидуальность здесь сглаживается, и внушаемость повышается. Сам легко внушаемый, склонный к впитыванию влияний, исходящих от различных элементов массы, боец-невротик в свою очередь и для всей массы является источником влияний, т. как он всегда склонен к преувеличению и искажению в своем воображении действительных фактов, а повышенная аффективность, столь характерная для невротичных, дает особую силу этим влияниям.

Таким образом, теперь нам ясно, что во время боя вполне возможно такое состояние психики, которое находится на границе с патологией и даже переходит эту границу, и аналогию которого мы

имеем в патологическом состоянии, известном под названием психического автоматизма истеричных. В самом деле: а) на лицо, условия, угнетающие психику до крайней степени, б) как следствие этого, сужение поля сознания, являющейся благодарной почвой для внушения, в) наличие невротических элементов в массе г) и еще более-специфические особенности массы расширяют и углубляют эту почву. В результате получается состояние, аналогичное тому, какое бывает у истеричных, или какое мы можем вызвать искусственно путем гипноза, состояние, в котором какой либо образ всецело и нераздельно заполняет сознание и определяет все дальнейшее поведение. Кроме этого образа в сознании ничего нет, но зато интенсивность образа велика, поэтому действие хотя и определенны, но стихийны и узко целесообразны. В них нет и не может быть тех элементом, какие мы увидим в действиях другого рода—в сознательных. Человек с одинаковой легкостью в таком состоянии и слепо стремится вперед и так же слепо бежит назад. Такое состояние может быть и источником успеха, и источником паники. По какому руслу направить такое автоматическое действие—это дело командира.

2. *Сознательное поведение.* Возможна ли полная сознательность в поведении бойца во время атаки, если это поведение направляется по пути достижения поставленной цели? В процессе своих рассуждений мы оставляем в стороне влияние дисциплины, которая едва ли имеет значение, как могучая реальность, там, где вопрос идет о жизни и смерти.1) Как бы ни была сурова дисциплина, сколько бы пулеметов не стояло сзади атакующего, инстинкт самосохранения поможет ему найти средства уклониться от боя и смертельной опасности. Сознательное стремление атакующего вперед не может определяться насильственным принуждением извне, а когда это и бывает, тогда о сознательном поступке говорить нелься. Скорее следовало бы такой поступок в этом случае отнести к категории аффективных (автоматических). А если случайно он и приведет к цели, то едва ли можно говорить здесь о героизме с нашей точки зрения. Героизм пана Заглобы весьма сомнительного свойства—не он завоевал знамя, а знамя накрыло его. Нам, пожалуй, возразят и скажут,—как можно думать, будто кто нибудь в состоянии без принуждения подставить свою грудь под пули! Если ему дать возможность выбора между атакой, несущей с собой опасность смерти, и спокойным безопасным сиденьем в тылу,—ясно, что он предпочтет последнее. Следовательно принуждение есть. Пусть даже оно будет внутреннее, но оно противно натуре человека, и принудительность, давление—все то, что характерно для принуждения, за ним остается.

Однако в дальнейшем мы постараемся доказать, что даже внутреннего принуждения в сознательном героизме нет, и это нисколько не умаляет ценности его подвига.

---

1) Поскольку под „дисциплиной" разуметь систему принуждений, что однако есть *средство* (и не главное, а подсобное) для укрепления дисциплины. Конечно *одно* принуждение было бы бессильно повлиять на психику бойца в этом случае. *Ред.*

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос о возможности полной сознательности в поведении бойца-героя во время атаки, нам не нужно далеко ходить. Вспомним красноармеца, который несколько месяцев назад геройски умер в пламени на своем сторожевом посту. Он остался верным своему долгу и не изменил ему даже тогда, когда к безнаказанному спасению жизни предоставлялась полная возможность, стоило только поступиться понятием воинской чести. А результаты многих больших и малых операций разве не говорят за то, что непосредственные их участники должны были для достижения этих результатов разсуждать, мыслить, проявить хладнокровие, проницательность, широкий кругозор—словом, такие качества, которых при узости сознания, при автоматизме или при аффекте мы напрасно стали бы искать.

Попытаемся психологически разобрать тот момент, когда герой идет в атаку.

С психологической точки зрения здесь мы имеем поступок. Каждому поступку, особенно такому сложному, как в данном случае, предшествует борьба мотивов, причем постоянно берет верх в конечном счете тот мотив, который имеет положительный чувственный тон. Им определяется решение и соответствующее действие. Но среди мотивов разбираемого поступка несомненно есть такой, который по интенсивности своего отрицательного тона и тесной связанности со всей обстановкой боя должен занять центральное место и заглушить, затормозить все остальные. Этот мотив—представление смертельной опасности во время боя. Ясно, что этот мотив никак не может вызвать движение вперед. Ясно, что он по контрасту вызовет другой мотив—представление о возможности спастись путем движения назад,—который будет снабжен таким интенсивным положительным чувственным тоном, что он тотчас же определит характер и направление дальнейшего движения. Однако этого движения назад нет,— наоборот, мы видим движение вперед. Так неужели же у человека, который действует вполне сознательно, нет этого представления об опасности? Или это представление, оставаясь в сознании бойца, как либо видоизменяется и теряет свою силу?

Первой возможности мы допустить не можем. На второй же мы остановимся.

Дело в том, что не всегда у того или другого представления свойственный ему чувственный тон определенного знака, качества и силы остается неизменным. Весьма часто другое представление (комплекс представлений), будучи в ассоциативной связи с данным представлением и обладая более интенсивным чувственным тоном, переносит на него этот свой чувственный тон, хотя бы даже и противоположного знака.

Поясним примером. В прекрасной живописной местности, где я получил столько наслаждений от созерцания красот природы, умирает близкий, горячо любимый мною человек. Эта смерть причиняет мне огромное горе, заставляет меня сильно страдать. Впоследствии воспо-

минания об этой местности, или даже созерцание ее вызывает во мне не прежнее наслаждение, а страдание. Что же здесь произошло? Комплекс представлений, относящийся к смерти любимого человека и окрашенный интенсивным, отрицательным, чувственным тоном, вступает в тесную ассоциативную связь с комплексом представлений, относящимся к местности, где произошла смерть. Чувственный тон первого комплекса, благодаря своей большей интенсивности, переносится на второй комплекс представлений, относящийся к местности, и поглощает его собственный положительный чувственный тон. Поэтому, как воспроизведенное представление этой местности (образ воспоминания), так и новое зрительное ощущение, получаемое от позднейшего созерцания ее, окрашиваются отрицательным чувственным тоном, вовсе несвойственным самостоятельной природе этих представлений и ощущений. Здесь таким образом проявляется особый психологический закон, который называется „иррадиацией интеллектуального чувственного тона", и согласно которому чувственный тон одного представления переносится на другое, и часто с этого другого на соответствующее ему ощущение. Последнее явление есть „рефлексия".

Ясно, что комбинации в явлениях этого рода могут быть самые разнообразные и сложные.

И в разбираемом нами случае та или другая комбинация, вытекающая из упомянутого психологического закона, несомненно имеет место. Представление о непосредственной опасности для жизни, само по себе имеющее интенсивный чувственный тон отрицательного знака, получает интенсивный чувственный тон положительного знака от тесно связанного с ним комплекса представлений. Этот комплекс представлений в каждом отдельном случае может иметь отношение к самым разнообразным жизненным явлениям, которые занимают центральное место в сознании человека или в течение всей его жизни, или в течении определенного периода его жизни. При этом явления эти тесно связаны с эмоциональными переживаниями. Сюда относится честолюбие, соревнование, любовь к женщине, далее: классовое самосознание, идея мирового коммунизма, революционный порыв и пр. У Наполеона, например, таким центральным местом в жизни была жажда власти и славы; у нашего красного героя—революционный порыв—Власть Советов, Коммунизм, Мировой Коммунизм. Значимость для личного Я этих комплексов представлений может быть огромна; чувственный тон, свойственный им, может быть более интенсивен, чем отрицательный чувственный тон, свойственный представлению о смертельной опасности, почему последний и поглощается, как бы растворяется в первом.

При этом связь между комплексами представлений может устанавливаться гораздо раньше—еще в процессе воспитания личности, особенно в том случае, когда это воспитание чисто военное. Отсюда ведь возникает особый военный задор, бреттерство, вытекающее из чувства презрения к опасности. Таким же образом не только само

представление об опасности, но и ощущение этой опасности (зрительные и слуховые ощущения при артиллерийском, пулеметном и ружейном огне, вид падающих товарищей) может быть окрашено интенсивным положительным чувственным тоном определенного качества. „Любовь к приключениям“, „любовь к опасности“—не слова только, а реальные психические факты этого же происхождения.

Таким образом вполне сознательный ряд действий во время атаки с психологической точки зрения является вполне возможным. Правда, он может быть только у человека, который способен при всяких обстоятельствах сохранить хладнокровие,—у которого (человека) переживания высшего порядка, в противоположность инстинктивным, живы и ярки настолько, что подавляют и заглушают эти последние.

Между автоматическими и вполне сознательными действиями, как между двумя крайними полюсами, можно уложить все многообразие действий атакующих со всеми их переходными чертами и оттенками.

Проф. *В. Ф. Миллер.*

Классовая точка зрения в вопросах истории и войны.

(Окончание).

III.

После общего методологического анализа сущность классовой точки зрения в применении к научным исследованиям вообще (1-я статья) и краткого разбора важнейших сочинений, применявших материалистическую точку зрения к вопросам войны (II-я статья) я перехожу к освещению классового содержания некоторых страниц военной истории. При этом надо помнить, что к тем опасностям, которые вытекают из неясного понимания самой классовой точки зрения (1) и из сложности и изменчивости классовых отношений (2) прибавляется еще специфическая трудность, органически связанная с изучением прошлой истории вообще и военной истории, в особенности.

Войну ведет государство, а не отдельные классы. С первого взгляда поэтому и кажется, что в войне не может быть классового содержания. И это ложное „внеклассовое“ представление о войне особенно важно поддерживать именно государству и именно во время войны, так как от „единства настроения“ и зависит, прежде всего, сила и боеспособность армии. Но внимательный анализ, как известно, показывает, что само государство есть лишь орган господствующего класса (или господствующих классов) для поддержания власти этих классов.

В войне этот факт должен, конечно, отразиться, и в первую голову напрашиваются два вывода, из него вытекающие: 1) цели

войны неизбежно являются, прежде всего, целями господствующего класса, и 2) самая война должна л е г ч е всего возникать между государствами, в которых господствуют различные классы.

Но столь же очевидно, что во избежание весьма крупных недоразумений надо сразу же ввести три очень серьезные поправки. Дело в том, что в более первобытных условиях, когда между различными обществами нет или почти нет товарного обмена, естественным, т. е. нормальным отношением таких обществ является состояние войны.

Одно общество относится к другому не как к сотруднику (хотя бы возможному), а как к элементу внешней среды, с которой общество неустанно борется, стремясь переделать и радикально покорить ее своим интересам.

С другой стороны, и в условиях развитого товарного обмена и обостреннейшей конкуренции эта конкуренция легко приводит к столкновению государств, во главе которых стоят *одинаковые* классы.

Наконец, история, в частности, новейшая и самоновейшая история показывает нам еще четвертый резко выраженный тип войны—войны национальной—направленной не против чуждого способа производства и класса, его представляющего, и не против конкурента, а против навязанной извне бюрократии, управителей из чуждой народности, иного государства *).

Разумеется, что эти типы войн часто накладываются друг на друга и в конкретных случаях подчас трудно разграничить одну тенденцию от другой.

Вообще война является событием сложным, в котором тесно переплетаются, смешиваются и иногда как бы совершенно сливаются разнороднейшие тенденции, иногда прямо противоположные друг другу. „Война“,—говорит Клаузевиц, „является не только настоящим хамелеоном, потому что она в каждом конкретном случае в известной степени меняет свою природу, но она, кроме того, в совокупности своей по отношению к господствующим в ней стремлениям, есть странная троица.

Она составлена: 1) из первоначального элемента насилия, из ненависти и вражды, которые должны рассматриваться, как слепой инстинкт природы, затем 2) из игры вероятностей и случайностей, которая делает ее свободной деятельностью души, и, наконец, 3) из подчиненного характера политического орудия, благодаря которому она становится простым делом рассудка“. Клаузевиц выражает здесь интересные и довольно правильные мысли в очень ненаучной (идеалистической) форме. В частности, ему совершенно чужда классовая точка зрения, да она и не могла быть ему известна, так как он писал в Пруссии в самом начале XIX столетия. Если бы он мог

*) Я имею в виду, напр., войну, которую вели повстанцы Гарибальди против австрийских войск в Италии, и аналогичные явления первой части XIX столетия. Сюда, отнюдь, нельзя отнести так называемую „борьбу за независимость“ Нидерландов в конце XVI века, которая была, наоборот, борьбой новонародившегося промышленного капитализма против стремившейся его задушить интервенции средневековых классов и сил.

в то время задуматься и задумался бы над влиянием классовых противоположностей на характер любой конкретной войны, ему пришлось бы еще гораздо резче подчеркнуть сложность и запутанность этого характера.

Наконец (как уже упомянуто выше), для исследователя эта запутанность еще бесконечно увеличивается благодаря тому, что именно во время войны и в вопросах войны беспредельно растет потребность в создании легенд, в лживом освещении событий и прямом извращении фактов.

Эта потребность в классовом обществе существует, правда, и в мирное время. Помимо сплошного извращения истории путем идеалистической „постановки ее на голову“, буржуазные (и полуфеодальные) историки в огромном большинстве своем не умеют отделаться от той массы совершенно лживых легенд, которые созданы для возвеличения „сильных мира сего“ и для затушевывания классовой подоплеки тех или иных „великих событий“.

Здесь историкам-марксистам предстоит, прежде всего, огромная чисто подготовительная работа, без которой никакое правильное освещение событий (и, в частности, освещение их классовой подоплеки) немыслимо. Очистка авгиевых конюшен „исторической науки“ только-только началась. Так, напр., знакомый уже нам Меринг должен был начать свои исследования по истории немецкой литературы в XVIII-м столетии с подробного разбора и уничтожения „легенды о Лессинге“, согласно которой талант этого выдающегося критика-просветителя и вдохновителя классической немецкой литературы расцвел под непосредственным благодетельным влиянием Пруссии и, в частности, семилетней войны, которую эта Пруссия вела, якобы, в „общенациональных“ интересах. Но за этой легендой оказалась сокрытой другая, более общая—о великой освободительной и просветительной роли Фридриха II, короля Прусского, прозванного историками „великим“. В своих лекциях, читанных в более позднее время в партийной школе в Берлине, Меринг насчитывает уже целых две легенды (разновременного происхождения), лживо разукрашивающих роль Пруссии и Гогенцоллернов в истории немецкого народа *). Эта двойная легенда

*) „На этот счет существуют две легенды, из которых более древняя изображает в ослепительном свете национальную миссию Гогенцоллернов, а более новая—их социальную миссию. Более старая легенда была выдвинута, приблизительно, два поколения тому назад, в половине 19 века, германской буржуазией, требовавшей в то время, чтобы прусским штыком было создано национальное единство, в котором она нуждалась для своих капиталистических целей, но для которого она не хотела жертвовать своими костями и кровью. Согласно этой легенде, прусское государство, в противоположность другим германским государствам, в особенности Австрии, всегда оказывало активную поддержку национальной идее и тем самым приобрело право на возглавление всей Германии. Новейшая же легенда, легенда о социальном королевстве Гогенцоллернов, о „королях бедноты“, вынырнула в то время, когда рабочий класс Германии начал сознавать свои классовые интересы; так как старая легенда уже сделала свое дело и с ней можно было расстаться, то теперь, согласно прямому распоряжению прусского министра народного просвещения, отечественной истории в народных школах учат по этой легенде“.

См. Франц Меринг—Немецкая история с конца средних веков, руководство для обучающих и для учащихся, Берлин 1922 года, стр. 62-63 русского перевода Степанова.

о Гогенцоллернах затем подробнее прослежена и разоблачена в двухтомном богато иллюстрированном сочинении Макса Мауренбрехера*). Задача этого издания заключалась в борьбе против наглого стремления Вильгельма II сделать своих „великих предков" (при том всех без исключения!) осью, вокруг которой, якобы, вращалась вся история Германии—стремления, которое свое внешнее выражение нашло не только в пресловутой „аллее побед" в Берлине, но и в бесчисленном количестве учебников, затопивших школы Германии и нещадно извращавших ее историю.

Разумеется, не одна германская история искажена подобной ложью. И Франция, напр., имела такие легенды и при том более грандиозные и влиятельные. Достаточно напомнить о Наполеоновской легенде.

Маркс в предисловии ко второму изданию „XVIII Брюмера" пишет: „Заключительные слова моего произведения: Но когда императорская мантия упадет, наконец, на плечи Людовика Бонапарта, чугунная статуя Наполеона низринется с высоты Вандомской колонны" —эти слова уже исполнились.

„Полковник Шарра начал нападение на культ Наполеона в своем произведении о кампании 1815 г. С тех пор и особенно в последние годы французская литература путем исторических исследований, критики, сатиры и острот покончила с Наполеоновской легендой. Вне пределов Франции этот насильственный разрыв с традиционной верой народной, эта громадная духовная революция остались мало замеченными и еще менее понятыми."

В этой „громадной духовной революции", в этом уничтожении легенды, отравлявшей и затемнявшей сознание французских народных масс, почетная роль принадлежит самому Марксу, ибо только он, пользуясь строго-материалистическим методом, сумел показать, как при определенных условиях классовой борьбы даже очень заурядная личность может стать господином положения.

Из ряда только что приведенных примеров видна не только общая громадная роль легендарных извращений, унаследованных нами от феодальной и капиталистической эпохи „исторической науки" вообще. Здесь наглядно выступает и тот факт, что этот легендарный мрак особенно сильно сгущается вокруг военных событий. Нет ничего удивительного, поэтому, что проф. Дельбрюк, на которого, как я уже указал, придется, главным образом, опираться в дальнейшем, начинает свой труд**) с чрезвычайно радикальной чистки науки от „авторитетов" и „первоисточников", из которых историки обычно черпают свои сведения. Меринг в своей брошюре—рецензии замечает по этому поводу: „Ужасна, поистине, та бойня, которую господин Дельбрюк устраивает среди античных авторов и средневековых хронистов, так

*) Макс Мауренбрехер—„Легенда о Гогенцоллернах", картинки культуры из прусской истории от XII до XX-го столетия, Берлин.

**) Hans Delbrük Geschichte der Kriegs Kunst im Rahmen der politischen Geschichte. I-й том вышел первым изданием в 1900, IV-й в 1920 году.

что, наверное, не у одного почтенного старца профессорского цеха, который, может быть, в течении 30 или 40 лет отзванивал своих „авторов—первоисточников“ из древности и средневековья, вздымается при этом виде на голове—парик“.

Кроме этой радикальной чистки исторической науки от ложных авторитетов, у Дельбрюка имеется еще специальная заслуга, находящаяся в некоторой (но только некоторой, как мы увидим,) связи с этой чисткой. Дельбрюку, как практическому и глубокому знатоку военного дела, подходящему к источникам не только с филологической, но и с вещественной критикой (Sachkritik), на каждом шагу приходится сильнейшим образом сокращать традиционные представления о числе войск, участвовавших в тех или иных битвах, в тех или иных походах. Так, например, историки, обычно вслед за Геродотом, исчисляют сухопутное войско Ксеркса при его походе на Грецию в 4 с лишним миллиона человек (вместе с обозом), а надпись на памятнике, воздвинутом впоследствии пелопонесцами в память битвы при Фермопилах, говорит о 3 миллионах персов. Но Дельбрюк на основании точного выяснения того пространства, которое занимают марширующие колонны, доказывает, как дважды два четыре, что в таком случае арриергард Ксеркса должен был выступить из ворот Сард как раз в то время, когда передовой отряд достиг Термопил. Он не допускает, чтобы войско Ксеркса превышало 40—55 тысяч, т. е. уменьшает его ровно в 100 раз против традиционного числа. То же самое относится, напр., к числу гельветов, даваемому Цезарем в книге о Галльской войне и т. д. и т. д. Приведу только еще один пример из новейшей истории: о битве при Гагельсберге (во время наполеоновских войн) всюду рассказывается, что в ней погибло 4000 французов, между тем как Дельбрюк на основании совершенно точных данных показывает, что их было убито не более 30.

С этой сугубо критической, строго-научной осторожностью и точностью в выводах связана еще другая особенность книги Дельбрюка. Он начинает свою историю военного искусства с персидских войн, отказываясь наотрез нарисовать картину военного искусства у древне-восточных народов, хотя известно, что наибольшее количество сведений, оставшихся от этих народов, касается именно их военной истории. Но огромное большинство этих сведений совсем недостоверны и проверка их либо вовсе невозможна (пока, по крайней мере) либо требует таких усилий, которые выходят из рамок даже такого неутомимого исследователя, как Дельбрюк. Между тем он твердо придерживается следующего правила: „Истинный и единственно правильный метод заключается не в том, чтобы, не имея достоверных сведений, довольствоваться менее достоверными и делать вид, что они в достаточной степени заслуживают доверия, а в том, чтобы разграничивать резко и определенно, что может почитаться хорошо переданным и что нет“. И так как главная масса наших сведений о событиях древне-восточной истории пока что представляет из себя кучу абсолютно

не достоверных рассказов и измышлений, Дельбрюк и воздерживается от изложения этих событий*).

„Гигантской фигурой стоит полководец Мильтиад у входа во всемирную историю войн“, говорит Дельбрюк и, тонко проанализировав оборонительно-наступательную тактику этого полководца в битве при Марафоне, прибавляет „нам предстоит рассказать еще много подобного, но ничего более великого“.

Действительно, греко-персидские войны вообще являются замечательной гранью во всемирной истории, гранью, с которой начинается не только новая страница, но даже совершенно новый отдел ее, начинается, в частности, история подлинной строго-критической науки, родного нам искусства—словом, история нашей культуры, история глубоко-демократических движений и революций и т. д.

В Греции, впервые на почве мощного развития городского ремесла и торгового мореплавания, городская демократия становится во главе государственной жизни, между тем как во всех азиатских восточных деспотиях, в том числе и в персидской державе, которая явилась как бы наследницей и об'единительницей цивилизаций Западной Азии, господствующей силой остается деспотически централизованная военная аристократия.

Эта противоположность двух способов производства, во главе которых стоят два разных класса (или две различные классовые группировки), разумеется, отражается и в войне, в военном строе и искусстве, что довольно хорошо изображено Дельбрюком. С одной стороны, выступает фаланга, с другой стороны—рассыпанный строй персидских войск, несколько напоминающий рыцарские войска средних веков, с той, однако, разницей, что вооружение персов было гораздо более примитивным, чем вооружение средневековых воинов**). Эти два вида военного строя отражают не только высоту производительных сил, не только характер общественных отношений вообще, но и классовую структуру двух обществ. Греческая фаланга, основу которой составляла тяжело вооруженная пехота (гоплиты)—теснейшим образом связана с гегемонией города, с высоко развитым ремеслом и с городским демократическим строем. В присяге Афинских граждан специально говорилось „и не оставлю соседа, рядом с которым стою“,

*) Такая истинно-научная осторожность, которой, как я показал в прошлой статье, отличался и Маркс, к несчастью, вовсе не свойственна некоторым марксистам. Особенно это относится к А. БОГДАНОВУ, который, напр. в своей чрезвычайно рискованной конструкции и характеристике особой стадии общественного развития, называемой им то авторитарно-родовым, то патриархально-родовым строем, опирается, прежде всего, на ЗАВЕДОМО и ОСОБЕННО недостоверные сведения пятикнижия Моисея,—а отчасти просто на свои философские размышления, что, конечно, еще менее допустимо.

**) Средние века сохранили от античного мира технику вооружения, как они сохранили ветреный и водяной двигатели. Вообще техника *в известных пределах передается* в отсталые страны раньше, чем породившие ее общественные формы труда (общественные отношения). Это несколько сбивает даже Дельбрюка, который не оттеняет, что *первоначально развитое* судостроение, постройка мостов, молов и т. д. наблюдается именно в Греции.

Таким образом, военное превосходство мелких греческих государств над персидской державой („Первой в истории великой державой—как выражается Виппер. Лекции по истории Греции“ стр. 122) касалось не только вооружения, но и тактики (Виппер, там же стр. 120). То же самое надо сказать и о флоте „Афинская мощь на море покоилась на выучке ее моряков“, говорит один из новейших авторов, писавших о технике древней Греции *). Автор этот, между прочим, противопоставляет в данном месте это преимущество в выучке (иначе говоря, организационное преимущество)—морской технике, находя, что в отношении кораблестроения Афины не имели такого преимущества перед восточными державами, в частности, Персией. Но такое противопоставление неточно. Из других примеров мы знаем, что технические достижения греков легко и естественно использовывались и перенимались восточной персидской деспотией, которая могла щедро оплатить всякие услуги. Мы знаем, например, что тот понтонный мост, по которому персидский царь Дарий провел во время похода против скифов в 513 году свои войска через Геллеспонт, был построен для него греками из Малой Азии. Вообще вполне естественно и даже неизбежно, что именно в Греции, где впервые развилась *массовая, повседневная* морская перевозка товаров по всем направлениям, в связи с этим должна была развиться и техника кораблестроения до такой высоты, до какой она самостоятельно не могла развиться на востоке, даже в Финикии. Финикия по своему географическому положению также была предназначена к развитию морского транспорта, но не такого интенсивного, а главное, не так тесно связанного с развитием городской промышленности, как это имело место в греческом архипелаге**). Вообще же развитие техники неизбежно идет рука об руку с развитием тех отношений производства, того разделения и сочетания труда, которые характеризуют более высокую ступень хозяйственного развития, впервые укоренившуюся в Греции.

Только что отмеченный факт *обратного* заимствования более древним, но отставшим Востоком новых достижений Запада (с известным расширением этих достижений, но одновременно с обеднением их содержания и их базиса) мы имеем в случае монетной (и связанной с ней податной) реформы Дария. Эти реформы являлись необходимой экономической предпосылкой, без которой немыслима была бы та усиленная экспансивная политика, которая привела персов даже в Европу

*) См. сборник „Vom Altertum zur Gegenwart“ статью „Technik“ A. Rehm'a стр. 359 второго издания.

**) *Белох*, который, как известно, более других исследователей занимался экономической стороной греческой истории, пишет: „Во всяком случае, греки были, повидимому, уже опытными мореплавателями, когда финикияне появились на Эгейском море, потому что вся развитая морская терминология Гомера—чисто греческого происхождения или, по крайней мере, не обнаруживает никаких следов семитического влияния“. Там же Белох указывает, что римские морские термины заимствованы большей частью из греческого (Белох, «История Греции», перев. И. Гершензона 1897, стр. 58). Кстати замечу что Белох, наряду с Дельбрюком, является чуть ли не единственным источником Греции, подходящим к этой истории с точными методами и предметной критикой (Sachkritik). Он начал как статистик и историк народонаселения античного мира.

(сначала в походе против скифов, потом против Греции). Только правильное поступление налогов в виде золотой монеты, которая в любой момент могла быть обращена на снаряжение больших армий и флотов и на длительное их содержание, сделали возможной „великодержавную“ политику персидских царей. Но тем важнее подчеркнуть, что предпосылки монетной реформы Дария, т. е. введения в широком размере чеканки золотой монеты, выросли первоначально на греческой почве или, по крайней мере, в связи с *интенсивной торговлей греческих городов* *).

И здесь необходимо внести существеннейшую поправку в ту картину греко-персидских войн, которая русскому читателю преподнесена была в некоторых книгах профессором Р. Ю. Виппером. Этот ученый в свое время пользовался заслуженной известностью, как талантливый популяризатор, который умел быстро усваивать наиболее ценные элементы научных исследований нашего времени, и, в частности, до известной степени приближался к историческому материализму. Правда, и до решительного поворота этого ученого в сторону политической и научной реакции (этот поворот есть частный случай того массового и безудержного поправения, который имел место в среде русской интеллигенции после событий 3—5 июля 1917 года и который уже отмечен мной в одном из примечаний к первой статье) в его писаниях были серьезные дефекты. Наряду с подчеркиванием классовых производственных отношений у него часто встречаются совершенно идеалистические конструкции. Еще хуже, пожалуй, то, что в интересах „гладкости“ и „интересности“ изложения он часто позволял себе такие упрощения или такое вольное толкование фактов, которое находилось в вопиющем противоречии с результатами строго научного анализа.

Такой именно случай имел место при изображении им греко-персидских войн в его очень известных и распространенных „лекциях по истории Греции“ (цитирую по 3-му изданию. Москва 1909).

Излагая ход этого грандиозного (не столько по количеству участвовавших лиц, сколько по всемирно историческому значению) события, Виппер вполне правильно, прежде всего, исходит из результатов классических исследований Дельбрюка и в общем присоединяется к решительному редуцированию тех фантастических цифр, которые сообщает Геродот и его более или менее легендарные источники о силе персидских войск. Но, продемонстрировав необходимость такой поправки, он неожиданно и в полном противоречии с Дельбрюковскими результатами прибавляет: „Сведение традиционных цифр на более скромные величины неизбежно связано (!?) с пересмотром дру-

*) Белох „История Греции“ 1 стр. 171, Виппер. „Лекции по истории Греции“ стр. 123. Тут надо исправить неточность, вкравшуюся в один из популярных учебников Виппера, в его „Учебник древней истории (Москва 1911). Он здесь на стр. 40 говорит о монете в древнем Вавилоне, хотя в других местах сам прекрасно выясняет, что настоящей монеты там не было, а употреблялись лишь слитки, кольца и т. п. изделия из драгоценных металлов.

гих известий, относящихся к греко-персидской войне. Традиция распределила очень неравномерно свет и тени. На одной стороне будто-бы неумение, отсутствие плана, пассивность насильно приведенных варварских народностей, на другой — *одушевление, обдуманность, искусство*. Благодаря такой характеристике закрывались своеобразно-интересные стороны организации большой персидской державы"... И в результате обзора этих „своеобразно-интересных" сторон, сделанного на основании свидетельств того же Геродота, который является основным нашим источником для характеристики греко-персидских войн, Виппер решается на такой радикальный и сногсшибательный вывод: „Едва ли можно представлять борьбу греков с персами, как столкновение культуры и варварства. Персы были культурным народом".

Этот удивительный и неожиданный наскок, опрокидывающий все наши привычные представления о древней Греции и древнем востоке, все же до известной степени понятен в данном контексте. Во первых, он должен естественно обострить внимание студентов по адресу „своеобразно-интересных" сторон персидской державы, во вторых, является вообще „литературным переходом" от предыдущей темы (критика геродотовских цифр) к последующей (описанию персидского государства). Но если отвлечься от этих внешних задач изложения и преподавания, надо сказать, что по существу такой подход к событиям „закрывает" не только правильное представление об общем их ходе, но и о научном методе, который необходим для правильного их освещения.

Начнем с метода. У читателя, естественно, создается такое впечатление: Дельбрюк гениально вскрыл неточность традиции в отношении числа войск. Виппер идет дальше и не менее „гениально" вскрывает неточность той же традиции в отношении характеристики самого столкновения. Но тут довольно искусно скрыта одна малость, вопрос о том, какими путями исследователь доходит до своих выводов. Дельбрюк неустанно повторяет, все снова и снова подчеркивает, что поправки к сообщениям первоисточников и очевидцев делаются им не с кондачка, а являются конечным результатом долголетних строго-методических исследований, которые, во первых, установили, что здесь имеется не случайная ошибка, а строго закономерная аберрация и, во вторых, позволили эту ошибку констатировать совершенно неопровержимо, так сказать, с физической (Маркс сказал бы „естественно-научной") точностью *). Чтобы притти к такому строго научному выводу, Дельбрюку надо было не только всю жизнь специально заниматься историей войн (при чем он шел опять таки методически единственно правильным путем: от более известного к менее

*) В предисловии к последнему (третьему) изданию 1-го тома „Истории военного искусства", вышедшему в 1920 году, Дельбрюк подчеркивает, что в истории (и это относится к общественным наукам вообще) «где нельзя обратиться к эксперименту» приходится тратить много сил и слов на то, чтобы выяснить себе самому, а главное, другим „что физически мыслимо и что является физически невозможным". Это сильно напоминает некоторые замечания Маркса в предисловии к „Капиталу".

известному, от новейшего времени к новому и к концу средневековья, а затем к древности, поясняя последнюю примерами из более близких к нам эпох)—надо было, кроме того, иметь непосредственное практическое отношение к военному искусству и поучаться этому делу не только из книг, но также из прямого общения с выдающимися военными знатоками и авторитетами. Обо всем этом Дельбрюк считает необходимым подробно сообщить своим читателям в ряде предисловий к тем или другим томам „Истории военного искусства". Он прекрасно понимает, что только такой долгий и тернистый путь обеспечивает истинно-научную достоверность результатов. Зато он имеет то глубокое удовлетворение, что с годами прочность его выводов не только не ослабевает, а, наоборот, упрочивается, и что постепенно все знатоки данной конкретной эпохи (относительно греко-персидских войн достаточно упомянуть Эдуарда Мейера) переходят на его точку зрения, хотя разумеется борьба против ученой рутины, а также против постоянно вновь создаваемой путаницы, нелегка *).

Обратимся теперь к Випперу. Мы знаем, что он является автором ряда популярных и бойко написанных учебников по всем эпохам мировой истории **), знаем также, что диссертация его касается истории реформации в Женеве, что он писал так же по вопросам методологии истории и даже по общефилософским вопросам, при чем защищал модную тогда в России точку зрения „чистого опыта". Но ни откуда не видно, чтобы он *методически* шел к пересмотру такого огромного и кардинального вопроса, как отношение античной культуры к тому, что сами греки, зачинатели точной, методической науки и „классического" искусства, так упорно и настойчиво называли варварством. Наоборот, мы видели, что „открытие" проф. Виппера носит все черты чисто литературного, „беллетристического" (по терминологии Маркса), ad hoc придуманного эффектного жеста. Виппер так несерьезно подходит к доказательству своей выдумки, что главным аргументом его выставляет чисто *психологическое* соображение, при том соображение при ближайшем рассмотрении прямо нелепое. Он хочет нас уверить, что хотя Геродот при описании быта и политического устройства Персии заслуживает величайшего доверия, но при описании самой войны „поддался национальному преувеличению" и совершенно неверно изобразил ее общий характер. Чтобы один и тот же человек, в одном и том же сочинении, с одной стороны искажал под влиянием национального чувства общий характер событий и тут же рядом (при описании „национальных врагов"!) от такого чувства оказывался совершенно свободным—это такая гипотеза, которая не только не может служить аргументом, но сама требует сильнейших

*) „Новые идеи должны прокладывать себе дорогу в борьбе не только против упорного сопротивления традиции, но и против, пожалуй, еще более безнадежных недоразумений (gegen das noch unbelehrbare Misverständnis)" меланхолически замечает Дельбрюк. Образчиком таких „недоразумений" является разбираемая теория проф. Виппера. История марксизма также полна таких тупоупрямых „недоразумений".

**) Причем, в отличие от Дельбрюка, он занимался всеми сторонами истории, а не одной из них.

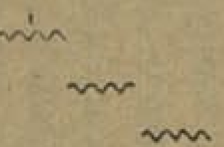
и усиленнейших доказательств, так как ее вероятность почти равна нулю. Впрочем, наряду с этим аргументом, огульно бракующим все свидетельства Геродота о характере военных действий, имеется еще другой, который должен показать, что персы „тоже“ были культурным народом: „Их религия насколько мы можем судить, составляла возвышенную систему идей“. Но этот аргумент, ставящий на одну доску „возвышенную (насколько мы можем судить!) религию“ и первых создателей науки и научного мировоззрения, более похож на насмешку автора над самим собой. Однако, такие „мысли“, высказанные в 1909 году, лучше позволяют понять „научные“ (т. е. антинаучные) подвиги, которыми Виппер стал отличаться после поворота 1917 года (его книги о происхождении христианства, о кризисе исторической науки и т. д.). Французская пословица говорит, что всякий имеет недостатки своих достоинств и достоинства своих недостатков. Вместе с даром популяризации слишком легко (если не следить за собой) развивается „легкость в мыслях необыкновенная“.

После всего сказанного неудивительно, что и конечный результат „открытия“ Виппера прямо противоположен тому, что мы наблюдали в случае в Дельбрюком. В более поздней книге своей „История Греции в классическую эпоху“, которая является в основе своей расширенным повторением „лекций“ *), он не только не может похвастаться переходом на его точку зрения кого-либо из крупных научных авторитетов, но даже сам *фактически от нее отказывается*. Делает он это, к сожалению, не прямо и открыто, а при помощи фигуры умолчания: он просто ни словом больше не упоминает о ней. И об этом надо пожалеть, потому что при прямом признании ошибки получилось бы, по крайней мере, очень поучительное наставление студентам о том, *как не следует* создавать теории. При нынешнем же положении дела не только такого поучения не получается, но ошибка остается, собственно, неисправленной и через посредство старых руководств (напомню, что „лекции“, в виду своей большой сжатости и других достоинств, часто рекомендуются преимущественно перед „историей“) продолжает вливаться в головы читателей. Мало того: забыв свою слишком поспешную „поправку“, проф. Виппер вместе с тем стесняется занять обычную правильную позицию, ту позицию, которую он с таким удивительным легкомыслием взялся критиковать. В результате, в книге 1916 года получается по данному вопросу досадное пустое место. Ибо если проф. Виппер конечное торжество греков и, в частности, быструю и успешную организацию афинской морской державы об'ясняет „стечением внешних и случайных обстоятельств (см. „Историю Греции“, стр. 210), то это в научном отношении является именно пустым местом, тем более досадным и поразительным, что оно странно контрастирует со всеми теми данными, которые тут же рядом сообщаются о ходе событий.

На данном примере мы наглядно видим, как слишком большая поспешность и неосмотрительность в выводах в конечном итоге при-

*) Эта книга вышла первым изданием в Москве в 1916 году.

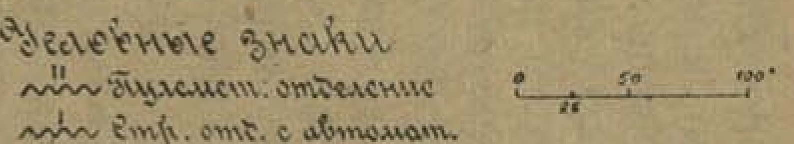

Рис. 1.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 2.

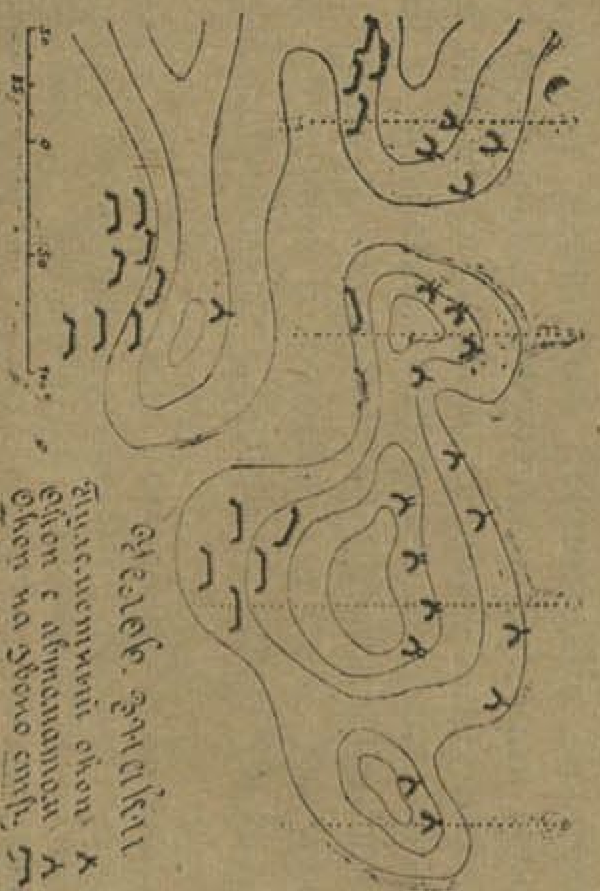

Рис. 5.

водит к скептицизму, шатаниям и прямому теоретическому нигилизму. Такой нигилизм характерен для огромного большинства буржуазных, немарксистских писаний по общественным наукам. С одной стороны, мысль, связанная буржуазным горизонтом и натыкаясь на „неудобные“ факты, начинает охотно предаваться поверхностному импрессионизму (вульгарная политическая экономия), с другой стороны, упрочение такого „метода“ (кстати соблазнительного своей „легкостью“) начинает и, помимо прямой заинтересованности, производить свои естественные плоды, а именно неимоверное количество одинаково поверхностных, друг друга побивающих, друг друга уничтожающих „теорий“, т. е., в общем итоге, чистый ноль *).

Если же мы от вопроса о методе обратимся к самому содержанию скороспелого вывода Виппера, то окажется, что этот вывод находится в прямом противоречии с теми исследованиями Дельбрюка, „в связи с которыми“ он, якобы, сделан. Виппер вырывает дельбрюковскую поправку к цифрам Геродота из общего контекста и потому получается совершенно ложное впечатление будто данные Геродота и его первоисточников *в особенной степени* недостоверны. Но вся совокупность тщательных исследований Дельбрюка говорит прямо противоположное. С одной стороны, слишком высокая оценка количества войск (особенно вражеских) проходит красной нитью *через всю историю войны*, вплоть до самого новейшего времени, и ей подпадают подчас самые добросовестные и об'ективные наблюдатели. Что касается, с другой стороны, отчетливости и достоверности рассказа Геродота, то она сравнительно очень высока (что, как мы видим, подчеркивает и Виппер, когда дело касается описания персидского государства), и это то обстоятельство и позволяет Дельбрюку начать „историю военного искусства“ с греко-персидских войн. Мало того, даже та неверная оценка соотношения сил, которую Геродот делает на основании тщательного опроса очевидцев—в этом специальном случае носит совершенно особый характер. Между тем, как очень часто такая неправильная оценка все же носит явный отпечаток более или менее бессознательного бахвальства, самообмана или даже просто надувательства, в данном случае она косвенным образом, в иррациональной форме, выражает некоторый чрезвычайно важный об'ективный факт, тот факт, что в руках „великого царя“ были огромные материальные силы, и войска, специально тренированные для больших военных экспедиций, у греков же лишь незначительные ополчения небольших кантонов, чрезвычайно капризные, соглашавшиеся часто биться лишь у самих подступов к родным городам. Эта антитеза, между прочим, отмечена и Виппером („История“, стр. 198), а Дельбрюк фор-

*) Этот нигилизм общественной науки, находящейся в зависимости от буржуазии периода упадка, хорошо формулирован и подчеркнут Будином в его книге „Теоретическая система Карла Маркса“. Вот почему эта буржуазия (даже радикальная и очень, с первого взгляда, прогрессивная) так падка до скептических и полускептических философских учений, к каковым, безусловно, надо отнести и ту „философию чистого опыта“, которой увлекался проф. Ю. Р. Виппер.

мулирует ее в следующих словах „фактически при Марафоне гражданское ополчение маленькой республики разбило профессиональное воинство великого деспота“. Но для легенды, поясняет он далее, это слишком сложная связь: „Категория качества для массы слишком тонка; масса преобразует ее в категорию количества“. И затем Дельбрюк основной смысл своих любопытных пояснений еще раз резюмирует следующими словами: „Мы имеем пред собой легенду, но не ложь“.

Дельбрюк подошел здесь с неожиданной стороны к чрезвычайно важному факту, бросающему яркий свет на глубокую противоположность древнего востока и античной Греции. В Греции не только впервые родилась подлинно-научная мысль и гармонически-стройное искусство на этой новой почве (новой не только в географическом, но и в экономическом смысле), даже легендарные предания и полурелигиозные мифы (как, кстати сказать, и сама религия) приобретают какой-то новый характер, делающий их как бы преддверием к будущему, к рациональной науке и светскому искусству *). Они как бы пронизаны грядущим светом и от этого внутреннего света тают и исчезают древне-восточные чудовища и демоны суеверия, изуверства и ирреальной фантастики. Недаром до сих пор греческие мифы в руках выдающихся мыслителей служат излюбленным средством для выявления сокровенных и глубоких истин. Особенно показателен в этом отношении великий родоначальник новой философии и современного материализма Фрэнсис Бэкон, который, исходя из „мудрости древних“, т. е. из древне-греческих мифов, развивает в чрезвычайно художественной и яркой форме целый ряд глубоких мыслей, вошедших затем в философскую сокровищницу его последователей и продолжателей.

Такое значение греческих легенд и мифов чрезвычайно наглядно проявляется, между прочим, еще на другом примере, приводимом Дельбрюком. Речь идет о происхождении, о первом появлении фаланги, этого своеобразного греками введенного военного строя. Исходя из своих строго-научных принципов, Дельбрюк отказывается, при нынешнем состоянии наших знаний, дать точный, категорический ответ на этот вопрос. Но некоторый любопытный, хотя и предварительный, несовершенный свет на него проливает следующий миф. Когда спартанцы неожиданно напали на гераклидов во время жертвоприношения, атакованные послали вперед игроков на флейте, гоплиты же, шествуя сообразно мелодии и ритму, образовали и неразрывно удерживали боевую линию и победили. Здесь в поэтической форме выступает перед нами тот принцип свободного, но гармонически согласованного выступления, который мог расцвесть только на почве автономных (autonomia autarceica) городов—республик, на почве развития интенсивного обмена и многообразных ремесл, своим быстрым разветвлением радикально порвавших старинную оболочку кастовых, бессознательных, внешне авторитарных форм труда.

*) Гете, великий представитель неогуманизма конца XVIII-го столетия, формулировал отношение этих трех явлений следующим образом: у кого есть наука и искусство, тот имеет религию; кто не знает науки и искусства, у того пусть будет религия.

Одним словом, мы видим, что новейшие специальные исследования лишь подтверждают, подкрепляют и развивают ту картину событий, которую на заре научной мысли вообще и исторической науки, в частности, в полуидеалистической и даже полумифической форме набросали передовые люди самой Греции. Греко-персидские войны возникли из несовместимости, из противоборства двух способов производства. Новый способ производства вылупился из предшествующих форм жизни впервые на малоазиатском берегу Эгейского моря и потому ионийские колонии с торговым городом Милетом стали не только первым очагом новой культуры, но и первыми центрами сопротивления против персидского господства. В дальнейшем центр этого нового способа производства вместе с мореплаванием, естественно, передвигался на запад и в процессе борьбы против Персии главенствующее положение занял тот город центральной Греции, который легче всего мог развить не только сухопутное, но, прежде всего, морское могущество. Конечный же исход борьбы был предрешен именно тем, что в пределах Эгейского архипелага крепко укоренился и вырос высший способ производства, с которым была связана не только более совершенная техника, но и высшая форма организации и более высокая степень интеллигентности. Разумеется, в этой могучей и знаменательной борьбе сильнейшим образом проявились классовые силы и стремления. Если в самой Греции новый способ производства прокладывал себе путь лишь в беспрестанной, ожесточеннейшей борьбе против старых классов—особенно поземельной аристократии—то, естественно, что и во время борьбы против персов эти реакционные тенденции помещиков давали себя чувствовать в сильнейшей степени.

Это ретроградное классовое влияние наглядно сказывалось в том, что персы во время первого похода (царя Дария) везли с собой бывшего афинского тирана Гиппия, желая вернуть его в качестве властителя в этот особенно ненавистный им город. Ведь именно Афины помогали малоазиатским грекам в их восстании 500 года, между тем как Спарта не послала подкрепления. Указанный классовый элемент сказался еще ярче при втором походе персов в царствование Ксеркса, когда многие греческие города, в которых господствовали аристократические фамилии, ждали удобного момента, чтобы присоединиться к ним. Правда, Спарта на этот раз решила сопротивляться, и здесь проявляется, между прочим, та сложность классовых отношений, о которой я говорил в начале этой статьи. Помимо всех прочих соображений и влияний, которыми в это решительное время могла руководствоваться аристократия, господствовавшая в Спарте *), са-

*) Говоря о Спарте и, в частности, о классовых отношениях в ней, опять таки приходится быть сугубо осторожным. Недаром один из новейших и остроумнейших знатоков древней Греции, Вилламовитц-Меллендорф, говорит о „Спартанской легенде" проводниками которой были, между прочим, Сократ и Платон, и против которой стремился бороться Аристотель (Willamowitz—Moellendorf „Aristoteles und Athen", Berlin 1893. Band I p. 363). Притом мы здесь имеем дело с легендой не наивно-мифического, а злостно реакционного характера.

мый классовый интерес ее двоился. Она, несомненно, не очень дружелюбно относилась к афинской демократии, но в результате персидского завоевания ей самой грозила, по крайней мере, частичная отставка или хотя бы очень значительное ущемление ее доходов, так как она господствовала над довольно обширной территорией и разнородными племенами.

Такая же, если не большая, сложность и противоречивость классовых отношений и интересов господствует в следующей крупнейшей и знаменитейшей войне—в пелопонесской. О ней мы осведомлены еще гораздо лучше, чем о греко-персидских, так как ее описал никто иной, как Фукидид, великий родоначальник строго-критического метода в исторической науке, который к тому же, несомненно, обвеян материалистическим духом, естественно проявлявшимся в наиболее передовых научных достижениях того времени (Демокрита, софистов, отчасти у Аристотеля).

Конечно, Фукидид не был историческим материалистом в нашем смысле слова. Он видел движущую силу истории преимущественно в отдельных личностях и чисто по афински любил рисовать эти личности в их ораторских выступлениях, отчасти, несомненно, вымышленных. Он не интересовался чисто экономической жизнью воюющих государств, хотя часто упоминает об экономических интересах, проявлявшихся в тех или иных политических отношениях*). Но у нас об этой эпохе расцвета литературы, искусства, науки греческой жизни, эпохе насквозь пронизанной, так сказать, внутренним светом, имеется такая масса других точных данных, что мы можем составить себе довольно надежную картину внутренней связи событий. После греко-персидских войн Афины стали не только первоклассной морской державой, но и безусловно первенствующей общиной Греции, перегнав в этом отношении Спарту, которая, как наиболее компактное политическое целое, раньше (и еще во время персидских войн) претендовала на роль руководителя (гегемона).

С другой стороны, борьба между остатками аристократии и новыми классами отнюдь не затихла во время персидских войн, а наоборот, получила, как мы знаем, новую пищу**), и еще более обостри-

*) Пользуюсь случаем обратить внимание на очень часто встречающееся недоразумение, будто исторический материализм видит конечную пружину истории в классовых интересах и интересах вообще. Такой взгляд, часто встречающийся в наше время и часто смешиваемый с марксизмом, не есть материалистическая точка зрения, так как интересы реально действуют лишь, как осознанные интересы, т. е. как факт сознания. На самом деле и самый характер интересов и степень осознанности их и вообще самое понимание интересов определяется в конечном счете условиями производства и обмена, условиями материального бытия данных групп. Данный человек может понимать свои интересы очень узко и превратно или очень широко, что зависит, в первую очередь, от развития производительных сил (интеллигентность), во вторую—от условий классовой борьбы и т. д.

**) В последующий после столкновений 490 и 480 г. г. период борьба с персами продолжалась, главным образом, под руководством Афин, и обвинение в „милизме", т. е. в сочувствии персам стало одним из самых опасных и ходячих орудий политической борьбы. Под таким лозунгом и совершился целый ряд демократических переворотов в различных общинах Греции.

лась. Наконец, с дальнейшим развитием торговли и городской промышленности, быстро превращавшейся из ремесла в крупное рабовладельческое производство на обширный внешний рынок, обострялось и торговое соперничество, конкуренция между наиболее торговыми и промышленными центрами. Из комбинации этих трех тенденций и разгорелась пелопонесская война. Наиболее близкой и непосредственно видимой причиной была конкуренция между Афинами, с одной стороны, Коринфом и Мегарой—с другой. Последние города были поддержаны Спартой. Точнее говоря, Коринф и другие греческие общины, страдавшие от конкуренции Афин и от явного стремления их захватить торговую монополию чуть ли не на всем протяжении Средиземного и Черного морей—эти соперничавшие с Афинами общины должны были искать поддержки в Спарте и у пелопонесского союза, как единственной силы, которая могла тягаться с афинской морской державой. Поэтому до известной степени прав Фукидид, когда видит в распрях между коринфянами и афинянами лишь повод, а более глубокую причину войны в исконном соперничестве между Спартой и афинским государством. А так как противоборство этих двух сил было в значительнейшей степени борьбой двух классов—борьбой между остатками аристократии и олигархической знати, с одной стороны, радикально-демократическими низами (преимущественно так называемой „мореходной чернью“, как любили выражаться олигархи), с другой стороны, то пелопонесская война превратилась в резко выраженную классовую войну.

Нельзя сказать, чтобы эти две классовых группировки определенно представляли два различных способа производства, так как и олигархические элементы, благодаря быстрому экономическому развитию Греции, были сильнейшим образом втянуты в интересы городской промышленности и торговли. Но старые классы упорно цеплялись за старые политические формы и связанные с ними вековые привиллегии, новые же элементы общества, представленные прежде всего афинским демосом, бурно и настойчиво рвались вперед, к политическому строю, который выдвигался и требовался этим головокружительным хозяйственным развитием. Известно, что на почве крупного рабовладельческого производства и интенсивнейшей морской торговли в Афинах развились такие формы демократии и непосредственного народоправства, которые в некоторых отношениях ушли далеко вперед по сравнению с современными буржуазными демократиями Запада. Именно на почве этой демократии только и могли развиться наиболее характерные цветы античной культуры: рационалистическая наука, всенародное искусство, красноречие, политические знания и т. д. Естественно, что афинский народ пользовался всяким сколько-нибудь подходящим случаем, чтобы дать преобладание демократическим элементам греческого мира над олигархическими и аристократическими. Каждое отпадение какой-либо из союзных общин от организованной Афинами (первоначально в борьбе с персами) морской симмахии стереотипно кончалось экзекуцией, связанной с изгна-

нием олигархических фамилий и установлением демократического строя. Во многих общинах этот строй был точным сколком с афинской демократической конституции. Иногда эта нововводимая демократия ставилась под прямую защиту афинского военачальника и его отряда. С другой стороны, главным орудием Спарты и организованного ею пелопонесского союза была поддержка олигархических элементов во враждебном стане. Это обстоятельство чрезвычайно остро и наглядно сказалось уже в войне 459—446 между Спартой и Афинами, которую иногда называют „первой пелопонесской“ и которая действительно является как бы прелюдией или репетицией великой борьбы (кстати сказать, и эта „первая пелопонесская война“ непосредственным поводом имела столкновение между Афинами и Коринфом, который и в этом случае пустил в ход все средства, чтобы втянуть Спарту в войну: мы видим, что все важнейшие факторы этих столкновений являются не случайными, а длительными и закономерными). Спартанцы, переправившись в среднюю Грецию, поставили Афины в чрезвычайно тяжелое и опасное положение, во-первых, тем, что в соседней с Аттикой Беотии организовали и сплотили аристократические силы этой отсталой земледельческой страны, с другой тем, что определенно стали спекулировать на восстание и поддержку реакционных элементов в самих Афинах. Афины вынуждены были добиваться перемирия в срочном порядке, для чего послали в Спарту не представителя радикальной демократии, а консервативного политика Кимона, которого только что вернули из изгнания и который, как „друг Спарты“, легче всего мог добиться просимого. Это был тот самый Кимон, против партии которого за несколько лет перед тем была проведена великая демократическая реформа 462 года и который тогда был отправлен в изгнание „за спартанофильство и вражду к народу“.

Такую же картину самой ожесточенной и безудержной классовой борьбы представляет и сама пелопонесская война, раздиравшая Грецию с 431 до 404 года. Разница только в том, что во время этой колоссальной схватки в партийную и классовую борьбу были втянуты почти все общины Греции и что эта борьба носила еще гораздо более беспардонный и кровавый характер. Фукидид по этому поводу говорит прямо об одичании Греции. Неудивительно, что победа Спарты привела к установлению олигархии в Афинах, именно к установлению власти так называемых 30 тиранов, управлявших под защитой спартанского гарнизона и ознаменовавших свое кратковременное господство казнями и массовыми высылками. Неудивительно также, что после неизбежного восстановления демократии (правда, умеренной), эта демократия должна была принять меры против слишком беззастенчивой реакционной и спартанофильской пропаганды, процветавшей среди Афинской интеллигенции во время самой пелопонесской войны и не унимавшейся даже после всех несчастий, обрушившихся на Афины в результате Спартанской победы. Одной из таких мер был знаменитый процесс Сократа, окончившийся смертью этого философа,

Сократ был учителем Крития, самого реакционного и лютого из 30-ти тиранов, учителем Ксенофонта, одного из самых заядлых и активных реакционеров и сторонников Спарты. Наконец, знаменитейший из учеников Сократа Платон был, как мы уже видели, вместе с самим учителем, усердным создателем легенды о Спарте, возвеличивавшей и идеализировавшей это наиболее отсталое государство Греции. Естественно, что когда Сократ во время защитительной речи потребовал в награду за все эти заслуги перед родным городом дарового питания на Пританее, афинские присяжные увидели в этом прямой вызов и присудили его к смертной казни.

Смысл этого процесса, как известно, совершенно иначе представляется в обычной школьной передаче, в историях философии и в дошедшей до нас из древности идеалистической традиции вообще. При идеалистическом взгляде, для которого философия развивается в безвоздушном пространстве, впрочем, и не может быть правильного понимания этого события. Хуже, что даже авторы, от которых как будто можно было ждать более или менее научного отношения к вопросу, дают абсолютно ложное освещение его. Я имею в виду того же Виппера, со странностями которого мы уже познакомились и который как будто задается специальной целью извратить изложенные события путем совершенно ложного, да к тому же и произвольного, из пальцев высосанного, толкования их*). Этим путем ему действительно удается превратить сравнительно простые и ясные факты в какую-то мудреную загадку, с которой он затем очень долго возится, ничего в сущности не выясняя, а еще больше запутывая проблему добавочными гипотезами и натяжками. Начинается с того, что ему в афинской демократии хочется найти обязательно нечто в роде инквизиции (это слово он повторяет неоднократно). Для этого он подробно останавливается на процессе Анаксагора, который был изгнан из Афин за свои астрономические теории, в которых усмотрено было (конечно, не без основания) отрицание оффициально признанных богов. Но, во-первых, более чем странно сравнивать публичный, почти всенародный афинский суд присяжных с инквизицией, а во-вторых, мы знаем, что это обвинение Анаксагора, подобно обвинениям художника Фидия, куртизанки Аспазии и других близких Периклу лиц, было просто хитрым трюком реакционеров, которые во что бы то ни стало хотели свалить великого демократического вождя, что им, как известно, в конце концов, и удалось. И если вдобавок вспомнить, что не было почти ни одного крупного политического афинского деятеля, который не побывал бы в изгнании, то смехотворность аналогии Виппера выступит во всем блеске. Но ему недостаточно одной подтасовки. Немного далее, характеризуя афинскую политическую комедию, которая, как известно, является ярким свидетельством самой крайней, можно сказать, необузданной свободы слова, Виппер считает возможным говорить о „трудных цензурных условиях", в которых

*) На сей раз новые „сногсшибательные" открытия мы находим не в „Лекциях по истории Греции", а во второй из упомянутых выше книг в „Истории Греции" (Москва 1916).

приходилось якобы жить этой комедии. Немного далее Виппер сам дает картину этой „цензуры“. В 426 году (в разгар пелопонесской войны после четвертого нападения Спартанцев на Аттику и сейчас же после опаснейшего восстания в союзной общине Митиленах!) Аристофан ставит пьесу „Вавилоняне“, в которой „хор состоял из союзников, которые были представлены рабами, изнывающими в каторге у господина демоса. „Клеон, который также был затронут в комедии и который состоял в то время казначеем союза, потянул автора на суд 500, пред'явив ему обвинение в том, „что он опозорил город в присутствии иностранцев и оскорбил народ в лице избранных им сановников“. О наказании драматурга ничего не сообщается. В следующем 425 году Аристофан ставит новую комедию „Ахарнцы“, а в 424 году „Всадников“, в которой он „обходя запрет, представил под очень прозрачной маскировкой Клеона, Никия, Демосфена; он позволил себе еще большую дерзость, дал каррикатуру самого демоса“. Но каком языке такие порядки называются „цензурой“? Как будто это скорее похоже на самую крайнюю свободу слова, эксцессы которой могут преследоваться только в судебном порядке.

Сделав белое черным, проф. Виппер затем на проблеме Сократовского процесса упражняется в противоположном искусстве. Он, конечно, не может отрицать того, что Сократ был идейным вдохновителем олигархической реакции, но, во-первых, пытается ослабить этот факт указанием на чисто теоретический характер проповеди Сократа, а главное выдвигает при этом такую массу добавочных произвольных конструкций и гипотез, что образ Сократа у него превращается в не менее „бледное пятно“, чем у бесчисленного количества прямых идеалистов, усердно превращавших этот процесс в какое-то столкновение мировой правды с завистливой толпой. Среди массы извращений, навороченных при этом проф. Виппером, особенно сильно искажает историческую перспективу его чрезвычайно „оригинальная“ попытка затушевать знаменательный поворот, который сделала в лице Сократа античная мысль, отвернувшись от физического (и вообще опытного) исследования мировых явлений к морализирующему копанию в „общих понятиях“. Отметая все свидетельства благоговейных поклонников и продолжателей Сократа— Платона и Ксенофонта, закрывая глаза на чрезвычайно резко выраженный характер всех вообще сократовских школ, Виппер решается опереться в данном вопросе на свидетельство аристофановской комедии, которую он сам в другом месте довольно удачно сравнивает с фарсом. По поводу такого „метода“ не стоит терять много слов. Между тем, повторяю, что этот усердно затушевываемый Виппером факт, настолько яркий, что его отмечают (различно оценивая его) философы и историки всех решительно направлений, имеет огромное всемирно-историческое значение. Сократ является вдохновителем не только политической реакции, но и реакции научной. И это тем важнее твердо помнить, что последующие века экономического, политического и культурного упадка вполне естественным (а отчасти

и искусственным) отбором сохранили для нас почти исключительно произведения этой научной реакции, да еще отчасти (только отчасти) таких соглашателей, как Аристотель*). При изучении древне-греческой истории и науки всегда надо принимать во внимание этот односторонний (односторонне-классовый) характер источников.

Остается об'яснить причину победы реакции как исторической так и научной. Причина эта заключается в том, что тот быстрый рост промышленности и торговли, на почве которого развивалась демократия и наука, неизбежно (по законам конкуренции) все более переходил на чрезвычайно шаткий и гнилой фундамент рабского труда и, в конце концов, приводил в тупик, из которого выход оказывался возможным только путем движения вспять. Рабовладельческая промышленность, с одной стороны, вытесняла и экономически подрывала благосостояние народной массы, с другой стороны—толкала к безудержной военной политике, еще более уничтожавшей цвет гражданства, и, в третьих, культивировала самые крайние формы общественной деморализации, и без того связанной с развитием товарного обмена**).

В Афинах, в конце V века, явственно намечается то, что потом в бесконечно большем масштабе повторилось на всей территории римской империи: обезлюженье страны. Народонаселение сократилось, для посылки новых военных колоний, игравших такую большую роль в афинской политике, не находилось людей. Вообще дальнейшее развитие античного мира состоит в том, что характерный для него способ производства (цветущее городское ремесло, переходящее в рабовладельческое крупное производство), быстро распространяется на новые страны, окружающие Средиземное море с его интенсивной торговлей, но в старых центрах наступает еще более быстрое и решительное его падение, так что общий уровень хозяйственной (и культурной) жизни в общем падает вместе с этим расщирением, вплоть до окончательного краха в V веке после Рождества Христова. Это развитие отражается и в эволюции военного искусства. Так, та преобразованная фаланга, при помощи которой македонские цари завоевали не только разложившиеся греческие общины, но и восток, вплоть до Инда, состояла из ядра гоплитов с расширением его хуже вооруженной массой воинов, поставлявшейся отсталыми земледельческими и пастушескими племенами северо-балканской державы. „Существенным“,—говорит Дельбрюк, „является то, что македонская фа-

*) От знаменитого материалиста и энциклопедиста древней Греции Демокрита (который по общему свидетельству был стилистом не менее блестящим, чем Платон) не осталось ни одного из многочисленных его произведений, от Платона все (можно сказать, даже с избытком, так как имеется масса подложных диалогов), от Аристотеля не более половины и то преимущественно мало отделанные (его лекции).

**) Меринг в своей брошюре-рецензии очень метко указывает, что „процесс растущей деморализации афинской демократии можно изучить на смене ее вождей: Перикл-Клеон-Алкивиад.“ Кстати напомню, что Клеон, наиболее цельный и крайний из вождей демократии, был владельцем рабовладельческой мастерской и „простолюдин“. Перикл и Алкивиад были выходцами из аристократии.

ланга, как таковая, должна быть рассматриваема не как изобретение высшей формы боя, но как рецидирование прежних достижений пехоты".

Но на дальнейших этапах военной истории я не имею возможности останавливаться, тем более, что македонские, римские, а затем средневековые отношения являются менее прозрачными для нас, чем древне-греческие, войны же нового времени по своей сложности и близости к нам требуют гораздо более подробного освещения. Моя задача была чисто методологическая. Я хотел выяснить (а затем иллюстрировать на нескольких наиболее ярких примерах), насколько важно постоянное применение классовой точки не только для освещения исторических (в частности, военных) событий, но и при критическом подходе к источникам и пособиям исторических исследований. При этом важно, чтобы классовая точка зрения применялась в правильном виде, а не в том искаженном и упрощенном, который слишком часто встречается в популярной литературе. С другой стороны, для успешности классового анализа, конечно, требуется неуклонное следование правилам строго научного метода вообще, который равно далек как от традиционного и откровенно-реакционного идеализма, главным проводником и рассадником которого когда-то явилась сократо-платоновская школа, так и от поверхностного импрессионизма, свойственного неустойчивой, мнимо радикальной части буржуазии в эпоху ее упадка.

М. Тухачевский.

Действие и противодействие.

Мы видим большое разнообразие во взглядах на значение для пехоты роста техники. Как и прежде имеются два лагеря „технопоклонников“ и „духопоклонников“. Первые считают, что дело духа пехоты только в занятии и закреплении разрушенного и подавленного огнем. Вторые считают, что никакой огонь не остановит воодушевленную наступлением пехоту. Вторые обвиняют первых в пассивности, первые обвиняют вторых в тупости.

Такое направление мысли безусловно вредно, поверхностно и доказывает только плохое понимание боевой обстановки и возможных боевых задач пехоты.

Развитие техники дает возможность пехоте наносить противнику все большие и большие поражения. Чем лучше пехота наступает и чем сильнее она вооружена технически, тем большее поражение она ему может нанести. С другой стороны, отсталость в вооружении может свести на нет самую высокую наступательно-маневренную подготовку пехоты.

Человек сильнее животного потому, что умеет делать машины. Развитие производительных сил выдвигает все более сильные армии. Если мы иногда и видим, как вооруженные по последнему слову техники армии проигрывают войны слабейшим противникам, то здесь играет роль не преувеличение значения техники (наоборот, в этом определенный залог силы), а социальное состояние страны. В этом случае, армия, воспитанная на самом голом „духе“, провалилась бы с еще большим треском, ибо дух в такой армии рассеялся бы как дым с самого же начала войны.

Огнестрельное оружие есть не средство защиты, а самое сильное до сих пор средство нападения, поражения. Степень вооружения пехоты определяется развитием производительных сил страны.

Конечно, совершенствование вооружения заставляет пехоту менять свою организационную структуру и свои боевые порядки для наилучшего использования своего оружия, в целях нанесения противнику максимума потерь.

Вопрос целесообразного, (отвечающего данному перевооружению) изменения строев представляется очень сложным. Дело в том, что пехота может уничтожать врага и на расстоянии и в рукопашном бою. Строи, потребные для удобства ведения того и другого боя, различны. Вместе с тем первый обыкновенно заканчивается вторым и после развивается полным смешением того и другого.

Наконец, порядки и строи при наступлении и обороне, для использования максимума соответствующих сил пехоты, должны также различаться.

К этому еще можно добавить, что порядки пехоты, в целях ее самосохранения, бывают обыкновенно прямо противоположны порядкам, допускающим максимум боевого использования силы пехоты. В этих положениях тактики пехоты эволюция ее происходит более всего под влиянием совершенствования техники (пока главным образом—огня), ибо человеческий материал изменяется очень мало. При этом эволюцию тактики пехоты невозможно рассматривать самостоятельно, вне связи с тактикой артиллерии и др. родов войск. Артиллерийский огонь вводит особенно много коэффициэнтов в тактику пехоты.

В задачу настоящей статьи не входит исследование эволюции тактики пехоты. Она ограничивается изучением силы пехоты в наступлении и обороне, в практическом смысле, т. е. изучением пехотных строев и их свойств.

Уже говорилось выше, что наступательная сила пехоты заключается в действии огнестрельным и холодным оружием. Эти различные задачи для выявления максимума силы удара требуют и различных строев.

Удар холодным оружием, кроме действия таковым, включает в себя и столкновение двух живых масс. Это последнее и решает, главным образом, исход столкновения. Чем большая будет глубина части, при данной ширине фронта, чем плотнее будет ее построение, и чем большая будет скорость движения, тем большая будет сила удара. Образно говоря, строи для штыкового удара требуют возможно большей поперечной нагрузки.

Строи пехоты, для развития наибольшей силы огня, в целях наибольшего нанесения врагу потерь, требуют, как раз наоборот, максимальной продольной нагрузки, максимальной ширины фронта и плотности огневой линии.

Вместе с этим движение к штыковому удару будет тем легче, чем сильнее будет огонь наступающего и чем менее последний будет нести потерь. Первое достигается, как указывалось уже выше, плотностью строев, а второе—их разреженностью. Здесь встречается противоречие.

Какие же формы примирения можно найти...

Прежде всего маскировка. То есть применение к местности и движение путем накопления, что, конечно, влечет потерю времени.

В таких условиях обеспечение наступления перевесом в огне пехоты достижимо, но связано с медленностью движения последней, путем накапливания и одиночных перебежек.

Недостатком такого наступления является слабость толкательной силы строя вперед. Нужно очень высокое качество пехоты и состояние ее полной свежести, чтобы она последовательно и настойчиво вела это тяжелое, изнурительное продвижение.

Толкательная сила может появиться при том же самом построении пехоты (достаточно глубоком и густом), но при условии быстрого одновременного движения. Здесь, конечно, угрожает огонь противника, который может покосить двигающиеся массы. Но надо принять во внимание, что такое движение происходит гораздо быстрее и сильно влияет на мораль обороняющегося. Он теряет спокойствие духа. Правда, пулеметы этим страдают менее; главным образом тяжелые. Легкие пулеметы передают живее волнение пулеметчика. Такое наступление иногда имеет место в бою.

Как бы то ни было, стремительное массовое движение будет очень часто остановлено и тогда будут переходить на состояние в огне.

Внезапность в наступлении может быть осуществлена только при условии скрытного осторожного подхода и неожиданного быстрого наступления.

Надо еще обратить внимание и на то, что внезапность непременно требует наличия твердого управления боевыми порядками.

Таким образом, для осуществления этого принципа требуется, во первых, твердое управление пехотой, скрытный ее подход на возможно более близкое расстояние к противнику и, отсюда, организованное, стремительное наступление, покуда это позволит огонь противника. Иногда, если удастся близко подойти к позиции противника, выгодно будет сразу же открыть огонь и начать движение только после достигнутого перевеса в огне.

Попробуем на примере проверить все вышеизложенное.

Возьмем для примера роту в составе 3-х взводов одинаковой структуры. Во взводе одно отделение с двумя легкими пулеметами и два с двумя ружьями-автоматами каждое. В отделении 12 стрелков сверх автоматического оружия и делится оно на два звена. В распоряжении ротного командира имеется взвод для управления, не имеющий непосредственно боевых задач.

Такая структура отвечает силе западно-европейских рот.

Для удобства рассмотрим ее строи и порядки, считая, что все три боевых взвода двинуты в первую линию.

Будем иметь ввиду, что ружье-автомат по силе огня равняется одному, а легкий пулемет примерно трем отделениям стрелков.

Порядки роты типично могут быть следующими:

Линия взводных цепей (схема №—1).

Линия взводных волн (колонны цепей) (схема № —2).

и, наконец, линия звеньевых змеек (схема №—3).

Прилагаемая таблица показывает сравнительную огневую силу каждого из вышеприведенных порядков и степень их разреженности:

В первой линии ведут огонь. / Порядки.	Отделений стрелков.	Ружей автоматов.	Легких пулеметов.	Эквивалентно стрелк. взводам.	В ШАГАХ. Без взвода управления: Глубина порядка.	Дистанция между стрелк.	Ширина порядка.	Интервалы между стрелк.
Схемы 1-й . .	9	12	6	13	0	0	300	2
Схемы 2-й . .	3	0	6	7	10—150	5—75	300	5—6
Схемы 3-й . .	0	12	6	10	10—150	2—20	300	16—18

Из нее видно, что в огневом отношении самым сильным порядком роты является линия взводных цепей. Но зато он абсолютно не обладает ударной силой.

Этот ударный недостаток цепей привел во время войны к тому, что стали наступать волнами, в колоннах цепей. Однако развитие автоматического оружия выдвинуло новый порядок, более выгодный чем волны.

Порядок этот—линия змеек (схема №—3). Он немногим уступает развернутой цепи в силе огня, но зато обладает большой ударной способностью, не уступающей, а часто превосходящей таковую же в построении волнами.

Таким образом, мы совершенно определенно можем заявить, что наиболее сильным строем приведенной нами роты является линия змеек.

Теперь рассмотрим те же строи с точки зрения их разреженности, при наличии все того же участка для роты в 300 шагов.

В развернутой цепи каждый стрелок будет находиться в двух шагах от другого. Фланговый огонь для такой цепи является убийственным. Да и фронтальный огонь при такой плотности может легко и уверенно поражать цепь.

Порядок волн уже выявляет прогресс. Здесь стрелки находятся на интервалах в 5—6 шагов. Дистанции между стрелками до 75 шагов.

Змейковый порядок роты и в этом отношении занимает первое место. Интервалы в нем между стрелками равняются 16—18 шагам, а дистанции до 20 шагов (при глубине порядка, взятого для обоих последних случаев в 150 шагов). Широкие интервалы позволяют блестяще использовать применение к местности, да и дистанции здесь играют совсем особую роль. Дело в том, что змейка легко позволяет двигаться накапливанием, ни на минуту не ослабляя тем своего огня. В этом ее главное превосходство над цепью в отношении легкости маскирования своего продвижения вперед.

Надо заметить, что мы хотя и часто пользовались в боях змейкой, гусем, для приближения к противнику, но никогда этот строй не имел того законного боевого характера, который он имеет теперь. Надо серьезно обратить внимание на изучение этого строя нашими стрелками.

Характерно еще то обстоятельство в строю змейками, что наступление их фронтом одного человека, в расстоянии 16—18 шагов от соседних змеек, позволяет этим последним решительно и без опасений поддержать продвигающуюся головку промежуточной змейки своим автоматическим перекрестным огнем.

Могут быть указания на то, что строй змейками недостаточно плотен. На это можно возразить следующее. Средняя, общая для роты, поперечная нагрузка во всех трех случаях одинакова. Она вызывается современным развитием огня. Но зато в ряде частных столкновений строй волнами, на фронте роты, дает большую силу отдельным случайным группам, двигающимся волнами. Строй же змейками в таком же смысле дает еще более решительный характер удару в штыки сгрудившейся для этого змейки.

Если атака позиции расчитана на большое превосходство в силах как в пехоте, так и в артиллерии, то, конечно, построения пехоты могут быть самыми густыми и от этого их ударные свойства возрастут, но это будет позволено тем коэффициэнтом несоответствия, который вносит преобладание артиллерии.

Посмотрим теперь на свойства разобранных строев с точки зрения удобства управления ими.

Надо заметить, что у нас очень принято путать маневр с применением к местности. Мы часто слышим, что теперь даже звенья маневрируют в сфере действительного ружейного огня. Конечно, это не так. Маленькие части занимают пока еще столь маленький фронт, что, вступая в сферу такого огня, они имеют полосу для наступления более похожую на линию, чем на полосу. Тут, конечно, для маневра нет данных. Зато, как уже и указывалось выше, есть все необходимые данные для „маневрирования“ пехоты в смысле применения к местности, в смысле маскированности движения.

На этом необходимо было остановиться, чтобы установить, что в период наступления малые части пехоты не решают конкретно о плане атаки того или другого участка или пункта, а заняты тем, чтобы возможно скорее и с наименьшими потерями достигнуть линии удара. Здесь, на этой линии, и приближаясь к ней, постепенно перед отдельными змейками или группами их встают конкретные задачи по атаке тех или других пунктов позиции. Тут уже по отношению к небольшой ширине фронта будет и небольшая глубина, а потому придется выбирать направление удара и соединенного с ним маневра.

Из изложенного понятны и задачи управления. Твердое управление, об'единение действий малых частей, должно осуществляться до тех пор, пока перед последними не вырастут, не обнаружатся их собственные, частные задачи. До этого момента движение и огонь их

должны служить для осуществления общей задачи части, в которую они входят.

Например, рота, получая задачу, решает ее в смысле направления главного удара, характера движения и пр. Выход на стрелковую позицию, дальнейшее продвижение, распределение огня по взводам—это дело ротного командира. По мере продвижения управление затрудняется, но зато перед взводами реально, ярко выплывают их собственные задачи. Командиры взводов принимают план атаки порученных им участков позиции и соответственно с этим направляют и ведут свои взводы. Постепенно и перед отделениями всплывают их собственные задачи, и конкретное управление переходит в руки отделенных командиров. Та же картина повторится и со звеньями.

Но надо повторить, что, благодаря малому фронту звеньев и отделений, самостоятельные задачи и действия их возникают, обыкновенно, только на последней стрелковой позиции.

При наступлении строем змейками, даже и вдали от противника, отдельным змейкам может быть предоставлена значительная свобода продвижения вперед (но не отставания) ввиду того, что этот строй, даже и при самой ломанной линии фронта, все таки может допускать свободное, ничем ненарушимое ведение огня.

Огонь строя змейками возложен на автоматическое оружие, а потому является наиболее дисциплинированным и поддающимся управлению.

Наконец, строй змейками, при появляющихся перед последними задачах, дает им большие возможности по организации маневра и позволяет осуществлять атаку без дробления организационных единиц.

Легкость маскированного продвижения змеек также облегчает задачу управления.

Все эти соображения говорят за то, что строй змейками, обеспечивающий и силу огня и силу удара, вместе с тем позволяет организовать и правильное управление как в централизованном, так и в нецентрализованном виде.

Незаменимо удобен строй змейкой при распространении наступления внутри глубоко развитой позиции противника и при преследовании, ввиду малой боязни флангового огня и способности проникать в самые узкие щели.

Прежде чем перейти к рассмотрению оборонительных свойств строя, надо еще сказать несколько слов о возможных эволюциях ударного строя. Так, например, вкрапленное в звенья ружье-автомат породил змейку. Если же в дальнейшем вся пехота будет перевооружена автоматами, то построение волнами опять станет сильнее. Ибо эквивалент огня в этом построении поднялся бы до 20 взводов, а строй змейкой имел бы, например, те же 10. В мирное время, до наличия боевого опыта, все таки нужно сознательно применять к армии новое вооружение и находить наивыгоднейшие строи для его применения.

Теперь рассмотрим, какие строи дают наибольшее упорство, противодействие наступлению для обороняющейся пехоты.

При обороне главная сила пехоты в огне. Ее противодействие удару противника находится в очень невыгодных условиях стояния на месте. Даже значительно слабейший противник, но быстро двигающийся, сбивает стоящего, ибо у него больше живой силы. Поэтому наивыгоднейшее столкновение будет для обороняющегося тогда, когда он сам встретит наступающего контр-атакой. Однако, сразу же переходить к контр-атаке невыгодно. Главная сила обороны—огонь не будет тогда использована до конца. Да притом, исследуя строи для обороны, нельзя считать, что строи для контр-атаки являются оборонительными. Наоборот, это—наступательные строи, применяемые в обороне.

Итак, пока установлено, что главной силой пехоты в обороне является огонь. Для того, чтобы столкновение пехоты грудь с грудью было удобно для обороняющегося, необходимо, чтобы он отыгрывался на своей массе. Стало быть, упорство обороняющейся пехоты против штыкового удара будет тем больше, чем глубже и плотнее она будет построена.

Для такой пассивной обороны требуется превосходство в силах над наступающим. Но тогда выгоднее наступать, чем обороняться. Поэтому единственно сильной чертой пехоты в пассивной обороне надо признать огонь. Стало быть для обороны необходимо комбинировать такие порядки пехоты, которые позволяли бы использовать всю силу огня в обороне и допускали бы необходимые контр-атаки для восстановления нарушенной линии огня.

Дело в том, что наступающий редко врывается одновременно на укрепленную позицию по всему фронту. Обыкновенно в первый момент прорывы бывают частичными.

Вот в этих случаях и надо быстро и решительно контр-атаками восстановить линию огня.

Не нужно, конечно, думать, что линия огня это есть нечто прямолинейное. Наоборот, чем она будет прерывчатее, шахматнее, тем менее она будет уязвима для артиллерии противника. Если местность позволяет организовать ярусное построение позиции, то и это надо использовать. Словом надо всемерно стремиться к тому, чтобы расположение пехоты позволяло целиком использовать все свои огневые средства, но, вместе с тем, чтобы последние были размещены возможно более прерывчато и притом в глубину.

В этом случае даже захват передовых участков не позволит противнику безнаказанно развивать прорыв. Наоборот, зарвавшиеся части попадут под концентрический огонь развитой в глубину позиции, их порыв будет смят, и вот тут-то смелая контр-атака может успешно восстановить положение.

На вопросе о развитии позиции в глубину надо остановиться подробнее.

Дело в том, что к обороне обыкновенно прибегают там, где не хватает сил. Предварительное изучение местности и подготовка укреплений позволяют создать такую огневую полосу, что даже более сильному противнику не легко ее преодолеть.

Дойти до позиции и ворваться в нее—представляет самую трудную часть наступления. Правда, в позиционной войне, где враги стоят нос к носу, где сверх насыщенность артиллерии не позволяла прочно занимать передовые позиции и где, наконец, для обороны подтягивались огромные силы, далеко распространявшиеся в глубину,—там в последний период войны, наоборот, было легче ворваться, но труднее прорваться. В маневренной же войне и, во всяком случае, в период первых операций всякой войны самой трудной задачей будет дойти до укрепленной линии или полосы и ворваться в нее.

Для этого необходимо использовать всю силу огня обороняющегося. Если пойти по другому пути и, даже при сравнительной слабости, развивать позицию в глубину, в ущерб сосредоточения перед передней линией действия всего (или почти всего) наличного огня, то тем самым облегчится подход к позиции и проникновение в нее наступающего. Если же мы при этом учтем, что тем самым мы облегчаем численно сильнейшему противнику штыковое столкновение с нашей слабейшей пехотой, то очевидно дела наши будут плохи, и наши контр-атаки только облегчат наше поражение. Итак, основным правилом обороны пехоты является создание максимально убийственной огневой полосы перед передовой линией.

Осуществляя эту задачу, надо, во первых, возможно глубже и прерывчатее расположить огневые средства и, во вторых, предусмотреть наличие живых сил, расположенных так, чтобы они могли восстанавливать нарушенную линию огня ударом в штыки.

Какие строи могут более всего подойти к этой задаче?

Если мы опять обратимся к схеме 1-й, то увидим, что она дает максимум огня, но зато очень густа и не глубока. Развитие в глубину может быть, но не очень большое, определяемое характером местности. Трудно организовать контр-атаки для восстановления передовой линии. Но, во всяком случае, придав цепи роты порядок согласно схемы 5-й, можно сделать ее мощным оборонительным строем пехоты. Она будет особенно полезна тогда, когда противник слишком непропорционально сильнее обороняющегося, т. е. когда всякое штыковое столкновение является неминуемым крахом обороны. В этом случае вся надежда на силу огня. В худшем случае противник все таки понесет большие потери и будет в проигрыше времени.

Как видно из 4-й схемы, потеря передовых участков позиции не означает еще потери всей линии. Противник может быть легко локализован фланговым и перекрестным огнем в занятых им окопах. Но зато восстановить положение трудно. Если же сделать ротный резерв, скажем в 1-н взвод, то это даст 47 человек для контр-атак, но зато эквивалентно ослабит огонь на 1 слишком взвода, т. е. ротная цепь станет слабее схемы 3-й.

Схема 2-я совсем не годится для обороны. Слишком слаб огонь.

Рассмотрим схему 3-ю.

Кто ведет в ней огонь и кто является бездействующей во время огня живой силой? Оказывается, что автоматический огонь ведут только 24 человека в роте (из числа 3-х боевых взводов), а 117 человек бездействуют и расположены в глубину.

Следовательно змейковый порядок роты имеет раза в два более резервов чем рота в цепи с одним взводом в резерве и притом превосходит ее в силе огня.

Какой же характер должна принять схема 3-я для обороны?

Схема 5-я дает ответ на этот вопрос.

Здесь мы видим в боевой линии все автоматическое оружие роты. Огнем будут руководить взводные командиры через отделенных, а иногда непосредственно взводные.

Звенья, со своими командирами во главе, развивают позицию в глубину на случай восстановления огневой линии. Их использование может быть самое различное. Они могут оставаться в подчинении своих отделенных командиров. В обоих последних случаях очень часто придется об'единять их под командой снятых с пулеметов отделенных командиров и помощников взводных командиров.

Большое возражение против такого оборонительного порядка будет заключаться в том, что этим нарушается структура звеньев. Но я думаю, что вредно было бы слепо склеивать звенья с автоматами. В этом случае очень часто будут использоваться не все боевые возможности пехоты. До тех пор покуда не вся пехота вооружена автоматами, до тех пор такие разделения неизбежны. Иначе добровольно придется отказываться в обороне от полного использования огня и полного использования живой силы для контр-ударов.

Из всего, что было изложено, ясно видно, что действие и противодействие требуют различных форм использования пехоты. Постоянное развитие вооружения требует постоянного же изучения боевых порядков пехоты и соответствующего их изменения.

В наступлении наша пехота решительно стремится к штыковому бою. Для осуществления этого желания она вводит в дело максимум автоматического огня. Приземляя им противника, она стремится с возможно меньшими потерями и в возможно более глубоких построениях дорваться до обороняющегося и уничтожить его штыками.

Обороняющаяся пехота стремится уничтожить противника огнем прежде, чем он успеет продвинуться до ее укреплений.

Ворвавшиеся части противника она ликвидирует контр-ударами. Эти контр-удары являются как бы узорами на канве автоматической сети огня.

В заключение надо отметить, что разнообразие обстановки не позволяет установить раз навсегда типичные построения пехоты. Здесь разобраны свойства наиболее характерных построений и указано их применение. В бою самым лучшим строем и порядком будет тот, который применится к обстановке и принесет решительную победу.

Ф. Е. Огородников.

Атака с превосходством огня.

(Диалектика пех. огня в атаке).

Атака с превосходством огня над противником—вот один из важнейших принципов пехотного боя, проводимый в новейшей тактике, главным образом французами, а за ними и поляками.

Хотя французские и польские боевые наставления и говорят о значении морального элемента, о внезапности, о соединении огня с маневром и пр., но все же на первый план они выдвигают силу современного огня пехоты и требуют, чтобы наступающая пехота преодолела своим огнем—огонь обороняющегося.

Французское временное наставление для маневров пехоты от 1 февраля 1920 года указывает в ст. 130:

„Чтобы наступать, не взирая на сопротивление противника, нужно своим огнем помешать ему осуществить ту систему огня, которую он подготовил, тот результат, который он уже учитывает *нужно иметь превосходство огня*.

Если огонь противника дезорганизован,—движение возможно на виду противника, с малыми потерями... Если этот результат не достигнут, нельзя надеяться привести бой к счастливому концу".

Исходя из этого, во всех французских и польских уставах *огонь и движение связаны в одно неразрывное целое.* Если эта мысль не всегда выражена буквально, то ею в сильной степени обусловлены все вооружение и вся организация, как французской, так и польской пехоты, их подготовка и воспитание...

Эта мысль, под влиянием некоторых результатов последней мировой войны, несомненно может иметь своих приверженцев не только в названных армиях.

Между тем принцип атаки с превосходством огня, при более внимательном анализе, приводит к некоторым несомненным противоречиям.

Мы не будем уже говорить о том, что условия действительного огня и условия движения, сами по себе до известной степени исключают друг друга.

Не даром по условиям современной тактики приходится требовать, чтобы стрелок, делая „прыжки" в 10—12 сажен (длина перебежки), стрелял на ходу из полупудового или даже пудового „легкого" пулемета и в пылу атаки оставлял корридоры для огня своего „тяжелого" оружия.

Но внутренние противоречия в условиях атаки с сильным огнем далеко этим не исчерпываются.

Стоит сосредоточить внимание на величайших трудностях управления массой бойцов, составленной из мелких боевых единиц, долженствующих об'единить принципы огня и движения, и потому наделенных большой самостоятельностью в выборе способов для разрешения этой теоретической задачи, столь трудной на практике.

Чем труднее поддержать баланс между огнем и движением, тем труднее организовать питание этого огня огнеприпасами. Превосходство огня требует превосходства и в огнеприпасах. Чем грузнее питание, тем медленнее продвижение.

На близких дистанциях полное напряжение огня наступающего может повести скоро к истощению огнеприпасов.

Если в это время артиллерия прекратит свою поддержку, то обороняющийся, не поражаемый огнем артиллерии (в первой полосе), может снова достигнуть перевеса в огне.

Если штыковая атака непременно обусловлена полным перевесом огня атакующего, то эта задача может вызвать снова такую задержку атаки, которая пойдет на пользу обороняющемуся.

И так, противоречия в условиях успешности атаки с превосходством огня несомненно существуют.

Другой вопрос — что могут означать эти противоречия на практике?

Даже свободное падение камня и то совершается под действием двух „противоречивых“ сил: центростремительной и центробежной. Однако камень падает.

В каждой работе неизбежные противоречия создают—сопротивление и трение. Устранить их совершенно невозможно, но считаться с ними необходимо.

Основное условие каждой работы — это ясная цель, сообразованная со средствами, сопротивлением и трением. Поэтому не будем ставить в абсолютной форме вопрос о возможности или выгодности атаки с перевесом огня, но рассмотрим несколько подробнее, с какими условиями связано ею выполнение и какие отсюда можно сделать выводы.

Условия, создающие противоречие в достижениях этой атаки можно видеть:

1) В постановке целей для огня.
2) В питании огнестрельными припасами.
3) В продвижении самих огнестрельных орудий.
4) В управлении боем.
5) В применении к разнообразным условиям по месту и времени.
6) В моральных условиях атаки.
7) В свойствах противника.

В этой последовательности мы и проведем наше, по возможности, короткое изложение.

Цель огня в атаке.

Мы уже видели, какую общую цель для огня в атаке ставит французское наставление *).

Задача поставлена очень широко. В сущности это задача не атаки с огнем, а огневого состязания.

---

*) Во всем последующем изложении мы будем иметь в виду только огонь пехоты, не потому, конечно, что арт. огонь не имеет большого значения, но потому, что мы ограничиваем свою задачу, именно, рассмотрением атаки стреляющей пехоты.

Что французы ставят огню в атаке такие абсолютные (безусловные) задачи может быть подтверждено и некоторыми другими ссылками.

Правда, в ст. 164 наставления для маневров пехоты говорится, что „применение тяжелых пулеметов—может быть оправдано во всех случаях, когда движение требует огня или когда дело касается сохранения или развития результатов, приобретенных движением".

Но за то во французском временном наставлении для стрельбы от 1 сент. 1920 г. относительно легкого пулемета говорится:

„Его главное назначение—подготовлять продвижение боевой группы (отделение), не только направляя свой огонь против каждой цели, которая препятствует его продвижению, но и нейтрализуя, сверх того, противника сильным огнем (фе нурри), выметая (балейе) линии местности и закрытия, позади которых он прячется или укрывается".

Поляки, следуя своим учителям, проявили оригинальность только в том, что назвали этот огонь „чесать гребень закрытия".

Возможно, что на практике французы не слишком требуют такого превращения своих пулеметов в огневые метелки, но можно с достаточною определенностью высказать, что цели для огня в атаке, по идее, поставлены в вышеприведенных выдержках из наставлений,—слишком широко.

Новый германский устав для подготовки пехоты 1922 г. смотрит на дело правильнее.

Он предписывает своим легким пулеметам открывать огонь только тогда, когда в этом нуждаются свои стрелковые и пулеметные звенья или к этому побуждает противник, показывая, при этом, выгодные цели.

Указывается на частую необходимость огня по предполагаемому противнику, в кустах, в опушке леса, за дымовой завесой, но напоминается, что „каждый выстрел требует спокойного обдумывания".

Условие тоже не легкое, но, по крайней мере, видно, что германский устав считается с более ограниченными задачами для пехотного огня при наступлении.

Пфейфер в своем проекте устава, не получившем утверждения, но получившем широкое распространение, как военно-литературный труд, рекомендует, кроме „уничтожающего" огня, еще и „прижимающий", но в новом германском уставе нет такого термина.

Снабжение огнеприпасами.

Для характеристики трудностей снабжения огнеприпасами достаточно привести следующую выдержку из статьи французского писателя Ле-Верже „Тактика пехоты"*).

В 1914 году батальон, начинающий наступление, брал по 200 патронов на человека, что хватало на ведение боя в течение одного часа.

*) См. брошюру „Новое в тактике пехоты" С. Меженинова.

В 1918 году отдельные роды оружия, в пределах той же части, были снабжены на столько, чтобы иметь возможность поддерживать непрерывный огонь в течение следующего времени: винтовки—40, гранаты от 1 до 2, ручные пулеметы от 5 до 10, специальное оружие (пехотная артиллерия)—10 минут.

На первый взгляд казалось-бы, что увеличение силы огня имеет противовес в недостатке снабжения. Однако надлежит заметить, что, благодаря массовому огню, бои стали скорее давать развязку. Развязка боя настолько же бывает напряженной, насколько непродолжительной.

При обороне удобно увеличить количество различного рода источников снабжения....

Труднее обеспечить снабжением войска, ведущие наступление в позиционной войне. Патронные повозки и повозки окопной артиллерии отказывались выезжать на поле боя. Применили также вьючных мулов и людей. В конце концов, *масса патронов переносилась на спинах людей*. Установлено, что для *снабжения полка* на один день боя необходимо израсходовать *один батальон людей*. Эта обязанность лежала на резервных батальонах.

В маневренных боях оказалось необходимым уменьшить количество гранат: граната весит столько же, сколько 200 винтовочных патронов. Во многих случаях обходились вовсе без специального вооружения*).

Французский к-р бат-на Д. в статье „Боевые припасы пехоты" в французском журнале „Обозрение пехоты" в номере от 1 ноября 1922 года говорит: „Реализация могущества огня требует большого расхода огневых припасов; необходимо поэтому, чтобы в будущем каждый сражающийся был бы снабжен ими шире, чем это до сих пор делалось".

Переходя вслед за этим, в своей очень серьезной статье, к вопросу о том, в каком направлении должно совершенствоваться в будущем оружие пехоты, французский автор решительно заявляет, что нужно добиваться *не улучшения баллистических свойств, а уменьшения об'ема и веса огневых припасов*. Он указывает на слишком большой процент мертвого груза в современных боевых патронах и предлагает изготовлять гильзы из сплава аллюминиума, а также применять более легкий, не нитроцеллулозный, а нитроглицериновый порох.

Не может подлежать сомнению, что снабжение огнестрельными припасами в атаке с сильным пехотным огнем сопряжено с большими затруднениями. Чтобы несколько ближе подойти к этим затруднениям, посмотрим, как разрешаются в новой тактике следующие вопросы, от которых зависит снабжение огне-припасами:

1) Род, вид и дистанции огня.

2) Относительное количество скорострельного (автоматического) оружия.

*) Под специальным вооружением здесь, как и выше, подразумеваются пехотные пушки и минометы.

3) Способы доставки огне-припасов.

Прежде всего, надо иметь в виду, что *задачи сильного пехотного огня* в атаке возлагаются, главным образом, именно на машинное, автоматическое оружие, т. е. на тяжелые и легкие пулеметы.

Французские уставы определенно низводят винтовку на степень индивидуального оружия и придают огню частями (не свыше звена) совершенно второстепенное значение.

Немцы, по проекту стрелкового устава 1921 г. и по новому германскому уставу для подготовки пехоты 1922 г., смотрят шире на применение ружейного огня частями (одно—несколько звеньев, против укрытого противника до 600 метров—840 шагов, а против высоких и глубоких целей на все дистанции).

Но все же применение ружейного огня в современном бою ограничено, и расход винтовочных патронов не может итти в сравнение с расходом их на пулеметный огонь.

Что касается до этого последнего, то мы уже видели, какие цели этому огню ставит французская тактика.

Добавим, что огонь производится вспышками по 7—8 патронов Предел—1200 метров, но он, в сущности, превосходит баллистические свойства существующего французского легкого пулемета образца 1915 г., как о том откровенно говорит тот же французский комбат Д., на которого мы уже ссылались.

Немцы, как мы тоже уже видели, дают своим легким пулеметам более ограниченные задачи. Огонь ведется вспышками по 3—8 выстрелов и не далее 800 метров.

Какое важное значение немцы придают снабжению патронами своих тяжелых пулеметов, видно из ст. 277 ч. III нового германского устава для подготовки пехоты, где сказано: „Своевременное снабжение огне-припасами и водой может иметь решающее значение для победы или поражения".

Обратимся к вопросу *об относительном количестве скорострельного оружия.*

Остановимся на пулеметах, тяжелых и легких, как главном оружии пехоты, вызывающем к тому же наибольший расход патронов. Стрельба из пехотных пушек и минометов по-неволе производится с большой экономией.

Французы придают на батальон 12—15 тяжелых пулеметов, немцы—12. При этом надо иметь в виду, что французы имеют более многочисленную артиллерию, по 1—2 танковых роты на полк и очень сильную авиацию.

По вопросу о норме для числа легких пулеметов такой основательный военный писатель, как Балк говорит, что число вводимых в бой ружей-пулеметов следует согласовать с общим числом ружей; обычно взводу в 40 человек *следует придать* (курсив наш) *2 ружья-пулемета* и выделить резерв материальной части.

Другой немецкий писатель, Тайзен, останавливается на этом вопросе подробнее. Он говорит, что это *гениальное изобретение оказало*

большие услуги в ближнем бою тем, кто им располагал (курсив наш); но оговаривает, что это оружие должно быть предназначено для действия лишь на небольшие дистанции (до 400 метров—540 шагов) и добавляет, что „оно имело один недостаток—*требовало большого расхода патронов, пополнение которых в зоне ближнего боя было затруднительно*, что, в свою очередь, заставляло пользоваться этим орудием с осторожностью, возлагая задачу пополнения патронами на стрелков прочих отделений взвода.

Тот же Тайзен заявляет, что „большинство склоняется к тому, чтобы давать роте не более 6-ти пулеметов, т. е. по *2 пулемета на взвод*".

Если мы теперь с этим масштабом подойдем к современному сочетанию пехоты с легкими пулеметами, то увидим следующее:

1) В немецкой роте по уставу 1922 года 3 взвода, каждый из одного—двух пулеметных и не менее двух стрелковых звеньев; на схемах, приложенных к уставу, показан взвод из 2-х пулеметных и двух—трех стрелковых звеньев; в стрелковом звене—командир и не более семи стрелков; в пулеметном—командир и 2 номера без винтовок (с пистолетами), 2 номера с винтовками и 3 стрелка с винтовками. Таким образом один легкий пулемет приходится на 7+5=12 до 12+7=19 стрелков.

2) Во французской роте 4 взвода (кроме взвода управления), в каждом 3 отделения (боевые группы); каждая группа из одного пулеметного и одного стрелкового (вольтижерского) звена; в звене 6 человек (с командиром); из состава пулеметного звена 3 подносчика патронов охраняют пулемет, как стрелки, с вольтижерами. Следовательно 1 пулемет приходится на 8—9 стрелков.

3) В польской роте организация приближается к французской, но она имеет 3 взвода по 4 отделения (дружины); в каждом отделении (такого же состава, как французское) 7 стрелков с винтовками (5 гренадер и 2 фузилера из пулеметного звена).

Интересно сопоставить этими цифрами данные, приводимые у Ле-Верже для французской роты 1918 года, в которой 160 бойцов, с унтер-офицерами, были вооружены следующим образом:

33—исключительно винтовками,
56—винтовками и ручн. гранатами,
27—винтовками и винтовочн. гранатами,
45—обслуживают 15 пулеметов.

Откуда следует, что в 1918 г., в период перехода от позиционной войны к маневренной, во французской роте было еще больше легких пулеметов, чем по современной организации (15 против 12) а на каждый пулемет приходилось 7—8 винтовок.

Отсюда можно сделать вывод, что французы и поляки находятся у предела нагрузки пулеметами, установленного боевым опытом французов и перешли за тот предел, который устанавливает германский опыт.

В этой большой нагрузке и притом не слишком совершенными легкими пулеметами можно видеть один из признаков увлечения

атакой с огнем, с недостаточным, быть может, вниманием к вопросу о пополнении патронами.

Способы доставки огнеприпасов составляют более всего технический вопрос.

В этой, как принято говорить, плоскости его и надо рассматривать. Если вся „техника“ пополнения огневыми припасами орудий пехотного боя состоит только в том, что стрелки, уже сами по себе нагруженные винтовкой, патронами, шанцевым инструментом и прочим положенным по штату, снаряжением, просто на просто нагружаются досками, жестяными коробками и даже деревянными ящиками и если при этом не делается ничего, чтобы облегчить самые огневые припасы, сделать их более компактными, придать строго продуманную организацию всему пополнению, применить какое нибудь приспособление для переноски или перевозки, то без сомнения огневая атака, основанная на большом расходе огнеприпасов должна будет испытать сильнейшее „внутреннее противоречие“ и имеет большие шансы окончиться крахом.

Но, само собой разумеется, что техника пополнения огнеприпасами в западно-европейских армиях сильно отличается от такой схемы. Все иностранные уставы видимо озабочены этим вопросом и уделяют ему не мало места.

Мы не будем вдаваться в большие подробности, чтобы не увеличивать размера статьи, но вот, например, что говорит французское наставление для маневров пехоты 1920 г. в ст. 159:

„*Командир полка* придает снабжению огнеприпасами наиболее сильное *личное побуждение* *)... Он берет под свое начальство на время боя... все части снабжения огнеприпасами, которые ему будут переданы от дивизии или которые будут образованы предварительно из его собственных частей. Эти части должны быть под самой энергичной командой.“

Однако в том же французском наставлении незаметно отражения тех чрезвычайных затруднений, о которых говорит Ле-Верце на основании боевого опыта.

Немцы, которые ввели в свой новый устав также целый ряд указаний для доставки огнеприпасов, прямее французов и вполне определенно говорят о назначении от рот „вспомогательной силы“ для подноса огнеприпасов.

С технической стороны для доставки огнеприпасов применяются: вьючные животные, ручные тележки, складочные пункты, передача через резервы.

Но уже из цитированной выше статьи французского комбата Д. можно притти к заключению, что существующее приемы доставки огне-припасов, по крайней мере, не вполне отвечают назначению.

Будущее покажет, насколько удастся осуществить меры, предлагаемые комбатом Д. (уменьшение веса огне-припасов, придание им большей компактности). При современных успехах техники не ис-

*) Курсив наш.

ключается возможность и других приемов для той же цели *); но пока надо заключить, что доставка огне-припасов составляет слабое место атаки с сильным огнем, в особенности, при большой нагрузке пехоты легкими пулеметами.

Техника пополнения отстала от техники метания.

Зависимость огневой атаки от продвижения огневых орудий

Пуля или снаряд, сами по себе, ничто без орудий, которые их выбрасывают. Поэтому, говоря о затруднениях, сопряженных с доставкой огне-припасов, нельзя не коснуться еще и других, зависящих от продвижения самых орудий. Даже наиболее легкие из образцов вспомогательного оружия пехоты, т. е. легкие пулеметы, еще не так легки, чтобы вовсе не стеснять продвижение пехоты в бою.

Французский пулемет весит 9 килограмм (ок 22 фун.), при чем французы недовольны его баллистическими качествами. Германский весит еще больше: 13 и 17 килограм, т. е. 32 и 41 фунт. (пуд или около пуда). Если принять в расчет, что не только французы, но и немцы, требуют стрельбы из легкого пулемета на ходу, то сделается понятным соответствующее требование об особых гимнастических упражнениях, которые и установлены по французскому наставлению 1920 г. для владения легким пулеметом. Подвижность тяжелых пулеметов ограничена.

По германскому уставу 1922 г. указывается переноска тяжелого пулемета двумя стрелками; но он весит на треноге ок. 3 х, а на салазках ок. 4 пудов (56 и 64 килогр.). Исходя, вероятно, из этого веса по проэкту устава Пфейфера тяж. пулемет в бою перетаскивают за лямки 5 человек; сделана оговорка, что передвижение возможно 4 мя и 3-мя номерами, но не менее. Для быстрого преодоления полос местности, обозреваемых противником, а также для незаметной перемены позиции, тяжелые пулеметы могут разбираться на части. Все передвижения делаются с незаряженным пулеметом.

Не будем останавливаться на подробностях оценки пехотной артиллерии: пушек, мортир и минометов. Но можно с достаточною уверенностью сказать, что эта артиллерия еще далека от совершенства.

О недостатках 37 м. м. пушек и мортир Стокса и других имеется уже целая литература. См. по этому вопросу, например, статью Фельштына, в переводе и с примечаниями В. Николаева в № 8—9 Зарубежника. Соединить достаточную действительность огня с необходимой подвижностью—до сих пор трудная задача.

Немцы, как известно, до конца войны не успели выработать особого типа для орудий сопровождения. Остановились на 77 см.

*) Можно напомнить здесь об успехах так называемой телемеханики (управление механизмами на расстоянии). Еще в 1918 году производились во Франции успешные опыты управления полетом аэроплана на расстоянии в 6 верст, а в Америке достигли управления автомобилей на 800 миль, ок. 1200 вер., если верить заметке, помещенной в № 20. Техника и снабжение Красной Армии.

укороченной пошке (сходной с полевой), весом в 44 пуда (см. заметку в № 12—Техника и снабжение армии). Немецкие легкие минометы (калибр. 7,5 см. образца 1917 года) на колесном лафете, со станинами, приспособленные, как к настильной, так и навесной стрельбе (на том же лафете без колес) все же слишком тяжелы: самый легкий 275 килогр. или $16^1/_2$ пуд. Мортира-миномет Стокса весит ок. 50 килогр или ок. 3 пудов).

Для нас важно отметить, что до сего времени, пехотные орудия сопровождения необходимы двух типов (для настильной и навесной стрельбы) и что эти орудия испытывают недостаток в подвижности. Таким образом главный недостаток современного вспомогательного оружия пехоты (пушек, мортир, минометов, частью тяжелых пулеметов)—недостаток подвижности для непосредственного сопровождения пехоты. Отсюда, не будем говорить неизбежность, но, по крайней мере, *возможность отрыва от пехоты с ее автоматическим оружием.*

Что такой отрыв при атаке и, в особенности, при прорыве позиции обороняющегося вероятен, на это указывает то особенное внимание, которое придается этому моменту в литературе.

В. Пфейфер в своем проекте устава для пехоты, в отделе о наступательном бое, возводит „подтягивание вспомогательного оружия", в один из трех принципов этого боя. Он отводит этому „подтягиванию" (нахшвинген) целую главу и постоянно к нему возвращается.

Он довольно картинно сравнивает взаимодействие пехоты и ее вспомогательного оружия при продвижениях в наступательном бою с движениями змеи, с ее растягиванием передних сочленений и молниеносным подтягиванием хвостовых. Таким же способом продвигается вперед пехота, а вспомогательное оружие должно, как можно быстрее, подтянуться на захваченные пехотой места.

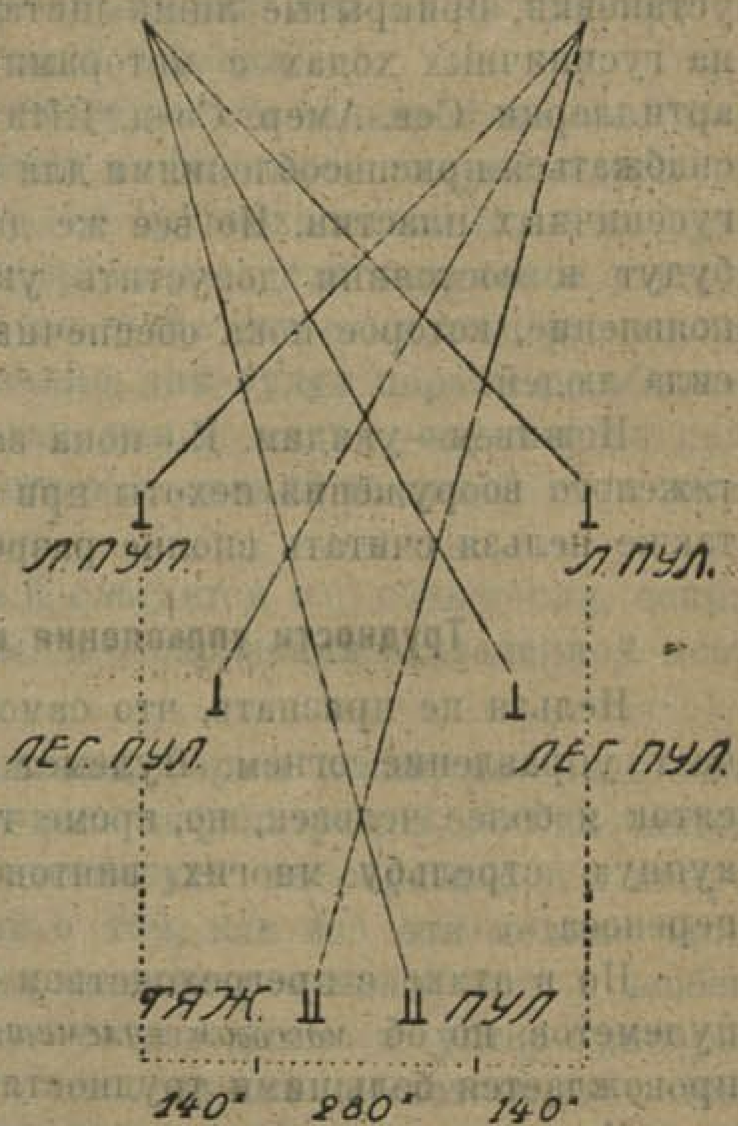
В другом месте, в особом параграфе, у него говорится: быстрота подтягивания на захваченные пункты должна составить предмет чести и гордости для вспомогательного оружия.

Но ставить красивые требования в бою гораздо легче, чем их исполнять, в особенности с пудовиками в руках или на плечах. Поэтому момент возможного отрыва пехоты от вспомогательного оружия, по крайней мере при современном состоянии техники, остается критическим моментом атаки. Его приурочивают большею частью к тому периоду боя, когда атакующая пехота уже ворвалась на позицию противника и пробивает или, как говорят на западе, прогрызается, в предположении глубокой оборонительной полосы. Другой такой же момент вероятен после прорыва, когда наступающему, одновременно, приходится перестраивать весь свой боевой порядок к новым требованиям маневренного полевого боя.

На местности более волнистой непосредственную связь вспомогательного оружия с пехотой сохранить легче; с возвышенных точек можно наблюдать за целями, наиболее опасными для пехоты, можно находить более удобные позиции и подступы к ним, а, главное, можно вести огонь через головы своей пехоты. Последнее особенно важно в виду

преобладающего значения орудий настильного огня, т. е. пулеметов.

Не то на равнинной местности. Новая тактика требует стрельбы в промежутки, между частями наступающей пехоты. Предлагаются схемы организации такой стрельбы, примерно такого начертания для роты по новой организации:

Взвод тяжел. пулеметов занимает участок целого взвода в средине роты; по одному пех. взводу получают по половине взводного участка по сторонам; каждый из них выдвигает один лег. пулемет в первую линию, уступом вперед, с наружного фланга; еще по одному лег. пулемету остается назад, ближе к средине; все пулеметы ведут перекрестный огонь: с правого фланга против левого и обратно. Пехота обтекает по сторонам тяжел. пулеметы, продвигаясь за легкими.

Эта схема заимствована из проэкта устава Пфейфера для немецкой роты; для французской она еще сложнее.

Мы нарочно привели этот образчик, чтобы показать его искусственную прямолинейность, его строгий, геометрический стиль. Можно подумать, что мы в боевых построениях возвращаемся ко временам Вобана с геометрическими фигурами фортификационных построек, которые также имели целью обеспечить наивыгоднейшее действие огня. Стоит припомнить знаменитый бастионный фронт, с его фланками и куртиной, с его равелином и пр. В этом также можно усмотреть одну из слабых сторон атаки с сильным огнем, по крайней мере при современном состоянии военной техники.

Машина в строю, как и на фабрике, потребовала, чтобы к ней приспособились. Будучи вдвинута в живые построения, она потребовала от них такой правильности и механичности движений, каких в последнее время они не знали, это, несомненно, ограничивает свободу движений, но, если огню в атаке придавать такое огромное значение, то движения живой силы, волей или неволей, приходится с ним сообразовать. Следует допустить, что современная техника найдет более совершенные способы передвижения огнестрельных орудий, как мы это допустили для способов доставки огнеприпасов.

Может казаться, что такой способ уже найден в современных танках легких образцов. Но по ограниченности кругозора, по трудности работы внутри танков и по некоторым другим недостаткам, танки все же остаются пока только ударным орудием специального

назначения. Пехота может потерять связь с ними так же, как и с другими типами своего тяжелого вооружения, с той лишь разницей, что этот отрыв будет в обратном порядке: танки могут опередить пехоту, которая от них оторвется.

Практичнее разрешают вопрос более легкие и быстроходные установки, прикрытые лишь щитами с большими углами обстрела на гусиничных ходах с моторами, которые широко применяются в артиллерии Сев.-Амер. Соед. Штатов. Можно допустить, что они будут снабжаться приспособлениями для заглушения работы мотора и ударов гусеничных пластин. Но все же далеко не на всякой местности они будут в состоянии допустить укрытое передвижение и внезапное появление, которое пока обеспечивает, хотя и не так быстро, живая сила людей.

Поживем—увидим. Но пока заметим, что вопрос о подтягивании тяжелого вооружения пехоты при атаке, основанной на силе огня, также нельзя считать вполне разрешенным.

Трудности управления в атаке с сильным огнем.

Нельзя не признать, что само по себе машинное орудие облегчает управление огнем. Пулемет по силе огня может заменить десяток и более человек, но, кроме того, значительно превосходит совокупную стрельбу многих винтовок своею меткостью и легкостью переноса.

Но в атаке с превосходством огня речь идет не об огне отдельных пулеметов, но об *массовом пулеметном огне*, применение которого сопровождается большими трудностями в управлении.

Их вызывают: разреженные или размельченные боевые порядки, сильно растянутые по фронту и в глубину (рота 600—700 шаг. по фронту и 1000 шаг. в глубину), перемешивание стрелковых групп с легкими пулеметами, разнокалиберность и разного рода огонь новых орудий, их разнообразная подвижность и разнообразная действительность огня с разных дистанций; наконец,—их чрезвычайная скорострельность, которая царит над всеми их действиями и которую в легких пулеметах уже приходится умерять вспышками. К прежним задачам управления, которые, ныне, как и прежде, имеют целью объединение действий, маневр, выбор места и времени удара и самое его исполнение, прибавились еще новые, именно—управление сильным массовым огнем, расчет и организация доставки огнеприпасов, необходимость сообразовать с огнем противника и со своим собственным огнем все свои движения и действия.

Нельзя сомневаться, что, пачиняя свою пехоту различными огнестрельными орудиями, западно-европейские тактики принимают своего рода меры, чтобы облегчить задачи управления и дать для него некоторые новые методы.

Они, конечно, понимают, что залог успеха, даже в атаке с самым сильным огнем, надо искать не только в превосходстве числа огневых единиц, но и в управлении ими.

Но по этому-ли, так сказать, двухколейному, пути идет в действительности работа в западно-европейских армиях или, быть может, она еще не сошла с дороги, на которую ее толкнули исключительные (по нашим временам) условия последней империалистической войны, находится на распутьи, не успев выработать новых приемов управления в уровень с современными требованиями? Вот в чем один из самых интересных вопросов современной тактики.

При чтении французского наставления для маневров пехоты 1920 г. остается впечатление, что его авторы не слишком задумывались над трудностями управления в той атаке с превосходством огня, которую предписывают. Для некоторых из современных тактиков такое утверждение может показаться наивным, но пусть они сами еще раз вполне об'ективно вчитаются в то наставление: они будут поражены обилием разных фигур построения, с указаниями в каких случаях их надо применять, и очень малым количеством указаний по самой сути дела, т. е. по части приемов ведения боя.

По наставлению пехотный бой слагается из: сближения, соприкосновения, атаки (включая штурм) и сохранения захваченной местности или преследования *).

Далее следуют—формы сближения, формы атаки, но очень мало говорится о мерах, чтобы „непрерывная инфильтрация мелких частей, которые проскальзывают всюду, где могут“ не обратилась в непрерывный хаос; очень мало указаний о том, как все эти мелкие части будут сохранять одно и то же направление: рекомендуется, в особенности, указывать всем „граде“, т. е. взводным и унтер-офицерам „угол по компасу“, как будто-бы этого одного достаточно (ст. 208); очень мало говорится о том, как же сочетать массовое движение с массовым огнем, между какими инстанциями распределить управление огнем различных пехотных орудий, какие по всем этим сложным действиям должны быть практические сноровки.

Польские уставы, составленные по французским образцам, судя по дошедшим до нас переводам и извлечениям (см. Меженинов, Варфоломеев, Глудин. Тактика польской пехоты. Изд. штаба войск Зап. фронта, 1922 г.), а также некоторые частные руководства, дают картину весьма децентрализованного управления. Главным действующим лицом является, в сущности, командир отделения (дружины).

К обязанностям командира отделения (дружины), которое образует основную боевую единицу, относятся: ознакомление подчиненных с задачей и способом ее исполнения, указание места для отделения и стрелковых позиций для каждого из звеньев, задумывание и исполнение маневра, управление огнем и движением обоих звеньев, целесообразное использование вообще технических средств, пополнение патронов, поддержание связи, обеспечение флангов и поддержание дисциплины.

*) У нас принято ссылаться на французов при выделении „наступления“ в особый период боя, но во франц. наставлении нет этого термина.

Казалось-бы и того довольно, но он же обязан—выбирать место для ручного пулемета и винтовки, стреляющей гранатами.

На долю командира звена остается: выбор способа передвижения и команды для движения и огня (в том числе точное указание цели и высоты прицела).

Относительно командира взвода, хотя и говорится, что он должен управлять отделениями и держать их в руках, но, в сущности, это управление сводится к отдаче приказа для перехода в строй по звеньям, с указанием задачи, обстановки, направления, интервалов дистанций и направляющей части, а затем к отдаче распоряжений перед достижением дистанции атаки, с указанием направления движения и участков огня.

Он же указывает задачи тяжелым пулеметам, если они приданы.

В школе подготовки мелких частей польский ген.-лейт. Серда (см. ряд статей и проектов учений в журнале „Беллона" за 1922 год) определенно указывает, что с отдачей приказа, определяющего направление движения и огня дружин, который, в его примерном учении, отдается за 800—900 шагов от противника, оканчивается воздействие (по польски—вплыв) взводного командира на отделения, находящиеся под достаточно сильным огнем противника. К дальнейшим его обязанностям относится забота о пополнении потерь и боевых припасов. В критические моменты боя он становится в голове того отделения, которое заколебалось, или того, с которым он думает начать штурм. Обязанности командира роты очерчены слабо. Командир батальона выступает в качестве распорядителя резерва и тяжелых видов вспомогательного оружия. Присматриваясь к новой польской школе боевого обучения, о которой было упомянуто, надо отметить большое старание научить войска и, в особенности, младших начальников приемам нового боя пехоты. Избран, несомненно, очень хороший метод полевых учений с обозначением не только расположения противника, но и действительности огня с обеих сторон. Но, в конце концов, при той децентрализации в управлении, которая вытекает из самых основ организации польской пехоты, остается только советовать производить как можно больше боевых учений, чтобы возвести на небывалую высоту подготовку к-ров отделений, как то и делает тот же ген.-лейт. Серда.

Интересно бросить взгляд, как те же вопросы разрешают немцы, обладающие пока, кстати сказать, лучше подготовленным и более опытным младшим командным составом, чем, по крайней мере, поляки. Надо, прежде всего, напомнить, что у немцев другая организация; совсем нет самостоятельных маневренных отделений, заключающих оба элемента современной атаки—огня и движения (как у французов и поляков).

Пфейфер в своем проекте устава предположил роту из 3-х взводов, каждый в составе двух отделений (полувзводов), из двух звеньев по 8 чел. (с к-ром звена), но в одном отделении он сосредоточивал оба пулеметных звена, в другом—два гренадерских.

Новый германский устав 1922 года принял во взводе то же число звеньев или несколько больше (4—5, в том числе не менее двух пулеметных), но совсем отказался от отделенных командиров. Обе организации имеют свои выгоды и недостатки. Первая разгружает командира взвода и создает более крупные огневые (пулеметные) и ударные (ружейные) единицы. Она же позволяет увеличивать число стрелковых звеньев (живой силы), не обременяя взводного большим числом единиц управления. Вторая дает большую гибкость в сочетании огневых и ударных единиц. Но обе имеют общую черту—усиливают значение взводного командира, делая лишь из взвода, а не из отделения, маневренную боевую единицу.

Новый германский устав для подготовки пехоты, в отличие от французского наставления, мало останавливается на формах, но гораздо больше посвящает внимания практическим указаниям по вопросам управления в бою. В доказательство этого можно было бы привести целый ряд выписок из устава, который точно разграничивает обязанности командного состава различных степеней, указывает им, как следует поступать в различных, наиболее типичных, сочетаниях боевой обстановки, подчеркивает важнейшие и труднейшие задачи, дает образцы распоряжений и пр. Вообще, германские начала организации и управления, отодвигая, с одной стороны, центр управления мелкими частями от передовых групп ко взводному командиру, а, с другой—приближая к передовым линиям более высокое командование, через ответственную роль командира роты, прочнее решают задачи управления в современном бою, чем это делают французские и польские уставы.

Но задача управления все же остается очень трудной.

Самостоятельность, если не отделенных, то взводных командиров —неизбежна.

Требования от современного германского взводного превышают требования от прежнего ротного командира.

Справедливость требует отметить, что даже и в германском уставе, в основных статьях, рота признается, главным образом, как единица обучения; в дальнейшем речь идет более о направлении взводов в начале боя и об известном воздействии на управление взводных командиров, чем об самом управлении ротою: исключение составляет лишь управление ротным командиром тяжелым оружием пехоты, насколько оно окажется в его распоряжении.

Итак, мы видим, что атака с превосходным или, вообще, с сильным огнем, это атака—с превосходным командованием мелкими единицами. Она может быть успешна постолько, посколько....

При этом нельзя сказать, чтобы во всех армиях, при разработке приемов этой атаки, придерживались в одинаковой степени того двухколейного управления (число огневых единиц и управление ими), о котором мы выше говорили.

Условия для атаки с сильным огнем по месту и по времени.

Рассматривать атаку с сильным огнем вне времени и пространства было бы совершенно неправильно.

Приемы этой атаки слишком построены на применении действий разного рода огневых орудий для того, чтобы применять их в таких условиях, которые сильно затрудняют или вовсе исключают применение этих орудий.

Даже такие местные предметы, как крупные леса или большие населенные пункты, затрудняют применение огня или рассеивают его на большую площадь.

Обширные леса и болота почти исключают применение тяжелой артиллерии и боевых машин, затрудняют действие полевой артиллерии и доставку огнеприпасов.

Местность на некоторых участках может быть доступна для атаки с сильным огнем, но окружена обширным бездорожным пространством, исключающим или слишком затрудняющим подвоз всего необходимого.

Наконец, далеко не всякое расположение противника, даже на местности благоприятной для приемов атаки с сильным огнем, может подать повод для применения этих приемов.

Пфейфер в своих „точках зрения“ и в проекте устава не без основания предостерегает от „успешной“ атаки первой гряды холмов не занятых прочно противником, за которой следует вторая, с его действительной обороной. Такая атака не только может повести к напрасному расходу большого количества огнеприпасов, но может расстроить весь сложный порядок движения и завлечь в ловушку. Выгодные маневренные условия в современных боевых порядках пехоты сохраняются до тех пор, пока этот порядок сохраняет глубину и известную связность движений своих частей, обладающих различной подвижностью. Раз эти условия нарушены, а цель огневого напора не достигнута, то положение сильно меняется.

Но кроме известного рода местных условий, могут сказаться другие повсеместные условия—времени суток, времени года, погоды и т. п.

Давно уже обращено внимание, что ночные действия невыгодны для противника, превосходящего своими огневыми средствами. На это обыкновенно возражают указаниями на новейшие успехи техники, яко-бы превращающие ночь в день. Но вот, однако, немцы в своем новом уставе 1922 года, в общих основах боя пехоты, отводят целую главу „темноте и туману“, в которой поучают свои войска, что ночью винтовки и легкие пулеметы не могут давать прицельного огня, а тяжелое оружие пехоты не в состоянии сообразовать свое действие с переменами в боевой обстановке. Немцы отсюда делают вывод, что невыгодные местные условия, сильная подготовка противника и зависимость от его самолетов могут вызвать широкое применение действий в темноте. Они же указывают, что, кроме естественного тумана, может быть еще и искусственный, дымовыми завесами. Но кроме времени суток есть еще и времена года, зима с глубокими снегами. Надо

считаться с сильным снегом, с мятелею, а в другие времена года—с сильными дождями.

Все это достаточно очевидно, но нельзя об этом не упомянуть, чтобы не оставалось сомнений в невозможности считать атаку с сильным огнем каким-то универсальным способом. Мы не будем утверждать, что ее почитают за таковой способ в странах мира, обладающих пока, по воле судеб, наилучшим вооружением, но хотим только указать на всю рискованность такой организации пехоты, которая была бы слишком приспособлена именно к этому способу действий и ни к какому иному.

Вот, например, японцы, в своем уставе для пехоты 1920 года, вполне определенно высказываются против вовлечения легких пулеметов в водоворот боя при ночных атаках, но как же это сделать, если каждый десятый человек в пехоте будет вооружен легким пулеметом?

Зависимость атаки от живой силы.

Пуля—ничто без оружия, оружие—ничто без человека, который им управляет.

Но этих общеизвестных истин еще мало, чтобы раскрыть отношение огня к живой силе в атаке.

Принято говорить, что огонь подготовляет, а штык удар решает,—еще со времен драгомировского спора с огнепоклонниками. В действительности в наступлении идет речь одновременно и о движении и об огне. Движение имеет целью удар, а огонь имеет двойную цель: поразить противника и достигнуть сближения для удара, т. е. способствовать движению. Упростим картину боя. Пусть два стрелка наступают на одного, который стреляет из за хорошего укрытия.

Они оба могут хорошо управлять своим огневым орудием, но, если у них не будет стремления к удару, то главная цель не будет достигнута.

Эта цель будет наилучшим образом достигнута, если каждый из них будет своим огнем содействовать продвижению другого.

Цель движения должна быть поставлена *впереди цели огня*. Это ясно.

Пусть один из наших двух стрелков убит, остался один, но он сильнее и ловчее обороняющегося. Для него цель движения сделается еще важнее цели огня, но он также не достигнет своей главной цели если не обладает еще одним необходимым качеством—*смелостью*.

В западно-европейских армиях снабдили пехоту вспомогательным оружием, чтобы сделать ее более независимой от поддержки артиллерийским огнем. Пехота, после растраты дисциплинированных и обученных кадров, не двигалась без огня артиллерии, которой часто приходилось напрасно тратить снаряды и обстреливать никем не занятые пункты, в которых лишь предполагался противник (см. Тайзен—„О формах атаки и обороны в маневренной войне“).

Теперь пехота получает свое сильное оружие, которое идет с ним в бой, если не вполне неразлучно, то в более непосредственной связи, чем артиллерия.

Сильное оружие, без сомнения, дает не только материальную, но и моральную поддержку; оно увеличивает уверенность войск в свои силы.

Но если это оружие дается той пехоте, которая не идет без артиллерийского огня, то пойдет ли она с новым оружием, если оно не поведет ее без потерь?

Надо дать пехоте всякое оружие, чтобы она могла уменьшить свои потери при атаке, надо обучить ее для той же цели применять соответствующие строи и пользоваться местностью, но надо воспитать ее так, чтобы она наступала даже и с потерями.

Любопытно отметить, что новый (правда, еще временный) японский устав для пехоты 1920 года сильнее, чем старый, подчеркивает значение „нравственной" подготовки для развития наступательного духа и инициативы.

В одном из параграфов устава говорится: „Даже если огонь противника чрезвычайно силен и наносит *громадные потери*, солдат должен выполнять свой долг безукоризненно, в полном сознании своей личной ответственности. Он должен помнить, что малейшая замешка с его стороны может привести к неудаче, тогда как *бодрое наступление приводит к победе*". (См. „Военный Зарубежник", № 12—13,—Новый пехотный устав японской армии).

Вообще же остается впечатление, что этот устав, в противовес новым уставам западно-европейских армий, преднамеренно обходит молчанием действительность современного огня, чтобы не давать пехоте повода к уменьшению наступательного порыва.

Не будем утверждать, что такой взгляд на дело должен считаться образцом для всех армий мира.

Каждая армия должна иметь свои свойства в зависимости от физических и духовных свойств своего народа, от его классового состава, от его тенденций и воспитания, от материальных условий его существования и от развития техники.

Одна армия может, конечно, подражать другой, в особенности если она оторвана от своего народа и от основных мотивов его существования, но так или иначе, рано или поздно, эти основные мотивы возьмут верх, и тогда армия обнаружит свои природные свойства.

Новая тактика с „превосходством огня в атаке" должна исповедываться там, где чувство самосохранения в массах народа и одновременно, вера в силу оружия преобладают над всеми остальными двигателями, где надежды на могучий порыв массового героизма были бы слишком слабы и неверны и где, наконец, самые цели войны его исключают или очень мало поддерживают.

Но там, где свойства народа допускают проявление этого героизма, а цели войны ему содействуют, там принципы атаки, построенные на одном лишь превосходстве оружия, могут создать слишком узкие рамки для тактики, а за ней и для стратегии, т. е. для всех приемов войны в широком масштабе.

Зависимость атаки от свойств противника.

Наше исследование было бы неполным, если бы, в заключение, не остановиться еще перед одним вполне естественным вопросом: неужели во всех случаях надо наступать с теми приемами, которых требует атака с превосходством огня или, хотя-бы, под защитой огня?

Или: неужели следует непременно эти приемы положить в основу всей подготовки пехоты?

Вопросы эти несколько похожи на другие, которые теперь уже не задаются: неужели надо всегда атаковать с расчетом встретить перед собой укрепленную позицию? неужели приемы атаки на укрепленную позицию надо положить в основу всей подготовки? Я думаю, что с одинаковым основанием надо ответить отрицательно, как на вторые вопросы, так и на первые.

Во французских и польских уставах, по опыту последней империалистической войны на западе, все основные приемы атаки выведены из предположения, что противник, если и не будет иметь сильной, долговременно укрепленной позиции, то все будет встречать очень сильным огнем и подготовит свое расположение не только к обороне, но к полному поражению противника в наиболее выгодных для себя условиях. Для этого он постарается скрыть свое расположение, подготовит непроницаемую сеть всякого рода огня перед своей главной боевой линией, эшелонирует в глубину ряд гнезд и опорных пунктов, снабженных сильными огневыми средствами, а свои резервы подготовит для контр-атаки в тот момент, когда наступающий будет пробиваться через его огневую ловушку или будет вылезать из нее ослабленный и расстроенный.

Для подобных случаев атака с превосходством огня или, по крайней мере, под защитой огня—действительно необходима.

Но разве всегда надо видеть перед собой именно такую оборону?

На это можно, конечно, возразить, что, по общему правилу, на войне надо готовиться к наиболее трудному случаю: раз мы к нему будем готовы, то легко преодолеем сопротивление и в других случаях. Но это правило надо прилагать с оглядкой.

Не трудно показать на самых простых примерах, что большие усилия, однообразно направленные, могут оказаться не только невыгодными, но рискованными: менее сильный, но более ловкий противник может их использовать.

Атака с сильным огнем соединяется со специальными, техническими приемами, которые, в свою очередь, требуют специальной организации живой силы, орудия, подвоза и пр. Мы это видим на примерах западно-европейских армий.

Надо еще проверить, будет ли эта организация пригодна для другой обороны, менее сильной по огню и технике, но более ловкой, лучше приспособленной к местным условиям или с более широкими размахами.

Но может оказаться и другой случай: сам обороняющийся может быть вооружен настолько сильными огневыми средствами, что огневое состязание с ним будет нецелесообразно.

Главнейшие выгоды наступающего лежат в инициативе действий, в свободе маневра, в возможности применить внезапность и быстроту действий. Было-бы неразумно от них отказываться в угоду какой бы то ни было системы действий, по какому бы то ни было шаблону.

Но как нужно учить особым приемам атаки на укрепленную позицию, так же нужно учить и атаке против сильного огня противника, вооруженного по последнему слову техники.

Но даже и при этом условии надо не терять из вида, как сильных, так и слабых сторон этой техники.

Выводы.

Заканчивая на этом свою статью, не берусь судить, насколько все изложенное похоже на „Диалектику огня“. Сохранив этот подзаголовок, я старался просто высказать то, что считал наиболее полезным для нашей Красной армии.

Насколько это удалось—предоставляю судить читателям.

Мои выводы, вкратце:

1) В атаке с сильным огнем есть внутренние противоречия, которые хотя и не делают ее невыполнимой, но создают своего рода трудности, которые надо уметь преодолеть и иметь для этого необходимые средства и подготовку.

2) Приемы такой атаки могут обратиться в полное противоречие с требованиями действительности, если они применяются без надобности.

3) Закладывать в основу всей подготовки пехоты именно и исключительно приемы этой атаки не следует; с воспитательной стороны это было бы вредно.

4) Обучать приемам подобной атаки нужно, в особенности при недостатке технических средств, но при этом, в последнем случае, иметь в виду не столько атаку с сильным огнем, сколько атаку против сильного огня противника, ибо в основе лежит именно эта цель, а не свой сильный огонь во что бы-то ни стало.

5) Если побороть огонь противника не под силу—надо применять другие средства, но не искать их только в силе огня.

С. Меженинов.

Строи и порядки пехоты.

Боевые строи пехоты устанавливаются в зависимости от требований и характера боя, организованного и снабженного всеми боевыми средствами современной эпохи. Бой пехоты нельзя рассматривать как самостоятельное явление.

В бою все стремление направлено к регулированию воздействия на психику противника и сохранению нравственной устойчивости своих войск.

Нравственная устойчивость колеблется под влиянием ужаса смерти, вносимого в ряды дерущихся всеми видами огня, проявлений техники и непосредственным столкновением дерущихся.

Установление боевого строя будет зависить не только от удобства использования вооружения и материального воздействия на него противника, но и от психики массы, принимающей участие в бою.

С этой точки зрения строи для кадровой пехоты и пехоты, развернутой на слабых кадрах, будут различны.

Отсюда вытекает положение об эволюции строя в течение войны. Разбирая строи пехоты с точки зрения использования оружия и потерь от огня противника, нужно установить, что при вооружении скорострельной винтовкой, боевым строем первой волны пехоты будет являться стрелковая цепь, допускающая лучшее использование местности в смысле применения огня и уменьшения потерь. Чтобы достигнуть огневого перевеса над противником, необходимо эту цепь иметь возможно гуще. Уплотнение цепи происходит за счет частных поддержек, их влитие усиливает огневое воздействие на участке их появления. Эти поддержки, благодаря близости к первой линии, могут маневрировать лишь прямым движением вперед, почему район их применения ограничен. Для обеспечения более свободного маневра и достижения решительного перевеса в огне на том или ином участке, выделяются батальонные резервы, оттянутые от первой линии на известную глубину и благодаря этому допускающие маневр в косом направлении.

Для обеспечения маневра на поле боя полка, выделяется общий резерв полка, допускающий благодаря значительному удалению от первой линии широкий маневр на всем участке полка. Эти виды резервов соединяли в себе и огневой и ударный запас сил.

Строи частных резервов для уменьшения потери или разомкнутые или же цепях.

Таким образом при этом виде вооружения, боевой порядок пехотного полка будет представлять из себя ряд линий стрелковых цепей, дистанции между которыми увеличиваются по мере удаления от первой линии. (Схема № 1).

Невыгоды подобной формы построения следующие:

А.

Нравственного порядка.

1) Нравственное воздействие начальника в первой линии крайне слабое—оно ограничивается небольшим числом стрелков, слышащих голос начальника.

2) Последующие линии находятся в угнетенном состоянии, так как сами не могут активно участвовать в бою, а уже несут потери. Для их уменьшения необходимо рассыпаться возможно шире и в глубину, т. е. начинает чувствоваться неудобство п. 1-го.

3) На дистанциях прямого выстрела успех стрельбы зависит от сообразительности и самообладания рядового бойца.

Б.

Технического порядка.

1) Управление широким огневым фронтом крайне затруднительно.

2) Фронт противника обстреливается равномерно, сосредоточение огня на определенных участках крайне медленно и нет быстрого мощного воздействия.

3) Разрыв стрелковой линии ведет к ослаблению огня против участка разрыва.

4) Передвижение частей вперед вызывает ослабление огня.

5) Стрелковая цепь быстро останавливается под влиянием заградительного огня.

Наличие пулеметов у противника оказывает то же действие.

6) Широких прикрытий для использования их как стрелковой позиции на местности мало.

7) Питание первой линии патронами затруднено, так как производится по фронту.

Появление автоматического ружья и легкого пулемета позволяют видоизменить строй первой боевой линии боевого порядка пехоты.

Вместо сплошной линии, равномерно распределенных стрелков, появляются огневые очаги, основным видом действия которых на средних и ближайших дистанциях стрельбы будет являться автомат, пехотинец будет обслуживать и прикрывать его до момента схватки накоротке.

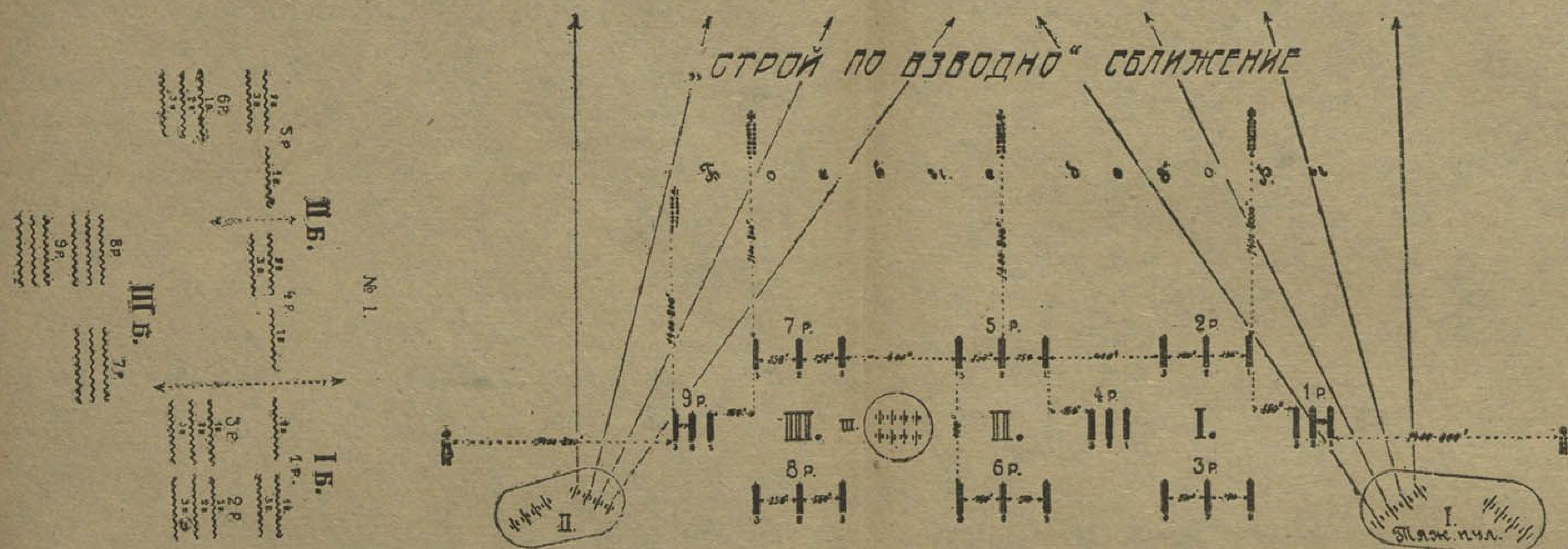
Плотность огня этой линии огневых очагов будет регулироваться интенсивностью питания боевыми припасами.

Уплотнения первой линии стрелков в том виде, как это было при вооружении только скорострельной винтовкой, быть не должно.

Частные резервы могут оказать поддержку огнем через промежутки между боевыми очагами первой линии. Маневр более глубоких резервов будет заключаться не в передвижении, а в перенесении огня—маневр. огнем.

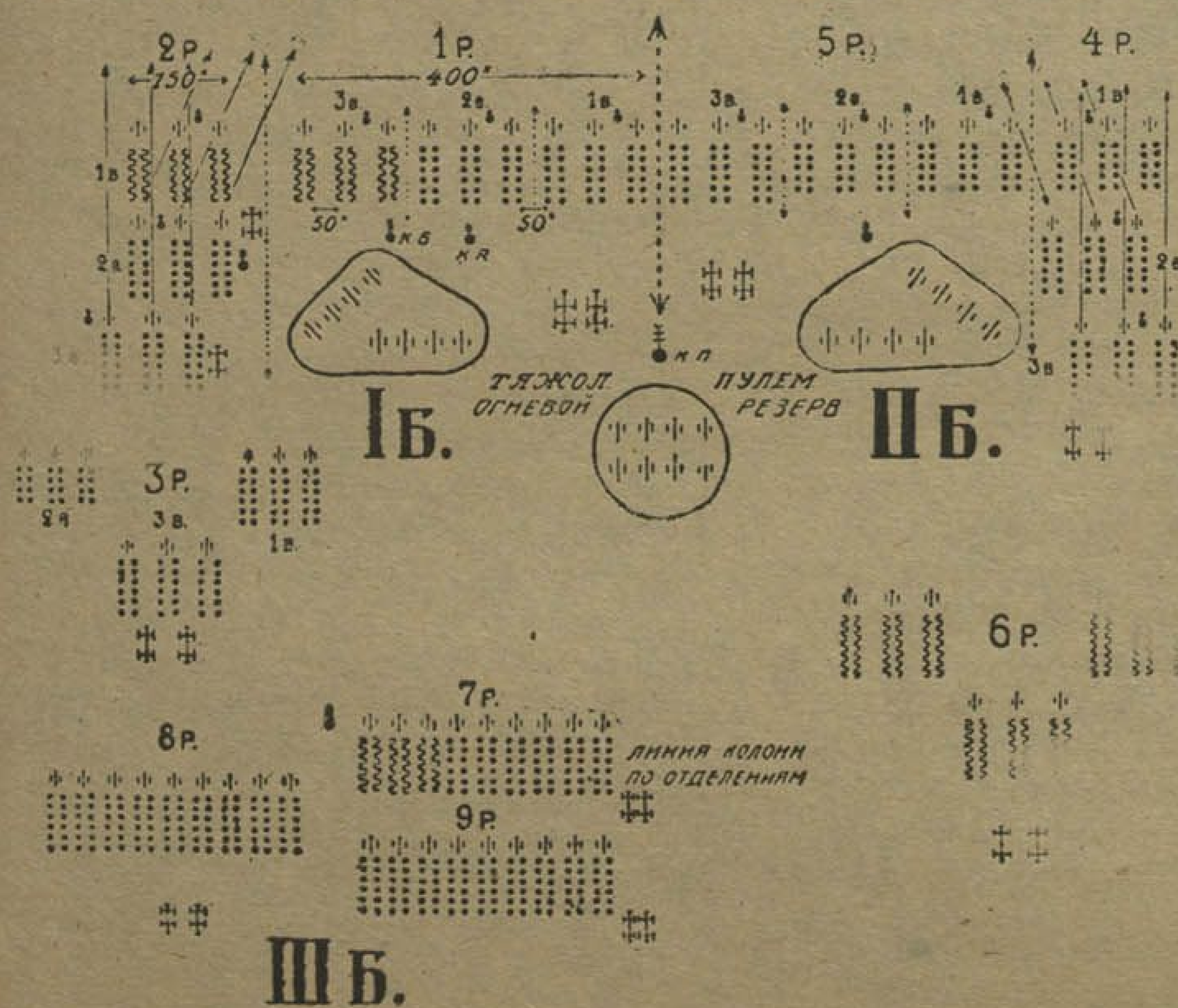
Общим огневым резервом, обеспечивающим маневр на поле боя полка, будут являться команды тяжелых пулеметов.

Наличие на вооружении гранат и огнеметов позволяют видоизменить характер рукопашной схватки, но все же решающим моментом

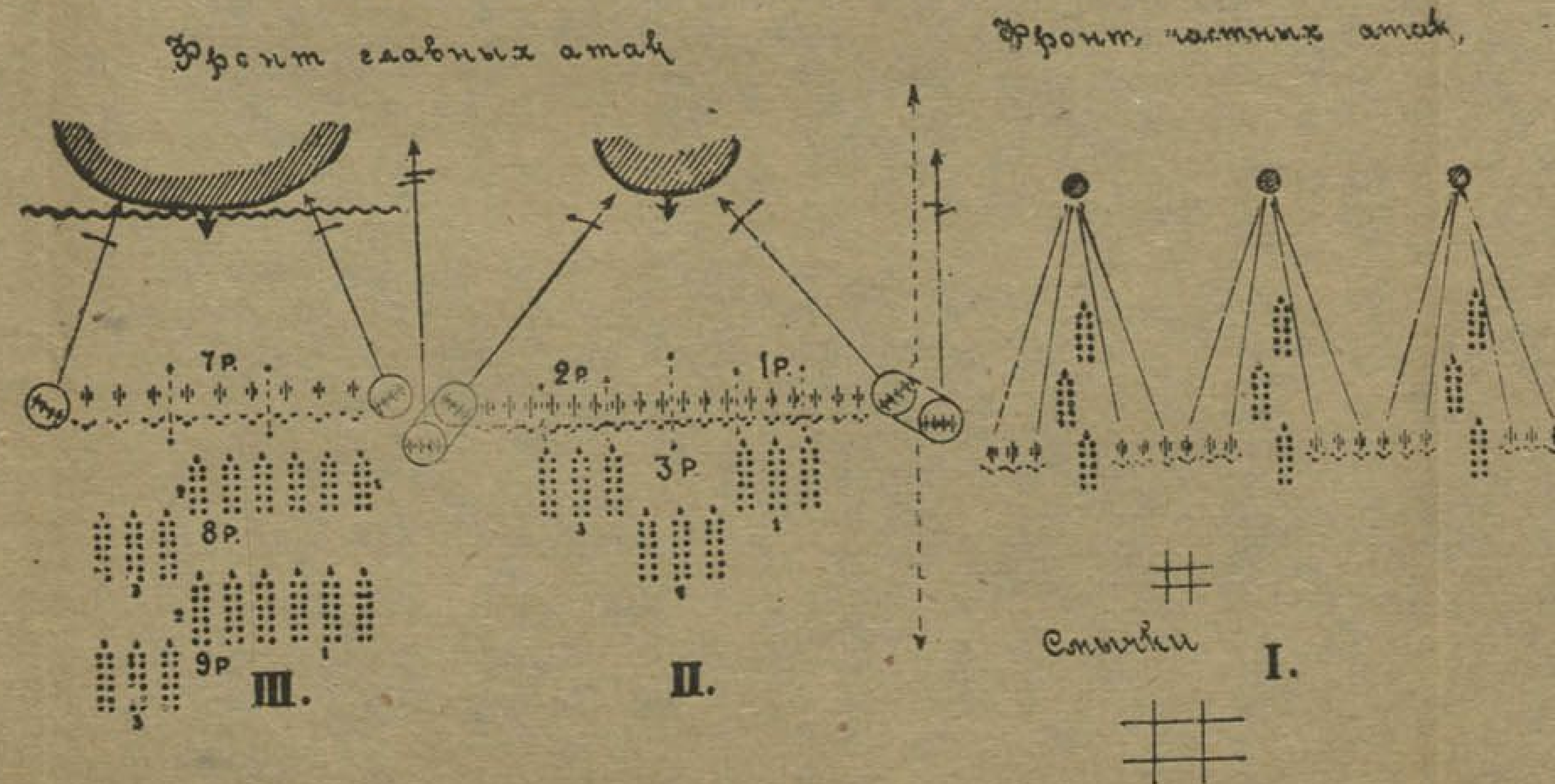
№ 1.
„Строй по взводно“ сближение
Тяж. пул.

№ 2.

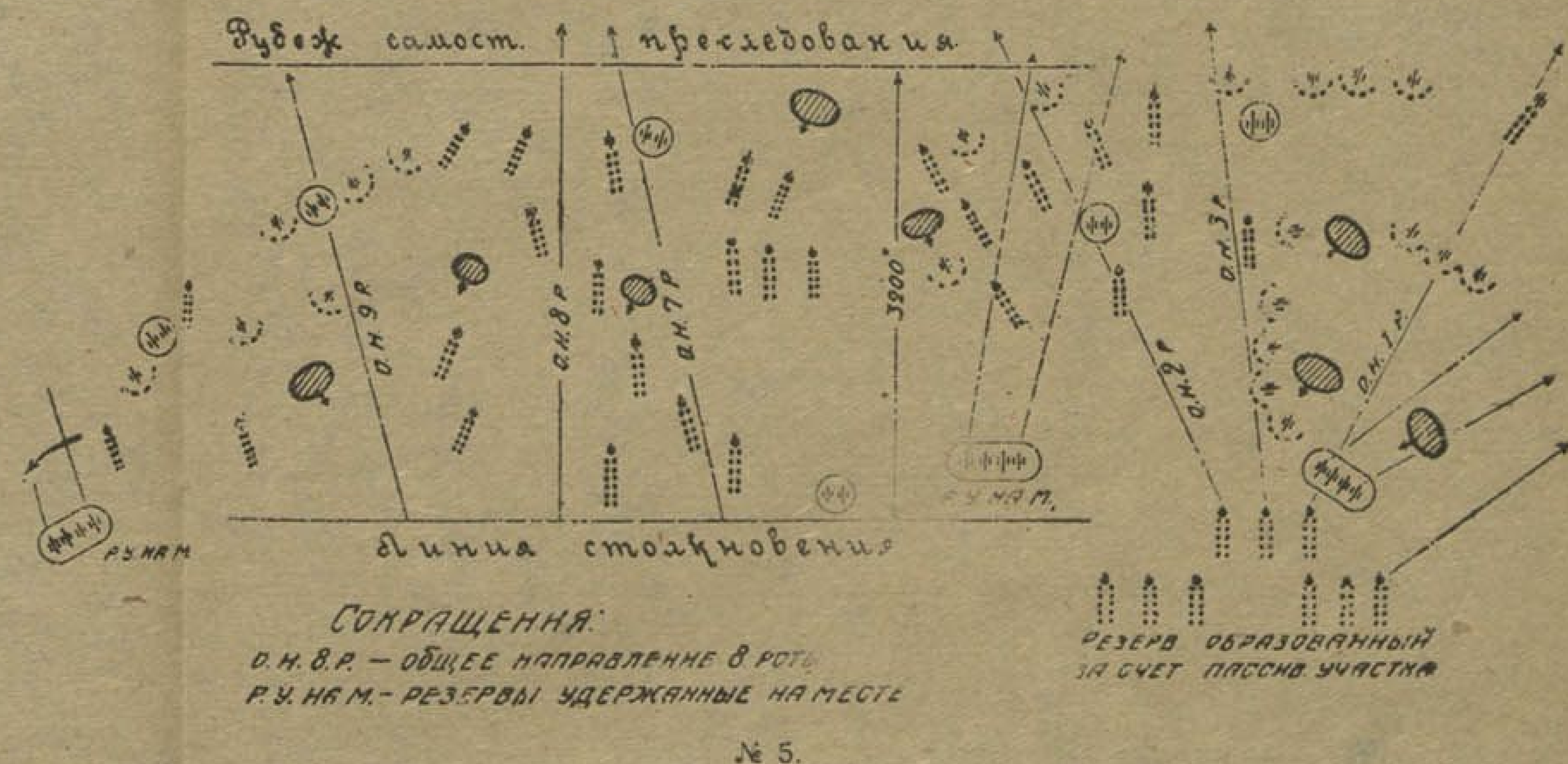
„Строй по отделениям.“ Наступление.
Тяжол. огневой
Пулем. резерв
Линия колонн по отделениям

№ 3.

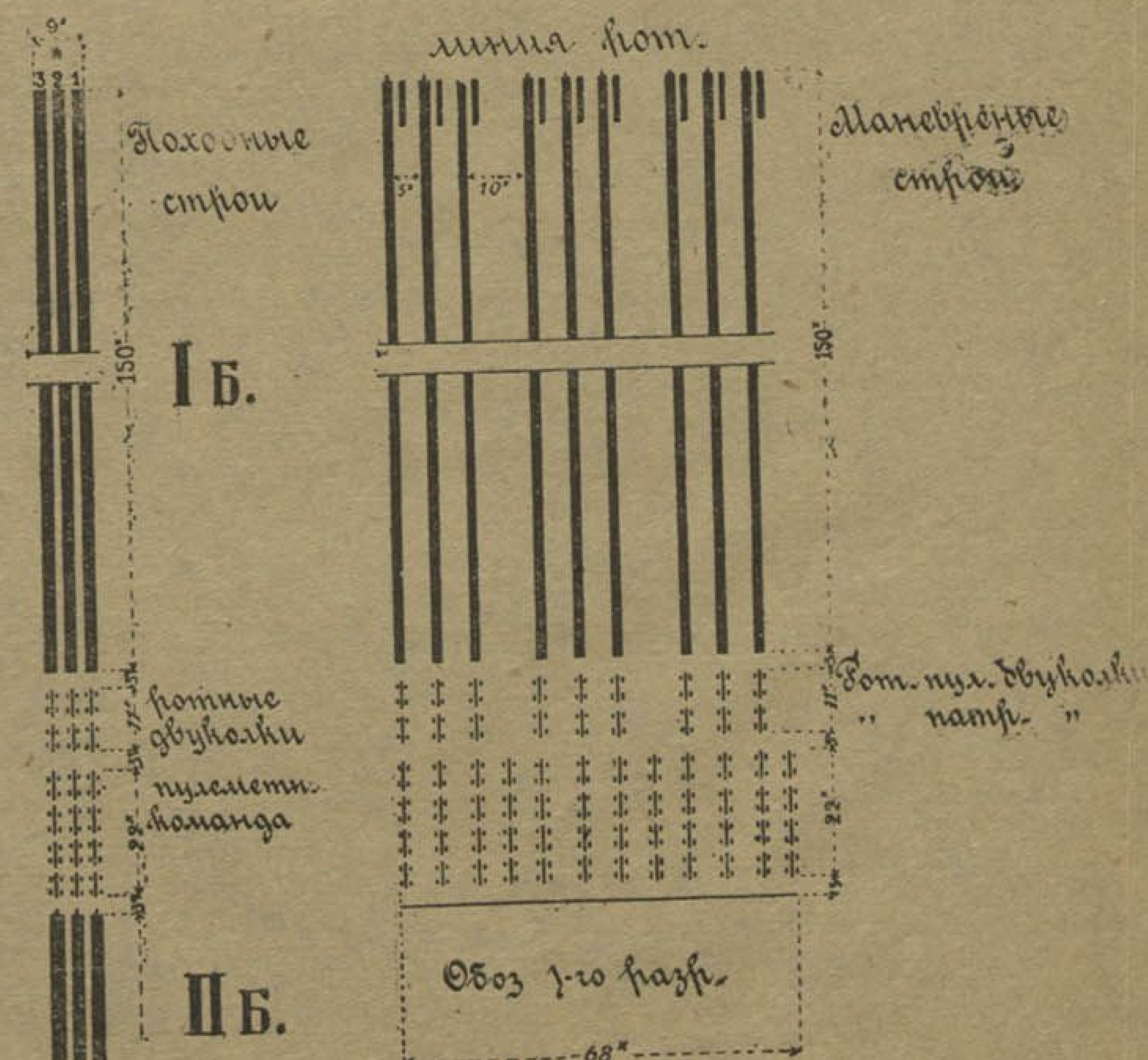
Порядок движения в атаку
Фронт главных атак
Фронт частных атак
Стычки

№ 4.

Порядок после организ. столкновения
Рубеж самост. преследования
Линия столкновения
Сокращения:
О. Н. 8 Р. — общее направление 8 роты
Р. У. на М. — резервы удержанные на месте
Резерв образованный за счет пассив участка

№ 5.

Линия рот.
Походные строи
Маневренные строи
ротные двуколки
пулеметн. команда
Рот. пул. двуколки
„ патр. „
Обоз 1-го разр.

№ 6.

боя будет вторжение в расположение противника и схватка с ним накоротке.

С этой точки зрения необходимо к моменту столкновения сохранить компактность. Она будет достигнута уплотнением первой линии на близких дистанциях за счет общего резерва живой силы.

Таким образом при этом виде вооружения, боевой порядок полка будет представлять из себя ряд эшелонов пехоты, во главе которых двигаются автоматы.

Выводы подобной формы.

А.

1) Нравственное воздействие начальника на подчиненных велико—он сам находится впереди дерущихся и во время движения и во время огня и лично руководит огнем автомата и работой прикрытия.

2) При передвижении ярко чувствуется поддержка соседа: благодаря скорострельности можно создать огневые завесы.

3) Ближайшие эшелоны могут принять участие в огневом нападении через промежутки—сохраняется дух активности.

Б.

1) Управление огнем облегчается, так как масса огня исходит из одной точки. Приказание, достигнув командира—технического руководителя, немедленно приводится в исполнение.

2) Фронт противника может обстреливаться огневыми ураганами, сосредоточение огня облегчается.

3) Разрывы между огневыми очагами не оказывают влияния на плотность огня по фронту противника.

4) Заградительный огонь артиллерии и атаки летчиков не так чувствительны, благодаря рассеянности боевого порядка и наличию мелких закрытий.

Неудобства:

1) Автоматизм оружия вызывает излишнюю трату патронов и крайне затрудняет питание.

2) Порыв к удару холодным оружием ослабевает.

3) Преследование должно вестись по частной инициативе местных начальников—единственное вмешательство старшего начальника—это указание предела преследования. С этого рубежа опять должны быть обеспечены организованные строи и порядки при различных фазах наступления.

Частности боевых порядков.

А. Сближение.

На дальних дистанциях пехотного огня (3200) расчитывать на меткость легких пулеметов и автоматов нельзя, так как обыкновенный прицел и малая точность установки не дадут хорошего процента поражения (некоторые виды ружей—пулеметов имеют меньшую дальность), поэтому надобности в разреженности первой волны нет. Тяжелые пулеметы, снабженные оптическими прицелами, наоборот, могут принести существенную пользу, обеспечив огневой завесой

фланги, и позволить продвижение компактной массы наступающей пехоты.

Для предупреждения этой массы от внезапных огневых нападений с фронта, необходимо выдвижение боевых дозоров с автоматами или легкими пулеметами на дистанции действительного огня. Для избежания потерь от огня артиллерии противника, необходимо рассеянное построение двигающейся пехоты. Для ускорения движения нужны строи узкие по фронту.

Всем этим требованиям наиболее отвечает „строй по взводно" на интервалах и дистанциях допускающих развертывание взводов на широком фронте. (Схема № 2).

В период наступления, когда является возможность огневого действия винтовок, легких пулеметов и ружей—пулеметов, необходимо принять построение, допускающее быстрое открытие огня первой линии и уменьшить ее потери. Первый эшелон пехоты примет „строй по отделениям". Его первая линия сольется с боевыми дозорами. При занятии первого огневого рубежа, необходимо между отделениями сохранить достаточные интервалы, чтобы обеспечить огонь второй линии. Рассыпание в цепь каждого отделения не имеет значения, так как огонь 15 стрелков может направляться из любого строя.

С этого рубежа намечается главный пункт атаки в расположении противника. Расположение и организация огня тяжелых пулеметов должны обеспечить продвижение „резерва живой силы" и содействовать продвижению остального фронта. Для достижения решительности и быстроты в действиях, нужно сохранить централизованное управление группами пулеметов. (Схема № 3).

По достижении дистанции, допускающей открытую атаку, необходимо наметить пункты „частных атак" фронта противника. организовать огонь легких пулеметов таким образом, чтобы изолировать эти пункты от соседей и обеспечить удар частных поддержек. (Схема № 4).

Удар накоротке в расположении противника приводит к решению первого организованного столкновения. дальше успех действий зависит от предприимчивости самих младших начальников. Без'удержное преследование, наседание на противника должно проводиться со всей энергией. Здесь нельзя дать определенного построения. Каждый частный начальник должен стремиться соорганизовать возле себя находящихся рядом с ним людей и преследовать противника. Управление в этот период выразится в назначении предельного рубежа для преследования пехотой, выделения огневого резерва, и живой силы в распоряжение старшего начальника. (Схема № 5).

Для передвижения вне поля боя применяются строи, обеспечивающие быстроту передвижения. Ввиду необходимости развертывания непосредственно из колонн, эти строи должны обеспечить ее быстроту.

Для обеспечения управления в момент развертывания, необходимо командиров рот иметь всех во главе своих частей и ближе

к командиру батальона. Отсюда необходимо походный строй иметь из линии колонн на тесных интервалах.

Воздушная маскировка потребует, где возможно укрытие под деревьями или зданиями у дорог, увеличения этих интервалов до ширины дорог.

Присутствие повозок среди войск вызовет растяжку, чем еще более устанавливается выгода построения „в линии колонн".

Для передвижения вне дорог походный строй переходит в маневренный, построенный по тому же принципу. (Схема № 6).

Применение огня в походных колоннах обеспечено к флангам колонн непосредственно из строя, а к голове колонны выдвижением тяжелых пулеметов в стороны.

Командир батальона в момент развертывания обеспечивает его, прежде всего, огнем тяжелых пулеметов.

В боевом порядке командир батальона непосредственно руководит огнем тяжелых пулеметов и указывает отправные участки для обстрела появляющихся на них целей.

Командир роты распределяет участки огневого наблюдения на взводы и лично руководит огнем своего резерва.

Командир взвода указывает цели и руководит огнем своих отделений.

Командир отделения с момента атаки и до рубежа стихийного преследования сам выбирает цели и руководит огнем.

Рассеянные строи пехоты допускают быстроту передвижения, менее уязвлены для огня противника, допускают наилучшее использование автоматического оружия.

Для сохранения управления рассеянность должна быть ограничена пределом влияния командира взвода на отделения.

Для обеспечения огневого маневра и мощного воздействия в кратчайший срок, тяжелые пулеметы должны иметь групповое управление и групповое построение и порядок.

Для обеспечения „ударности" пехоты необходим „резерв живой силы".

Построение первой волны автоматов, группировки тяжелых пулеметов, централизованный огонь артиллерии непосредственной поддержки должны обеспечить продвижение массы пехоты к фронту главной атаки.

Смирнов.

О значении военно-полевой маскировки.

„Маскировка" стала в наше время ходячим словом: о маскировке говорят, маскироваться в боевой обстановке признают необходимым, но едва ли я ошибусь, если скажу, что немногие знают науку о маскировке во всей ее полноте, большинство-же имеет о ней несколько превратное представление.

Еще во время русско-японской войны был выдвинут лозунг „пустоты полей сражения“. Опыт этой войны создал ему многочисленную армию защитников, а к началу Великой Европейской войны никто, кажется, даже самые ярые рутинеры, самые седые и консервативные генералы, строившие свою военную идеологию на суворовском изречении: „Пуля—дура, а штык молодец“—не могли не признать соответствия действительности нового лозунга пустоты полей сражений. Действительность-же определялась небывалою мощью огнестрельной машины и появлением на арене вооруженной борьбы нового могущественного фактора—авиации, что, в соединении с бесчисленными другими усовершенствованиями и нововведениями в области военной техники, видоизменило коренным образом картину войны. Тылы воюющих армий с появлением авиации не только обнажились для наблюдения противника, но и превратились в арену боев с выступлением воздушного флота в роли активного средства борьбы: поля сражения перестали измеряться „полями“, а охватили колоссально широкие территории.

Идея маскировки порождена самым ходом развития военного искусства, и применение авиации в вооруженной борьбе явилось последним, решительным толчком к ее появлению.

Маскировка, как средство закрытия, применялась и в русско-японскую войну; маскировка, как наука, родилась на полях Европейской войны, и появление ее надобно признать естественным логичным и неизбежным.

Чтобы победить—надо знать; чтобы знать—надо видеть.

— Не увидел—не узнал; не узнал—не победил. Вот положения, которые, при современном совершенстве средств наблюдения и разведки, вызывают необходимость маскировки и определяют ее направление.

По основной идее военно-полевая маскировка ставит своей задачей борьбу не с самым поражающим действием орудий разрушения, а с наблюдателями, управляющими ими.

По данным наблюдения и разведки оценивается обстановка и направляется действие орудий разрушения; в результате оценки обстановки является маневр.

Дайте противнику ложное представление о развертывающейся перед ним боевой обстановке—вы этим самым не только уничтожите или уменьшите поражаемость его орудий разрушения, но и дадите неправильное направление его маневру.

Назначение маскировки, как средства борьбы с наблюдением и разведкой противника, следовательно, в том, чтобы парализовать наблюдение противника, как бы оно ни производилось:—наземным наблюдателем, или воздушным агентом тайной разведки, или путем подслушивания, вооруженным или невооруженным глазом, или путем фотографирования; и не только парализовать наблюдение, но и создать обманные представления, чтобы ввести противника в заблуждение относительно наших замыслов, сил и средств, подчинить волю

его своей воле, отклонить мысль его по выгодному для нас направлению. Всесторонний обман противника всеми имеющимися в нашем распоряжении приемами и средствами—вот цель военно-маскировочного искусства.

Такое определение маскировки может показаться слишком широким, но оно является единственно верным, ибо не сокрытие только составляет предмет маскировки, и плох тот маскировщик, который не использует одновременно с сокрытием наших военных предприятий, всех возможных средств для обмана противника.

Путь маскировки, следовательно, лежит одновременно в двух плоскостях: в чисто материальной (сокрытие от разрушительного действия артиллерийского огня) и в психологической (осуществление военного обмана).

Но так-как и сокрытие имеет большое психологическое значение, подрывая дух войск противника (вспомнить: „человеческий дух боится неизвестного более, нежели сильного") и наращивая боевую мощь наших войск, то можно утверждать, что психологический момент в маскировке при выполнении всех, стоящих перед нею задач, играет большую роль.

Психология масс на поле сражения—вот то нечто, крайне важное, изменчивое, что решает часто участь боя.

Особенно в современной войне, при потрясающих эффектах военной техники, сила духа, моральное состояние войск является фактором, с которым приходится серьезно считаться.

И по образному выражению профессора военной маскировки С. Г. Лукирского, — скрывая наши живые силы и инвентарь от уничтожающего действия артиллерийского огня противника, маскировка является как-бы щитом в руках современного бойца, действуя-же на психологическое состояние войсковых масс она является и оружием наступательным, мечем морального на него воздействия.

Вот сущность маскировки и, в общих чертах, задачи, которые стоят перед нею. Задачи эти обширны, как обширно и поле современной войны: на земле и под землею, в воздухе и на воде, во всех случаях боевой обстановки маскировка необходима. Нет ни одного рода войск, который не ставил-бы маскировке своих частных задач, а если это так, то мероприятия по маскировке живой силы, являющиеся главным содержанием военно-маскировочного искусства, должны быть предметом постоянной заботы всех органов управления, всех военных начальников и каждого солдата в виде общеобязательной современной тенденции военного искусства.

Особо сложные мероприятия маскировочного характера должны, естественно, выполняться или специальными маск. частями, или войсками под руководством специалистов маскировки. Но простейшие маскировочные работы могут и должны быть достоянием широких войсковых масс, а для этого необходимо, чтобы маскировка проникла

в толщу армии, чтобы простейшие приемы маскировки знал и умел ими пользоваться каждый рядовой боец.

Известно, какую колоссальную роль сыграл в минувших мировой и гражданской войнах воздушный флот. В возможной-же будущей войне воздухофлот обещает быть фактором чуть ли не доминирующего значения.

В ряду активных средств борьбы с воздушным флотом противника стоит на первом месте истребительная авиация, ибо доказано, что обстрел самолетов с земли, хотя-бы и специальными зенитными батареями, вследствие целого ряда причин, мало продуктивен.

В ряду-же пассивных средств борьбы с воздухофлотом противника первое место занимает маскировка.

Но даже при наличии сильного воздушного флота невозможно парализовать действие воздухофлота противника на каждом данном участке фронта, во всякий данный момент и на всем протяжении фронта в целом; это доказывает ясно последний период мировой войны, когда союзная авиация на западном фронте, будучи сильнее авиации германской, не могла все-же, несмотря на все свое могущество, воспрепятствовать вполне полетам германских эскадрилий над районом расположения союзных войск.

Нам, с нашей сравнительной бедностью в технических средствах борьбы, следует особое внимание обратить на маскировку, как на эквивалент, могущий перетянуть нашу чашу весов в возможной будущей войне.

Итак, воспитание армии в духе маскировки должно быть проведено немедленно и настойчиво в жизнь, иначе на кровавых уроках возможной будущей войны нам придется учиться искусству сокрытия и обмана и заплатить за эти уроки не одной тысячью человеческих жизней.

Стройность системы и действий—одно из главных требований, пред'являемых к маскировке как в подготовительный к войне период, так и на театре войны, и чтобы достичь этой стойкости нужны усилия не небольшой группы, хотя-бы знающих и преданных делу, людей, а организованная работа всей массы войск.

На западе это обстоятельство было давно учтено. В статье „Основы маскировки", изданной по данным французской главной квартиры в Варшаве в 1920 г. капитаном Тадеушем Ружицким, говорится: „В конце 1917 г. была окончательно организована (во Франции) секция маскировки; она имела в своем распоряжении заготовительные лаборатории—центральную в Париже, окружные и армейские. Заготовительные лаборатории вырабатывали в большом количестве материалы для маскировки, армейские лаборатории подвергали материал обработке в отношении его специализации и приспособления для того или иного оружия и доставляли его по месту назначения... Секция маскировки имела своего представителя даже в районе дивизии... „В 1918 году открылась в главной французской квартире союзническая конференция по вопросам маскировки... Каждая американская армия имела один

батальон в составе 35 офицеров и 1000 солдат, назначением коего были исключительно работы маскировки."

Эти факты показывают, как высоко оценивалось на западе значение маскировки в современной войне. В той-же статье говорится: „Улучшение приемов неприятельского наблюдения, употребление оптических приборов очень большого увеличения, широкое применение привязных шаров и наблюдательных самолетов, а также применение дальнобойной, очень метко стреляющей артиллерии давали возможность немедленного обнаружения каждой незамаскированной военной организации и сооружения, сосредоточения на них огня и уничтожения их".

Английский наблюдатель лейтенант Гуг в своей статье „О противоаэропланной маскировке войск в поле" пишет: „Пока наши войска противо-воздушной обороны, противоаэропланные батареи и пулеметные команды не приобретут опыта в приложении на практике полученной ими подготовки, наша единственная возможная защита против набегов врага будет в умелой маскировке".

И слова не расходились с делом: „Во время операций 23 марта 1917 года, на участке Пилон—Мальмезон—Парньи—Филэн, потребовалось около 350.000 квадратных метров решетки на сетке. Во время атаки во Фландрии 1-я армия использовала еще большее количество этого материала, так-как маскировка в широких размерах на обнаженных полях Бельгии приобретала первостепенное значение".

Не следует думать, что маскировка лишь порождение и достояние позиционной войны. В маневренной войне значение маскировки нисколько не меньше, быть-может даже больше, чем в войне позиционной, а разнообразие и богатство средств и приемов современной военно-полевой маскировки открывает широкие возможности к их использованию во всевозможных случаях боевой обстановки.

Многое, если к ним присмотреться, говорят эти вышеприведенные данные только что минувшей войны. Но нельзя довольствоваться восприятием опытов прошедшего и настоящего дня, нужно не только уметь делать выводы, но и смотреть вперед, предугадывать возможные изменения в общей кон'юктуре и применяться заранее к ним.

Военная техника изыскивает все новые и новые средства борьбы, техника разведки и наблюдения, даже за этот короткий промежуток времени, который отделяет нас от момента окончания мировой войны, шагнула далеко вперед.

Несмотря на крайнее утомление человечества беспрерывными изнурительными войнами, несмотря на все более и более увеличивающийся хор голосов, требующих прекращения их и установления всеобщего мира, возможность грядущих войн не изжита. Напротив, призрак новой, еще более ужасающей бойни, чем предыдущая, навис над миром и нам, в частности, нашей стране, несмотря на все миролюбие приходится с этим считаться. И изучая обстановку возможной будущей войны, намечая руководящую идею ведения ее, сообразно опытам прошлого, сопоставляя технические возможности той и другой стороны, приходится еще раз сказать: „Да, значение маскировки велико и армия должна быть обучена маскировке в наикратчайший срок".

Сорокин—Ражев.

Бронировка и маскировка*).

Эволюция силы огня, как боевого средства в современной вооруженной борьбе, создала тяжелые условия ведения стрелкового боя.

Это особенно чувствуется в периоде сближения, с появлением средств поражения в виде автоматов, легких и тяжелых пулеметов.

Теперь уже можно считать за правило, что главной и первоначальной задачей стрелкового боя является стремление подвести наступающую пехоту на дистанцию решительного боя возможно менее расстроенною.

Это стремление выливается в поиски охранения пехоты для обеспечения своего продвижения.

В условиях современного боя эти поиски претворились в два боевых фактора: бронировка и маскировка. Первые, еще нерешительные, шаги применения бронировки в стрелковом бою можно видеть в русско-японскую войну, где бронировка выявилась в форме стальных шитков, служащих защитой отдельных бойцов при атаке наших сопок. Громоздкость и необеспеченность от огня шрапнели этого средства заставило скоро отказаться от его применения.

После русско-японской войны идея бронирования пехоты казалась умершей, существовало даже мнение, что бронировка ведет к разложению войск и утрате боевого духа вообще.

Великая Европейская война с высоким развитием средств обороны с обеих сторон, вновь выдвинуло фактор бронировки, но в размерах, далеко превышавших смелые предположения современных военных работников.

Но бронировка теперь явилась уже в форме активного средства, в форме подвижного боевого средства—танков.

Происхождение их создано условиями сложившегося в первой половине 1915 года тактического положения сражавшихся сторон на западном фронте.

Обе стороны, усиливая артиллерийский огонь, зарываясь глубже в землю, пришли к мертвому застою, не могущему нарушиться при наличии имеющихся боевых средств.

Впервые тогда введенные танки и явились тем средством, которое дало возможность одной стороне (Англии) преодолеть сопротивление упорной обороны.

С тех пор до сего времени танки, как элемент бронировки, заняли прочно свое место.

С введением в бой такого могущественного элемента, как бронировка, естественно, стали увеличиваться в своей мощности и средства поражения.

С появлением бронировки появились и противоброневые (бронебойные) средства разрушения.

---

*) Автор является большим сторонником бронеобростания пехоты. Мы надеемся, что по этому вопросу выскажутся сторонники и противоположных взглядов.

Ред.

К таким средствам нужно отнести: существующий в настоящее время противотанковый 13 м|м. пулемет Максима, стреляющий со скоростью 300 выстрелов в минуту бронебойной пулей, бороздящей и зажигательной со стальным сердечником, пронизывающим на 100 метров лист лучшей стали, толщиной 22—25 м|м. (1 дюйм.)

Артиллерия сопровождения, минометы и гранаты, не говоря уже об артиллерии дивизионной, являются средствами разрушения бронировки.

Ясно отсюда, что развитие средств разрушения обгоняет развитие средств бронировки.

Но это. ничуть не говорит за отказ использования боевого преимущества бронировки, такой скорополительный вовод из сопоставления средств разрушения и бронирования был бы самым ошибочным.

Бронировка, как всякое средство борьбы, подвержена неудачам и чувствительна к неожиданному и смелому нападению, но в важном требовании современного боя—в умелом нагромождении средств борьбы—бронировка должна иметь подобающее ей место.

Вторым фактором боевого самоохранения для обеспечения продвижения пехоты является маскировка.

Задача маскировки не только достижение невидимости для противника наших живых и материальных средств боя, путем пользования цветом и складками местности, и завес, но и создание ложных впечатлений у противника о наших боевых намерениях, направление воли противника этими средствами на ложный путь, дабы облегчить себе выполнение поставленной задачи.

Поэтому выполнение маскировки не должно ограничиваться достижением невидимости от глаз наблюдателя (наземного и воздушного), необходимо использовать разведку противника (акустическую телефонную, телеграфную, звукометрическую и проч.) в смысле запутывания ее своими намеренно-ложными действиями.

При умелом применении маскировки, средства разрушения теряют уже частью свои силу: разрушается то, что ощущаемо противником.

Отсюда ясно, что маскировкой, как и бронировкой, в современном бою, необходимо пользоваться, необходимо применять, как средство борьбы.

Ознакомившись с сущностью бронировки и маскировки, перейдем к разбору вопроса влияния этих боевых факторов на применение в бою пехоты.

В данном случае нас больше всего будет интересовать идея т. н. „танкирования" пехоты и идея маскированного продвижения последних.

Вчем же заключается первая?

Кратко, она будет заключаться в том, что со стороны атакующего непосредственно с пехотой, продвигается подвижная артиллерия в виде танков с пушками, артиллерия большой наступатель-

ной мощности, почти не знающая преград своего движения. Пехота постепенно обростает броней.

Ясно, что успех на стороне „танкированной“ пехоты.

Посмотрим теперь, как отразится введение в бой танков на формы пехотного боя.

Пехотный бой, основанный на взаимодействии огня и маневра, нейтрализующих огонь артиллерии и действия других родов оружия противника, должен развиваться нормально, как при введении в бой танков, так и без них.

Но не изменяя основных приемов борьбы пехоты введением в бой танков, последние своим присутствием влияют на группировку.

Строи „танкированной“ пехоты при сближении должны выливаться в обычные формы, складывающиеся в зависимости от характера местности и артиллерийского огня противника (т. е. строи гибкие, подвижные, легко управляемые и применяющиеся к местности).

Танки в этот период боя следуют сзади за пехотой, дабы преждевременно не обнаружить себя, сохраняя этим внезапность своего появления.

В момент соприкосновения с противником, когда борьба складывается в действие отдельных маленьких групп, защищающихся исключительно помощью оружия пехоты и вспомогательных родов оружия, когда артиллерийский огонь противника принужден замолчать, дабы не „бить по своим“, танки быстро выдвигаются вперед пехоты, выручая своим огнем первые линии последней, опрокидывая своим огнем и технической мощью точки сопротивления противника.

В этот момент наблюдение танками за местностью боя ограничено (своей близорукостью и глухотой) и обнаружение пунктов сопротивления противника не может быть ими выполнено вполне совершенно.

Для этого необходимо порядок атакующей пехоты видоизменить частью в сторону припштости ее к движениям танков, частью к созданию сильных ударных (с пулеметами) групп в интервалах между танками.

Первое необходимо для указания точного направления удара танками, что и выльется в форму выделения из каждого взвода нескольких хорошо обученных сигнальщиков (гонцов).

Второе является необходимостью дать поддержку движению танков, организовать уничтожение огнем гранатчиков противника, и главное, создать сплошную огневую цепь, дабы лишить возможности сопротивления противника в местах, не захваченных действием танков.

Действие соседних частей пехоты должны быть связаны с атакующими частями и танками, но движение их не должно быть зависимо от конечного результата главных атакующих частей, напротив, воспользоваться отвлечением от себя внимания противника, продвинуться вперед—это главная их задача, дающая возможность обойти фланги противника и своими действиями ускорить общий успех боя.

или сохранить его, если действия „танкированных“ пехотных частей почему либо будут неудачны.

Подробное описание действий танков не входят в цели настоящей статьи, но случаев выше перечисленных уже достаточно, чтобы установить:

1) Совместные действия в бою пехоты с танками должны быть самые тесные, тут недостаточно наличия материальной связи, здесь необходима моральная связь, что достигается долгими совместными занятиями и боевыми действиями.

2) Главная мощь в решении боя принадлежит пехоте, танки же являются выполнителями воли последней.

3) Задача боя для пехоты не упрощается, наоборот, усложняется, но потери ее уменьшаются.

Перейдем теперь к идее маскированного продвижения пехоты.

В чем она заключается?

Кратко: использование всех возможностей для скрытого подхода и сближения на средние дистанции, дабы в момент открытия огня по противнику сохранить свою живую силу.

В чем же будут заключаться эти возможности?

Сущность их будет заключаться в умении использовать условия местности, материальные средства и условия времени.

Трудно перечислить все средства, которые при желании и умении можно использовать с целью маскирования от противника своих действий.

Ночь, сумерки, рассвет, туман, дождь—все это самые простые средства боевого маскирования, но ведение боя в таких условиях чрезмерно трудно в силу наличия необходимости безусловно точной и серьезной подготовки и согласованности действий, успех боя без этих данных сомнителен.

Движение при малых закрытиях, без выстрела—случаи частичной маскировки.

Накапливание большими массамми за предметами, хорошо наблюдаемыми противником—пример неумелого использования маскировки, т. к. открытие огня противником будет несомненным фактом и вызвано это будет справедливым предположением наличия там живой силы.

Продвижение танков, броневых машин и проч. аппаратов, создающих лязг и шум, хорошо маскируются звуками разрывов артиллерии и полетом аэропланов над расположением противника.

Ложное боевое оживление на соседнем участке, ложное наступление—все это характерные примеры маскировки.

Маскировка, как подсобное боевое средство, очень ценно, оно дает уверенность, что живая сила может нести урон только в процессе боя, а не в подготовительных к нему действиях.

Поэтому маскировка придает войскам большую уверенность в своей силе, а уверенность большая доля успеха.

Применение маскировки не отражается на основных методах борьбы пехоты, но маскировка, как и бронировка влияют на группировку пехоты. Вместо стрелковой цепи, хорошо намечающей на местности движение атакующего, выгоднее применять строй отдельными ударными группами, которые лучше закрыть в складках местности, замаскировать отдельными предметами (кустарник, воронки от снарядов, гребни и пр.).

Строи пехоты при атаке, производимой ночью, в сумерки, утром или в тумане, необходимо вести скученно, сомкнутыми цепями, для получения надежной связи между отдельными бойцами в виду того, что ориентировка в этом случае будет крайне затруднительная.

Необходимо для полнейшего обсуждения вопроса о бронировке и маскировке пехоты разобраться и познакомиться со взглядами на сей предмет в среде военных работников.

Прежде всего по отношению к бронировке существуют два взгляда, совершенно противоположные друг другу; одни уделяют мало значения применению бронировки в стрелковом бою, ссылаясь на те недостатки, которые связаны с техническими недочетами танков. Другие, наоборот, слишком увлечены идеей бронирования и, преувеличивая, приписывают танкам возможность совершенно заменить ими пехоту, артиллерию, кавалерию и проч.

То и другое не верно и является ярким показателем решения вопроса необдуманно, не изучив его глубоко и серьезно.

Также имеются взгляды, трактующие отказ от маскировки, как от лишней роскоши, обременяющей своими действиями ведение боя.

Период прошедших империалистической и гражданской войн с очевидной ясностью диктуют нам, что тактика пехоты пережила огромную эволюцию, что важным рычагом этого является возрастающее развитие техники.

И пехоте, имеющей своими подсобными средствами—средства техники, по старому принадлежит истинная мощь боя, главное решение боя. И вот это обстоятельство, еще с большой убедительностью говорит за особенную ответственность действия пехоты в бою, за особенное значение отдельного бойца, за управления войсками в таких формах, в которых боевое значение отдельного бойца, его собственное „я" не было бы поглощено значением техники.

Вся „соль" боевого управления младшего комсостава должна заключаться в умении использовать боевую технику (бронировку и маскировку) так, чтобы последняя, будучи использована совместно с действиями пехоты, дала наиболее сильное средство в борьбе с противником.

Под таким углом и должна протекать подготовка комсостава и красноармейцев пехоты.

Разрешив эту задачу нам не так страшна будет техника наших противников; использование же технических средств Кр. Армии при такой подготовке в нужный момент даст максимум мощи.

В. Глотов.

Подготовка штыкового удара*)

Уже в самом начале мировой войны выяснилось, что бой пехоты против пехоты не может быть проведен, при современной технике, без мощной поддержки артиллерии. Действие пехотного огня, не сдерживаемого огнем артиллерии, слишком сильно и губительно, чтобы с ним могла справиться, без помощи артиллерии, даже значительно превосходящая числом, пехота. Поэтому наступающий безусловно нуждается в сильной артиллерийской поддержке.

Непосредственная поддержка, наступающей пехоты, артиллерией возможна только до исходной линии для атаки. Как только пехота сблизилась на разстояние штыкового удара, артиллерия непосредственной поддержкой ей служить не может, здесь пехота должна собственными средствами подготовить и провести атаку.

При той глубине построений обороны, которую дал опыт мировой войны, единовременная массовая атака, с прекращением артиллерийского огня, весьма рискована т. к. атакующий может натолкнуться на уцелевшие от артиллерийского огня пулеметные гнезда и опорные пункты, первой и второй линии, обороны. Такая атака возможна только против сильно деморализованного противника частями с высоким моральным уровнем.

Казалось бы, что при таких условиях пехота наступающего, дойдя до исходной линии для штыкового удара, и очутившись без поддержки своей артиллерии, попадает как бы в безвыходное положение или же, по крайней мере, в положение очень тяжелое. И на самом деле, если приучить пехоту к тому, чтобы она наступала только при поддержке артиллерии, то она окажется совершенно не способной вести бой самостоятельно; каждый момент она, точно ребенок, хватающийся за юбку своей матери, будет прятаться и требовать артиллерийской поддержки.

---

*) От редакции: В предлагаемой вниманию читателей статье т. Глотов проводит взгляд, что современная техника дала в руки наступающего такие средства, которые облегчили производство атаки. Он приводит в подтверждение своей мысли достаточно серьезные доводы, но „не переворачивает медали". Ведь те же технические средства не менее—если не более, облегчили также и задачу обороняющегося, а потому—затруднили действия атакующего!

Однако есть одно качество в современных технических средствах, которое, как-будто, делает их более сильными в руках не столько наступающего (по заранее принятому намерению), сколько вообще более подвижного и предприимчивого. Вернее,—не качество (уже вполне приобретенное), а стремление к этому качеству, которое выражается в *подвижности* современных огневых средств, в их приспособлении к непосредственному сопровождению живой силы—пехоты.

В короткой заметке т. Глотова это стремление современной техники и ее достижение в этом направлении, недостаточно оттенены.

Из современных огневых средств или орудий, которые могут непосредственно сопровождать пехоту, он упоминает только тяжелые и легкие пулеметы, пехотные орудия (напр. 37 милиметровая пушка) и мортиры (вернее,—минометы), но он вовсе не упоминает о современных легких и достаточно быстроходных *танках*, которые особенно

Пехота при таких условиях сможет занять неприятельскую позицию только предварительно разгромленную артиллерией и даже вряд ли сумеет ее удержать. Одним словом, пехота перестанет побеждать; она уже не будет главным родом оружия.

Отсюда, конечно, не следует,—что пехота должна пренебрегать поддержкой артиллерии; такое утверждение в настоящее время было бы безумным. Но не следует и всецело полагатся только на артиллерию. Пехота должна верить в свою способность выполнить самостоятельно ту или иную задачу на поле сражения. Одной из важнейших ее задач, будет несомненно захват того, что подготовила артиллерия т. е. штурм. Современная техника ей в этом отношении идет на помощь.

Опыт той же мировой войны показал, что в маневренной войне по возможности нужно стремиться как можно быстрее сблизиться с противником на расстояние необходимое для атаки т. к. наступающий, сблизившись с противником на близкое расстояние, имеет возможность ввести сильные орудия ближняго боя (пулеметы, орудия сопровождения, бомбометы, минометы, гранатометы и ручные гранаты).

Следовательно, при современной технике, наступающий, сблизившись с обороняющимся на расстояние штурма, не только не попадает в положение безвыходное, а наоборот, в положение весьма благоприятное, при условии, что он проявит и сохранит инициативу действий и с'умет сосредоточить свои орудия ближнего боя, куда следует, получив перевес над обороняющимся.

И действительно, артиллерия наступающего, разгромив первую линию обороны, со сближением пехоты на расстояние атаки, переносит огонь на вторую линию обороны и нейтрализирует ее, не давая ей возможности оказать поддержку первой линии. Пехота наступающего, введя в дело легкие и тяжелые пулеметы, орудия сопровождения и ручные и винтовочные гранаты, громит уцелевшие опорные пункты и пулеметные гнезда первой линии обороны, которая уже понесла значительные потери и деморализована артиллерийской подготовкой,

---

опасны для современных „гнезд" обороняющегося (могут разрушать их одновременно и по очереди, одно за другом), а также о другом, совершенно новом и много обещающем оружии атакующей пехоты—о низко-летающих *самолетах*, о которых в этом же номере журнала очень кстати напоминает т. Пятосин. В своей заметке т. Глотов не упоминает также об *автоматических ружьях* и пистолетах, которые именно более всего приспособлены для ближнего боя. Он не говорит также, что современные тяжелые пулеметы, будучи, сами по себе, достаточно подвижным орудием, приспособляются ныне к более дальней стрельбе и при том не только с открытых но и с закрытых позиций.

Тем не менее статья т. Глотова заслуживает внимания по своему стремлению возбудить внимание к одному из важнейших вопросов современной тактики.

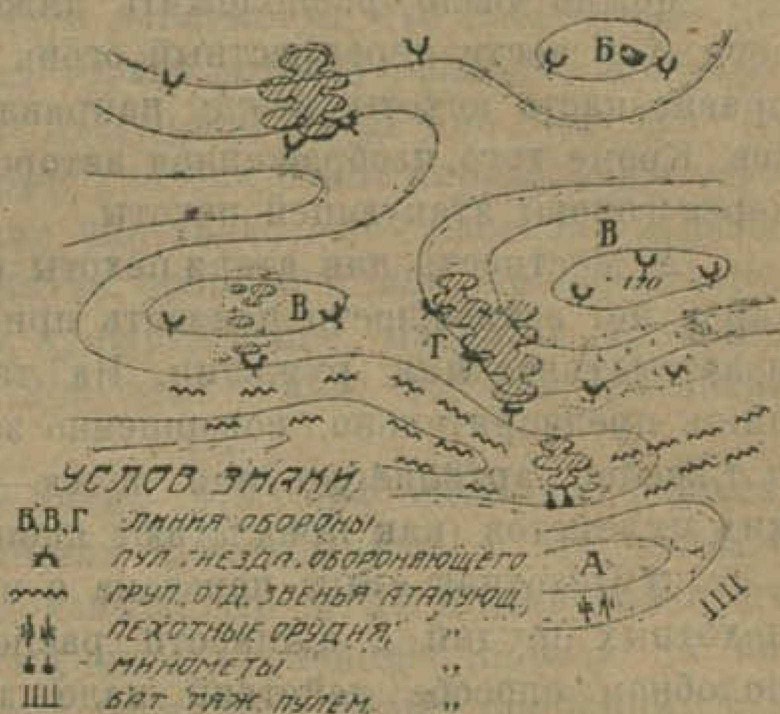
Эта статья тем более интересна, что автор, не ограничиваясь теоретическими рассуждениями, делает попытку вплотную и наглядно подойти к разрешению вопроса. С этой стороны попытку т. Глотова можно только приветствовать. Что же касается до самого решения задачи, то в нем есть ошибки, которые освещены в замечаниях, приложенных к концу статьи.

Пусть автор на них не посетует. Ведь мы все учимся на ошибках. Если мы узнаем их в мирное время, то не будем их делать во время войны.

Ред.

и атакует таковую, комбинируя штыковой и гранатный удар с маневром, пулеметным огнем и огнем орудий сопровождения.

Захватив первую линию обороны, пехота наступающего, не останавливаясь, атакует вторую и третью линию, следуя за мощным огневым валом своей главной артиллерии, которая как бы ведет ее за собою на позиции противника. С уцелевшими от огня артиллерии препятствиями, пехота справляется своей артиллерией сопровождения, причем на обязанности вторых и третьих линий атаки или особо назначенных для этой цели частей лежит очистка опорных пунктов и содействие соседям.

Примерно подготовка штурма и самый штурм производятся следующим образом: см. схему. Пехота сблизилась на расстояние атаки 150—200 м. Артиллерия наступающего переносит огонь на вторую линию обороны В, и нейтрализирует таковую. Орудия сопровождения открывают огонь по уцелевшим пулеметам линии Г, мортиры по окопам той же линии. Батарея тяжелых пулеметов чешет во фланг гребень уцелевших окопов лин. Г. Гранатометчики с гранатометами выползают вперед и забрасывают линию Г винтовочными гранатами. Гренадеры при поддержке легких пулеметов двигаются в атаку, стараясь выиграть фланги, обходя и как бы просачиваясь между уцелевшими опорными пунктами и пулеметными гнездами и, прокладывая себе дорогу штыком и гранатой, двигаются вперед, предоставляя вторым и третьим линиям очистку окопов и содействие соседям. Как только линия Г будет взята, артиллерия переносит огонь на линию Б. Батарея сопровождения и батарея тяжелых пулеметов переносят огонь на линию В, которая безостановочно атакуется наступающим. Атаковав линию В, пехота наступающего немедленно занимает высоту 17,0, куда выставляются тяжелые пулеметы и батарея сопровождения, по возможности на закрытой позиции. Тяжелые пулеметы и орудия сопровождения открывают огонь по линии Б., артиллерия переносит свой огонь за линию Б., ввиде заграждения. Пехота идет в атаку под прикрытием огня тяжелых пулеметов и орудий сопровождения. Главным условием успеха атаки является безостановочность, маневр и соединение огня с ударом. Легкие пулеметы приковывают своим огнем противника с фронта, гренадеры, выиграв фланги, забрасывают его гранатами и атакуют в штыки.

Орудия сопровождения сбивают уцелевшие пулеметы, мортиры громят уцелевшие окопы а также ведут огонь заградительный. Пулеметы ведут огонь по живым целям, им содействуют мортиры, приковывая все живое к земле.

Замечания редакции к решению т. Глотовым задачи на подготовку штыкового удара.

1) Местность, избранная для задачи, с одной стороны, дает слишком заметный слабый пункт обороняющегося (подставленная под фланговый огонь линия Г), с другой—ведется не на этот пункт (исходящий угол леса), но на самую сильную часть позиции (входящий угол) по самой невыгодной местности, как бы очищая обстрел для своих тяжел. пулеметов и пехотных орудий.

Можно было расположить тяжелые пулеметы по сторонам высоты А и вести перекрестный огонь по выдающейся части леса, направив часть пехоты между направлений огня обеих групп пулеметов. Кроме того, изображенная автором местность допускает стрельбу через головы атакующей пехоты.

2) Местность для атаки пехоты выбрана слишком ровная, на которой нет возможности показать приемы атаки с легкими пулеметами и автоматическими ружьями. На такой местности можно атаковать лишь предварительно, совершенно задавив противника огнем легкой и тяжелой артиллерии или ночью—уже, быть может, вовсе без легких пулеметов (как предлагают японцы в своем новом уставе).

3) Пехотная атака показана с поддержкой тяжелых пулеметов и пехотных орудий, в сущности расположенных в одной группе; при подобном способе действий надо допустить полную подавленность арт. огня обороняющегося, иначе он не допустит такого расположения, в остальном „огневая защита“, на которой основана вся современная атака, ничем не выражена.

4) Минометы показаны слишком близко к позиции обороняющегося.

Несмотря на отмеченные недостатки, все же мысли автора заслуживают внимания и дальнейшей разработки.

Пятосин.

Авиация и штыковой удар *).

(Участие летчиков в штыковом ударе).

Все боевые операции со всеми их сложными перипетиями в конечном итоге преследуют одну цель—победить противника.

Техника, искусство военачальников и стойкость бойцов—главные элементы, решающие участь той или другой стороны. Гармоническое взаимодействие этих факторов победы имеет безусловно самое решающее значение в деле успешного проведения той или иной операции и в конечном итоге ведет к подавлению сил противника и окончательной победе.

*) Статья тов. Пятосина затрагивает один из самых важных и интересных вопросов современной тактики пехоты и воздухофлота. Не давая законченной для него разработки, она все же намечает важнейшее моменты в его разрешении, а потому может послужить основание для дальнейшего обмена мнений. *Ред.*

Наш век исключительного развития технических средств: пулеметов, орудий, танков, самолетов, железных дорог,—век замены живой силы—главного и даже единственного фактора победы в минувшее время, ныне же яко-бы имеющей все признаки стать подсобным элементом к орудиям техники,—в действительности далеко не исключает и не умаляет достоинств и качеств отдельного бойца и его соединений.

Были наивные люди, которые на опыте японской войны, не изобиловавшей столкновениями враждующих сторон непосредственно вплотную в штыки, начали в печати доказывать, что доблестные качества отдельного бойца начинают терять остроту былого значения; что техника (пулеметы и орудия) постепенно сводят на нет его достоинства, что техника способна при участии бойца справиться с противником до момента столкновения вплотную; что настало царство огня, а по сему штык, как пережиток прошлого, как холодное оружие, устарел, не имеет права на существование, является бременем и подлежит сдаче в архив как „документ“ для истории развития военного искусства.

Нагрянувшая мировая война 1914—1918 годов наглядно доказала, что это мнение является глубочайшим заблуждением, а эта война с убедительнейшей наглядностью доказала, что штык в конечном итоге не устарел и явился одним из могучих и вернейших шансов на конечный исход, не только отдельных боев, но и целых операций.

Правда, исключительное развитие техники дало возможность на столько упростить дело бойца в том смысле, что непосредственное столкновение врагов не являлось обязательным, что подчас операции развивались и оканчивались без этой необходимости, но высокий моральный дух, страшный под‘ем духа, железная дисциплина, упорство, воспитание делали подчас бессильными все технические средства и усовершенствования. Солдаты обеих сторон дрались, как львы, никакие потери и жертвы не могли остановить их могучего порыва и злобное тяготение врагов друг другу неизбежно влекло их к штыковым атакам: дело решал штык; и горе было тому, кто в последний момент дрогнул—распускал нервы и впадал в панический страх, безудержное бегство. Неизбежное, подчас, поголовное истребление было последствием потери силы и самообладания.

Штыковой удар—самый тяжелый моральный момент в жизни бойца. Многие солдаты—самые бесстрашные—не боящиеся ни пуль, ни снарядов, часто не выдерживают той силы нервного напряжения, которая неизбежна с этим страшным моментом, и были нередко случаи сумасшествия.

Современные штыковые атаки в силу нынешних трудностей массирования бойцов в одном пункте носят прерывчатый характер—характер боя отдельных кучек бойцов, и поэтому высокие качества отдельного бойца особенно ценны и необходимы.

Штыковые атаки бывают весьма кратковременны, а посему особенно ценны качества массы, так как идущие в атаку могут очу-

титься совершенно без помощи даже своих ближайших поддержек, не могущих подчас оказать даже огневой поддержки, дабы не нанести потерь своим же.

Артиллерия также является бессильной в момент штыкового удара в смысле оказания непосредственной помощи атакующим и может только облегчить их участь, открыв огонь по ближайшему тылу противнику и возможным поддержкам, дабы не дать возможности получить подкрепление.

Единственной помощью являются самолеты и **фланговый огонь** пулеметов. Но последние нельзя назвать помощью в полном смысле того слова для атакующих. По крайней мере, оно слишком скоротечно и не всегда безопасно в виду непосредственной близости сторон и даже может повлечь чреватые последствия в виду горячности и быстроты маневра. Фланговый огонь пулеметов возможен только при условии нахождения их на выступающих флангах *), в противном случае он может затормозить и сорвать наступление.

Ныне появился новый и верный спутник пехоты и атакующих войск—самолет, в короткий срок давший несомненные результаты успеха и сразу завоевавший почетное место.

В боях под **Верденом** и на **Сомме** в 1916 г. страшная сила огня артиллерии парализовала всякие способы и средства связи между тылом и передовыми частями. Здесь выступила на сцену авиация: пролетая на небольшой высоте над передовыми линиями, летчики могли заметить по выложенным на земле сигналам (полотна, дымки-огни) положение наступающих цепей, получать от пехоты сведения, сообщать их штабам артиллерии (по радио или ракетами). На Западном фронте этот вид летной службы в последние годы войны применялся очень широко и вызвал создание многочисленных „пехотных авиационных отрядов“.

„Пехотные“ самолеты являются постоянными спутниками пехоты и участвуют во всех ее операциях, особенно и главным образом, в атаках. Снаряженные бомбами и вооруженные пулеметами, точно зная расположение своих частей, их передовые линии и задачи и цели их действий, они приносят в атаках неисчислимую пользу. Следуя с атакующими войсками и засыпая противника в окопах и выходящего из них бомбами и пулеметным огнем, они парализуют его действия, его активность, загоняют обратно в окопы и тем самым обеспечивают успех пехоты. Наличие противника в воздухе и на земле „раздваивает внимание противника, деморализует его и понижает его боевые качества. В этот период боя, несмотря на кажущуюся огромную опасность, грозящую самолетам от пехотного огня, самолеты находятся в особенно благоприятном положении и безнаказанно совершают свое

*) Автор упускает из виду, что в западно-европейских армиях во время войны успели разработать не мало сноровок и технических усовершенствований для поддержки пехотной атаки. Кроме тяжел. пулеметов есть достаточно разработанные образцы пехотных орудий, есть легкие пулеметы, автоматические пистолеты и танки. Прерывчатые порядки не требуют непременно флангового расположения пулеметов. *Ред.*

дело, так как внимание стреляющих всегда тяготеет более к земному противнику, присутствие же воздушного отнимает у бойца уверенность и вносит расстройство в его ряды. Артиллерия противника в этот момент бессильна в борьбе с самолетами и, несмотря на соблазнительность цели, вынуждена молчать и лишь наблюдать за эволюциями воздушного противника. *) Часть атакующих самолетов устремляется в тыл противника: на резервы, батареи, опорные пункты, пулеметные гнезда, и, наводя всюду смятение, способствуют успеху атаки войск и закреплению занимаемых новых позиций.

Каждое оперативное задание должно быть ясно и определенно. Все роды войск должны быть своевременно и точно ознакомлены с размером операций, ее границами и поставленными каждой части боезаданиями, необходимо знание исходных пунктов каждой части и перед началом операций.

Для успешности операций крайне желательно наличие в штабах действующих войск, коим приданы авиачасти, представителя от авиачастей, обслуживающих действующий штаб**). Связь должна быть весьма надежной и непрерывной.

Перед выполнением задания начальник штаба, в распоряжении коего имеются авиасредства, совместно с начальником авиасредств, подробно вырaратывает план боеработы летчиков, учитывая своевременно наличие летчиков и самолетов, дабы все возлагаемые на авиацию боевые задачи были выполнены, имея в виду возможность убыли самолетов во время выполнения боезадачи. Следовательно, необходимо расчитать так, чтобы не было случая перерыва в работе авиации во время операции, то есть предусмотреть непрерывность участия самолетов в боеработе, разумно экономя авиасредства и прибегая к их помощи в необходимых случаях, помня, что при экономном использовании работы самолетов, благодаря разным случайностям, в конце операции можно остаться без действующих самолетов.

Авиачасти, во время операции, надлежит, кроме общей работы в разведке, бомбометанию и разбрасыванию литературы в тылу противника, привлекать к самому деятельному участию в боеработе с пехотой, дабы всячески облегчить ей выполнение возложенных на нее задач. Сюда следует отнести: 1) окарауливание района операции от воздушного противника, т. е. не допускать самолетов противника, которые постараются ворваться в район операции и бомбометанием и пулеметным огнем внести расстройство в атакующие части; 2) зорко следить за ходом боя и, замечая подход к месту боя поддержек, резервов, обоза, подвозки снарядов, батарей противника немедленно все замеченные цели обстреливать пулеметным огнем, забрасывать бом-

*) Автор упускает из вида противосамолетную артиллерию и тяжелые пулеметы. В С. А. Соед. Штатах всю вообще артиллерию приспособливают для стрельбы над большими углами возвышения (60°).

**) Для разбираемого в этой статье вопроса еще важнее непосредственная связь не со штабами, а с войсками.

Ред.

бами, обо всем замеченном немедленно доносить в штаб и оповещать нашу батарею о новых целях, точно указывая их место и направление, путем сбрасывания записок на батарею, тоже проделывая и со штабами низших соединеней: полков, бригад, для чего необходимо постоянное осведомление летчиков во все время операции о местах нахождения низших штабов. При наличии возле штабов подходящих аэродромов рекомендуется в случаях крайней важности и срочности спускаться и лично докладывать обо всем замеченном; 3) Постоянно и своевременно осведомляясь в районе боя, летчики, снижаясь по возможности низко, совместно с наступающей пехотой, обстреливают цепи противника и, раздваивая внимание противника, способствуют его деморализации и вносят панику, лишая противника стойкости и уверенности.

Самолеты следует выпускать пачками, дабы создать непрерывность боеработы и, дабы по мере изменения обстановки или появления крупных новых целей, следующая, готовая к полету, новая пачка могла выполнить своевременные задания. Самолеты, принимающие участие в операции, летят под командованием лучшего летчика, (ведущий самолет) и выполняют задания под его руководством по заранее установленным правилам и приемам.

Для успешности операции участвующим летчикам необходимо всегда знать местонахождения наших цепей, для чего необходимо установить зрительную связь с пехотой при помощи сигнализации. Установление видов сигнализаций зависит от имеющихся средств: можно указать следующий пример: самолет, желающий узнать пункт, занимаемый ротными резервами, производит из пулемета несколько выстрелов в воздухе т. е. подает сигнал: „ищу цепи"; тогда ротные резервы подают сигналы, заранее установленные, о своем местонахождении, по коим летчики и выясняют, где находятся наши цепи, сигналами могут служить достаточного размера белые полотнища (зимой черные) или дымовые ракеты, дымовые костры, лучи гелиографа днем и светящиеся ракеты или лучи прожекторов ночью. Высота полетов должна быть минимальная*).

Начальник авиасредств, получая задания, распределяет таковые среди летчиков, сообразуясь с качествами летчиков и с системами самолетов, строго распределив задачи на 3 категории:

1) задания по бомбометанию, обстреливанию целей и разбрасывание литературы в тылу у противника;

2) воздушное дежурство т. е. окарауливание от налетов противника;

3) непосредственное участие в бою с пехотой;

4) боезадачи должны быть ясны и точны: должны быть точно указаны пункты бомбометания и цели; указанные задачи не касаются случаев обнаружения выгодных целей, найденных во время полета: в данном случае летчик сообразуется со сравнительной важностью данной ему цели и новой неожиданно обнаруженной.

*) К сожалению автор не поясняет, что значит минимальная высота, и вообще не касается технических условий исполнения этого рода снижений. *Ред.*

Для полноты и большей точности донесения о разведке необходимо снабжать маршрутной карточкой полета, на которой наносят точно все замеченное с указанием времени, наименования количества и направления движения замеченных целей.

Для подготовки войсковых частей и соединений к надлежащему выполнению боевых заданий необходимо производство примерных маневров в тылу, дабы подготовить войска к предстоящим операциям и дать им наглядную картину хода боевых действий на фронте и борьбе с противником, ознакомить их с системой боевых действий и внушить им строгим порядком и согласованность взаимодействий всех родов войск.

На Западном фронте отряды боевых самолетов сводились для этих операций в крупные единицы по 30—60 штук. Примером удачной атаки земной цели может служить случай рассеяния и задержки английской пехотной дивизии эскадрилией из 24-х немецких „Гальберштатов“ на переправах под Камбре в сентябре 1918 г.

Насколько сильно моральное впечатление появления во время боя самолетов противника, видно из мелкого, но характерного случая в 1920 г. под Речицей, где при нашем наступлении на поляков несколько самолетов противника с бомбами и пулеметами так подейстовали на нашу пехоту, что она приостановила наступление, и начдив донес, что самолеты противника тормозят наступление, нервируют войска и понижают их боевые качества, требуя помощи наших самолетов, хотя бросавшие бомбы и обстреливавшие войска пульогнем летчики—поляки не принесли в конечном результате никакого материального ущерба.

Минимальная высота атакующих с пехотой самолетов почти без особого труда позволяет находить свои наступающие части и оказывать им немедленное и серьезное содействие. Для указания своего места пребывания передовые части прибегают к полотнищам, дымовым ракетам, хотя в данном случае и сам летчик может их отыскивать по звуку выстрелов, выключая на мгновение мотор и судя по дымкам разрывов нашей и противника артиллерии. Прибегать к дымовым завесам для маскировки снижающихся самолетов нет особенной необходимости, таковая скорее нужна для атакующих войск, для облегчения их наступления, а также для указания самолету места действительной потребности его присутствия в случае перемены обстановки.

Согласованность при атаке всех средств борьбы является вопросом крайней важности для успеха боя.

Связь здесь играет первенствующее значение, и от условий ее работы зависит то или иное окончание боя или операции. Быстрое и верное осведомление всех родов войск о фактическом положении вещей есть одна из серьезнейших забот начальников того соединения, на задаче коего лежит проведение в жизнь данной ему оперативной задачи.

Г. Михайлов.

Связь на ближних дистанциях.

I. Введение.

Важность связи, как средства управления всеми вооруженными частями, принимающими участие в войне, в настоящее время вполне осознана всеми.

Памятуя необходимость развить и усовершенствовать дело связи в армии,—мы серьезно подошли к этому вопросу. Целый ряд мероприятий по научному исследованию недостатков технической связи, которые выявились в последней войне при применении этих технических средств (особенно на ближних дистанциях), в соответствии с требованиями тактической или стратегической обстановки,—в настоящее время дал возможность приступить к устранению указанных недостатков. Попутно с этим, мы всеми способами стараемся ознакомить с громаднейшим багажем всех видов и средств технической связи, которые, при должном внимании к их применению, при наличии веры в их действие и при умелом применении, дадут максимум пользы и избавят командиров и начальников от многих, очень неприятных случаев потери связи, происходящих, якобы, за невозможностью применить имеющиеся средства связи по условиям обстановки и т. п., а, на самом деле благодаря безнадежному пессимистическому взгляду на те или другие технические средства, по причине незнакомства с ними и неумелого их использования, как, например, по отношению к оптической сигнальной связи, которая, якобы, ничего не может дать и по ней мы ничего не передадим, ввиду чего она забрасывается, игнорируется. Особенно необходимо отметить такое отрицательное отношение к радиотелеграфу. Мы стараемся доказать неверующим, что при современном развитии техники—технические средства связи могут быть применимы (тот или другой вид) почти во всех случаях боевой обстановки и дать достаточно безотказную работу при соблюдении одного непременного требования, а именно: умелого использования и твердой веры в их действие.

Мне абсолютно не мыслится, чтобы теперь, одновременно с обсуждением и анализом тактических действий того или другого рода войск, не принималась бы во внимание связь.

Анализируя тактические формы и приемы ведения вооруженной борьбы и ее боевых средств, мы все время согласуем работу с научными открытиями той или другой области, совершенствуем и развиваем тактические методы и формы ведения вооруженной борьбы. В полной согласованности с вышеуказанным должно итти и развитие связи, совершенствуясь в средствах и изыскивая формы своего тактического применения для полной возможности совместного действия и выполнения своей работы по связи при тех методах и формах ведения вооруженной борьбы, каковые устанавливаются общей тактикой. Только при выполнении указанного тактические формы и ме-

тоды в целом будут гармоничны и эластичны и не явятся для связи неожиданными в тот момент, когда от нее потребуется выполнение своей задачи.

Подходя к этому вопросу, мне хочется остановить внимание на организации связи на ближних дистанциях.

2. Боевые порядки пехоты при наступлении, их влияние на организацию связи (в масштабе роты) и увеличившееся значение связи.

В боевой обстановке пехота принимает различные порядки, обусловливаемые требованиями обстановки и целью действий. В зависимости от указанного, боевые порядки можно разделить на три вида: 1) походные, 2) боевые и 3) резервные. Каждый боевой порядок составляется из более подходящих для его цели строев. Необходимо отметить, что боевая обстановка, сообразно коей принимаются боевые порядки, заставляет комбинировать свои строи даже не по установленной форме. Имея целью разобрать организацию связи только на ближних дистанциях, мы и будем рассматривать этот вопрос в масштабе роты.

В настоящее время, в связи с громадным усовершенствованием боевых средств и применением совершенно новых орудий для ведения вооруженной борьбы,—представляется необходимым применять и соответствующие строи. Возросшая сила и меткость артиллерийского огня, а также губительный, легко направляемый и захватывающий под свой обстрел целые участки огонь тяжелых и легких пулеметов и автоматических ружей,—вынудили стрелковую роту при сближении с противником сильно разрежать свои строи и всячески применяться к местности, пользуясь каждым естественным прикрытием, ямкой, бугорком и т. п., а если их нет, то устраивать искусственные укрытия при помощи лопаты, стараясь, насколько возможно, уберечь себя от взоров и огня противника. В зависимости от указанного, боевой порядок роты при наступлении нами мыслится скомбинированным из редких разомкнутых строев. Так, например: 1) впереди идущих 2 взвода двигаются по отделениям, при чем каждое отделение при сближении с противником, в свою очередь, разбивается на звенья, которые составят отдельные колонки, двигающиеся гуськом. Продвигающиеся таким образом вперед отдельные группы или колонки (звенья) распределяются в одну или несколько линий, без соблюдения правильной формы в отношении взаимного расположения и, двигаясь гуськом, должны иметь впереди себя легкие пулеметы и автоматические ружья. Конечно, не исключается возможность продвижения отделений и звеньев также и рассыпным строем (цепью) в одну или две линии. 3-й взвод (ротный резерв) двигается сзади. 2) Все три взвода в первой линии *), причем они могут двигаться уступами

*) Далеко не всегда, новая тактика, в ее западно-европейских образцах, напротив, рекомендует часто применять боевой порядок роты в три линии, в каждой по взводу, чтобы сохранить резерв даже на близких дистанциях и иметь силы для борьбы внутри позиции противника для ее «прогрызания». Впрочем, сам автор говорит ниже о глубоком боевом порядке роты до 1 вер. в глубину. *Ред.*

или в шахматном порядке. В обоих случаях взводы будут итти по отделениям, а последние по звеньям, двигаясь гуськом, рядами или змейкой, и представляя из себя сильно разреженный боевой порядок роты в виде отдельных небольших группок или колонок. Как в первом, так и во втором случае приданные роте тяжелые пулеметы батальона составляют отдельную боевую единицу роты и двигаются самостоятельно впереди или сзади, в зависимости от обстановки

В общем, как бы ни был расположен и из каких бы строев ни состоял боевой порядок роты, но в силу необходимости укрытия от взоров противника и уменьшения потерь от огня, дабы представлять меньшую цель, боевой порядок роты будет сильно разрежен на своем участке до 1 километра по фронту и в глубину, имея большие дистанции и интервалы между взводами, отделениями и звеньями (отдельными группками). Благодаря этому, управление для командира роты своими взводами, приданными тяжелыми пулеметами и дозорами, высланными для наблюдения за флангами, будет абсолютно невозможно при помощи голоса и даже свистка, и для осуществления управления явится необходимым обязательное применение технических средств связи. С усовершенствованием огневых средств, с увеличением силы и меткости огня (особенно легких и тяжелых пулеметов и автоматических ружей) острее сказалась необходимость управления этим огнем со стороны командира роты, чего он в большинстве случаев за отсутствием в роте средств связи, и не мог выполнить, управляя лишь небольшой группой людей, находящихся непосредственно вблизи него. При наступлении происходит отчаянное соревнование в огне, при чем для необходимого продвижения вперед быстрыми скачками отдельных боевых единиц роты командиру роты необходимо на время, в каком либо определенном месте, подавить своим огнем огонь противника, заглушить его огонь, для каковой цели нужен сосредоточенный, массированный огонь. Командир роты должен в удачный момент, когда особенно отчетливо выделилась и определилась цель противника, своим внезапным и быстро сосредоточенным огнем обрушиться на противника, во чтобы то ни стало стараясь его подавить своим превосходящим огнем и, пока противник опомнится, произвести продвижение вперед намеченных боевых единиц роты. Следовательно, со стороны командира роты требуется твердое управление огнем *), для чего и нужна связь с командирами взводов, а последним, в свою очередь, необходимо дать возможность управлять своими отделениями, что может быть осуществлено при наличии достаточных средств связи в роте.

Таким образом мы видим, что с увеличением значения и действительности огня, увеличилась необходимость и значение связи в

*) Управление огнем в современном бою, по взглядам новой тактики, приходится передать в руки взводных к-ров, а собственно ружейным огнем даже в руки отделенных к-ров и к-ров звена, но это не ослабляет значение связи, по крайней мере со взводными к-рами. *Ред.*

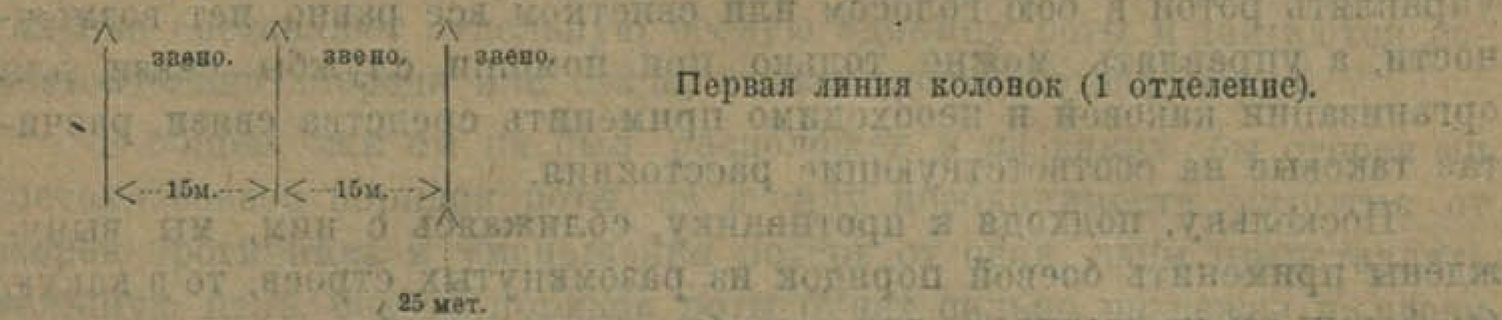
роте, при чем организация службы связи затруднилась сильно разреженным боевым порядком, который принимает рота.

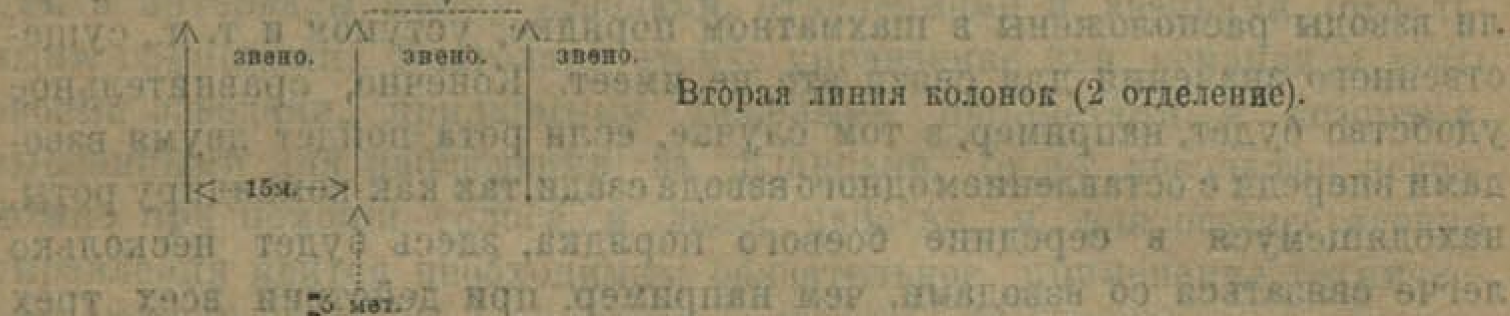
Влияния боевых порядков на организацию связи и возникающие при этом затруднения. Можно сказать определенно, что значительного влияния на организацию связи боевые порядки не имеют, так как управлять ротой в бою голосом или свистком все равно нет возможности, а управлять можно только при помощи службы связи, для организации каковой и необходимо применить средства связи, расчитав таковые на соответствующие расстояния.

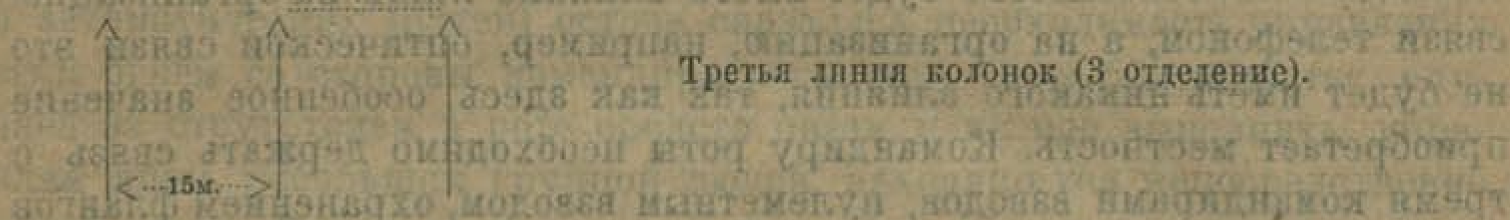
Поскольку, подходя к противнику, сближаясь с ним, мы вынуждены применить боевой порядок из разомкнутых строев, то в какую бы форму он не вылился, для службы связи это безразлично и на организацию связи формы боевого порядка влиять не будут, ибо будут ли взводы расположены в шахматном порядке, уступом и т. п., существенного значения для связи это не имеет. Конечно, сравнительное удобство будет, например, в том случае, если рота пойдет двумя взводами впереди с оставлением одного взвода сзади, так как командиру роты, находящемуся в середине боевого порядка, здесь будет несколько легче связаться со взводами, чем например. при действии всех трех взводов в одной линии или одного из взводов уступом на фланге. Последнее обстоятельство будет иметь влияние лишь на организацию связи телефоном, а на организацию, например, оптической связи это не будет иметь никакого влияния, так как здесь особенное значение приобретает местность. Командиру роты необходимо держать связь с тремя командирами взводов, пулеметным взводом, охранением флангов и питающей патронной двуколкой. Для организации этой связи расположение взводов, будет ли оно в глубину или по фронту, уступом или крестообразно, особенного значения иметь не может, поскольку этот боевой порядок роты из участка, допустим, в $^{1}/_{2}$ километра (километр 0,9 вер) не расширится, например, на 2—3 километра, а будет изменяться в пределах вероятного участка роты до $^{1}/_{2}$ километра. В данном случае сильно влияет на организацию связи местность и огонь противника, каковых два фактора останутся при любом боевом порядке роты. Боевые строи, из коих будет составлен боевой порядок роты, также особенного влияния на организацию связи иметь не будут, так как, поскольку взвод будет состоять из разомкнутых и развернутых строев по отделениям или звеньям, разведенным друг от друга на большие интервалы, то управление голосом своим взводом для командира взвода станет невозможным и явится также необходимость применить средства, могущие дать возможность командиру взвода управлять своим взводом, в виду чего для средств связи строи и безразличны.

Поскольку взвод из сомкнутого строя принял разомкнутый, развернутый строй, сильно разреженный, поскольку командир взвода потерял возможность управлять своим взводом посредством голоса и постольку необходимы средства связи. Например: 1) взвод пошел звеньями, а последние гуськом, благодаря чему получилось девять

отдельных колонок, при чем допустим, что три колонки первого отделения будут двигаться впереди с интервалом между собою, допустим, 15 *метров* (метр это 1,4 шага) и шесть остальных колонок будут итти в таком же положении сзади на дистанции, допустим, 20 метров, имея направление в интервалы предыдущих колонок.

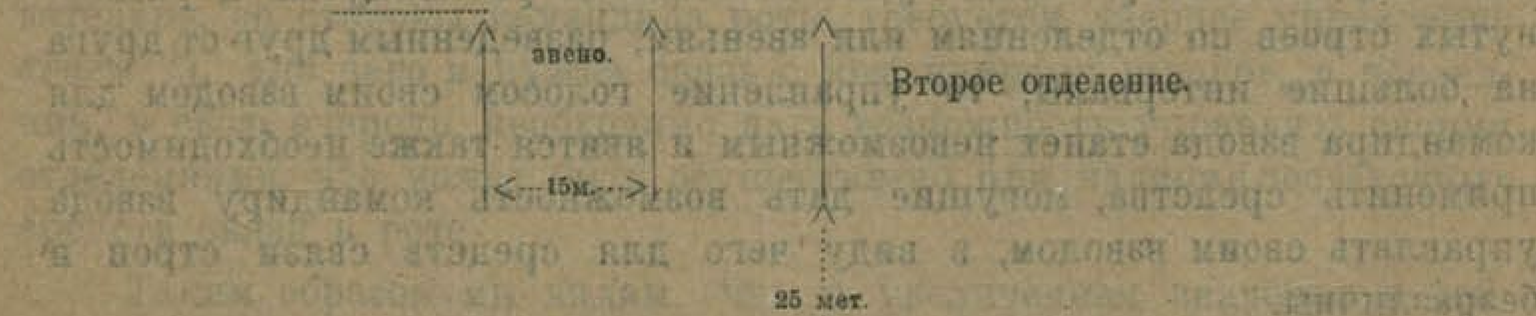

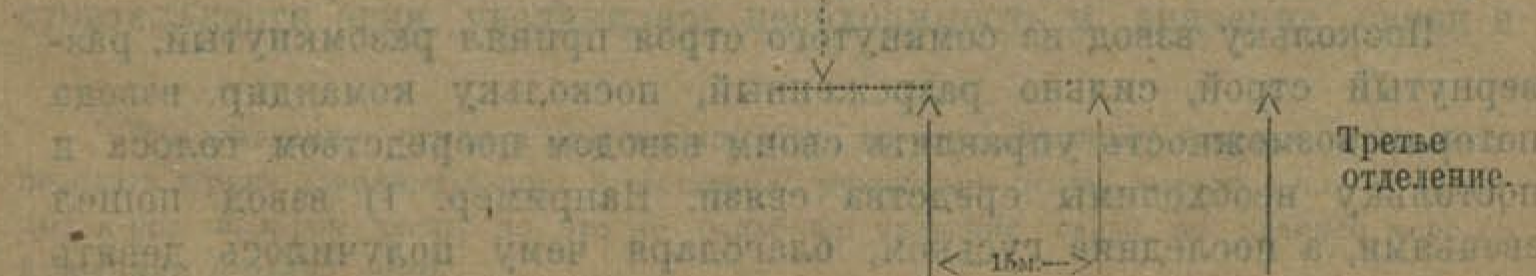

2) Взвод пошел отделениями, расположенными уступом, а последние по звеньям гуськом, имея те же интервалы между колонками по фронту и дистанции в глубину.

Так или иначе, но командиру взвода управлять голосом невозможно, и нужны средства связи, при чем и здесь на организацию связи строи взвода не будут иметь существенного влияния, за малым исключением, как указано было выше. Здесь большое значение будет иметь место командира роты и командиров взвода.

Исходя из изложенного, мы приходим к заключению, что боевые порядки роты и строи, из коих они скомбинированы, для организации связи значения иметь не будут. Необходимо лишь указать, что сильно разреженные боевые порядки потребуют больше средств связи, в том числе и средств связи командиру взвода для управления его взводом. Здесь не упоминалось о сомкнутых строях, так как в боевой линии их применять почти не приходится, и вполне понятно, что если бы рота шла сомкнутым строем, то командиру роты не потребовалось бы средств связи, и он управлял бы голосом.

Затруднения, влияющие на организацию связи при наступлении роты Как мы видели выше, разнообразие боевых порядков роты существенного затруднения для организации связи не представляет. Очень большое затруднение для организации связи имеет огонь и местность-так как при очень сильном и губительном огне чрезвычайно затруднено пользование средствами связи. Боевое средство связи—бегуны, при их соответствующей подготовке, и специально дрессированные собаки, с трудом могут действовать под действительным огнем, а иногда и совершенно отказывают. Здесь спасает местность, которая для организации связи имеет также громадное значение. На пересеченной, со складками местности, бегуны (и специальные собаки) отлично выполняют свое дело и кроме того, можно свободно проложить телефоны. Для сигнализации на ближних дистанциях пересеченная местность также имеет большое значение, так как дает возможность выбрать удобный и укрытый пункт и лучше видеть сигнализацию. Помимо того, на организацию связи оказывает свое влияние и расстояние, так как средства связи, имеющие предельную дальность действия, при увеличении расстояния работают слабее.

3. Организация связи при наступлении роты и предел ее возможности.

Из сказанного выше становится совершенно ясным, что при наступлении роты управление ею и ее огнем может быть осуществлено командиром роты исключительно при помощи службы связи и средств, применяемых для этой цели. Средствами для организации связи в роте при наступлении будут:

1) Отлично подготовленные, хорошо развитые, сильные, выносливые и безусловно смелые люди, понимающие всю ответственность и важность своей службы,—бегуны.

2) Специально дрессированные собаки.

3) Почтовые голуби.

4) Зрительная связь при помощи: а) флагов, б) ракет, в) специальных оптических приборов простейшего типа, как-то лампа Лю-

каса (английская пехотная лампа), фонарь Каша, сигнальный аппарат Миклашевского.

5) Звуковые средства связи: свисток, ревуны (сирены), рожки.

6) Радиотелеграф в виде небольших аванпостных радиостанций с радиусом до 20 километров.

7) Телефонный аппарат с фоническим вызовом.

В районе действия роты телефоном ни в коем случае не следует пренебрегать, даже для организации связи с ее взводами, так как телефон представляет из себя удобное, прочное и несложное средство связи, которое очень часто может быть с успехом применено при наступлении роты, если только позволит местность. Иногда, во время наступательного боя, телефонная связь командира роты со взводами может быть устанавливаема заблаговременно путем установки телефона на том месте, куда должен перейти взвод (перебежками, ползком). Например, командир роты дает направление взводу, находящемуся в резерве, выйти на угрожаемый фланг уступом, при чем телефонист, пользуясь каждой складкой местности и безусловно представляя из себя незначительную цель, сможет подойти на новую позицию гораздо раньше взвода. Телефонисту, может быть, придется выбирать путь подхода к новой позиции гораздо более дальний, но и более безопасный, как, например, опушку леса, задний скат высоты, но последнее обстоятельство лишь будет способствовать прочности и быстроте устанавливаемой связи. В отношении своей обременительности (веса и портативности) полевой телефонный аппарат и нужные для организации телефонной связи материалы представляют из себя в высшей степени удобное средство связи в условиях ближнего боя, ибо телефонный аппарат весит всего лишь 13 фунтов, верста кабеля—16 фунтов, на взвод же нужно не более 1/2 версты (8 фунтов) кабеля, намотанного на легкую катушку (11 фунтов). Указанные предметы (телефон и кабель на катушке, общим весом немного более 30 фунтов) телефонист несет на себе, для каковой цели на них имеются чрезплечные ремни.

Мы не будем здесь останавливаться детально на способах применения указанных выше средств связи, так как все это будет зависить от обстановки, местности и вообще от условий, в каких находится боевой порядок роты. Укажем лишь кратко способы применения в некоторых случаях.

Прежде всего, необходимо установить те средства связи, которые должны находиться во время боя роты в распоряжении начальников всех степеней для связи с подчиненными им единицами. Командир роты для связи со взводами, наблюдательными пунктами, пулеметной командой (пулеметным взводом), охранением флангов своим соседом слева и питающей патронной двуколкой должен иметь не менее 4 телефонистов с 4-мя телефонами и одним нумерником (связь на три направления), 4 бегунов, 3 сигнальщиков со средствами оптической связи, как-то: флажками, ракетами, лампой Люкаса (фонарем Каша, лампой Миклашевского) и средствами звуковой связи. Всего

при командире роты 9 человек *), а также одна аванпостная радиостанция для связи с командиром батальона, а в некоторых случаях и для связи с одним из особо важных взводных боевых участков, для чего вторая аванпостная радиостанция придается распоряжением комбата. Командир взвода должен иметь при себе для связи с отделениями не менее 2 бегунов и 2 сигнальщиков с теми же средствами оптической и звуковой связи. Один из сигнальщиков должен принимать также распоряжения и от командира роты.

Командир отделения должен иметь одного сигнальщика.

Высылаемым дозорам для охранения флангов необходимо придавать сигнальщика с флажком, ракетами, лампой Люкаса (или другим оптическим прибором).

С соседями командир роты поддерживает связь зрительную, бегунами и телефонную через командира батальона.

Желательно иметь при командире роты, а иногда и при командирах взводов собак для связи.

Передача при помощи средств оптической связи должна быть условная по азбуке Морзе, например, переданная по азбуке Морзе буква в (.--) означает приказание двигаться вперед, при чем лампу Люкаса возможно использовать не только для передачи отдельных условных сигналов, но и для передачи небольших телеграмм по азбуке Морзе. Аванпостная радиостанция также допускает передачу условных сигналов или небольших телеграмм, при чем, во избежание перехвата противником, радиотелеграммы должны передаваться условным шифром.

Связь в различные периоды боя. Рота, вступая в полосу дальнего артиллерийского огня и проходя как дальнюю, так и среднюю полосы артиллерийского огня, принимает разомкнутые строи по взводно, а последние, при действительности огня, перестраиваются по отделениям, проходя или перебегая более обстреливаемые пространства особенно усиленным шагом. Для связи командира роты со своими взводами и другими частями здесь можно применить зрительную связь, бегунов и телефон **), а с высланными дозорами зрительную связь и бегунов. С командиром батальона связь поддерживается телефоном, радиотелеграфом, собаками.

Вступая в полосу ближнего артиллерийского и дальнего ружейного и пулеметного огня, когда рота получила уже определенную полосу наступления для сближения с противником на дистанцию действительного ружейного огня, рота принимает боевой порядок в зависимости от обстановки на ее участке и цели действий. Как было уже выше указано, современный могущественный и меткий

*) По приведенному выше автором расчету выходит не 9, но 11, что нельзя не признать большим расходом на связь.

**) Движение под артил. огнем придется производить на протяжении нескольких верст. Для телефонной связи потребуется слишком много средств, да, едва ли, она и необходима в этот период боя. Довольно зрительной связи и бегунов

огонь автоматических ружей, тяжелых и легких пулеметов *), заставит боевой порядок роты сильно разрядиться, при чем наступление будет вестись перебежками или ползком отдельных небольших единиц роты под прикрытием местности. Для связи командира роты со своими взводами, пулеметной командой и охранением, для управления в нужные моменты их огнем, необходимо применять: 1) флажки, которыми возможно сигнализировать даже лежа; при использовании необходимо примениться к местности, 2) лампу Люкаса; сигнализирование посредством указанной лампы может производиться сигнальщиком лежа, сама же лампа может быть отнесена на штыке в сторону от сигнальщика, при чем сигнализация производится посредством ключа (ручки), который находится у лежачего сигнальщика, 3) фонарь Каша, 4) бегуны, которые должны проходить ползком, а, если возможно, то перебегать обстреливаемые пространства, скрываясь в воронках от снарядов, складках и неровностях местности, 5) если позволяет местность, то применяется телефон. С командиром батальона связь обязательно телефонная, радиотелеграф, собаки, бегуны и другие средства, применяемые в роте.

При сближении с противником на близкие расстояния (дистанция постоянного прицела) и постепенном смыкании для атаки средства связи остаются те же самые. Для под'ема в атаку необходимо применять сигналы, действующие на моральную сторону и наступательную энергию бойцов, как-то: трубы, сирены, ракеты, лампа Миклашевского.

При организации связи на ближних дистанциях необходимо тщательно применяться к местности, маскируясь и устраивая себе прикрытие при помощи лопаты. Можно сказать с уверенностью, что все перечисленные выше средства связи могут и должны действовать, и что при умелом их применении и серьезном отношении связь может и должна быть организована до командиров взводов включительно, вплоть до самого момента удара в штыки. Для выполнения указанного требования представляется необходимым в каждой роте иметь лицо комсостава, ответственное за организацию связи в роте (начальник связи).

При наступлении ночью необходимо обязательно связываться телефоном и лампами Люкаса и Каша, применяя, однако, последние осторожно, дабы противник не обнаружил наших сигналов. Командир взвода управляет своими отделениями теми средствами, которые у него будут, например, посредством той или другой лампы, флажков **), для чего все командиры отделений и командиры звеньев должны хорошо знать условные знаки. Это особенно важно подчеркнуть.

Ввиду особой трудности и действительной сложности организации связи в роте на ближних дистанциях необходимо: 1) отметить

---

*) В полосе дальн. руж. огня лег. пулеметы и автоматы еще не будут действовать.

**) Это утверждение автора нуждается в доказательствах. В некоторых западно-европейских армиях пришли к другим выводам. *Ред.*

легкость и удобство использования флажков, как простейшего вида оптической связи, 2) подчеркнуть полную возможность применения и удобства пользования английской пехотной лампой Люкаса, 3) обратить серьезное внимание на применение фонического телефона ввиду его простоты и устойчивости действия на близких дистанциях; для прокладки кабеля и предохранения его от огня необходимо пользоваться складками местности, 4) отметить возможность применения радио-связи, так как аванпостная радиостанция при опытном телеграфисте обеспечивает успех работы и гарантирует безотказность связи; передачу следует производить условными знаками во избежание перехвата нашей работы противником.

Для подтверждения указаний о возможности применения означенных средств связи в районе действий роты необходимо привести небольшую характеристику этих средств с целью их тактической оценки:

1) *Собаки* — легко пробегают под огнем; если огонь артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь силен, то прячутся в складки, канавы, но затем продолжают выполнять порученное им дело.

2) *Голуби* могут быть применены в некоторых случаях для связи командира роты с командиром батальона, у которого имеется подвижная голубятня. Применение голубей особенно полезно при отдельных действиях роты, как, например, при получении ротой самостоятельной задачи по разведке. Связь голубями очень надежна, быстра и почти совершенно не зависит от огня противника.

3) *Лампа Люкаса.* Вся лампа помещена в ящике размером 23×22×15 сант., лампа вынимается. Источником света служит электрическая лампочка с двумя элементами. Для связи с определенными частями имеются три разноцветных и легко вставляемых стекла (диски): красный, желтый и белый. Лампу от ящика можно относить в сторону до 2 метров. Лампа весит 8 килограммов, дальность действия $1^1/_2$—2 километра.

4) *Фонарь Каша* простого устройства, горит свеча, которая сама по мере сгорания поднимается вверх, фонарь можно надеть на палку, штык и т. п., дальность действия 1 километр, вес 3 килограммов, размер 10—11 см.

5) *Сигнальный аппарат Миклашевского.* Очень несложный прибор, горит простая спиртовая лампа, вспышки производятся посредством нажатия резиновых шариков, которые выдувают порошок магния, а последний вспыхивает и дает сильный свет. Вспышки в течении 15 или 20 секунд очень ослепительны и могут быть производимы белым и красным пламенем. Дальность действия до 35 километров ночью и до 10 килом. днем, размер 34 см.×29 см.×20 см., вес около 14 килограммов.

6) *Флажки.* Применяются обыкновенно двух цветов (красный и белый). Занимают очень мало места и представляют прекрасное средство зрительной связи с действием до 1 километра.

7) *Ракеты* разных цветов, видны и днем, применяются для обозначения заранее условленных сигналов.

8) *Сигнальные звуковые средства.* Ревуны (сирены), сигнальные рожки по силе звука могут быть с успехом использованы для связи в ротном боевом участке. Сигналы свистком менее слышны и применяются для управления огнем звена и отделения.

9) *Фонический телефон* во всех отношениях очень удобное и легко применимое средство связи.

10) *Аванпостная радиостанция.* Отличается простой конструкцией и легкостью работы. Переносится и обслуживается 3-мя людьми. Применима для связи командира роты с комбатом, а в некоторых случаях может быть использована и для связи с одним из наиболее важных взводов, раз'единенным, например, каким-либо препятствием.

11) *Бегуны.* Бегуны применяются для связи на ближних дистанциях под огнем противника. По многим отзывам и заключениям бегуны под огнем не оправдывают своего назначения, так как попав под огонь бегун обыкновенно заседает в какой нибудь воронке или складке местности и не идет далее, а также бегуны не могут передать толково словесные приказания и сплошь и рядом таковые перевирают, или, наконец, бегуна очень расстраивает морально сама перебежка под огнем, благодаря чему по некоторым отзывам бегуны и не оправдывают своего назначения. С последним абсолютно согласиться нельзя, так как все эти недостатки происходят по тем же причинам, по которым не работают вообще средства связи. Главной причиной отрицательного отношения к связи бегунами является отсутствие всякой подготовки таковых и неумелое их использование. Так например, если командир роты возьмет от каждого взвода по одному человеку к себе для связи и допустим даже, что выберет наиболее развитых людей, и этим ограничится, то можно определенно сказать заранее, что связи безусловно не будет. Такой человек при перебежке под огнем засядет где нибудь в норе, воронке и т. п. или же будет расстрелян. Предназначенные для службы в бегунах люди должны быть хорошо грамотными, быть ловкими, иметь большую сноровку. Для этой службы нужно безусловно выбирать лучших людей и первых смельчаков. Бегуны заранее должны быть хорошо подготовлены во всех отношениях к выполнению своих обязанностей в боевой обстановке. Только в таком случае они выполнят свою роль и оправдают свое назначение. Люди же неподготовленные для этой работы и мало развитые при первых же перебежках будут расстреляны и засядут в норах и складках местности, а также будут перевирать приказания и донесения. При пользовании бегунами, более сложные приказания и донесения следует передавать в виде записок, что гарантирует от опасности перевирания.

4. Выводы.

Ввиду усилившегося значения, приобретаемого ротой, как боевой единицей, получающей в настоящее время, с увеличением ее огне-

вых средств, кольшую самостоятельность при выполнении боевых задач,—представляется абсолютно необходимым иметь в каждой роте личный состав и средства связи по следующему расчету *):

1) Одно лицо комсостава, ответственное за связь (начальник связи);

2) не менее четырех телефонистов;

3) сигнальщиков—по 2 на взвод, по 1 на отделение и 3 при командире роты, а всего в роте 18 человек;

4) бегунов—по 2 на взвод и 4 при командире роты, всего 10 человек.

Таким образом в роте команда связи должна состоять из 1 начальника связи и 32 связиста. Означенная команда должна быть штатной единицей роты.

Имущество связи: 4 фонических телефона и 1 номерник на 4 направления, 4 километра кабеля, 4 лампы Люкаса, 4 фонаря Каша, флажки и ракеты. Остальные средства связи, как голуби, собаки, аванпостная радиостанция находятся в распоряжении старшего начальника и должны придаваться в зависимости от боевой задачи роты. Для указанной цели старший начальник должен иметь некоторый резерв означенных средств.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что все люди, привлеченные к службе связи, безусловно должны быть подготовлены в полном объеме, так как служба связи является наиболее трудной, сложной и опасной, требующей беспрерывного действия, благодаря чему, в то время как войска будут иметь возможность отдохнуть, люди связи должны бодрствовать, продолжая работать.

В. С. Чернавин.

О питании патронами и гранатами в наступательном бою.

Условия современного боя потребовали введения в пехотные ряды скорострельного автоматического оружия, поглащающего огромное количество патронов.

Подноска на поле боя этой обильной смертоносной пищи должна быть организована с особенной вдумчивостью и определенностью, дабы ротный командир, на которого ложится всей тяжестью забота о непрерывном питании патронами и гранатами своих взводов в непосредственной близости от противника не стал в тупик перед трудноразрешимой задечей.

Где же искать ротному командиру разрешения этой высокой важности задачи? В ныне действующем наставлении?

*) Разделяя в общем мнение автора о необходимости усиления средств связи в ротах, Редакция полагает однако, что предлагаемый автором способ разрешения этого вопроса и самый размер требуемых им средств связи подлежит дальнейшему обсуждению. Ред.

Но, к сожалению, существующая инструкция этого вопроса практически не разрешает, предоставляя ротному командиру самому выпутываться из тяжелого положения.

Прежде всего у ротного командира должен возникнуть вопрос, каким же органом он располагает для выполнения сложной задачи питания своих взводов огневыми припасами, и на сколько этот орган отвечает своему назначению?

Наставление дает на это, повидимому, вполне точный ответ: органом питания патронами и гранатами являются во—первых: подносчики патронов, по два на каждый легкий пулемет и по одному на каждое ружье—автомат и во—вторых ротные патронные двуколки с командиром взвода управления, оружейным каптенармусом и двумя сборщиками оружия.

Самая механика подноса патронов тоже ясно определена: по израсходованию стрелками и пулеметами одной трети боевого комплекта, подносчики патронов немедленно посылаются к ротной двуколке, и забрав там патроны: для винтовок в вскрытых, цинковых коробках, для пулеметов в деревянных ящиках и для автоматов в дисках, возвращаются обратно и передают их командирам взводов для дальнейшего направления по назначению.

Казалось чего же проще. Но на практике выполнение этой простой вещи вызовет много затруднений и пред'явит целый ряд новых запросов, на которых ответа наставление не дает.

В первую голову надо покончить с главным вопросом, по сколько орган питания огнестрельными припасами в состоянии выполнить поставленную ему задачу?

Этот вопрос распадается на два, а именно:

1) Каким способом подносчик, нагруженный запасам винтовочных патронов, двумя гранатами и с ружьем в руках, будет таскать еще половинный комплект патронов для легкого пулемета или полный для ружья автомата, с лентами и дисками: в особой ли сумке (ранце) или в деревянных коробках, носимых в руке, свободной от винтовки? Посильно ли и удобноносимо ли будет для одной руки ноша целого боевого комплекта для автомата и половина комплекта для пулемета?

Вопрос этот можно было бы разрешить так: подносчики патронов при неимении особых приспособлений для их носки, могут поместить винтовку за плечами „на ремень", освободив таким образом обе руки для переноски патронов в лентах или дисками.

Но подобное скороспелое разрешение вопроса не выдерживает критики, так как понятно, что носитель патронов с болтающимся на спине ружьем и с грузными деревянными ящиками в обоих руках не будет в состоянии использовать ползок для своего продвижения, когда потребует этого рельеф местности, да и готовность носителя патронов к выстрелу при таком положении винтовки будет весьма не велика.

Мне кажется, что было бы более целесообразным совершенно отказаться вбоевых взводах роты от особо назначенных подносчиков и распределить боевой комплект пулеметов или автоматов между всеми стрелками звена, свободными от несения специальных обязанностей, снабдив их патронохранилищами, удобными для переноски.

Ведь и при ныне вводимой организации питания огнестрельными припасами передача патронов для носки в руки стрелков, не предназначенных для этой цели, будет неизбежна во всяком наступательном бою. И это настанет при первом же израсходовании 1/3 носимого комплекта, когда специальные подносчики, отправляясь к двуколке за его пополнением будут вынуждены остаток находящихся у них патронов (составляющий для автомата 2—3 комплекта) передавать своим соседям, ибо было бы весьма не разумно тащить этот остаток с собою в тыл.

Предполагаемая мною мера, освободив четырех стрелков в пулеметном отделении и двух в стрелковом от излишнего багажа, почти не уменьшит способности прочих людей отделений пользоваться переползанием за малыми укрытиями, а также и готовности к быстрому открытию ружейного огня. Кроме того эта мера послужит без особенного обременения стрелков и к некоторому увеличению боевого комплекта и даст возможность чередовать посылку в тыл за пополнением патронов между большим числом стрелков.

2. Питание патронами и гранатами боевых взводов, как говорит наставление, производится из патронной ротной двуколки, которая должна двигаться непосредственно за ротой и останавливаться только тогда, когда огонь противника не даст возможности к дальнейшему ее продвижению. Место для патронной двуколки должно избираться по возможности укрытое от неприятельского огня и легко находимое своими людьми.

Возникает второй вопрос: на сколько далеко вперед может на боевом поле продвинуться вслед за ротой патронная двуколка—этот второй орган питания огнестрельными припасами?

На этот вопрос ответ может быть дан вполне категорический: Патронная двуколка, представляющая заметную цель, не может продвинуться под артиллерийским и дальним пулеметным огнем, ближе первого стрелкового рубежа, который при современных условиях боя будет лежать от первой линии противника на расстоянии не менее двух верст, откуда начинается поддержка наступления боевых взводов огнем тяжелых пулеметов.

Естественно, что по местности, где приходится даже мелким группам преодолевать каждый шаг вперед огнем и самым тщательным приспособлением к рельефу, движение патронной двуколки будет немыслимо без риску лишиться и лошади, а вместе с ней и способности к дальнейшему действию.

Конечно, могут быть особо благоприятные случаи, когда ротная двуколка выищет для скрытного продвижения лощину или иное ук-

рытие и таким образом может достигнуть даже последней огневой линии боевых взводов.

Но ведь в этом случае и рота, двигаясь маленькими пакетами в тонких строях, может воспользоваться этой же лощиной для занятия последнего стрелкового рубежа, не прибегая к огню для своего продвижения. Но это будет редкий, исключительный случай, при котором не потребуется при отсутствии огня и пополнения патронов из двуколки.

Затем, выплывает вопрос, как согласовать на практике укрытость расположения ротной двуколки от огня противника с удобонаходимостью ее своими людьми?

Если патронная двуколка будет выискивать укрытые места для своего расположения (кустарники, овраги, часто совершенно незаметные с поверхности земли), то как могут скоро отыскать ее подносчики патронов, отправляемые с первой линии и впервые действующие на этой местности.

Выставление же на заметных местах значков ввиде красного или иного цветов флагов для облегчения отыскивания двуколки будет не особенно практичным, так как будет открывать местонахождение патронной двуколки не только своим людям, но и противнику.

И так, при расположении ротной двуколки за первым стрелковым рубежом, подносчикам патронов придется преодолевать каждый раз две полутораверстные огневые зоны; одну при движении к двуколке, а другую при возвращении к своему отделению.

Сколько сил и времени потратится непроизводительно при таком порядке доставки патронов в боевую линию, не говоря уже о том, что подносчики патронов не всегда скоро найдут месторасположения двуколки и не всегда будут проникнуты горячим стремлением, как можно быстрее вернуться в свои ряды.

Ведь на их долю, даже при первом хождении за патронами, выпадает необходимость в третий раз пройти огневую площадь, отделяющую линию передовых бойцов от первого стрелкового рубежа.

Что же касается доставки в стрелковые отделения гранат (хотя бы одних ружейных), то наставление, кроме намека, что командир взвода управления следит за правильным питанием гранатами взводов роты, не дает в дальнейшем никаких указаний, в чем будут переноситься гранаты? какие из подносчиков будут исполнять эту работу?

Если те, которые назначены переносить патроны в дисках для ружей-автоматов, то сомнительно, чтобы они оказались в силах перетаскивать одновременно и диски и гранаты.

Все вышесказанное наводит на мысль, что организация снабжения огневыми припасами на боевом поле должна производиться: первое— с тыла к передовой линии и второе—из двух пунктов, эшелонированных в глубину—ближнего и дальнего.

Дальний пункт огневого питания—ротная патронная двуколка— располагается по указанию командира роты, на определенном месте,

вблизи от первого стрелкового рубежа, и доставляет огнестрельные припасы в передний пункт особыми, назначенными для этой цели, людьми.

Доставка производится в цилиндрах или иного вида катушках, которые должны легко перекатываться и иметь приспособления для носки их, в случае, если местность окажется неудобной для перетаскивания их по земле (мелкий кустарник, корни деревьев, глубокие поперечные канавы, изгороди и т. д.).

Передний пункт должен находиться или при ротном резерве, или вблизи его, и отсюда огнестрельные припасы переволакиваются в в тех же катушках к командирам взводов боевой части, где припасы выбираются из катушек очередными стрелками звеньев для доставки их к своим пулеметам, автоматам и гранатометам.

Пополнение патронами и гранатами ротной двуколки из полкового запаса при нынешней организации также вызовет не мало затруднений, так как командир взвода управления, в обязанность которого входит забота о своевременном пополнении двуколки, не имеет аппарата для этой цели.

В его распоряжении при двуколке находится только три человека: оружейный каптенармус, руководящий набивкой пулеметных лент и дисков и занятый исправлением незначительной порчи поступающих с боевой линии пулеметов, и два сборщика оружия, которые, кроме своих прямых обязанностей по сбору оружия, должны набивать ленты и диски и раскупоривать цинковые ящики с патронами для передачи их подносчикам, прибывающим из передовой линии.

Таким образом, к моменту пополнения двуколки, у комвзвода управления может не оказаться ни одного свободного человека для посылки в полковой резерв с требованием нужного количества патронов и гранат и для указания места стоянки ротной двуколки тем лицам, на которых будет возложена доставка требуемых припасов из полкового запаса.

Намечаемая мною организация питания патронами и гранатами с тыла через два пункта, находящихся в районе боевых действий роты, потребует ведения в штат взвода управления еще 10—12 подносчиков, которые составят или первое звено третьего хозяйственного отделения, под командой оружейного каптенармуса, или войдут вторым звеном в санитарные отделения, причем последнее обратится в первое звено.

Звено подносчиков патронов в период наступления разделится на две части, из коих первая, в числе шести подносчиков, будет находиться на переднем пункте питания патронами, а остальные—при ротной патронной двуколке.

Из шести подносчиков переднего пункта три человека снабжаются катушками со вложенными в них деревянными коробками, со снаряженными лентами для легких пулеметов, а трое—катушками с наполненными дисками для ружей-автоматов.

В каждой пулеметной катушке будет перевозиться половина боевого комплекта для пулемета, а в каждой катушке с дисками полный комплект для автомата.

Кроме того, каждый подносчик имеет при себе сумку для переноски небольшого запаса ружейных патронов и вооружается винтовкой. Во избежание излишней перегрузки, подносчики не снабжаются ручными гранатами.

При современном ведении огневого боя, где главная тяжесть его ложится на пулеметы и автоматы, а винтовка пускается в дело, преимущественно, на близких дистанциях от противника, расход винтовочных патронов будет, сравнительно с расходом автоматического оружия, не велик, и едва ли превысит носимый стрелками комплект патронов, следовательно и пополнение ружейными патронами не вызовет особого затруднения, а потому и небольшой запас винтовочных патронов, помещающийся в сумках подносчиков, может удовлетворить потребность в них в период наступления, до занятия последнего стрелкового рубежа.

Что касается доставки в передовую линию ружейных гранат, то надобность в них настанет только по занятию последнего огневого рубежа (250 шагов от окопов противника), когда явится возможность применить работу гранатомета по пулеметным гнездам противника и по укрывающимся за насыпью защитникам неприятельских окопов.

К этому времени и должны прибыть из ротной двуколки, распоряжением командира роты, три катушки с гранатами (по одной на взвод), которые и переволакиваются подносчиками переднего пункта к боевым взводам.

Доставка патронов и гранат от взводных командиров к пулеметам и стрелкам производится заботою командиров звеньев, для чего у взводного командира собираются те стрелки, у которых запас носимых ими пулеметных и автоматных патронов будет израсходован. Эти стрелки, наполнив из прибывших катушек свои патронохранилища новыми снаряженными лентами и дисками или свои мешки ручными гранатами, переносят их по назначению в свои звенья.

Я должен еще добавить, что каждый из пяти стрелков пулеметного звена (не имеющих специальных обязанностей) является носителем одной четверти нынешнего боевого комплекта патронов для легкого пулемета, вследствие чего носимый боевой комплект может быть увеличен на 25%. В стрелковом звене 3 человека носят комплект патронов для автомата (на каждого приходится по $^1/_3$ этого комплекта) и трое, в том числе и гранатометчик, будет иметь при себе, кроме ручных гранат, еще и по 3 ружейных гранаты, помещающихся в особых гранатных мешках. Мешки эти должны быть такого об'ема, чтобы могли вместить половину гранат, доставляемых в одной катушке из переднего пункта на последнюю огневую линию.

Таким образом работа переднего пункта питания огневыми припасами будет происходить между ротным резервом и боевой частью,

а работа дальнего пункта—между патронной двуколкой и ротным резервом.

Полковой запас соединяется телефоном с ротной двуколкой, а от последней телефонный провод тянется за ротным командиром. Эта связь обеспечит быстроту доставки патронов и предотвратит излишнее мотание связных (посыльных).

Если по обстановке боя проводка телефона между дальними и ближними пунктами будет невозможна, связь между ними должна быть зрительная,—сигнализацией с установлением необходимых простейших знаков.

На основании всего мною изложенного, вот как я себе представляю картину процедуры питания патронами и гранатами боевой части роты из ротной патронной двуколки во время наступления.

При начале боя, в сфере артиллерийского огня, патронная двуколка, следуя за ротой и пользуясь всеми складками и местными предметами для скрытного продвижения, подходит к первому огневому рубежу.

Здесь, по распоряжению ротного командира, она останавливается на указанном ей укрытом месте.

Половина подносчиков патронов остается при двуколке, а другая половина, волоча за собою наполненные патронами шесть катушек, переходят к месту расположения ротного резерва, за которым и будут продолжать дальнейшее продвижение в зоне пулеметного и ружейного огня.

По мере развития боя, уже на средних дистанциях, когда потребуется для проталкивания вперед передовых отделений пустить в ход огонь легких пулеметов и автоматов, и будет израсходована $^1/_4$ боевого комплекта пулеметов и $^1/_3$ комплекта автоматов, стрелки с освободившимися лентами и дисками собираются к взводному командиру, который тотчас же подает сигнализацией знак командиру роты о надобности пополнения патронов.

Ротный командир немедленно отдает распоряжение о направлении катушек с патронами к командиру взвода (если автоматы еще не открывали огня, то понятно, посылаются только пулеметные катушки), а сам передает по телефону или сигнализацией о доставлении из двуколки новых катушек, взамен отправленных вперед.

По прибытии ко взводам патронов, собравшиеся к взводному командиру стрелки, наполняют из катушек свои пустые коробки и, передав катушечникам опорожненные ленты и диски для набивки, переходят или переползают к своим звеньям.

Подносчики с катушками возвращаются к передовому пункту питания и приняв от прибывших с дальнего пункта новые полные катушки, отдают им израсходованные вместе с пустыми лентами и дисками, полученными с передовой линии. Эти израсходованные катушки перекатываются в тыл для наполнения их вновь из патронной двуколки.

Таким порядком производится кругооборот питания патронами до занятия последнего стрелкового рубежа.

Как только этого рубежа достигнут передовые звенья, ротный командир вызывает с дальнего пункта питания катушки с ружейными гранатами, которые без замедления перекидываются к стрелковым отделениям. Обратное движение освободившихся гранатных катушек совершается тем же порядком, который указан для патронных катушек.

Набивка лент и дисков, а также и мелкая починка пулеметов, смотря по обстановке, может производиться под руководством ружейного каптенармуса или на переднем пункте питания, или у патронной двуколки.

Заканчивая свою заметку я предвижу возражения против моего предложения увеличить состав взвода управления, на 12 подносчиков.

Возражение серьезное, с которым не согласиться нельзя и я не настаиваю, что выше набросанная схема есть единственный способ разрешения вопроса. Таких способов может быть несколько для примера, хотя бы такой.

Носимый комплект боевых припасов распределить, как выше мною указано, между всеми стрелками, свободными от несения особых обязанностей, кроме штатных подносчиков, которых в период сближения держать при патронной двуколке, а с началом стрелкового боя сосредотачивать на переднем пункте питания огнестрельными припасами с полными катушками, захваченными из двуколки. По мере расхода патронов в боевых линиях эти подносчики будут доставлять их непосредственно в свои звенья. Перекатку патронов из ротной двуколки на передний пункт возложить на сборщиков орудия, число которых придется увеличить до 4—5 человек в счет соответствующего уменьшения связных, разведчиков и санитаров. (По одному из каждой категории).

Набивку лент и дисков, а также и починку попорченных пулеметов, производить на этом пункте теми же штатными подносчиками и т. д.

Изложенная в настоящей статье моя попытка разрешить этот сложный вопрос о питании патронами и гранатами при наступлении, вопрос, получивший огромное значение при нынешней форме стрелкового боя, есть не более как постановка вопроса, требующего серьезной детальной разработки, и я буду весьма признателен тем, кто, побуждаемый моею статьею, поделится своими мыслями для окончательного решения этой диллемы.

Не даст ли в этом деле существенной пользы замена ротных патронных двуколок небольшими бронированными тракторами танкового типа, которые могут с меньшими затруднениями и наибольшей быстротой доставлять с избытком питание ненасытным машинам современного боя.

И. Глудин.

Пехотный бой.

Введение.

Империалистическая Франция, в победном угаре и под влиянием могучей техники запада и позиционной войны, пошла по пути, по которому Сов. России слепо следовать нельзя, ибо мы не имеем ни техники запада ни ограниченности его театра войны, затрудняющей маневрирование. Нам нужно быть не слепыми подражателями другим, но держаться ближе к русской действительности, с ее необ'ятным театром войны и бедной техникой. Разберемся, что нам нужно и полезно в наших условиях войны, критически отнесемся к тому, что дает запад, и возьмем то, что может быть для нас полезно.

„Бой пехоты", „Огонь пехоты" и „Питание патронами"—три вопроса, весьма сложных и обширных, которые я, конечно, не берусь выявить с исчерпывающей ясностью и полностью. Моя задача будет выполнена, если мне удастся обратить внимание и заинтересовать широкие круги военных читателей этими вопросами на страницах нашего журнала „Революция и Война", обменяться мнениями и, хоть бы отчасти, выяснить нужный нам правильный подход в отношении значения и использования пехоты и ее огня.

Бой пехоты.

Как раньше, так и ныне пехота обладает тремя данными, приводящими ее к победе: 1) маневр—т. е. движение для постановки ее в наиболее выгодное для боя положение в смысле использования оружия и местности; 2) метательное действие, т. е. огонь для подготовки окончательного удара, и 3) удар холодным оружием. В то время как приемы удара холодным оружием остаются почти неизменными, огонь все время совершенствуется и является величиной переменной с тенденцией к постоянному увеличению, почему в рассматриваемом очерке я буду разбирать лишь огонь пехоты.

Интересно отметить те взгляды, которые господствовали в главнейших европейских армиях на огонь пехоты до последней войны, и эволюцию этих взглядов, имевшую место после войны.

У нас этот взгляд был проведен только в „Наставлении для обучения стрельбе" (§ 1), где говорилось:

„Ружейный огонь у хорошо обученных войск является могущественным средством, чтобы при наступлении *проложить дорогу штыку*, а при обороне—отразить атаку даже значительно превосходных сил противника".

Германский устав § 324: „Удар холодным оружием венчает поражение противника".

„§ 343. Если линию огня удалось приблизить к неприятельской позиции и в достаточной мере поколебать противника, то приступают к удару в штыки".

Французский устав § п. 6: „Удар в штыки позволяет окончательно прогнать противника с его позиций. § 258—огонь продвигает войска“.

Австрийский устав § 358: „Перевес в огне подготовляет решение и может даже привести к решению. § 542—пехота своим огнем потрясает противника, штыком, уничтожает его последнее сопротивление.

Большое значение в пехотном бою принадлежит огню, который не только подготовляет успех, но часто приводит к конечному решению“.

В общем, во всех уставах, за исключением австрийского, яркой нитью проводилось, что только удар холодным оружием дает окончательное решение, а на огонь смотрели как на средство весьма могучее, подготавливающее этот удар.

И вот с этими взглядами выступила дореволюционная Россия и ее союзники и враги на войну.

Что же дала война и в чем она убедила? Конечно, нужно больше всего опасаться в таких принципиальных вопросах суб‘ективного мнения, основанного на личном опыте, но все же я решаюсь высказать свое мнение, как участника войны, тем более, что оно подтверждено и другими, а именно: что окончательного решения мы всегда достигали только с переходом в штыковую атаку.

Не всегда дело доходило до штыковой схватки, но переход в штыковую атаку был необходим для успеха. Одного ружейного огня было мало.

Вместе с тем, с первых же боев, выдвинулось громадное значение пулеметного огня. Равномерное токание пулеметов подавляло ружейный огонь. Часто ружейный огонь был бессилен против пулемета, хорошо укрытого и защищенного спереди щитом. С развитием войны и выбытием подготовленных кадров, в армию продолжали прибывать пополнения все хуже и хуже обученные стрельбе из винтовок. Значение пулемета возросло еще более, чему усиленно способствовала позиционная война, дававшая выгодные условия для применения пулемета.

Кончилась война, и на ее опыте строятся новые наставления и уставы. Для сравнения с довоенными взглядами приведем те тенденции, которые отражают теперешние взгляды на огонь пехоты.

Французское наставление говорит: 1-е—„пехота не может вести бой самостоятельно и нуждается в содействии других войск, и 2-е—сила огня делает всякое наступление, даже в разреженных строях, невозможным, если местность находится под действительным огнем, и 3-е—для того, чтобы наступать, нужно иметь превосходство в огне“. В общем, из трех элементов пехоты—маневра, огня и удара холодным оружием—французы главнейшее и решающее значение придают огню и огню не ружейному, а пулеметному, в особенности ручному пулемету.

Английский взгляд разнится от французского в том отношении, что англичане придают большее значение ружейному огню, нежели

французы, и маневру для подготовки окончательного пехотного удара холодным оружием.

Германское наставление для боя пехоты считает, что огонь пехоты является лишь подготовкой окончательного удара холодным оружием. Германский пехотный устав дает огню роль „защиты“ при атаке.

Наш полевой устав в главе о бое, в § 540, гласит, что при наступлении огневая подготовка ложится, главным образом, на артиллерию, но нужно стремиться возможно шире использовать ружейный и пулеметный огонь.

В главе о пехоте в § 545 говорится, что: „Действие пехоты слагается из сближения с противником и движения для овладения неприятельским расположением ударом в штыки“.

§ 546. „Последний решающий акт боя называется атакой или штурмом“, об огне пехоты ни слова и дальше в § 550 находим: „Действие пехоты днем сопровождается ружейным и пулеметным огнем“.

Что же мы видим из приведенных данных.

Мнения главнейших европейских армий почти совершенно противоположны между собой. Франция решающее значение придает огню и преимущественно пулеметному.

Наш полевой устав 1918 г. отводит ружейному и пулеметному огню роль подготовки, но не придает ему большого значения.

Немцы как будто бы изобрели золотую середину, оставляя окончательное решение в силе удара, но придают большое значение, как подготовительной мере—огню и преимущественно пулеметному.

По отношению к прежним взглядам сильно двинулись вперед французы, совершенно изменившие свой взгляд на огонь.

Везде центр тяжести огня пехоты (разве за исключением нас) перенесен на пулеметы. Выдвигается ружье-пулемет.

Какие же из приведенных взглядов наиболее правильны и применимы для нас?

Выше я уже отмечал, что, по опыту войны, бои решает стремление к штыковому удару.

Артиллерия дает очень сильный огонь но все же после самой сильной артиллерийской подготовки нужно пускать в дело пехоту, но наше невнимание к огню пехоты не правильно. В маневренной войне, в особенности огнем пехоты, сплошь и рядом придется вести подготовку окончательного решения. Также бесспорно, что пулемету принадлежит главное место в огне пехоты, но и винтовка имеет много ценных данных—легкость и скорость открытия огня при всяких условиях, быстрота наводки, небольшой расход патронов, легкость передвижения, а главное,—*пригодность для массового вооружения и соединение свойств огнестрельного и ударного оружия.* Нужно полагать, что французы в своем увлечении огнем и пулеметом перегнули палку, во всяком случае нам увлекаться их системой „боевой группы“ *), состо-

*) Самостоятельное отделение из одного пулеметного и одного стрелкового звена.

ящей из пулемета, прислуги к нему и всего лишь 8—9 стрелков, не следует хотя бы уже из-за того, что мы не в состоянии дать своей армии, такое количество пулеметов, да и наши соседи вряд ли смогут так в ближайшем будущем перевооружить и обучить свою пехоту.

Управление ружейным огнем.

Раз только ружейный огонь необходим, то необходимо его управление.

Прежде чем перейти к управлению огнем, необходимо дать краткую характеристику ружейного огня.

Баллистических свойств ружейного огня я здесь не привожу, т. к. полагаю, что они уже хорошо всем известны.

Я коснусь здесь лишь вида огневого боя. Если мы посмотрим на историю развития огневого боя пехоты, то увидим, что с совершенствованием вооружения он пережил три периода:

1) При гладкоствольном ружье — эпохи автоматизма*) огня в форме залпов. Это вызывалось необходимостью массирования огня по определенной цели, покрывавшей слабую меткость огня.

2) При совершенствовании ружья и изобретении нарезов господство одиночного огня над автоматическим (залповым) и переход к „застрельщикам", стрелковым частям и стрелковым цепям.

3) При дальнейшем совершенствовании оружия—управляемый огонь частями, чтобы, воспользовавшись его меткостью, усилить действие массированием огня.

Огонь коллективный стал господствовать над индивидуальным.

Необходима высокая подготовка одиночного стрелка, но не только для его личного единичного использования. Огонь хороших стрелков, но не управляемый дает меньший результат нежели стрелков с относительно менее совершенной подготовкой. но в руках начальника хорошо подготовленного для тактического руководства огнем.

Таким образом огонь пехоты сейчас рисуется главным образом в виде огня отдельных стрелковых единиц различной силы (будь это звено, отделение и даже взвод) под управлением соответствующего начальника.

Успех огня всецело будет зависеть от одиночной подготовки и управления, которое одно может дать ему разумное и целесообразное направление и назначение. Там, где нет управления—нет огня.

Задача управления огнем не из легких; не только в бою, но даже и при полигонной стрельбе оно состоит:

1) Из указания цели и участка огня (иногда точки прицеливания).
2) Из определения прицела, рода огня и его открытия.
3) Из корректирования огня и переноса с одной цели на другую.
4) Из прекращения огня.

Управление огнем облегчается:

1) Хорошей подготовкой отдельных стрелков.

*) Автоматизма, конечно, в смысле исполнения по команде, а не в техническом отношении.

2) Дисциплиной огня.

3) Наблюдением за полем боя и

4) Организацией связи.

Хорошая подготовка стрелка вообще является залогом всякого успешного боя.

В бою сплошь и рядом отдельному стрелку приходится самому решать тактические задачи. В таком же положении стрелок обыкновенно оказывается и в самый критический момент боя на дистанции прямого выстрела, когда многие начальники выбудут из строя, а шум боя не дает возможности управлять огнем.

Для поддержания дисциплины огня полезно иногда его прекращать или обращать самостоятельный огонь отдельных стрелков в управляемый огонь целой части.

Дисциплину огня не нужно, конечно, понимать в смысле стрелка автомата, а в сознательном исполнении всех приказаний своего начальника, в исполнении всех уставных положений для стрельбы, в применении к местности, в бережливом расходовании патронов.

Наблюдение за результатами огня, является одним из необходимейших данных для успешности огня. Нужно отметить, что, в противоположность артиллерийскому наблюдению, наблюдение за результатами пехотного огня весьма затруднительно. Данные наблюдения—рикошеты, видимые потери противника, ослабление его огня весьма условны.

Наблюдение необходимо не только для корректирования но и для переноса огня и новых огневых задач.

Связь начальника с стрелками является одной из необходимых данных для управления огнем. При трудности управления огнем по фронту, как правило, в особенности при наступлении, управление огнем будет последовательно переходить в руки командира взвода, командира отделения и звена, которые одни лишь будут в состоянии управлять огнем.

Очень важно установить обязанности младших начальников по управлению огнем и постепенность самого перехода управления от старших к младшим.

Необходима еще в мирное время широкая практика этих лиц в решении тактических огневых задач на плане, полигоне и в поле.

Применение ружейного огня в зависимости от дистанции.

На дальних расстояниях свыше 1.400 открытие огня и управление огнем находится в руках ротного командира. На этих дистанциях можно иногда применять залповый огонь или же одиночный огонь отличных стрелков*).

При управлении огнем надо считаться с разреженностью современных боевых порядков (по отделениям и по звеньям) и с их зна-

*) Ред. не может согласиться с этим мнением автора; залповый огонь не так действителен, а огонь одиночных стрелков с версты и далее едва ли найдет себе цели.

чительной глубиной. Желательно выработать способы управления огнем (огневую связь) между звеньями на интервалах. Надо обучать огню из поддержек и резервов (в промежутки или через головы, при благоприятной местности).

С переходом в сферу действительного ружейного огня, т. е. с 1400х—до 600х, до дистанций прямого выстрела руководство огнем обыкновенно ускользает из рук ротных командиров и ведется или командиром взвода или же, что будет чаще, командиром отделения и звена. На ближних дистанциях, т. е. дистанции прямого выстрела, управлять огнем становится весьма трудно, и ведение боя переходит в руки отдельных стрелков. Необходимо до тех пор, пока командир отделения и звена не выбыли из строя, принимать все меры к руководству огнем.

Опыт войны показал, что с затяжкой войны стрелковая подготовка падает очень низко, что еще более увеличивает важность управления огнем и подготовки в этом отношении наших командиров.

Огонь пулеметов.

В связи с падением ценности ружейного огня война сразу выдвинула ценность пулеметного огня, на который к концу войны легла главная тяжесть ведения огневого боя пехоты. Нужно отдать справедливость, что пулемет выполнял возложенные задачи с честью. Все части стремились завести возможно большее количество пулеметов. Число их с 8 при открытии кампании возросло в некоторых частях до 60 и более.

В нашей гражданской войне, благодаря тем же причинам—плохой стрелковой подготовке пехоты и неумению младших командиров управлять огнем, главный центр тяжести огневого боя также лежал на пулемете.

Неоценимые свойства пулемета:—скорострельность, меткость, автоматичность стрельбы, что меньше утомляет стрелка и не передает его волнение оружию, удобство управления огнем и быстрота перенесения с одной цели на другую, моральное действие на противника, сделали пулемет незаменимым оружием пехоты.

Но пулемет имеет свои недостатки:

1) возможность порчи и задержек,

2) необходимость точности пристрелки и

3) большой расход патронов.

Пулемет дает подготовке удара могучую поддержку, но не больше. Для удара нужна пехота, вооруженная винтовками.

Разумное взаимодействие пулемета и винтовки часто обеспечивают пехоте решение самостоятельных задач.

Особенно важно: *научить пехоту маневрировать* с пулеметами, *не препятствовать их огню и пользоваться его действительностью.*

На западе, благодаря затянувшейся позиционной войне и богатой технике, пулемет совершенно подавил винтовку, и французы, наиболее ярые поклонники огня, перестроили свою пехоту, применив

ее к новому виду пулемета, т.-е. к легкому или ручному пулемету (с подставкой).

В данном случае я вполне согласен со взглядом, что не пехота обслуживает пулемет, а пулемет служит пехоте. Придав огню первенствующее значение, по сравнению с маневром и ударом холодным оружием, французы создали боевую группу с легким пулеметом. Составив эту группу или отделение из двух звеньев: ружейно-пулеметного и ружейного, они отвели второму звену задачу „маневра“, но по своей незначительной силе это „вольтижерское“ звено должно обратиться в прикрытие для пулемета.

В новой огневой тактике французов удару пехоты почти нет места, все решается огнем пулеметов; здесь правильнее было бы пехоту перекрестить, как род оружия, в легкие „пулеметы“, т. к. пехоте, как таковой, у французов на поле боя нет места. Увлечение французской боевой группой довольно опасно в подвижной маневренной войне. Не нужно забывать, что пулемет требует большого количества патронов и при быстром наступлении не всегда можно будет их подавать в достаточном количестве. При французском способе организации боевой группы вывод пулемета влечет за собой и вывод всей группы. И третья причина, по моему, самая важная, это та, что пехота, воспитанная на огне, а не на маневре и стремлении к удару холодным оружием, лишится наступательного порыва и заменит его желанием все покончить огнем, скрывая за ним свою боязнь к движению вперед.

Обращаю внимание читателя, что повторяющийся у меня удар холодным оружием не понимается как обязательный конец всего боя—рукопашной схваткой, а лишь желание достигнуть ее.

Нам нужно построить свою пехоту на: 1) гармоничном сочетании ружейного и пулеметного огня, который не лишил бы нас наступательной пехоты и 2) на наших технических возможностях, дабы не строить здания на облаках.

В изложенной статье мною разобрано и весьма не полно лишь значение ружейного и пулеметного огня пехоты. Совершенно упущены минометы, огнеметы и другие орудия пехотного боя. Маневр и удар холодным оружием мною совсем не затронуты.

Изложенное об огне пехоты относится лишь к маневренной войне.

Питание патронами.

Сила огня пулеметов, основанная на скорострельности, требует громадного расхода патронов. Бой, в котором главное значение отводится огню и в нем пулеметному, тогда только может дать желательные результаты, когда он будет обеспечен патронами. Запасы, носимые на стрелках и носильщиках патронов, при мало мальски затяжном бое, быстро иссякнут.

Необходима организация питания патронами,—подноска патронов.

Вопрос весьма сложный и в бою трудно выполнимый. Сказать, что носимый запас пополняется из патронных двуколок, которые ста-

вятся в укрытом, но легко находимом месте, это почти ничего не сказать.

Такая система и при прежней маневренной войне с малым количеством пулеметов была недостаточна.

Если принять французскую систему организации, то вместе с нею потребуется увеличение количества артиллерийских парков с ружейными патронами, числа полковых патронных двуколок и создание специальных частей для доставки патронов. Вопрос этот в нашей показной роте обойден и не разработан. При подготовке в мирное время этот недостаток не дает себя чувствовать, тем резче он выступит во время боя.

Возможно, что французам с их техникой и могучим автотранспортом легче удастся разрешить этот вопрос, нам же он вряд ли будет по плечу.

Эта трудность питания патронами также должна предостеречь нас от увлечения Западом и разрешить задачу вооружения, приспособленную к нашим условиям.

Выводы.

1) Опыт последних войн и развитие техники выдвинули в огне пехоты первенствующее значение при подготовке удара пулеметного огня.

Пулемет сделался главным орудием огневого боя пехоты.

2) Трудность движения с маневрирующей пехотой и питание патронами тяжелых пулеметов создали необходимость вооружить маневрирующую пехоту легким пулеметом и ружьем-пулеметом.

3) По прежнему окончательное решение боя достигается только стремлением сойтись с противником вплотную и непосредственной схваткой и ударом холодным оружием (будь это штык, граната или огнемет) покончить с противником.

4) При современной силе огня движение и управление широкими цепями стало невозможно. Потребовалось рассредоточение боевых цепей на отдельные боевые или стрелковые группы с эшелонированием в глубину и огнем из глубины боевого порядка.

5) Французская система, возложившая весь успех и решение боя на огонь, опасна в игнорировании стремлений к непосредственному удару с противником грудь с грудью. (Падение наступательного духа).

6) Необходимо придать организации пехоты такую форму, при которой бы она использовала в полной мере огонь пулеметов, могла бы сохранить необходимую компактность и силу для непосредственного удара по противнику.

7) Трудность питания патронами в конечной форме имеет предел, за которым увеличение числа пулеметов слишком усложнит питание патронами.

8) Необходимо поднять управление огнем и достичь высокой тактической и стрелковой подготовки младшего комсостава.

Подп. *Люган.*

Борьба с передовыми пулеметами.

(Перевод с французского С. М.).

Предисловие.

Этюд подполковника Могана напечатан в французском журнале „Revue d'nfanterie" за август месяц 1922 г. Он охватывает самый интересный фазис боя, который у нас характеризуется понятием „атака". Привыкли к пониманию, что этот фазис скоротечен. Вместе с тем опыт прошлого указывает, что часто фигурировали донесения: „встреченные сильным пулеметным огнем наши части залегли... наша атака захлебнулась... наша атака отбита и т. д". Причины этих неудач автор правильно видит в невозможности в этот момент поддержать пехоту другими родами оружия и в отсутствии у пехоты необходимых средств индивидуальной борьбы с каждым пулеметом. Выдвинутое автором понятие „блиндированный ползущий пулемет" интересно как попытка найти средства к борьбе.

Могущество огня пехоты, увеличившееся благодаря автоматическому оружию, должно еще более возрасти с усовершенствованием этого последнего.

Тактическое применение этого огня, основанное на опыте последней войны (главным образом последнего периода) должно улучшиться после основательного изучения и после тщательного обучения кадров и войск.

Борьба с автоматическим оружием еще более будет затруднена. Интересно изучить, достаточно ли мы вооружены в данный момент, чтобы успешно вести эту борьбу: при недостаточности необходимо изыскать средства для уменьшения ее вредных последствий.

С этой целью можно рассмотреть различные боевые положения, где будет применяться автоматическое оружие, среди них можно найти случай, заслуживающий исключительного внимания.

Рассмотрим определенную часть, выполняющую определенную задачу на протяжении ограниченного времени—положение, часто встречающееся в течение различных фаз боя; например: авангард, остановленный передовыми частями противника; ариергард, прикрывающий отход, передовые посты в соприкосновении с противником; оборонительный эпизод боя.

Следуя указаниям устава „маневрирование пехоты", эти войска могут применить следующие способы действий:

1) Установить главные наличные силы в две или три линии, эшелонированные в глубину и состоящие из боевых групп, на тесных интервалах, снабженных тяжелыми и легкими пулеметами: боевые группы, применившиеся к местности, линии на дистанции 100—150 метров друг от друга, автоматическое оружие, удаленное одно от

другого таким образом, что на местности нет ни одной складки, не взятой под перекрестный огонь пулеметов (между 200 и 400 метров); поля обстрелов могут быть сужены до сотни метров; перекрестный фланкирующий огонь может быть заменен таким же перекрестным огнем, идущим из второй линии; позиции на обратных скатах в этих видах будут применяться все чаще.

2) Дополнить первоначальную организацию расположения изолированными группами пулеметов, установленными позади предыдущих линий и имеющими обзор на очень дальние дистанции. Это расположение будет опираться на артиллерию, прикрывающую пехоту, и на полковую артиллерию.

Такой порядок применения автоматического оружия соответствовал бы нормальным условиям боя. Действительно баталион, располагающий 6 тяжелыми пулеметами и 36 легкими пулеметами, занял бы в три линии фронт приблизительно в два километра.

Предположим, что войска, принявшие такое расположение, действуют во время атаки по следующим тактическим принципам.

Изолированные группы пулеметов ведут самостоятельную стрельбу по далеким появляющимся целям.

Автоматическое оружие первой линии не обнаруживает себя до тех пор, пока атакующий не подойдет на такую дистанцию, где уже поддержка своей артиллерии будет невозможна и применение машин сопровождения (полковая артиллерия) затруднительно, а применение винтовочных и ручных гранат бесцельно за дальностью расстояния.

Можно предположить, что в данное время такая дистанция будет находиться от 100 до 150 метров. На самом деле, если в этот момент появятся пулеметы первой линии обороны, наша артиллерия не может вести огня из-за боязни поразить свою же пехоту, она может взять под свой огонь только изолированные группы пулеметов; однако эта стрельба содержит много затруднений: цель слабо видна (глубина), трудность корректирования огня, трудность передачи наблюдений, откуда малая действительность стрельбы.

С другой стороны, полковой артиллерии атакующего удастся разрушить один, два пулемета противника первой линии, но эти пушки малочисленны, снабжение их затруднено до крайности, а средства борьбы с ними многочисленны, они будут иметь так же много затруднений в стрельбе как общая артиллерия.

Наконец, на этой дистанции, благодаря дальности расстояния, еще нельзя применить винтовок для стрельбы гранатами, а если бы расстояние и позволяло, то для корректирования стрельбы этих винтовок нужно открывать себя, т. е. подставлять под огонь противника с близкой дистанции.

Пехота атакующего вынуждена таким образом к продвижению на дистанцию, где бы она могла использовать огонь своих машин: она заляжет под перекрестным огнем пулеметов обороны.

Конечно, мы уже разрушили несколько пулеметов противника, но опыт говорит, что, если остались только некоторые из них, этого будет вполне достаточно чтобы остановить самое решительное наступление.

Впрочем, даже при условии проникновения через первую линию, пехота все же будет находиться в аналогичных условиях перед следующей линией.

Борьба будет изнурительной и длительной—такое положение часто встречалось в течение 1918 года.

Использовать артиллерию в этой борьбе не удастся. Чтобы ее применить по пулеметной завесе, нужны тщательные подготовления; хотя выдвинуто требование артиллерии, чтобы она душила всякие признаки жизни пулеметов, это требование остается вне достижений: снабжение снарядами слишком затруднительно.

Впрочем, толковый противник как раз будет стремиться к тому, чтобы атакующий израсходовал свои зарядные ящики против его пулеметной завесы.

Самое большое затруднение—это отыскать среди этой завесы, определенные цели для стрельбы; на расстоянии их найти невозможно, поэтому их нужно искать на месте из первой линии атакующего.

При изучении всех средств помощи пехоте в таких случаях, казалось бы, что можно было остановиться на танках.

Но в современных условиях, инструкция по применению танков предусматривает эту задачу исключительно для мелких танков, ограниченных в числе: на самом деле их слишком мало, чтобы удовлетворить требования всех выше рассмотренных задач; они слишком дороги, чтобы можно было подвергать их верным потерям, поэтому их задачи действовать против основной линии сопротивления противника.

Таким образом, мы пришли к необходимости изучить условия, которым должны удовлетворять блиндированные машины, поставленные на гусеницы, которые находятся в органической связи с пехотой и способны дать опору в ее борьбе в вышеуказанных условиях.

Эти условия вытекают из их тактического применения; было бы вполне достаточно, чтобы эти машины вмешались в борьбу в тот момент, когда прикрывающие части или первая линия пехоты будут остановлены в сотне метров от завесы, состоящей из пулеметов противника.

Как только эта завеса будет прорвана совместно с эшелонами огня, эти блиндированные машины могут пропустить через себя пехоту или же возвратиться для снабжения, с тем, чтобы вновь вмешаться в борьбу в аналогичных условиях.

Таким образом действие этих машин будет накоротке и ограничено по времени.

Эти машины должны следовать тотчас же за пехотой и спокойно должны перевозиться между линиями огня. Поставленные на землю в момент необходимости, они быстро должны передвигаться собствен-

ными средствами в местности средне-изрытой снарядами—обыкновенное условие действий подобного рода.

Таким образом нужно, чтобы эти машины были много легче всего того, что предложено до сих пор техникой. Это соображение особо полезно, если вспомнить, что танки будущего предвидят все большую и большую тяжесть.

Технические данные, отвечающие этим условиям, могут быть следующие:

Вес.—Вес не может превосходить двух тонн.

Основные элементы, принятые в расчет при определении веса, будут: экипаж, бронированный ящик, мотор, вооружение и припасы, приспособления для передвижения.

Экипаж.—Столь легкий аппарат может управляться только одним человеком, почему и на вооружении его может быть только один пулемет.

Прикрытие.—Бронированный ящик должен обеспечивать от пуль пехоты и разрыва снарядов. Это обеспечение будет усиливаться соответствующей формой ящика, скоростью движения и малой видимостью аппарата.

Высота.—Последнее условие требует малой высоты: 1,50 метра это будет максимум, да и то при условии устойчивости аппарата.

Длина.—Малая высота аппарата вынудит водителя аппарата находиться в положении лежа, почему длина ящика должна быть 2,50 метра.

В этом положении водитель будет иметь перед собой ручки для управления мотором и пулеметом, а сзади его будут педали для управления направлением.

Преодолимости.—Местность, на которой этому аппарату придется действовать, в общем, не будет содержать широких препятствий. Центр тяжести этого аппарата должен иметь возможность перемещаться назад и тем позволять преодолевать высоту до 1-го метра, что будет соответствовать встречаемым препятствиям.

При наличии более широких препятствий он должен будет искать проходов или же высылать рабочих для установки зацепа.

Ширина.—Ширина до 1,20 метра вполне будет достаточна для этой машины и вполне обеспечит удобство движения и поворотов на пересеченной местности.

Скорость.—Скорость должна быть несколько больше, чем у пехоты на всякой местности: от 6 до 8 километров на обыкновенной местности, 3—4 километра на трудной.

Мотор.—Для реализации такой скорости необходимо установить мотор в 8 или 10 лошадиных сил; он будет установлен в задней половине ящика.

Обеспеченность горючим.—Ограниченность применения во времени позволит остановиться на четырехчасовом обеспечении горючим.

Гусеницы.—Достаточно двух цепей, если возможно,—каучуковых, чтобы уменьшить общий вес.

Вооружение.—Нельзя надеяться на вооружение подобной машины чем либо другим кроме пулемета, который вполне обеспечит успех борьбы против такого же оружия противника.

Пулемет будет укреплен под блиндированным прикрытием, давая ему возможность вертикального и горизонтального обстрела.

Снабжение 1500 патронами позволит удовлетворить все нормальные потребности.

Поле видимости.—Малая высота допустит осуществление ограниченного поля видимости, применение перископа позволит его несколько расширить. Это поле видимости, впрочем, будет вполне достаточно, чтобы сохранить правильное направление.

Запор.—Закрываться этот аппарат может или при помощи двери или же люка.

Приток воздуха может достигаться через вентилятор, приводимый в действие мотором и комбинированный с сетками над щелями наблюдения.

Обеспечение от газа.—Это обеспечение может быть достигнуто индивидуальной маской, но предпочтительней пользоваться сгущенным кислородом.

Управление машиной.—Управление будет достигаться педалью, действующей на цепь.

Водитель во время может остановить или пустить свой аппарат, обеспечив ему направление.

Он управляет своей машиной, как летчик на моноплане-истребителе с мертвой установкой пулемета.

Перевозка.—Аппараты нормально будут следовать на колесах и находиться в боевом обозе.

На пересеченной местности они могут быть перевозимы на повозках Кегресс*).

Организация.—Аппараты будут составлять органическое целое с пехотой;—они будут на одинаковых основаниях с прочими машинами сопровождения. Изолированная работа водителя аппарата требует солидных кадров. Первоначальная боевая ячейка может состоять из трех аппаратов, включая и командирский.

Считаясь с полем их видимости, аппараты могут действовать на фронте шириной до сотни метров; таким образом группа в три аппарата приблизительно может обслужить фронт одной роты первой линии.

Полк, имеющий два баталиона в первом эшелоне, а в каждом баталионе две роты в эшелоне огня, будет иметь потребность в двенадцати аппаратах: такая численность будет достаточной в большинстве случаев.

Нужно, по крайней мере, стараться, чтобы в будущем каждый полк был обеспечен таким числом аппаратов.

*) Специальные повозки.

Но необходимо помнить, что такую организацию трудно осуществить, особо в начале, по следующим причинам:

Недостаток аппаратов ввиду трудности изготовления.

Затруднения в введении этих аппаратов в пехотные полки во все время пока в них будут отсутствовать автомобили; впрочем предполагавшееся применение повозок Кегресс устранит это затруднение.

Необходимость в избранном техническом персонале.

Ввиду всего этого, части, составленные из подобных аппаратов, могут быть принадлежностью дивизии и могут придаваться приказами соответствующим полкам пехоты.

Установленная потребность полка в двенадцать аппаратов при такой организации должна быть увеличена до двадцати четырех, чтобы удовлетворять потребности двух полков первой линии.

Способы применения—Аппараты действуют в полной согласованности с пехотой. Они должны применяться всегда существующими организационными единицами.

Они могут быть переданы для выполнения определенных задач полкам первой линии, после чего они удаляются.

Момент их перехода в распоряжение пехотных полков определяется обстоятельствами боя, в частности боевой разведкой.

Во время сближения они будут следовать или на колесах или на повозках Кегресс в обозе первого разряда пехотных полков, которым они приданы.

В момент входа в дело они переходят на гусеницы.

Наименьшее соединение, которому они могут быть приданы, будет рота. Они должны достигнуть этих рот собственными средствами.

Они двигаются вместе с эшелонами огня, наступая в группировке, обеспечивающей надежную опору, например, эшелонами или в треугольнике.

Всякая группа, действующая в ограниченном районе, должна уничтожить все пулеметы противника, действуя по методу легких танков.

Окончив свою задачу, они или занимают исходную позицию или же возвращаются к позиции снабжения.

Дискуссия—Можно задаться вопросом—оправдаются ли расходы в людях, материалах и деньгах на постройку и применение подобных аппаратов.

Рассмотрим сначала расходы в людях:

Прежде всего, расход падет на экипаж аппаратов, и здесь дело будет не в численном расходе обыкновенных людей, но людей с выдающейся храбростью и выносливостью; это последнее обстоятельство все же не должно нас беспокоить, так как людей подобного рода достаточно найдется во французском полку.

Но необходимо помнить, что эти люди должны быть высокой технической ценности.

Эта двойная издержка будет ли покрыта увеличившейся мощью пехоты? Кажется, что можно ответить вполне утвердительно. Дей-

ствительно существует правило, что численность данного об'единения может уменьшаться, в соответствующей пропорции, как только увеличивается его материальная обеспеченность.

Если мы обратимся к расходу артиллерийских припасов, то увидим, что в конечном счете этот расход уменьшится.

Наконец, опыт конца войны, главное, опыт маневренной войны, указывает, что их применение потребуется почти ежедневно, в различных фазисах боя. Можно также определенно указать, что применение этих аппаратов значительно сохранит пехоту, избавив ее от излишних потерь.

Эти аппараты не являются танками; эта пехотная машина того же самого порядка, как и 37 м.м. пушка; так же как эта последняя была вызвана к жизни не для замещения артиллерии, так и эти ползающие пулеметы не призваны замещать танков.

Экономия людей, снарядов, времени, которая последует от применения этих машин, вполне компенсирует денежные расходы по изготовлению этих машин и по их обслуживанию.

Будущее.—Впрочем эти машины, проектируемые в условиях современной техники, могут быть изменены с ее усовершенствованием.

Можно предвидеть появление более легких моторов, которые облегчат и расширят случаи применения этих машин.

Прежде всего это даст большие удобства и большую ловкость водителю аппарата.

Сверх того, это позволит усовершенствовать оборудование аппарата:

1. Более усовершенствованное приспособление для установки опоры при прохождении по пересеченной местности.

2. Усовершенствованную воздушную помпу, приспособленную к работе в зонах чистого воздуха для заполнения сжатым воздухом резервуара с тем, чтобы при прохождении газовой зоны герметически закрывать аппарат. Это же усовершенствование позволит преодолевать водные пространства с ограниченной глубиной.

3. Электрическое освещение, допускающее пользование соответственно установленной буссолью и, как следствие—направление аппарата в любых обстоятельствах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В данный момент, в обстоятельствах, указанных в начале этой статьи, пехота предоставляется сама себе; опыт конца войны 1918 года указывает, что она не может вести борьбу в этих условиях с большими потерями в людях и времени, эта борьба не всегда дает уверенность в успехе; есть существенная необходимость в непосредственной поддержке.

Поиск средств этой поддержки представляется так:

Машина, рассмотренная в вышеизложенном этюде, несмотря на все затруднения в реализации, разрешила бы в известной степени все затруднения боя в указанных выше условиях.

Во всяком случае есть необходимость заняться изучением этого вопроса.

В. Микулин.

„Архиереи" конницы *).

От сомкнутых строев эпохи трехлинейной тактики и боевых порядков симметричными „ящиками"—к разжиженным, эшелонированным в глубину современным строям, к действию тактическими группами на широком фронте; от исключительного пользования саблей и пикой—к широкому применению комбинированного и даже пешего боя при могучем содействии всех современных огневых и технических средств; от узко ударных тактических действий целыми дивизиями, на „пятачке" отдельных полей сражений—к простору самостоятельной оперативной работы на флангах и в тылу противника с решающим значением в масштабе крупных операций—таковы крайние этапы на пути эволюции конницы, как рода войск, за период свыше столетия.

Этот беглый обзор, сам по себе, является, разумеется, весьма неполным и совершенно еще недостаточным для определения истинной сущности происшедшей эволюции, завершаемой ломкой взглядов на боевое использование конницы после войны 1914—1918 г. и особенно после нашей гражданской войны.

Тем не менее даже такая беглая и недостаточная обрисовка позволяет сделать известные выводы, один из которых будет следующий: поскольку сейчас роль и задачи конницы, как рода войск, а также и методы ее боевой работы далеко не те, какими они являлись прежде—постольку естественно не могло не подвернуться переоценке и тактическое и оперативное значение различных кавалерийских соединений. Отсюда вытекает необходимость таких организационных изменений в этих соединениях, которые обеспечили бы им наибольшую способность к выполнению задач, стоящих перед ними в современной боевой обстановке.

Практически вопросы организации конницы и пользуются завидным вниманием, как дискуссионная тема, далеко еще, повидимому, не исчерпанная даже в принципиальной плоскости, ибо существующие организации по ряду соображений нельзя считать равнодействующей этих дискуссий.

Уловить ее тем труднее, что разрешение этих вопросов имеет в большинстве случаев национальное преломление и находится в прямой зависимости от ряда суб'ективных соображений, специфиче-

*) В дискуссионном порядке.

ских для данной нации. Сюда относятся и особенности вероятного театра войны и, отчасти, характер организации вооруженных сил возможных противников; главным же образом влияет на решение численность своей конницы и существующие взгляды на ее использование, последнее, в большинстве случаев, как результаты собственных достижений в мировую войну, а иногда по опыту других держав, принимавших в ней участие.

Характерные для военной мысли поиски „доктрин" оказываются в интересующем нас вопросе не без существенного влияния, предрешая известную однобокость решения, как общий результат предрешения вообще.

Для нашего военного строительства такой подход к делу, конечно, неприемлем. В основу наших соображений должны лечь, мы полагаем, исключительно общие данные, определяющие собой в результате опыты двух последних войн, современные методы боевой работы и задачи конницы. На основе этих данных необходимо тщательно изучить возможные организационные формы в смысле их *всесторонней* гибкости и приспособленности к разрешению самых разнообразных задач. Критерием здесь явится уже не какая нибудь доктрина, а соображения о самых неожиданных боевых перспективах, могущих встать перед Красной Армией, как перед авангардом мировой революции.

С точки зрения такого подхода к делу мы и попытаемся осветить вопрос об одном из соединений конницы—*неотдельной* бригаде.

Многих читателей вероятно удивит то обстоятельство, что мы ставим вопрос о неотдельной бригаде самостоятельно, не пытаясь связать его с вопросами организации следующего высшего соединения—кавалерийской дивизии.

Такое недоумение следует признать естественным, если рассматривать бригаду лишь как *промежуточное*, чисто организационное, соединение. Но именно этот то взгляд нас совершенно не удовлетворяет, и против него мы и об'являем поход на столбцах этой статьи.

Вопрос о троечной организации кавалерийской дивизии следует признать у нас принципиально решенным, и решенным несомненно правильно; таким образом, казалось бы, что теоретически спорными остаются вопросы о числе сабельных эскадронов в полку (4, 5 или 6) и вопрос о количестве полков в бригаде (2 или 3 или больше).

Практически же последний вопрос ставится обычно несколько иначе, выливаясь в дискуссию на тему о желательном количестве *полков в дивизии* и даже о *числе эскадронов в дивизии* (24, 30, 36 и даже 54—т. Катовский), причем вопрос о числе эскадронов в полку ставится особо.

Прямым последствием такого подхода является то, что организация бригады предрешается не соображениями целесообразности а результатом арифметических манипуляций над общим и частным числом эскадронов.

Как ни досадно, но приходится отметить, что этот или аналогический подход к делу—обычный; по крайней мере, участвуя неоднократно в обсуждении подобных вопросов, нам ни разу не пришлось констатировать чью либо попытку осветить их иначе. Зато приходилось весьма часто устанавливать ряд возражений на наши предложения по этому поводу.

Между тем, казалось бы, что в наши дни подход к этим вопросам должен быть несколько иной.

Один из них—вопрос о числе эскадронов в полку и о силе самих эскадронов имеет, безусловно, *совершенно самостоятельное* значение; то или иное его решение должно вытекать из удобств управления и командования полком, *как таковым*, а также из соображений о необходимой (с той или иной точки зрения) механической его силы.

Решение по этому вопросу ни в какой мере *не может и не должно* предрешать дальнейшей группировки в пределах дивизии.

Раз вопрос о последней, как о наименьшем стратегическом соединении, решен одновременно с принятием прочной ее организации, то открытым остается лишь вопрос об организации бригад, т. е. вопрос о количестве полков, подлежащих включению в состав бригады.

Эти соображения должны разрешаться *совершенно независимо* от количества эскадронов в полку, так как полк, каков бы ни был его состав, все же остается только основной строевой единицей (определение кавалерийского совещания *).

Ведя счет не на эскадроны, а на единицы и считая таковыми: стратегической (или оперативной)—дивизию, тактической (или оперативно-строевой, по определению кавалерийского совещания) бригаду и строевой—полк, мы увидим, что количество полков в дивизии определяется числом их в бригадах, а никак не наоборот, и что организационные вопросы бригад не только могут, но и должны рассматриваться *совершенно* самостоятельно, исходя из соображений о боевом значении бригады, как одной из тактических единиц дивизии.

Такая постановка вопроса не страдает никакой натяжкой и позволит прийти к действительно практическим и обоснованным выводам.

Расчет же на эскадроны или подобный ему **) для соединений свыше полка следует признать в настоящее время совершенно устарелым. Давая в отношении *высших соединений* лишь грубое представление обих *механической численной* мощи и совершенно не определяя гибкости и мощности *оперативной*—этот расчет был хорош во времена трехлинейной тактики и должен был отойти в вечность вместе с принципами последней. Сохранившись, однако, в оперативных и разведывательных сводках ***), этот способ исчисления сумел уцелеть

*) В г. Москве в апреле 22 г. Статья по техническим причинам печатается со значительным запозданием. *Ред.*

**) Расчет на „сабли".

***) Где он представляет известные, чисто статистические, удобства, также, как и расчет на „сабли".

и в повседневной практике. Между тем для всякого кавалериста, знающего историю своего рода войск и внимательно следящего за эволюцией, должно быть ясно, что с отказом от трехлинейной тактики и с переходом к действию командными тактическими единицами, во всех расчетах высшего начальника главное значение приобретают *именно эти единицы* и учет их непосредственной мощи, а отнюдь не отдельные эскадроны и даже полки, поскольку они ни теми, ни другими *непосредственно* не руководят и руководить не должны и не могут.

Определение бригады, как наименьшей (основной) тактической единицы мы встречаем не только в тезисах кавалерийского совещания, но и в литературе, как нынешней (Шапошников), так даже и довоенной (Бернгарди, Матковский и др.). Таким образом имеются все данные утверждать, что это определение не случай, а вполне подтвердившееся опытом последних двух войн. Усмотренное и правильно понятое отдельными прозорливыми исследователями, значение бригады в практической действительности и по сие время просмотрено и недооценено, а вопросы ее организации ни разу даже, насколько нам известно, не служили темой специального обозрения на столбцах печати.

Предпринимая ныне такое обозрение с твердой уверенностью в его необходимости и своевременности, мы рассчитываем, что авторитетные товарищи по оружию не откажут высказать и свое мнение по этому вопросу. Наша цель будет достигнута, если возбуждаемая дискуссия выявит наконец все дефекты существующей у нас организации бригады и будет способствовать их устранению.

Мы считаем также, что она будет весьма полезна, как способ выявить и настоящее значение командира бригады и задачи, стоящие перед ними, как в боевой, так и в мирной обстановке и, наконец, реальные возможности, предоставляемые ему для выполнения этих задач.

Мы твердо стоим на той точке зрения, что все эти вопросы загнаны как самым отношением к ним, так и существующими штатами в безусловный тупик и что колоритное сравнение командира кавалерийской бригады с „архиереем", мирно управляющим своей „епархией" свидетельствует, не только об остроумии, но и о безусловной наблюдательности неведомого автора. Всего же обиднее то, что это сравнение не ново—мы помним его еще в дореволюционное и даже в довоенное время, лет этак с 15 тому назад... И глухой же „медвежий" угол, эта бригадная „епархия", куда не докатились и по сию пору волны новых веяний и нового строительства.

Обращаясь к непосредственному выполнению взятой на себя задачи, мы считаем уместным предупредать читателей, что мы гораздо ближе соприкасаемся в отношении взглядов на настоящее и будущее конницы с талантливым автором кавалерийских очерков—т. Шапошниковым, нежели с некоторыми авторитетными участниками кавалерийского совещания. Отнюдь не потому, конечно, что названный труд,

вполне современный и законченный, представляет конкретное выражение определенного и авторитетного взгляда, к которому именно поэтому удобнее и легче всего „присоединиться".

Меньше всего это. Просто наш личный опыт продолжительного командования бригадой на гражданском фронте приводит нас к убеждению, что автор „Конницы" в своих поисках истины сумел весьма близко к ней подойти, а в некоторых своих выводах и просто указал на нее перстом.

В частности, мы совершенно солидарны с т. Шапошниковым в вопросе об ограничении чисто тактического использования конницы непосредственно на поле общего боя масштабом бригады; вполне соглашаемся мы с ним и в отношении ограничения тактической деятельности конницы вообще и необходимости отдать предпочтение использованию ее при этом в крупных массах в области самостоятельной оперативной работы в рамках целых операций.

Мы сочли себя обязанными подчеркнуть эти места для того, чтобы раз навсегда исключить возможность неправильного толкования идеологической стороны нашей статьи и определить ее сущность. Чем больше оно вызовет возражений,—тем лучше и мы определенно ждем их от наших авторитетных оппонентов по кавалерийскому совещанию.

Считая, что наш подход к делу достаточно выявлен, мы перейдем к конкретному разбору интересующего нас вопроса, начиная с наиболее общего и частого случая—участия бригады в бою, ведомом дивизией самостоятельно, в отделе от своих войск (рейд, действия на флангах).

При этом все наши последующие соображения остаются в силе и на случай столкновения с конницей противника, что будет нами более обстоятельно мотивировано ниже.

Обстановка самостоятельных действий, вполне представляя дивизию в оперативном отношении самой себе и собственным силам, выдвигает для начальника ее необходимость особенно-внимательно отнестись к основному правилу—выбросить в боевую часть сразу достаточное количество войск для приобретения если не численного (огневого) перевеса, то, во всяком случае, инициативы действий. Особенно важно это будет в бою, типичном для самостоятельных действий крупных масс конницы.

Одновременно начальнику дивизии необходимо будет подумать и о выделении с места достаточно сильного резерва при этом не в ущерб боевой части.

Обычно известная неопределенность обстановки и недостаточность сведений о противнике, в большей или меньшей мере неизбежные при завязке всякого боя, а тем более встречного, предрешат распоряжения начальника дивизии в том смысле, что $^2/_3$ пойдут в бой, а $^1/_3$ останется в резерве, против чего, в частности, при троечной организации дивизии, возразить принципиально ничего и нельзя. Это удобно сохраняет ненарушимость организации и командования выделяемых

единиц и обеспечивает разумное соотношение силы боевой части и резерва.

Для кавалерийской дивизии*) это будет означать практически выделение в боевую часть 2-х бригад, с известными частными тактическими заданиями, связанными между собой общими намерениями начальника дивизии; одна бригада останется в дивизионном резерве.

Считая, кроме того, что стратегическая конница выступит во всеоружии того технического арсенала, который навязывается ей действительностью сегодняшнего дня, можно полагать, что часть его будет придана с места бригадой боевой части, придача каждой из этих бригад одной из батарей артиллерийского дивизиона будет уже правилом.

Впрочем, это же случится, несомненно, и с техническими средствами, так как оставление их, особенно при завязке боя, целиком в руках начальника дивизии будет явно нецелесообразно**).

В общем и целом надо считать, что командир неотдельной бригады будет стоять перед необходимостью решить свою задачу самостоятельно, находясь во главе известного числа сабель (винтовок), пулеметов, орудий и, предположительно, бронемашин, если не легких танков; при этом всем этим силам практически всегда придется удалиться в процессе маневрирования на известное расстояние от ядра дивизии, иногда даже за пределы взаимной огневой связи.

Эта обстановка имеет весьма мало общего с той, при которой приходилось действовать командиру бригады доброго старого времени, когда все поле боя кавалерийской дивизии, с ее массами волнующейся конницы охватывалось подзорной трубой старшего начальника, расположенного со своим штабом где нибудь на бугре.

Ад'ютанты накоротке развозили приказание о движении тех или иных частей в атаку. Во всей этой игре командир бригады был лишь той декоративной фигурой, которая была нужна с саблею в руке впереди атакующих полков. Проявления личной инициативы никакого не требовалось, да и не было нужно, ибо система ящичных боевых порядков с готовыми формами и полное отсутствие тактического маневрирования, сводившегося лишь к смене линий, механически исключало бы ее необходимость.

К этому остается добавить, что слабая действительность огня того времени и ряд других причин настолько с'уживали площадь поля боя, что бригадам негде было и разойтись, и кроме прямолинейного устремления вперед от них ничего и не требовалось.

При этих условиях организационная структура бригады не имела сколько либо существенного значения. Это было ударное соединение, чисто промежуточного характера, больше, чем полк и меньше, чем дивизия. Как таковое оно и расценивалось, функции командира бри-

*) При действиях в составе кавал. корпуса картина будет та-же.

**) „Бригады и дивизии должны быть обильно снабжены вспомогательным оружием и притом так, чтобы каждая бригада представляла тактически самостоятельную единицу (Бернгарди „о войне будущего. стр. 82)“.

гады исключали необходимость иметь при нем каких либо лиц, кроме пары ад'ютантов на кровных лошадях, декоративных, умеющих слепо исполнять приказания и лихо владеющих саблей.

То обстоятельство, что ныне существующие штаты предусматривают организацию бригады в *том же точно виде, как и 100 с лишним лет тому назад*, т. е. в составе 2-х полков с командиром бригады, при одном (даже урезано) порученце во главе—позволяет нам совершенно не рассматривать последовательной эволюции этих форм и прямо перейти к оценке их с точки зрения современных условий.

В отношении самой бригады мы коснемся исключительно элементов ее постоянной организации, т. е. полков, так как считаем, что все прочее (артиллерия, технические силы), придается путем выделения его во временное оперативное подчинение командира бригады из общедивизионной организации.

Если бои далекого прошлого ставили перед бригадой лишь задания ударного характера накоротке (тока) с саблей в руках, то сейчас, как указано выше, ей придется уже самостоятельно решать определенные задачи, широко маневрируя и прибегая к использованию не только уже сабли, сколько всех огневых средств, имеющихся в ее распоряжении.

При этом действительность и дальность современного огня и все, вообще, особенности современного поля боя настолько расширяют его маневренную зону даже в масштабе боя дивизии, что бригада сплошь и рядом скажется на положении отдельно действующей тактической единицы, связанной с прочими частями дивизии лишь общими предположениями начальника дивизии и принципом взаимной маневренной выручки; что же до огневой связи, то ее может сплошь и рядом не оказаться.

Коль скоро это так, то перед командиром бригады встают, хотя и в меньшем масштабе, те же вопросы, что и перед начальником дивизии, т. е. вопросы о силе боевой части и ее резерва, а дополнительно еще и ряд других—о прикрытии к батарее, о выдвижении боевой разведки и т. п.

И решая эти вопросы, командир 2-х полковой бригады оказывается с места же скован по рукам и по ногам всей отсталостью этой организации.

В самом деле, выделение по одному полку в боевую часть и в резерв было бы к моменту завязки боя, в особенности, явно нецелесообразно. Бросить в боевую часть оба полка нельзя. Невольно командиру бригады приходится ломать основную строевую организацию *) и выделять в боевую часть несколько больше полка, используя оставшуюся часть другого полка на образование бригадного резерва и выделяя из них, кроме того, прикрытие к артиллерии, боевые разряды в свое распоряжение и проч.; расходы эти необходимы, а наряжать

*) Т. е. явно нарушать прямое указание ст. 467 полевого устава.

больше неоткуда, так как всякое дальнейшее ослабление и без того слабой боевой части просто опасно.

Отсюда ряд ненормальностей, а именно: 1) за вычетом необходимого расхода (боевая разведка, прикрытие и т. п.) от теперешнего пяти эскадронного полка останется не более 4 эскадронов.

Нарядить в боевую часть меньше половины этого количества не имеет вообще никакого смысла. Считая, что вопрос этот будет решен именно так, мы видим, что резерв никогда не будет больше 2-х эскадронов, т. е. 192 сабли или 128 спешенных винтовок при 8 авторужьях.

Это в том случае, конечно, когда число рядов будет полное (штатное), но когда и где это было? Мы лично таких случаев не знаем и что-то мало верим в их возможность.

При этих условиях „резерв“ никакого абсолютно боевого значения иметь не будет, тем более в сериозном деле.

Помимо всего следует учесть еще и то, что такой резерв, как соединение, носит чисто случайный характер и возглавляется случайным (непостоянным) начальником со всеми вытекающими из этого последствиями.

В конце концов мы видим, что резерв командира 2-х полковой бригады практически представляет из себя не более, как горсточку всадников, скорее личный конвой, нежели тактическую единицу и которую по этим соображениям всего целесообразнее было бы сразу же бросить в дело—т. е. начать таковое вообще без резерва.

В этом положении нам лично приходилось неоднократно бывать на практике.

2) Боевая часть не в лучшем положении. Считая, что она, в свою очередь, разложится на отдельные, более мелкие, боевые группы, мы убедимся, что серьезное значение будет иметь только одна из них—полк, брошенный в полном составе, во главе с командиром полка; другая группа—оставшиеся 2 эскадрона второго полка, точно также как и резерв, серьезного значения не имеет.

Эти соображения, сплошь и рядом, заставляют командира бригады ампутировать всю идею операции за невозможностью разыграть последнюю так, как это следовало бы. Вообще отсутствие другого выхода придает действиям двухполковой бригады шаблонный характер „войны дивизионов“, что в условиях современного боя нельзя назвать иначе, как постыдной нелепостью, бесповоротно осуждающей на гибель идею двухполковой бригады*).

Приведенные соображения не являются, однако, единственными на пути к такому выводу, ибо мы лишь бегло очертили общую схему

*) А каково было в гражданскую войну, где полки имели 4-х эскадронный состав. Общая численность таких бригад доходила в силу некомплекта до 300—400 сабель всего на всего. Ясно, что такие ненормальные условия работы ни в какой мере не могли способствовать оттенению соврем. значения бригады и личности ее командира, хотя самые условия ведения боя всячески выдвигали это значение, так и не оправданное по сию пору в глазах многих старших начальников во многом в силу организационных ненормальностей.

боя дивизии. Эта схема имеет много частностей, лишь подкрепляющих наши доводы.

Так, например, уместно упомянуть об нормальном, но, к несчастью, все же весьма частом случае, когда крупное кавалерийское соединение оказывается втиснутым на общем фронте армии между пехотными соседями справа и слева в пределах известных разграничительных межей, получая таким образом определенный „участок“.

Этот способ использования конницы, являясь бичем ее во всех отношениях, тем не менее широко практиковался в гражданскую войну, отчасти в результате непонимания свойств конницы, как рода войск, и неумения ее использовать, отчасти, как следствие недостатка в войсках для занятия несоразмерно больших участков фронта; нет никаких оснований категорически утверждать, что это явление не повторится и в будущем и с этой возможностью приходится считаться.

В таких случаях работа конницы приобретает совершенно специфические оттенки ввиду фронтальности боев на обычно укрепленных рубежах и невозможности надлежащим образом использовать свои основные качества, как рода войск. Сильная растяжка по фронту, как результат несоразмерности его с силой спешенных частей*), особенно затрудняет создание надлежащего эшелонирования в глубину в соответствии с упорным характером боев**) обычно против пехоты противника и в остальном в „пехотных“ условиях, характеризующих такие операции.

Действия бригад в этих случаях приобретают особенное значение, работа же протекает в крайне тяжелых условиях, так как частные, резервы в такой обстановке особенно важны, их же фактически нет и командиру бригады приходится думать исключительно о том, чтобы не откатиться. О серьезном наступлении, очень часто требующем в этих случаях даже штыкового удара, думать уже не приходится, и всякое развитие даже случайного успеха становится невозможным.

Следует напомнить, что в порядке именно такого применения конница получала задания по сведению не только известными рубежами, но даже отдельными укрепленными пунктами и районами, форсировала реки и т. п.; все это говорит за то, что ее работа в таких условиях должна быть облегчена, и это может быть достигнуто лишь в порядке намечаемых нами мероприятий.

Можно указать еще ряд моментов, когда кавалерийская бригада, действуя в составе дивизии, окажется в значительной мере предоставленной самой себе, по крайней мере при завязке боя, т. е. в весьма ответственную минуту.

Это всегда случится при завязке боя с похода в том случае, когда дивизия будет итти на широком фронте несколькими колоннами (нормальный случай).

*) Явление естественное ибо разница в боеспособности в этих условиях кавалерийской и пехотной дивизии почти никогда не учитывается и участки даются огромные.

**) Бернгарди, напр., считает (О войне будущего), что это эшелонирование в глубину потребуется такое же как и в пехоте, и он несомненно прав.

Последними явятся обычно бригадные колонны и это обстоятельство еще раз выдвигает значение их самостоятельности.

Особенно же остро чувствуется потребность последней в условиях рейда—этого отныне типичного способа использования стратегической конницы.

Здесь сплошь и рядом начальнику дивизии придется *выделять* бригады на значительные расстояния*), исключающие возможность оказания им какой бы то ни было помощи.

Нам лично приходилось, командуя, бригадой, получать и выполнять задания по овладению отдельными пунктами и даже городами в 25—30 верст от района действий главных сил дивизии, находившихся свыше 100 верст в тылу противника. В этой обстановке приходится особенно резко перечувствовать всю прелесть 2-х полковой организации и нам памятен характерный случай, когда для обеспечения предстоявшей нам операции к бригаде был придан.... еще дивизион, взятый от другой бригады. Этот выход был по условиям обстановки единственным но о ненормальности, его со всех точек зрения говорить не приходится, приведенный случай сам по себе кричит о необходимости коррективов к организационным шаблонам „гусарского“ прошлого. Мы привели лишь один пример—а сколько их можно было бы привести еще....

Кроме всего уже сказанного, необходимо напомнить также, что на долю стратегической конницы, помимо ведения в различных условиях боя, как таковового, приходится выполнять еще и ряд специальных задач в частности вести дальнюю разведку.

Эта же служба, если она будет доведена до максимальной интенсивности, потребует наряды в 2 эскадрона от каждой бригады**). Этот наряд может и увеличиться для тех бригад, которые окажутся выделенными в порядке ст. 120 Полевого Устава.

Если принять во внимание, что высланные разведывательные эскадроны далеко не всегда получают возможность *непосредственного* участия в бою, то можно прямо сказать, что картина такого боя бригады (2-х полковой), в котором она окажется выдвинутой вперед, не досчитываясь 2—3 эскадронов, будет самая печальная и явится просто на просто издевательством над идеей получения с боя нужных сведений.

Мы считаем возможным ограничиться приведенными примерами, как показателями того, что в современных условиях боя возрастает не только общее значение бригады, как тактической единицы, но и значение ее самостоятельности, как таковой, ввиду частой необходи-

---

*) Этого требует сама природа рейда, сфера влияния которого должна быть возможно более широкая и глубокая. Сверх того действия отдельных групп на значительном удалении от ядра рейдирующей конницы могут потребоваться как средство демонстрации следов.

**) Считая, что дивизия будет работать на фронте в 40—50 верст, выделяя 6 разв. эск. (от полка по 1).

мости возлагать на бригады задачи, приводящие к необходимой работе в отделе от ядра дивизии.

Эти моменты особенно выпукляются при работе дивизии в составе корпуса, так как боевое (оперативное) значение последнего в целом уже настолько серьезно, что бригада явится наименьшей единицей, могущей получать частные задачи в масштабе боя всего корпуса; из этого приходится делать вывод о весьма частом использовании бригад в отделе.

Это обстоятельство приобретает, особенно для нас, большое значение, так как корпусная организация стратегической конницы по всем признакам явится организацией ее у нас в военное время.

Ко всему уже изложенному остается добавить еще одно соображение, общее для всех случаев работы бригады и связанное с придачей ей технических средств *).

Это обстоятельство, приводя к известному об'емному разбуханию бригады, вызывает весьма реальное опасение того, что командир 2-х полковой бригады, выделив весь необходимый расход, не оказался бы в том положении, которое исключит возможность самого применения этих средств. Последнее требует от конницы, чтобы маневренные действия ея частей создали бы обстановку, допускающую выдвижение их, как одного из звеньев боевого порядка. Механическое же продвижение конницы за броневиками или танками вряд ли сможет иметь место и представится целесообразным разве в случаях явного преобладания спешенных действий, по аналогии с применением этих средств пехотой при наступлении.

В тех же случаях, когда высокая маневренная способность конницы и способность ее к удару в конном строю получат возможность развиваться в обстановке маневренного комбинированного боя—техническим средствам придется уже ловить момент для своего выступления и надо полагать, что „война дивизионов" даст очень мало таких моментов, не связанных с явным риском потерять все выдвинутые технические средства, как результат слабости и неустойчивости живых боевых групп бригады.

Все сказанное нами вполне подтверждает, на наш взгляд, то, что организационные изменения бригады, приводящие не только к увеличению ее тактической гибкости, но и к общему ее численному увеличению—напрашиваются сами собой.

Необходимость численного увеличения вызывается еще и особыми соображениями.

Если прежде увеличением численности кавалерийской части достигалось, главным образом, повышение коэффициента ее ударной мощи в конном строю, то сейчас, когда конный бой в чистом виде—скорее исключение, а основным видом боя является бой, комбинированный с частым преобладанием огневых оттенков—приходится думать уже о другом.

*) Броневики, быть может легкие танки. Бернгарди не исключает возможность придачи даже самолетов („О войне будущего" стр. 83).

Центр тяжести численного увеличения конных частей окажется уже не в увеличении числа сабель, а в увеличении числа винтовок и ручных пулеметов, т. е. в повышении коэффициента огневой мощи*).

Какие бы не велись споры о значении огня в бою конницы он есть и останется тем фактором, который один только и сможет обеспечить возможность конной атаки. При этом значение технических огневых средств нисколько не умаляет значение тех, которые имеются при себе в виде скорострельной или автоматической винтовки и ручных пулеметов. Именно эта способность моментально превращаться из рубящей живой силы в стреляющую и является ценнейшей способностью и особенностью конницы и глубоко заблуждаются те, которые мечтают, загрузившись (если не перегрузившись) техническими средствами, избегнуть тем самым спешивания, столь ненавистного „гусарским" идеологом, и вести бой только на кóне.

Странно, что указания на эти основные положения современного боя конницы, остающиеся в силе также и в случае боя ее с конницей, почему то всегда вызывают у многих чрезвычайное раздражение и град упреков в пехотных „тенденциях" и даже „профессиональной" измене(?).

Между тем, при трезвом и здоровом подходе к организационным вопросам эти положения нельзя не учитывать.

И не впадая в такие крайности, как те, которые проповедываются устами некоторых французских новаторов (Каррьер), а отчасти и старика Бернгарди**) следует признать, что стрелковым вопросам в коннице должно быть уделено самое серьезное внимание и в частности в сторону увеличения общего числа винтовок, к этим самым и числа штыков, отныне *равноправных с саблей*, как средства завершения боя конницы.

Из всех способов достигнуть этого наилучшим явится тот, который одновременно приведет и к устранению существующих и отмеченных нами недочетов двухполковой бригадной организации в тактическом отношении.

Решение мы видим *единственно* в признании необходимости *3-х полковой не отдельной бригады.*

Чего же касается до возможности видеть его в усилении личного состава эскадронов или числа последних в полках, а, тем более, в нагромождении технических огчевых средств, то мы решительно от нее отказываемся. Маневренная способность бригады от этого не выиграет, а пропадает так как маневренных единиц (полков) останется столько же (а мы уже видели, что этого мало), а сами они сделаются более грузными и менее поворотливыми.

*) Эта огневая мощь получит самодовлеющее значение в маловероятном, но все же возможном случае позиционной войны, где работа конницы будет вестись исключительно пешком.

**) Вся организация конницы основывается на равенстве спешенных частей конницы с определенными пехотными единицами, чем, в конечном, итоге определяется численность и структура конной части безотносительно до удобств такой организации в конном бою, который в расчет не принимается.

Что же касается технических средств, то они, при всей их огневой мощности, мало приспособлены к закреплению за собой выигранного пространства и рубежей. Для этой цели попрежнему нужна и долго еще будет нужна живая вооруженная сила и ее коннице надо искать в самой себе, так как всякие другие выходы—прикомандирование пехоте самокатчиков (Франция) и т. п., не достигая цели, увеличивают общую громоздкость.

Поэтому можно смело утверждать, что модное сейчас стремление отыграться на технике едва ли приведет практически к цели, и что последняя будет достигнута лишь тогда, когда конница получит возможность целесообразно сочетать собственные, достаточно мощные и тактически гибкие, действия с действиями технических сил.

Значение 3-х полковой организации бригады нам кажется в этом смысле неоспоримым.

Считая полк в теперешнем составе пяти эскадронов, по 12 рядов в каждом, мы имели бы в 3-х полковой бригаде 1420 винтовок *) (при обыкновенном спешивании при 48 тяжелых и 60 легких пулеметах). 1800 чистых сабель определяли бы собою удельный вес такой бригады, как фактора конного боя, а вся совокупность этих цифр—общую полезную боевую мощность такой бригады, которую нельзя не признать уже сериозной, особенно учитывая все придаваемые ей виды технических огневых средств.

Трехчленная же группировка этих сил сразу разрешала бы все вопросы, связанные с удобством дробления, ненарушимостью командования в маневренных единицах и проч.

Способность такой бригады к *самостоятельной* боевой работе не нуждается в доказательствах.

Мы отнюдь не претендуем на новизну мысли. Уклон в этом направлении можно найти в литературе времен 1910—1912 года (тот же Бенгарди, Мотковский и др.), т. е. еще тогда, когда взгляд на значение бригады только определялся в результате ломки старых „трехлинейных“ понятий о боевом использовании конницы.

Кое-где пожелания прозорливой военной мысли уже и претворились в жизнь. Германия после войны 1914—1918 г. г. перешла на трехполковую группировку в коннице (6 полков в дивизии). Италия имеет дивизию из 4-х бригад трехполкового состава. Англия сохранила свою довоенную трехчленную организацию стратегической конницы. В Польше мы встречаем (правда отдельные) 3-х полковые уланские бригады, но в военное время предположено сведение их в дивизии в том же составе. Таким образом, идея 3-х полковой бригады медленно, но верно завоевывает свои позиции, а тождественность решения у разных держав с совершенно различной военной идеологией должна заставить призадуматься. Характерно между прочим, что Польша, хотя и находящаяся в остальном под французским внушением, в деле организации конницы пошла все же своей дорогой, оче-

*) Включая отделенных командиров и помощников командиров взводов.

видно правильно учтя опыт войны с нами и значение конницы, как таковой, а не как придатка к техническому арсеналу *).

Не пора ли ли задуматься и нам над этими вопросами, отрешившись, хотя бы на это время, от гипноза всякой „гусарской“ эпохи. Как ни как, но перелом взглядов на боевое применение конницы имел место уже давно—лет 12—15 тому назад. Первая фактическая проверка его правильности—мировая война—не поспела со своими выводами к началу гражданской войны. Тем не менее можно установить уже к началу последней одну существенную организационную поправку—3 бригады в дивизиях вместо прежних 2-х. Сейчас, по окончании гражданской войны, уже проведена вторая поправка—отдельные кавалерийские бригады (прежде 2-х полковсго состава) содержатся в трехполковом составе.

Отсюда уже один шаг до признания необходимости иметь и неотдельные бригады в таком же составе. Но недавно об'явленными штатами стратегической конницы этот шаг не сделан и когда он будет сделан—сказать трудно, принимая во внимание, что кавалерийские вопросы дебатируются всегда особенно страстно, а решаются всегда очень медленно, причем решения эти в общем и целом страшно отстают от жизни.

Нельзя попутно не отметить того обидного обстоятельства, что кавалерийское совещание**) в Москве ничего не сделало для разрешения именно этого вопроса причем свое принципиальное отношение к нему ярко выявило 9 голосами, собранными в пользу наших доводов (правда сильно урезанные рамками *пятиминтного* слова на пленуме совещания). Казалось бы между тем, что кому, как не старшим начальникам, участникам гражданской войны, было прочувствовать всю ненормальность условий, в которых протекала работа их командиров бригад в этой войне, так резко подчеркнувшей значение маневра и будущее оперативное значение конницы.

Однако очевидное большинство участников совещания оказалось под гипнозом совсем других особенностей гражданской войны, чисто случайных с точки зрения развития военного дела, но, тем не менее, доставивших коннице возможность пожинать богатые лавры при таких методах работы, которым в будущем, конечно, не будет места. В этих методах под общим лозунгом их „братва, за мной“. Командиру бригады отводилось значение едва ли больше, чем 100 лет назад.

Не в этом ли следует видеть причину того безразличия, с которым совещание отнеслось к нашей попытке поставить вопрос о бригаде во всей его полноте.

Повторяя эту попытку сейчас, мы считаем, что ко всему изложенному добавить, в сущности, нечего.

Его необходимо лишь подытожить.

---

*) Французская организация—дивизия из 3-х бригад по 2 полка в каждой, с придачей ей артдивизиона, танкового отряда и роты самокатчиков.

**) В апреле прошлого года.

Итоги эти мы предлагаем вниманию читателей в следующей конкретной формулировке:

Общие условия боевой работы конницы сейчас настолько изменились, что неотдельная бригада приобрела, как тактическая единица, выдающееся значение, пред'являющее повышенные требования к ее маневренной гибкости и общей ее боевой мощи, главным образом в огневом отношении; кроме того оперативная работа конницы, превалирующая ныне над всеми прочими видами ее боевой деятельности, сплошь и рядом приводит к необходимости выделения бригад в отдел с особыми задачами, т. е. с функциями отдельной бригады, чем пред'является требование к достаточной оперативной самостоятельности *).

Исходя из этих соображений, подкрепляемых всей практикой последних двух войн и особенно гражданской войны, мы полагаем, что организация *неотдельной* бригады должна быть приравнена к ныне принятой 3-х полковой организации отдельной бригады во всем, исключая:

1) Штабного и снабженческого аппарата.

2) Артиллерийского и специального технического вооружения.

Последним неотдельная бригада должна снабжаться распоряжением начальника дивизии, по мере надобности, из дивизионных об'единений этих средств (артдив, танковые и броневые отряды).

Необходимо указать однако, что передача этих средств во временное оперативное подчинение командира бригады будет иметь место, как правило, из чего вытекает безусловная желательность и даже необходимость придачи бригадам всегда одних и тех же батарей, броневых или танковых отделений и проч., одним словом нечто в роде морального закрепления их за определенными бригадами, лучше всего в порядке №№.

Вопрос об аппарате управления неотдельной бригады будет нами особо рассмотрен ниже.

В числе ожидаемых нами возражений, несомненно, найдут себе место такие, которые можно предугадать уже сейчас.

В частности, нам безусловно скажут, что дивизия нашего типа (т. е. 3 бригады по 3 полка) слишком тяжела и *негибка*. Что касается до тяжести, то это понятие относительное. Гибкость же крупного соединения в наши дни определяется не способностью ловко маневри-

*) Маневренная гибкость и „оперативная самостоятельность" могут быть и без особого изменения ее боевой мощи. Вопрос лишь в способах, времени и месте применения всех средств борьбы, находящихся в распоряжении дивизии. Например: бой дивизии на узком фронте общего поля сражения (плотность полей возрастет) потребует концентрации всех средств борьбы, захват определенного пункта в тылу противника пред'явит те же требования, удержание опорного пункта в тылу противника, как исходного для работ мелких частей потребует сосредоточения всей техники для оборудования обороны. Все данные говорят за необходимость точно установить, какое соединение считать высшим тактическим для разрешения боевых задач с применением всех средств борьбы в данном пункте, в данный момент. Таким соединением, как удобоуправляемым будет выдвинутая автором неотдельн. бригада; она легко может быть создана путем сведения существующих бригад в полки. Для стратегических задач такие бригады могут быть сведены в корпуса.

ровать на пятачке, в пределах поля зрения бинокля и по команде или знаку, а *всесторонней* приспособленностью его в тактическом отношении, что возвращает нас к уже освещенному выше вопросу о значении маневренных единиц, т. е. бригад. Ничего нового здесь не скажешь, кроме того разве *видимое* отсутствие гибкости (?) может внушать опасение лишь тем, кто не понимает природы современного боя конницы и упорно продолжать видеть ее в образе молниеносной „мясорубки“.

Предвидим мы и такое возражение—мол де такая дивизия в одной колонне невыносима, в рейде же движение одной колонной типично, а посему и т. д., на это мы возразим, что типичным *для конницы*, при наличии маневренного простора является движение только несколькими колоннами; а поскольку это так и поскольку обстановка рейда, создает этот простор больше, пожалуй, чем какая либо другая —мы не видим ровно никаких оснований и в рейде отказываться от всех преимуществ движения несколькими колоннами, во имя „типичности“ марша в одной колонне. Типично будет то, что целесообразно, а таковым во всех случаях будет способ движения, механически приводящий к концентрическому охвату; но для этого нужны сильные колонны, не боящиеся остаться на время предоставленными сами себе —опять выдвигается значение сильных бригад и их командиров.

Вообще мы с нетерпением ожидаем возражений на наши доводы.

Обратимся теперь к вопросу об аппарате управления.

Существующие последние штаты предусматривают его в лице командира бригады и состоящего при нем одного „для поручений“.

Мы оговариваемся, разумеется, что наши соображения касаются 3-х полковой бригады. Применительно же к 2-х полковой они остаются в силе на том простом основании, что определяются они ролью и задачами командира бригады, природой современного боя конницы и фактической стороной работы бригады; при этом совершенно независимо, хорошо ли (3-х полковой бригады) или плохо (2-х полковая) может быть выполнена последняя. В отношении техники управления это ровно ничего не меняет.

Мы считаем необходимым дать некоторое пояснение нашего взгляда на природу современного боя конницы, поскольку это находится в тесной связи с нашим пониманием роли и задач командира бригады.

Мы воспользуемся для этой цели воспоминанием об энергичных и весьма резких нападках со стороны одного из наших высокоавторитетных оппонентов на кавалерийском совещании по поводу нашего предложения дополнить командный аппарат бригады помощником командира последней по оперативной части.

Это предложение оказалось понято, как желание оторвать командира бригады от его частей и приковать его к какому то „оперативному пункту“ (?), что и вызвало выявление точки зрения, сущность коей сводилась к тому, что командир бригады должен неотлучно

находиться при своих полках, ведя их лично в атаку, для чего никаких помощников и оперативных пунктов ему не требуется.

Этот взгляд пришелся очевидно по душе участникам совещания, и наше предложение было провалено.

Мы возобновляем его здесь, далекие от мысли сложить оружие и сдаться. Гони природу в дверь—она влетит в окно, говорит пословица. Нет несомненно ничего более принципиально верного в отношении природы боя конницы то, что она не с'умела вернуться в залу совещания именно этим путем после выступления нашего оппонента, то вероятно лишь потому, что окна по случаю зимнего времени оказались не только запертыми, но и замазанными.....

Мы имели уже случай указывать выше, что деятельность командира бригады, в духе нашего оппонента, мыслится нам, как образ красивого, но далекого прошлого.

Возможно и она в этом виде сейчас, когда командир бригады—уже ответственный начальник отдельной тактической группы, вполне самостоятельный в выборе способов решения поставленной ему задачи и имеющий в своем распоряжении не только артиллерию, но и технические средства.

И имеет ли он фактическую возможность лично предводительствовать, *как правило*, атаками и действиями всех этих частей? А если и имеет, то всегда ли это целесообразно? А если нет, то не должен ли командир бригады подумать, помимо командования, еще и об организованном *управлении совместными действиями* подчиненных ему сил? И если наконец—да, то хватит ли на это его персональных усилий в условиях действия бригады на широком фронте, где личная отдача словесных распоряжений окажется не всегда возможной?

Правда, у командира бригады имеется порученец, но его значение ничтожно—это не более, как ответственный ординарец. Невольно чувствуется потребность в чем то более определенном и постоянном.

Все эти вопросы находятся в прямой зависимости от природы современного боя конницы. Для тех, кто упорно желает видеть ее в образах прошлого, наши доводы будут конечно малоубедительны. Но с нами согласятся те, которые поняли, что никакое нагромождение техники не избавит конницу, как род войск, от необходимости искать иных методов.

Действительной носительницей воли к победе будет только та конница, которая с одинаковым *порывом*, с одинаковой *гибкостью*, с'умеет проложить себе дорогу саблей или штыком, смотря по обстоятельствам; та конница, которая с'умеет правильно использовать приданную ей технику, не стремясь на ней отыгрываться; та конница, наконец, которая не побоится выйти на простор маневренных операций на широком фронте, раз навсегда отказавшись от действий кулаком на пятачке, хотя бы и во имя „единства" командования.

При этом ясно, конечно, что огневой бой явится фоном, на котором смогут разыграться отдельные конные бои. По нашему глубокому убеждению это останется *правилом* даже для встречных боев

двух конниц; безудержное стремление к взаимному уничтожению, которое должно лежать в основе конного шока, наблюдается вообще слишком большое искушение при мало-мальском недоверии к удачному исходу конного столкновения.

Поэтому есть все основания предполагать, что конница наших возможных противников не откажется от применения огня и не станет легкомысленно создавать сама условия для рукопашной, как *способа* решения своей задачи.

Надо полагать, что попытка принудить ее к этому ничего, кроме ненужных потерь, не даст.

Даже в гражданской войне с ее массами исключительно доблестной и активной конницы, как с той, так и с другой стороны, мы видим, все же крайне ограниченное количество чисто конных боев двух конниц в *крупном масштабе.*

А поскольку это так, поскольку элемент огня сам по себе создает значительную затяжку во времени при развитии завязавшегося боя—*постольку и пресловутая скоротечность боев конницы сплошь и рядом окажется существующей только в описании кавалерийского устава**), а упорный затяжной характер комбинированного затяжного боя на пересеченной местности механически заставит командира бригады отказаться от непосредственного командования (братва, за мной) и принудит его *к управлению* боем на своем участке.

В ряде случаев это окажется для него возможным лишь при условии отойти несколько назад от боевой линии. В большинстве же случаев окажется достаточным остановиться в непосредственной близости от нее в каком нибудь определенном (а не „оперативном“) пункте, куда будут стекаться донесения, откуда будут рассылаться приказания и проч. Вероятнее всего здесь, на первое время, задержится и бригадный резерв, а также часть технических средств.

Само собой ясно, что в критическую или решающую минуту место командира бригады там, где эта минута определилась. Но отсюда еще далеко до постоянного гарцования впереди „братвы“ с вынутой шашкой. Кроме того, при широком маневрировании связь значительно усложняется, и поскольку она так или иначе на участке бригады уже установилась, должны быть приняты меры к тому, чтобы она не была сразу же разрушена выездом комбрига в боевую линию.

Для поддержания ее нужно специальное лицо, совершенно освобожденное от управления боем, но отвечающее за ряд действий, вытекающих из самого его факта, как то передача донесений, сбор их составление письменных приказаний частям бригады, сводок в штаб дивизии и т. п.

Обычно на практике гражданской войны таким лицом бывал военком бригады или уполномоченный Особого Отделения, но нам кажется, что такая импровизация в будущем явится совершенно неуместной и ее придется заменить постоянной организацией, во главе

---

*) Вся III часть этого устава подлежит с нашей точки зрения полной переработке.

которой должен стоять особый помощник командира бригады по оперативной части.

Лицо это также не изобретено нами. В конце войны уже действовали штаты стратегической конницы, которыми предусматривался штаб бригады, с чисто оперативными функциями, в составе помощника по оперативной части, ад'ютанта, письмоводителей и нескольких ординарцев.

Результаты были прекрасные. Работа командира бригады, освобожденного в значительной мере от неизбежной*) писанины, весьма облегчалась; всякого рода оперативная и разведывательная статистика велась аккуратно, донесения не раскуривались на цыгарки, а систематизировались, срочные донесения и сводки в штадив отправлялись всегда своевременно; техническая связь, когда она бывала, находилась под постоянным наблюдением. Отдача письменных распоряжений было упорядочена настолько, что бригады систематически обменивались копиями приказов, приказаний и проч.**)

Впоследствии, когда этот штат, представлявший несомненное крупное достижение, почему то отменили—штаб бригады пришлось импровизировать путем прикомандирования из полков—настолько к нему привыкли и настолько потребность в нем в условиях боевой работы давала себя чувствовать.

Ряд доказательств в пользу наших доводов можно обобщить, прямо сказав, что поскольку условия современного боя значительно расширяют задачи командира бригады и присваивают ему и чисто оперативные функции сверх обязанности личным примером увлекать свои части в бой—постольку и возможность выполнения этих функций должна быть обеспечена созданием известного аппарата, который принял бы на себя техническую сторону их.

И не произнося даже громкого слова „штаб", совершенно исключая для такого аппарата хозяйственные и административные обязанности, мы придем к мысли о маленькой подвижной оперативной ячейке, представляющей тот минимум который совершенно необходим.

Нельзя одновременно и лично восстанавливать где нибудь на участке положение, и думать об отправке очередного срочного донесения и об исправлении оборвавшегося телефонного провода и вообще о ряде других вещей, о которых в прошлом командиру бригады, вообще, не приходилось думать и требовать от него продуктивного единоличного управления теперь, когда он стоит во главе 3-х полков со всеми приданными частями—это значит ставить явно невыполнимую задачу.

Это относится равно и до командира 2-х полковой бригады, ибо число полков определяет для бригады лишь возможность плохо (2 полка) или хорошо (3 полка) исполнять свои функции в боевой обстановке; *самый же характер этих функций в отношении бригады предрешен* и как тут не толкуют, а жизнь все равно возьмет свое и произвольного толкования иначе, как в ущерб делу, не допустит.

*) ст. 15 полевого устава.

**) Положительный смысл всего этого в военно-историческом отношении также не следует упускать из виду.

И, казалось бы, что понять это и стремиться поставить работу бригады сразу во всех отношениях в надлежащие условия было бы целесообразнее, нежели оттеснять ее с завоеванных ею идейных рубежей и затушевывать ее значение во имя нежелания уступить командиром бригады ту долю *творческой*, а не только механической работы, на которую они имеют право в обстановке современного боя.

Или здесь на лицо глубокое непонимание природы последнего и полное недоверие к каким либо иным способам его ведения, кроме как в духе „братва за мной".

Кем-то из видных военных авторитетов нашей эпохи было сказано, что старшему начальнику в наши дни надо иметь больше, чем личную храбрость—надо иметь мужество отказаться от ее проявления.

Это глубоко правильное замечание следовало бы особенно часто вспоминать тем, кто из ложного самолюбия желает и по сию пору командовать, а не управлять крупными соединениями конницы.

Возвращаясь к фактической стороне разбираемого вопроса, мы утверждаем таким образом, что командиру бригады должен быть предоставлен известный технический аппарат управления, весьма легкий, подвижной с чисто оперативными функциями, одним словом нечто напоминающее по идее полевой штаб дивизии.

Схема №1.

Управления неотдельной кавалерийской бригады

Комбриг
Помощник комбр. по оперчасти 1)
Старший адъютант 2)
Младший адъютант 3)
Скобриг 4)
Ст. ординарец
Письмоводители машинисты
Повозочный.
Ординарцы (по 2 от полка)

Обозначения

---- подчиненность по линии штабной работы

—— подчиненность во всех отношениях.

Учитывая уже имеющийся у нас опыт пользования таким аппаратом, мы мыслим себе его окончательную структуру согласно прилагаемой схемы № 1; взаимодействие этого оперативного пикета со штабом дивизии изображено на схеме № 2.

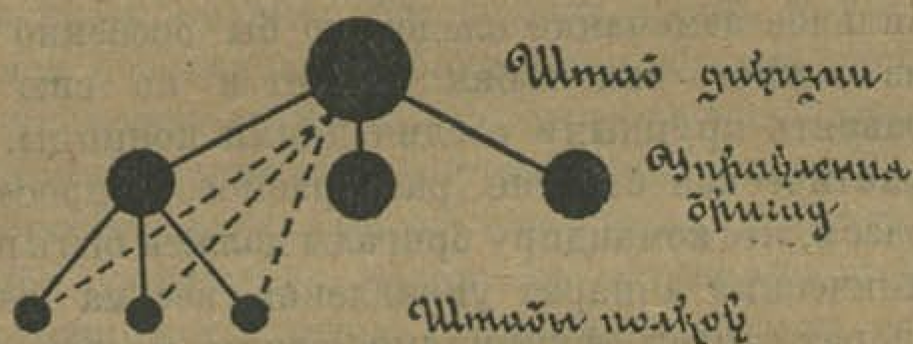
Сравнительно высокую разрядность помощника командира бригады и необходимость строевого стажа мы мотивируем тем, что он как возможный заместитель командира бригады, должен пользоваться авторитетностью и знать строевое дело, а не только являться натасканным по штабной ра-

боте; прохождение этой инстанции кандидатами на бригаду мы считаем крайне полезной, как всесторонне подготовляющее к управлению уже не эскадронами, а полками.

Старший ад'ютант необходим как естественный заместитель помощника командира бригады (по части штабной работы) и ответственный представитель командира бригады.

Схема № 2

Взаимодействия управления бригады, штаба дивизии и штабов полков.

Обозначения:

——— Взаимное движение переписки по вопросам оперативного, разведывательного, инспекторского и строевого характера, а также движение комсостава не ниже командира эскадрона.

– – – – То же по вопросам административно-хозяйственным.

Младший ад'ютант помогает в штабной работе, а свою специальную службу несет на общем основании.

Меньше 2 порученцев иметь нельзя; кроме необходимости для комбрига иметь одного из них всегда при себе, надо учесть еще ночные дежурства и проч. Наш практический опыт показал, что этого количества только-только хватает.

Что же касается до скабрига, то эта должность, по нашему глубокому убеждению, совершенно необходима и отсутствие ее давало себя чувствовать. Необходимость иметь при комбриге это лицо оправдывается и прямыми указаниями ст. 55 Полевого Устава, даже при теперешней организации, не предусматривающей при комбриге никакого штабного аппарата. Тем более необходимым явится скабриг при предполагаемой нами организации.

В отношении технических средств связи мы считаем возможным ограничиться ст. 56 Полевого Устава и таковых командиру бригады не придавать.

Мы умышленно избегаем здесь детализации функций всех перечисленных лиц, так как считаем это ведомственной работой, которая загромоздила бы статью. Общий же смысл и круг деятельности их, полагаем, ясен.

Все сказанное до сих пор о необходимости при командире бригады штабного аппарата относится к военному времени.

Нам могут возразить, что „скоротечность“ боя конницы исключит возможность использовать такой аппарат, который окажется ненужной свитой командира бригады. Мы имели уже случай изложить

нашу точку зрения на эту скоротечность. Но, если бы даже она и оказалась еще возможной, то это будет не правило, а исключение, к которому отнюдь не приходится приноравливать постоянную организацию, ибо на один сомнительный случай ее бездействия придется 100 случаев напряженной работы.

Мы не видим решительно никаких оснований отказываться от услуг его и в мирной обстановке.

В самом деле, командиру бригады, столь определенно выдвигаемому в боевой обстановке, решительно пора перестать быть „архиереем" в мирное время. От него надо потребовать деятельного участия в обучении своих полков и в натаскивании их по всем отраслям службы.

В этом отношении командир бригады сейчас лицо морально совершенно бесправное, с крайне неопределенно очерченными задачами и, как следствие всего этого, сплошь и рядом недостаточно авторитетное в глазах командиров полков, предпочитающих поэтому иметь дело непосредственно со штабом дивизии через голову командира бригады.

Ненормальность этого очевидна и выход из положения мы видим только в том, чтобы поставить командира бригады и в мирное время в такие же условия работы, в каких он окажется в военное.

Для этого необходимо, прежде всего, определить его положение.

Практически мы понимаем это так, что непосредственные сношения полков со штабом дивизии будут иметь место лишь по административно-хозяйственной линии. По всем прочим вопросам—тактическое и строевое обучение, занятия с комсоставом и т. п.—командиры полков должны будут иметь дело исключительно со своими командирами бригад, а последние уже с начальником дивизии.

Такой порядок руководства, крайне облегчая работу последнего, одновременно поставил бы на ноги и командиров бригад, сделав бы их фактически ответственными за проведение в жизнь директив начальника дивизии по боевой и строевой подготовке.

Командиры же полков привыкли бы видеть в командире бригады не „архиерея", а своего прямого начальника, с авторитетом которого им необходимо было бы считаться, не игнорируя его так, как это сплошь и рядом бывает сейчас.

Для обеспечения такой постановки дела наличие и в мирное время маленького аппарата при командире бригады совершенно необходимо и всего проще, конечно, иметь его в том же виде, как и в военное время. О том, что ему нечего будет делать, беспокоиться не приходится—работа найдется, ибо дело учебы не менее сложно и разносторонне чем управление в бою. Сотрудники же комбрига натаскиваются по штабной части, а на учениях, маневрах, специальных сборах и т. п. прорепетируют и усвоят свои обязанности военного времени.

По крайней мере наш личный опыт создания такого аппарата в условиях учебы путем прикомандирований ярко оттенил все поло-

жительные стороны и чрезвычайное удобство руководства обучением при перенесении центра тяжести его на командиров бригад.

Последние сразу зашевелились и взялись за дело. Результаты получились отличные, обеспечившие одновременное и однообразное проведение обучения, а также, что не менее важно—возможность легкого и быстрого контроля всей деятельности командиров бригад по систематизированным материалам—приказам, приказаниям, отчетам и произведенным поверкам отдельных отраслей обучения и т. п.

Обмен копиями всех этих документов между бригадами получит значение толчка к соревнованию, направлявшегося по определенному руслу приказами начальника дивизии и его личными указаниями.

Нет никакого сомнения, что все преимущества такого метода работы особенно ощутимы в тех условиях расквартирования, когда начальник дивизии не имеет сплошь и рядом физической возможности часто бывать на местах *). Наличие деятельных и ответственных исполнителей в лице командиров бригад является в этих случаях особенно ценным.

Вся же эта система управления в целом особенно ценна тем, что создает еще в мирное время правильное представление о значении командира бригады в военное время и ставит всю работу его на здоровую и постоянную основу.

Генерал Пенелон.

Коммуникации и разрушения в армиях **).

Перевод с французского В. Ромма.

I. Проблема коммуникаций.

Проблема коммуникаций потребовала в ходе войны чудовищных усилий, превзошедших все человеческие расчеты, и вопрос транспорта стал одним из важнейших факторов в борьбе, закончившейся нашей победой.

Доставить по назначению в нужный срок все необходимое для жизни и боя миллионам людей, осуществить стратегические замыслы главнокомандующего, выполняя переброски крупных соединений и материалов вдоль фронта, по протяжению не имеющего себе равных во всей мировой истории; мало того: пересекать моря, подвозить подкрепления со всех концов земли, или перевозить во все концы живую силу и материальное снабжение по мере вступления в войну все новых и новых народов;—таковы были задачи, и, несмотря на всю громадность вставших на пути препятствий, наше командование все же их преодолело.

*) Обычные условия теперешних стоянок и вероятно еще надолго.

**) General Pènelon: Les communications et les destructions aux armées. „Revue militaire francaise“ №№ 11—12, 1922. г.

Мы намеренно говорим здесь о роли командования в вопросе, успешным разрешением которого, по мнению многих, мы обязаны единственно могущественным средствам современной техники. Тут, как и везде, нам удалось одержать верх над противником, сильным своей организацией и методичностью, лишь благодаря качествам нашего командования, которыми мы в праве гордиться и которые необходимо сделать общим достоянием, ибо они проявлялись мало по малу, по мере выявления невиданных, можно сказать, условий войны. Никто не мог бы предвидеть их заранее, но было бы преступлением по окончании войны не использовать ее грозных и славных уроков.

Об'ем этого предисловия может испугать многих, и, действительно, трудно исчерпать в небольшом очерке весь вопрос, даже не вдаваясь в детали.

Так, мы оставим в стороне морские коммуникации, несмотря на весь интерес, ими представляемый, и хотя сложные работы, произведенные во время войны для обеспечения выгрузок, эвакуации и устройства баз, несомненно входят в число функций инженерного искусства, а их изучение необходимо, ибо, если когда нибудь война снова вспыхнет, то поле сражения не будет ограничено ничем.

Также будет оставлен в стороне вопрос в воздушных коммуникациях. Между тем им предстоит большое развитие и, нужно полагать, что, в более или менее близком будущем сообщение между материками и столицами будет происходить по воздуху, по крайней мере в отношении перевозки пассажиров, почты и товаров большой ценности и малого веса.

Для того, чтобы наглядно показать значение воздушного транспорта в будущем, достаточно напомнить, что один из наших выдающихся конструкторов аэропланов недавно указывал на возможность проделать весь путь от Парижа до Токио (около 10.000 километров) в один перелет, исключительно при помощи усовершенствования современных авиационных средств, не дожидаясь открытия каких либо новых принципов в будущем.

Мы будем касаться лишь сухопутных путей сообщения (коммуникаций); но в нашу задачу не входит техническое изучение применения инженерного искусства для устройства, восстановления или разрушения путей сообщения, разбор того как строится дорога, железнодорожная линия или иное сооружение.

Действительно, тут кстати напомнить изречение Бэкона:

„Наука заключается в обобщении“.

Ибо командование должно интересоваться техникой, но лишь для того, чтобы знать ее возможности и быть в состоянии дать ей необходимые средства и поставить определенные задачи, но не для того, чтобы вести с ней споры о трудностях выполнения, с которыми она должна справляться сама.

Знать,—что возможно, требовать его выполнения с максимальной энергией, таковы две функции командования, и цель настоящего

очерка заключается в том, чтобы показать, как можно этого достичь, используя имеющиеся в распоряжении силы. Поэтому необходимо прежде всего, напомнить данные чудовищной проблемы коммуникаций, освежив в памяти все уроки последней войны.

В ходе этого краткого обзора наша память восстановит обстоятельства, пережитые всеми нами, слышанную всеми нами критику недостаточности пущенных в дело средств или плохого использования личного состава и материалов.

И тогда мы увидим, что разрешение этой проблемы—есть вопрос метода.

Средства коммуникаций (сообщений).

Железные дороги.—Полезно, прежде всего, учесть некоторые общие сведения о железных дорогах. Они хорошо известны; однако, так как речь идет об одном из инструментов главнокомандующего, прекрасно налаженном и славно выдержавшем все испытания, то они могут служить введением и примером для истории методов, применяемых в проблеме коммуникаций.

Прежде всего, необходимо рассматривать железные дороги в общей связи со всей совокупностью средств сообщения.

Полное и быстрое удовлетворение всех многообразных и важных потребностей действующих армий повелительно требует комбинирования всех наличных транспортных средств, долженствующих дополнять друг друга для получения максимума полезного действия.

Поэтому оказалось необходимым централизовать в руках главнокомандующего, через посредство начальника военных сообщений (Directeur des transports aux armèes), всю совокупность средств сообщения причем последнему предоставлялось право, при известных условиях, передавать часть своих полномочий и средств подчиненным органам.

Его главной задачей является обеспечение тесной координации перевозок, осуществляемых по железным и грунтовым дорогам и морским путям.

Железные дороги, в самом широком смысле слова, делятся на дороги нормальной колеи, метрической колеи (1 м. или 0,80 м.) и колеи в 0,6 м.

Данные каждой из них известны:

Поезда нормальной колеи могут перевозить на значительных расстояниях средний тоннаж (от 600 до 800 тонн) со скоростью 25 кил. в час. Метрическая колея обладает весьма ограниченной пропускной способностью вследствие слабого тоннажа ее поездов (от 60 до 100 тонн). Следовательно она может служить лишь вспомогательным средством, особенно в виду чрезвычайной трудности усиления средств одной сети силами другой, из-за чрезвычайной пестроты типов применяемых материалов. Для усиления Маасского района потребовался подвоз материалов из Н. Пиреней.

Колея в 0,6 м. является распределительным органом, обеспечивающим продолжение нормальной колеи; при помощи ее можно про-

изводить распределение необходимого снабжения до передовых частей и учреждений включительно.

Пропускная способность ее весьма слаба. Один поезд может перевезти 25 тонн.

С другой стороны необходимо учесть значительную потерю времени, которой потребует устройство такой сети—сосредоточение нужных средств, перевозка их, выгрузка, приведение в действие материала, необходимого для колеи в 0,6 м. (полотно, рельсы, паровозы, подвижной состав), устройство дорожных депо, мастерских и пр.

Из всего этого вытекает, что мощным и эластичным орудием, имеющим первостепенное значение в вопросе коммуникаций, является железная дорога нормальной колеи.

Мобилизация службы железных дорог является первым этапом и, вместе с тем, образцом индустриальной мобилизации вооруженного народа.

Поэтому она представляет значительный интерес. Ведь, благодаря нашей ж. д. сети, великолепно управлявшейся 4-м бюро генерального штаба армии, удавалось, начиная с мобилизации и кончая капитуляцией противника, полностью осуществлять стратегические идеи высшего командования; как выразился один из наших государственных деятелей: „Перед выполнением этой задачи должен преклониться весь мир“.

Но недостаточно преклониться, нужно принять за образец этот великий урок, распространив его на всю французскую индустрию и использовав для организации в будущем.

Эта великолепная работа ж. д. сети, состоящей из разнообразных и независимых линий, была осуществлена лишь благодаря тому, что приспособление ее к нуждам войны было подготовлено в мирное время, под руководством начальника генерального штаба, 4-м бюро, начальник которого становится начальником железных дорог армии. (Directeur des chemins de fer aux armèes.)

Начальник железных дорог армий управляет, согласно директивам генерал-квартирмейстера *) и под руководством начальника военных сообщений, организацией перевозок по жел. дорогам, эксплоатацией сети, выполнением необходимых работ и, в случае необходимости, производством разрушений.

Его распоряжения осуществляются в пределах каждой линии линейными комиссиями, смешанными органами, включающими представителей военной власти и техники (Commissions des rèseaux).

Принцип смешанного состава проведен на всех ступенях (линейная подкомиссия, комиссия регулирования, станционная комиссия **).

Линейная комиссия координирует действия трех важнейших служб (пути, тяги и эксплуатации), являющихся тремя главными орудиями, и усилия которых нужно тесно связать между собою.

---

*) Maior-géneral.

**) Sous-comission de réseau, Commission régulatrice, Commission de gare.

С другой стороны нужно быть готовыми к использованию линий, расположенных на вражеской территории, занимаемой нашими войсками.

Эта задача ложится на полевые железнодорожные комиссии, в которых опять таки об'единяются оба элемента: военный и технический.

Эти комиссии имеют в своем распоряжении полевые железнодорожные отряды (sections)—специальные единицы, составленные из военно-обязанных, взятых со всех французских железнодор. линий, и делящиеся, в свою очередь, на единицы, соответствующие главным службам (пути, тяги и эксплуатации).

Они располагают также техническими телеграфными отрядами (секциями). Наконец, нужно быть в состоянии выполнять быстро, и, если нужно, то и под огнем противника, необходимые разрушения, починку и постройку жел. дорог. Эти работы не могут быть возложены ни на личный состав ж. д. линий, ни на полевые железнодор. отряды, поэтому командование должно располагать техническими войсками, подготовленными к выполнению этой задачи.

В мирное время скелетом известного числа железнодорожных баталионов и рабочих отрядов является 5-й инженерный полк.

Приспособление железных дорог к нуждам армии.—Война делится на две фазы:

А) Мобилизация и сосредоточение вооруженных сил.

Б) Операции.

а) Первая фаза обнимает перевозки по мобилизации, прикрытию и сосредоточению и первые перевозки снабжения.

Эластичность перевозок и их быстрота определяются использованием мощных и независимых линий сообщения и работой органов регулирования транспорта, расположенных на стыках основных частей каждой линии и исходных точек более или менее тесных вееров (пучков) линий, способных пропускать приток сил и средств и обеспечивать выгрузку их элементов.

Для примера интересно отметить, что прикрытие, мобилизация и сосредоточение в 1914 г. потребовали 6000 поездов в течении 18 дней.

б) Период операций:

Главнокомандующий устраивает в тылу каждой армии сеть сообщений, способную обеспечить быстрое осуществление перевозок, необходимых для ее нужд.

Одним словом, каждая армия имеет, если можно так выразиться, железнодорожную кампанию, исключительно ей принадлежащую.

Регулирующим органом является комиссия регулирования, подчиненная непосредственно главнокомандующему и расположенная на главном узле.

Проблема железнодорожных перевозок осложняется еще необходимостью производства значительных работ по оборудованию сети и приспособлению ее к нуждам армии. Эти работы могут заключаться либо в улучшении существующих линий, либо в создании новых линий.

Не вдаваясь в детали этих работ, можно указать, что в общем, считая и ремонт и постройку новых линий, они охватили до 7000

килом. ж. д. пути. (Для сравнения напомним, что вся сеть вост. района насчитывает 5000 килом., а северного лишь 3600).

Железные дороги имеют первостепенное значение для жизни армий не только в период операций, но и для выполнения самих операций, в которых они участвуют, особенно в моменты кризисов, в форме *перевозок в ходе операций*.

Достаточно напомнить, что с 21 марта по 11 декабря 1918 г. пришлось пропустить *17000 поездов* для того, чтобы перебросить войска к месту действия.

После короткого срока, даваемого для подготовки железнодор. сети, войсковые массы, состоящие либо из соединений резерва, либо из единиц, снятых с тех участков, где командование решает действовать оборонительно, пропускаются несколькими независимыми потоками, снова соединяющимися в полосе, предназначенной для атаки.

Таким образом, на каждой линии образуется нечто в роде мощной землечерпалки (Noria), лопасти которой беспрерывно забирают войска и матер. средства, выгружают их, снова нагружаются, до тех пор пока не будет переброшено все, что нужно.

В районах погрузки и выгрузки образуются специальные *комиссии по регулированию перевозок*, независимые от комиссий регулирования сообщений (коммуникаций).

Этот мощный механизм, впрочем, был применен и к автомобильным перевозкам, которые всегда необходимо комбинировать с перевозками железнодорожными.

И таким образом, мы приходим к *дороге*, необходимому дополнению железнодорожного пути.

Дороги.—До войны можно было думать, что в виду значительного развития общей и местной железнодор. сети, использование грунтовых дорог не будет иметь большого значения.

Что произошло на деле—знают все, и мы с истинным волнением вспоминаем о „священных дорогах" Вердена, Соммы, Шампани и Уазы.

Дорога явилась не только продолжением железнодор. колеи, она заменила ее для значительных перевозок, к которым, как казалось, не была предназначена.

Эта она дала возможность подвезти, с невероятной скоростью, дивизии, остановившие второй германский натиск на Париж, и несколько недель спустя вести непрерывное преследование противника на фронте в несколько сот километров на 70—80 кил. в глубину, до его капитуляции в открытом поле.

На войне автомобильная служба сыграла большую роль, на ряду со своей старшей сестрой—службой железных дорог. Начав с 6000 машин, она к концу войны насчитывала 95000.

В британских армиях их имелось 45000, не считая 800 гусеничных машин.

Американские армии имели 40000 машин.

Следовательно, к концу 1918 г. на театре войны работало около 200000 автомобилей, не считая танков и броневиков, пользовавшихся дорогами везде, где это было возможно.

Эта организация автомобильной службы была действительно сверхчеловеческим усилием; но еще более исключительным делом явилось поддержание, или вернее сказать, непрерывный ремонт шоссе при наличии непрерывного параллельного передвижения грузовиков, автомобилей, обозов и пехоты.

Нужно задуматься на момент, чтобы представить себе всю совокупность усилий, необходимых для выполнения этих работ. В общем и целом в течении войны было построено *900* килом. дорог, и *9000 километров* было переделано из простых дорог в двухколейные. Было использовано около 27 миллионов тонн каменной настилки, из коих около *миллиона тонн* пошло на дорогу между Вар-ле-Дюк и Верденом.

И все это не могло быть ни предусмотрено ни организовано в мирное время. Правда, с началом войны были создано управление дорогами при армиях. На его обязанности лежала отдача общих директив и распределение между армиями материальных средств. Инженеры, из коих было составлены комиссии, благодаря своему опыту и знаниям справились с громадными тыловыми работами и несомненно заслужили благодарность страны.

Но грозный вопрос постройки, оборудования и поддержания военных дорог ежедневно вставал в армиях, на самом фронте.

Только 14 декабря 1914 г. при каждом управлении этапов были учреждены отделы службы дорог; но речь шла лишь о поддержании этапных дорог в тыловом районе.

Этого было недостаточно, и все армии постепенно пришли к выводу о необходимости единого управления для всей совокупности путей сообщения в их районах. Так как, между тем, единство управления требовалось и для многих других работ, были созданы при армиях управления инженерных войск, и в течении двух лет в каждой армии, худо ли хорошо ли, работали органы службы дорог различных типов.

4 января 1917 г., главнокомандующий упразднил управления этапов и служб (D. E. S.) и учредил 4-е бюро при штабе каждой армии Это бюро в отношении перевозок и путей сообщений сыграло [ту же роль, что 3-е бюро—в отнош. операций. Таким образом каждый командующий армией отныне держал в своих руках весь аппарат дорог. Индустриальный метод, по крайней мере в принципе, был признан.

Его применение не везде проводилось так, как нужно. Ясно, что командующий армией, обремененный многочисленными заботами, не в силах все делать сам даже при наличии помощников в лице офицеров его штаба. Ему нужен, для технических работ, ответственный помощник, который бы являлся техником дела и, вместе с тем, был знаком с функциями военного командования, как в индустрии главный директор большого предприятия является ответственным перед административным советом.

Этим помощником является генерал, командующий инженерными войсками. Но так как устав при этом ничего не говорил о дорогах, хотя и подчинял начальнику инжен. войск весь личный состав этой службы, то в результате в некоторых армиях эта служба осталась автономной; в других, наоборот, начальник инженерных войск отвечал за ход этих работ наравне с другими перед командующим армией.

Задача была вообще не из легких, так как, если в материальных средствах особенного недостатка не ощущалось, то в отношении личного состава и рабочей силы получалось настоящее вавилонское столпотворение (мальгаши, аннамиты, англичане, американцы, русские, итальянцы, португальцы, сенегальцы, кабилы, китайцы, дисциплинарные роты и военнопленные).

Для перевозки материалов, огромные цифры коих приведены выше, было сформировано 17 обозных рот, насчитывавших 2300 телег и 5000 лошадей, плюс 700 дорожных повозок. Прибавьте к этому 300 паровых катков, 150 бензинных катков и т. д.

Наконец пришлось устроить каменоломни в районе армии, и возможно ближе к фронту, т. к. потребовалась огромная работа в районе операций.

а) При обороне, генерал-начальник инжен. войск должен был, прежде всего, совместно с штабом армии, установить:

1) План дорожных участков армии. Армейская сеть была относительно устойчивой величиной, почти независимой от изменений, вызываемых сменой арм. корпусов. Она включала, в частности, дороги предназначенные для грузовых автомобилей и, в особенности, охраняемые дороги (дороги, охрана коих вверена комиссии регулирования);

2) План разрушений;

3) План использования инженерных войск, занятых дорогами, и вспомогательной рабочей силы.

б) При наступлении и преследовании:

Починка дорог испорченных снарядами, но не вполне разрушенных.

Покрытие и округление воронок при помощи насыпей, затем щебня и каменной настилки. Дивизии и корпуса восстанавливают непрерывность движения, затем армия дополняет и закрепляет работы.

Так, напр. в 3-й армии, при преследовании, как только продвижение стало более быстрым, в тылу каждого арм. корпуса были организованы три группы *дорожников*. Эти группы были эшелонированы в глубину, третья перегоняла первую, когда продвижение открывало ей достаточное место. Таким образом неизбежная потеря времени на передвижение и устройство была сведена к минимуму. Работа каждой группы в данном районе делалась более длительной и действительной

При помощи такой организации удается поддерживать в удовлетворительном состоянии зону в 40 килом. в глубину.

Прежде чем оставить вопрос о дороге, нужно еще дать представление о важности работ по ее постройке, починке, расширению, для того, чтобы ясно учитывать некоторые пределы возможного.

Для того, чтобы иметь представление о том, чего можно требовать, командованию нужно усвоить три положения:

1) Для шоссе необходимы приспособления, распределяющие давление на подпочву, и не дающие ей выбиваться сквозь верхний слой каменной настилки. На деле это каменные работы с сухими камнями, и тут применяется старый принцип одного французского инженера, Трезагэ (18 век), который в 19 веке в Англии использовал Мак-Адам, строивший дороги насыпая толстые слои мелкого, ломаного камня. Ныне, при автомобильном сообщении это уже невозможно.

2) Нужно все время бороться с грязью, которая очень быстро все разрушает; каждый день чинить выбоины.

3) К началу зимы необходимо принять тщательные меры предосторожности на случай оттепели, без чего в два дня может произойти полное разрушение дороги.

При помощи драконовских мер надо запретить передвижение тяжелых грузов (грузовики, артиллерия) по угрожаемым дорогам.

Отсюда ясно, что постройка и поддержание дороги является весьма большим и трудным делом, а между тем бывают моменты, когда необходимо быстро восстановить шоссе. Тогда остается одно только средство: это система толстых дубовых досок. При помощи их получается наилучший результат, ибо они одновременно осуществляют распределение давления и поверхность для езды.

Дорога образуется из толстых дубов. досок (madriers) длиной по 4 метра, расположенных поперечно направлению дороги и закрепленных на шести рядах досок, размещенных на земле, параллельно направлению движения.

В течении десяти дней с шестьюдесятью саперами удавалось строить до 400 метров в длину.

В общем выполнение дорожных работ в маневренной войне всегда носит поступательный характер:

Инженерные роты и саперные батальоны дивизий открывают путь.

Позади инженерные роты корпуса усовершенствуют сделанную работу.

Затем подходят дорожные роты инжен. войск армии и рабочие батальоны для устройства долговременных шоссе.

Непрерывный ход работ будет обеспечен, как в вышеприведенном примере, если приходящий из тыла отряд будет ставиться в возможно лучшие условия для окончания начатой работы и будет хорошо проинструктирован о характере и цели предпринятых работ.

Все это требует хорошо установленной программы и руководства начальника, координирующего действия всех трех эшелонов впереди и в тылу.

Но дорога не исчерпывается постройкой шоссе, остаются еще инженерные сооружения.

Инженерные сооружения.—Проблема мостов. Предельные тяжести. Размеры и вес современных средств передвижения крайне усложнили этот вопрос.

Мы оставили далеко позади максимум в 8 тонн 6, предусмотренный в начале войны. Военные мосты должны были приспособиться к последовательно возникавшим нуждам: грузовики, тракторы (делавшиеся все более тяжелыми) и, наконец, танки и броневики.

Классификации быстро делались устарелыми в ходе войны по мере того как появлялись все новые и новые средства борьбы. Достаточно сказать, что в настоящее время уже пришли к необходимости поверки прочности постоянных сооружений на крупных путях сообщения.

Сейчас существуют нормальные мосты на 3 тонны 5, усиленные на 8 тонн 6, тяжелые—на 12, 16, 44 и даже 100 тонн!

Как известно, военные мосты устанавливаются на *плавучих* и *на неподвижных основаниях (стойках)*.

Плавучие основания.—Делаются при помощи шлюпок, плотов и т. д... и наконец, на понтонах.

Наши старые понтоны арм. корпуса были подвергнуты исследованию для того, чтобы приспособить их к пропуску полевой артиллерии и калибров 105 и 155 м.м. (коротких). При помощи некоторых изменений их применяли во время войны для переправы грузовиков в 8 тонн и 13 тонн 5.

В настоящее время предусмотрено применение следующих трех родов материала (в порядке важности их изучения):

1) Понтонное оборудование, предназначенное для арм. корпусов и позволяющее построить:

а) Два нормальных моста, выдерживающих от 9 до 13 тонн;

б) Один усиленный мост, выдерживающий 17 тонн. Части этого оборудования в настоящее время строятся и испытания должны состояться еще в нынешнем году.

2) В будущем предусматривается мощное оборудование, образующее резерв верховного командования (с автомобильной тягой). По производимым теперь исследованиям, основаниями должны являться металлические суда длиной в 12 метров, выдерживающие от 20 до 25 тонн. Эти суда будут применяться либо отдельно, либо группами по два или три для тяжелых грузов до 44 тонн. Нормально они будут приводиться в движение двигателями в 40—50 сил.

3) Наконец предусматривается создание легкого оборудования, способного пропускать обозы первого разряда и полевые пушки (в крайнем случае распряженные). Пока для этих целей будет применяться существующее понтонное оборудование.

Мосты на неподвижных основаниях.—Имеется множество различных видов таких мостов; двумя главнейшими являются:

Мосты на сваях;

Металлистические мосты.

Мосты на сваях являются самыми прочными из всех видов военных мостов. Они подходят ко всем рекам, при условии если нет скалистого дна при очень большой глубине и если нет очень значительных изменений уровня. Они хорошо выносят сильное течение.

Во время войны применялось три типа этих мостов:

Тип № 1. тяжелый мост, способный пропускать все перевозочные средства и грузы арм. корпуса, включая тяжелую артиллерию.

Тип № 2: для всех средств передвижения до 12,8 тонн на ось.

Тип № 3: для всех повозок до 17 тонн и более на ось, т. к. он был расчитан с большим запасом сопротивляемости.

Мост типа № 1 имеет то преимущество, что применяемые для его сооружения материалы весьма не трудно запасти.

Мосты типов 2 и 3 имеют расположение балок, требующее применения металлических балочек; их постройка требует применения мощных и совершенных материальных средств (сваебойных машин, паровых и пневматических машин и электрического оборудования).

Наибольший успех в этом направлении был во время войны достигнут в Суассоне. В сентябре 1917 г. удалось построить мост длиной в 180 метров в течении 135 часов, причем работало пять рабочих рот, из коих две специальных.

Но это было нечеловеческое усилие.

Металлические мосты.—В момент мобилизации имелось лишь очень небольшое количество металлических мостов типа дорожного моста инжен. войск, расчитанного на грузовые повозки до 8,6 тонн.

После Марнской победы для восстановления разрушенных сооружений пришлось прибегнуть к импровизациям. Тут нам пришла на помощь горячая инициатива наших товарищей из морских инженерных частей; при помощи наличных запасов металлических материалов, морские арсеналы построили новый тип разборного моста, выработанный главным инженером управления дорог и мостов, подполковником инжен. войск территориальной армии Пижо.

Эти мосты оказали величайшую услугу.

С декабря 1914 г., начался выпуск из мастерских первого типа мостов, способного пропускать самую тяжелую артиллерию того периода. Позднее он стал называться мост „легкий Пижо"; пролет 36 м. 50.

Вскоре появился усиленный мост типа П: на 26 м. 50, 36 м. 50 и 49 м. Они способны пропускать все повозки до 13,5 тонн на ось, и даже 18 тонн, при условии некоторых мер предосторожности.

Мост Жискляра был спроэктирован до войны одним инженерным полковником.

Это висячий мост, заключающий в себе сеть металлических канатов, образующих подвижные треугольники. К узлам прикреплены вертикальные вытяжные канаты, поддерживающие поперечные балки, на которых покоится настилка моста.

В Компьене в 14 дней навели мост в 54 метра.

Мост Жискляра позволяет покрывать пролеты в 80 метров, но его сопротивляемость слаба и приближается к сопротивляемости типа „легкий Пижо".

Мост Жилля.—Это усиленные мосты для больших пролетов, с применением балок Пижо, с якорными столбами и канатами Жискляра. Но весьма оригинальным является то, что висячей является

средняя опора. При помощи нынешнего оборудования типов Пижо и Жискляра можно покрывать пролеты до 90 метров.

Во время войны, пять рот морских инжен. частей, прикомандированные к инженерным войскам, работали над мостами этих типов.

Они построили к 1 декабря 1918 г.

4400 метров мостов „Пижо",

400 метров висячих мостов „Жискляра".

Это значит, что они принесли величайшую пользу, особенно в армиях, где начальники инженерных войск сумели правильно их использовать, предоставляя в их распоряжение вспомогательную рабочую силу для того, чтобы их технические силы дали максимальный результат.

При выполнении работ опять таки необходимо эшелонирование в глубину и непрерывность работы.

Дивизионные инженерные роты выполняют первые переправы, при помощи саперов территориальной пехоты.

Инженерные роты корпуса устанавливают понтонные оборудование, затем они строят мосты для того, чтобы освободить это оборудование.

Инженерные роты армии, мостовые роты (тяж. мостов), саперные роты армии приступают тогда к постройке мостов на срубах, металлических мостов или понтонных, рассчитанных на большой тоннаж, в трудных условиях, требующих особого обучения.

Временные мосты всегда должны устраиваться в стороне от переправы мирного времени для того, чтобы оставить место для долговременного сооружения.

Тут, как и при постройке дорог, необходим точный план и руководство одного начальника, координирующего действия всех трех эшелонов.

Водные сообщения.—На ряду с шоссейными, грунтовыми и железными дорогами есть еще текучие дороги, и не следует забывать тех услуг, которые во время войны были оказаны судоходством по рекам и каналам.

Оно использовывалось главным образом для перевозок очень тяжелых материалов и для эвакуации раненых, в виду того, что оно является наиболее спокойным способом передвижения.

Для примера отметим, что Сен-Кантенский канал, до войны, был в состоянии пропускать в день 50 судов по 300 тонн, т. е. 15000 тонн в день.

Эксплоатация речных путей лежит на обязанности морских или речных рот, входящих в состав инженерных войск.

Восстановление каналов в разрушенной области потребовало громадной работы, особенно по очищению или под'ему разрушенных мостов и восстановлению шлюзов.

Эта работа могла быть выполнена, без потери времени, начальником инженерных войск армии при помощи управления судоходства при верховном командовании; этот орган проявил замечательную

энергию и знания. Это управление продолжало работу, при помощи испытанного кадра, как только участок переходил в тыловой район.

Ему нужно воздать должное, также как и всем инженерам путей сообщения или морских инжен. частей, начальникам технических служб, работа коих давала в десять раз больший против обычного результат в тех армиях, где начальники инженерных войск, коим они были подчинены, прилагали все усилия к координированию их действий, установлению связи между ними и передовыми инженерными частями, словом к тому, чтобы их работа развивалась в рамках боевых операций и существующей обстановки.

II. Разрушения.

Дороги и железнодорожные пути.—Общие указания. Проблема военных коммуникаций усложняется еще другой проблемой—разрушений. Решающее значение этих коммуникаций для жизни армии вызывает необходимость не отдавать их в руки противника в тех случаях, когда приходится отступать под давлением противника или предполагается отход с маневренной целью.

Разрушения преследуют две главные задачи:

1) Стеснить движения действующих войск (разрушение железнод. путей, дорог и каналов в районе, оставляемом противнику).

2) Помешать снабжению действующих войск оружием, боеприпасами, продовольствием и пр. (разрушение заводов и копей, железнодорожных узлов).

Три фактора определяют характер разрушений:

1) Ущерб, который желают нанести противнику.

2) Время, которое потребуется для приведения предметов в прежнее состояние, и трудности, кои при этом придется преодолеть.

3) Время, которым можно располагать для производства подготовительных работ, а также имеющийся в распоряжении личный состав и материальные средства.

Исследовав эти вопросы, командование отдает распоряжение о подготовке трех разрушений, кои необходимы для выполнения его планов. В то же время оно отдает директивы относительно размеров разрушений.

Разрушения (взрывы), исключая некоторых постоянных фугасов, подчиненных непосредственно главнокомандующему, производятся в районе армии по приказу командующего армией. Он также отдает распоряжения о поджогах.

Тут надо разобраться. Это уставные положения. Но, как всегда, мы приходим к необходимости подвижного командования. В случае отступления под давлением противника, командующему армией совсем не до того, чтобы определять точный срок взрыва какого либо сооружения.

Начальник инженерных войск армии должен отвечать перед ним за:

1) Техническое исследование и исполнение подготовительных работ.

2) Поджог в нужный момент.

Это очень серьезная ответственность, требующая от начальника инжен. войск армии применения рациональной и сильной организации, продуманной до мельчайших деталей.

Дороги.— Главными (в порядке их значения) разрушениями являются следующие:

а) Разрушение мостов и инженерных сооружений.

б) Устройство воронок на шоссе.

в) Заваливание шоссейн. дорог деревьями и порча их в местах переправ.

г) Наводнения.

Разрушение металлического моста является весьма быстрым делом, не требующим большого количества взрывчатых веществ. При помощи мелинита очень легко разрушать металлические балки.

Наоборот, разрушение каменного моста является гораздо более продолжительной операцией и требует гораздо большего количества взрывчатых веществ. Поэтому, для всех важных сооружений предусмотрено устройство постоянных мин в устоях, быках, и, в виде исключения, в замках сводов.

Что касается бетонных сооружений, то в них устраиваются постоянные галлереи, заряды коих рассчитаны на то, чтобы превратить бетон в порошок в плоскости каждого заряда; уцелевшие металлические части обрушиваются под тяжестью остальной массы.

Не следует забывать, что заряжение мелинитом не требует бурения. Поэтому оно может быть произведено очень быстро, в течении нескольких часов.

Разрушение дорог производится при помощи создания воронок, посредством взрыва подземных мин, главным образом на перекрестках, в местах населенных пунктов и в низинах, легко заливаемых водой.

В 3-й армии, в период оборонительных операций, с 23 марта по 9 июня, добивались хороших результатов следующим способом:

Четыре бомбы в 240 кгр. зарывались в низком месте на глубине в 1 м. 60; вторая подобная же закладка делалась напротив первой. Одна из четырех бомб имела взрывчатый шнур капсулем, вдетым в запал бомбы вместе с другими тремя капсулями, предназначенными для усиления силы детонации. Взрыв этих бомб образовывал две воронки, широко пересекавшиеся посредине дороги.

Разрушение может также быть произведено при помощи минных галлерей и шахт, а также при помощи использования подземной канализации и труб вблизи перекрестков.

Нужно твердо усвоить огромное значение этой операции при отступлении; если она не мешает пехоте, то приковывает к месту все повозки и тракторы и таким образом сильно замедляет продвижение противника.

Не следует пренебрегать даже порчей улиц и перекрестков в населенных пунктах. На большом пространстве такая порча состав-

ляет серьезное препятствие. Расчистка, даже временная, идет очень медленно и требует применения значительных средств.

Наводнения.—Они производятся очень легко:

1) При помощи разрыва и порчи мостов, мостиков и водопроводов.

2) При помощи разрушения сооружений, регулирующих движение вод.

3) При помощи устройства запруд.

Железные дороги.—Приведение железных дорог в негодность может производиться путем:

Разрушения инженерных сооружений (порча эксплуатационных аппаратов и специальных пунктов пути).

Приведения в негодность подвижного состава.

Для хорошей подготовки и обезпечения разрушений нужно много времени, по крайней мере для больших инжен. сооружений. Так, разрушения с долговременными фугасами (dispositifsà retard)—подобные тем, которые были произведены германцами на французском фронте в 1918 г., требует нескольких месяцев на подготовку. В общем командование не должно забывать, что на случай отхода план разрушений должен быть установлен с большой методичностью и тщательностью.

В течение войны германцы, стремясь замедлить наше преследование, не остановилась перед разрушениями такой широты и полноты, о какой раньше никто не осмеливался думать. Размах разрушений был таков, что уже после перемирия войска приходилось снабжать при помощи грузовиков на расстоянии более 200 килом. Потребовались месяцы для починки железных дорог, и эта починка все же носила временный характер, и эксплоатация была ничтожной, несмотря на восстановление непрерывности пути.

Самым сложным вопросом в разрушениях (и на него необходимо особенно напирать) является следующий: недостаточно точно подготовить необходимые разрушения, надо еще обезпечить взрыв (или поджог) минута в минуту; опоздание или поспешность могут быть гибельны.

Как мы видели выше, предотвратить это лежит на обязанности начальника инжен. войск, выполняя идею командующего армией.

Как этого добиться? Тут, как и везде, на войне нет клише или единоспасающего способа. Это было бы уж слишком легко. Есть применение к обстоятельствам метода, который мы сейчас попытаемся синтезировать. Нужно назначить начальство, которое будет уполномочено произвести взрыв, и пр., и убедиться в том, что оно сумеет это сделать.

В виде примера можно указать способ, который дал весьма удачные результаты в 3-й армии в 1918 г.

В определенной зоне, одна инженерная рота армии была специально приспособлена к производству подготовительных к разрушению работ на дорогах и железнодор. путях, пересекающих Уазу и Эну.

Затем эту роту разбили на эшелонирование и подвижные отряды, которые обезпечивали:

1) Постоянную охрану взрывчатых веществ.

2) Связь с дивизиями, назначенными в арриергард, с целью иметь уверенность, что в нужный момент подлежащее начальство даст приказ о взрыве и не терять его из виду ни днем ни ночью.

Этот вопрос очень важен и заслуживает особого внимания. В 1914 г. связь между командованием и железнодорожными саперными ротами была организована недостаточно отчетливо. Командиры рот были предупреждены, что будут привлечены к ответственности если какое либо инжен. сооружение достанется противнику в целом виде; между тем у них были очень туманные сведения об общей обстановке. Вследствие этого, весьма важные сооружения, как напр. виадук Пуа на линии Амиен-Рауп, были разрушены без всякой необходимости, и в результате в течении 8 месяцев это стесняло развитие последующих операций.

И наоборот, при внезапной атаке на Эне, 27 мая, мосты, разрушение коих было однако тщательно подготовлено, попали в руки противника, из-за отсутствия связи и точных распоряжений для взрыва.

Индустриальный район и его разрушение. Война ввела в военное искусство новое понятие: о индустриальном районе, сделавшемся, так сказать, неот'емлемой частью действующих армий. Основной принцип военного дела все еще остается в силе: прежде всего, *нужно разбить противника*; но для того, чтобы разбить его, нужно оружие, и одним из орудий является индустриальный район. Это одна из сил, находящихся в распоряжении командования. Эта сила должна быть неразрывной частью в его оперативных расчетах, ибо ему нужно пользоваться ею, и следовательно, и прикрывать ее, и если оно не в силах этого сделать, если ему приходится отходить, то оно должно разрушить ее живые силы, чтобы не отдать их в руки врага.

Отсюда вытекают два принципа:

1) Продуманная и изученная, еще в мирное время, мобилизация каждого индустриального района, об'единяя все время конструкционные способы военных материалов с самыми последними и совершенными достижениями индустрии и крупных предприятий, попутно с глубоким исследованием вопроса о приспособлении всех крупных индустрий мирного времени, к нуждам военного времени.

2) Подготовка разрушения индустриального района, которого командующий при отступлении не имеет права отдать врагу, т. к. это равносильно было бы сдаче одной из его армий.

Детальное исследование мобилизации наших национальных индустрий является столь огромным вопросом, что не может быть произведено здесь, но необходимость его признана ныне всеми.

Наоборот, необходимо указать, что разрушение, в случае надобности, является задачей начальника инженерных войск армии, согласно директив высшего командования.

Не может быть речи об установлении здесь каких-либо общих правил, ибо каждый частный случай потребует иного решения. Конечно, можно разрушить фабрики и копи района, но можно также разрушить и транспортные средства, поддерживающие его жизнь посредством подвоза сырья и продовольствия и вывоза готовых продуктов. Тогда нужно произвести глубокие разрушения железных дорог и каналов, а также разрушить морские и речные порты.

Вследствие разрушения железных дорог, мы испытывали огромные трудности, когда приступили к восстановлению северного района, хотя упомянутые разрушения, повидимому, преследовали другие цели.

Индустриальный район можно парализовать также путем разрушения центральных электрических станций, но следует учитывать, что электрическая энергия зачастую может доставляться и из районов, весьма удаленных от района, подлежащего разрушению. Так, напр., для Саарского района было бы недостаточно разрушить центральные электрические станции, расположенные на территории Саары, ибо питание этого района электрической энергией легко может быть налажено через Трир или Людвигсгафен. Во всяком случае вопрос, в такой постановке, является весьма сложным и для его разрешения необходим тесный союз военно-инженерного начальника с инженером, детально знающим промышленную жизнь района. Это м. б. достигнуто при помощи органа, аналогичного „окружной (или линейной) комиссии“*) в организации жел. дорог.

Этот тесный союз военного техника с техником специалистом необходим и в вопросе разрушения фабрики.

„Рома“ („Rohma“—Rohstoff und Maschinenverwertungsstelle) была составлена из крупных промышленников. Мы нашли многочисленные документы, доказывающие, что германцы задолго вперед (часто за 6 месяцев) изучали предположенные ими разрушения.

Ибо, в самом деле, разрушение фабрики является весьма сложным делом. Конечно, наиболее простым способом будет разрушить все. Но это трудно и требует продолжительного срока. Поэтому нужно сделать выбор и не только бить по жизненным органам, но еще и из них выбирать такие, которые труднее и дольше восстанавливаются. Следовательно для успешного выполнения такой задачи необходима помощь очень опытного специалиста.

В качестве наглядного и точного примера напомним, что разрушения, произведенные германцами, лишили Францию *20 миллионов тонн угля,* т. е. почти всей довоенной продукции, и около $^3/_4$ довоенной добычи металлургического кокса.

Саарские копи лишь в небольшой доле возмещают эту потерю. Их продукция равняется *10 миллионам тонн,* из коих значительная часть потребляется в самом саарском районе, или уходит в южную Германию, а также в Эльзас-Лотарингию. К тому же саарский металлургический кокс весьма невысокого качества; последствием этого

*) Commission de réseau.

являются большие закупки угля заграницей, особенно в Англии, в результате коих происходит падение нашей валюты.

Таким образом, благодаря этим основательным разрушениям, Германия, побежденная на поле битвы, достигла своей цели в экономической области. Ныне можно надеяться, что сведение счетов в этом направлении лишь отложено, и что в ближайшем будущем это нелепое положение будет изменено. Но это же не наше дело.

Теперь, когда выяснены все общие положения проблемы коммуникаций, можно перейти к методу. Мы уже касались его в ходе этого краткого очерка. Остается обобщить—это метод индустриальный.

III. Индустриальный метод.

Утверждение, что необходимо во всех областях человеческой деятельности применять индустриальный метод, стало почти банальным, но гораздо реже можно встретить правильное определение, в чем он состоит. Мы попытаемся синтезировать его в нескольких словах, опираясь на принципы, установленные одним весьма выдающимся инженером, который, еще в очень молодых летах, сделался крупным промышленником; это главный директор заводов Комментри—Фуршамбо (Commentry—Fourchambault), г-н Анри Фэйоль, книга которого „Общее индустриальное управление" стала образцом и без преувеличения может быть охарактеризована, как „Рассуждение о методе правильного ведения дел и управления людьми".

Основное правило, установленное г. Анри Фэйолем, заключается в том, что наряду с техническими, торговыми, финансовыми операциями и т. д., ведущимися в каждом предприятии, существует еще одна более общая функция (менее других известная), которая охватывает все остальные настолько, что господствует над ними; г. Фэйоль называет ее „административной функцией", но мы, военные, назовем ее „индустриальной функцией", ибо на военном языке под администрацией подразумевается удовлетворение материальных нужд армии.

Эта функция заключает пять элементов:

Дальновидность.

Организацию.

Командование.

Координацию.

Контроль.

— При выполнении этой функции, говорит г. Фэйоль, кроме принципов необходимо еще находить и применять определенные способы. Эти правила явились плодом опыта, ограничившегося горной и металлургической промышленностью, и все же они поражают своим универсальным характером. При помощи индукции (вполне законной) их можно распространить на все области человеческой деятельности. Всякая организация, какова бы она ни была (семья, государство, провинция, армия...), подчиняется определенным законам, выполнение коих ведет к процветанию, а забвение их—к параличу.

Современная война значительно расширила пределы военного дела. Военные операции все более и более принимают форму промышленных предприятий; они требуют высшей степени развития качеств организации и метода, подразумеваемых в функции командования.

На самом деле, рассмотрим вопрос сверху:

Главнокомандующий устанавливает основы операции, указывает ее цель, определяет основные условия успеха, точно устанавливает, в пределах каждого крупного соединения, все меры, кои надо принять, все средства, кот. нужно пустить в ход до, во время и после операции соответственно роли, предназначенной для каждого из этих соединений.

Так устанавливается общий план действий, определяющий задачи армейских групп и армий, распределение сил и средств.

Генерал, командующий группой армий, установит такой же общий план действий для своей группы.

Каждый командующий армией выработает, в свою очередь, план действий своей армии, во исполнение коего армейские корпуса и пехотные дивизии установят свои частные планы.

Теперь, сверху до низу иерархической лестницы и для каждого рода оружия или отдельного управления, сплошным потоком польются проэкты—т. наз. „Планы применения", в которых должны будут проявиться пять качеств индустриального управления, состоящие в том, чтобы: организовать, командовать, координировать, контролировать.

Чем серьезнее каждый из участвующих органов выполнит эту предварительную задачу, тем лучше будут обеспечены условия для успеха, тем меньше будет риск.

Но среди всех этих органов есть один, целиком выполняющий индустриальную функцию,—это инженерные войска, на которые ложится задача применить, использовать множество сил и средств, различных между собой.

Им придется действовать не только готовясь к определенной операции, а постоянно,—в резерве, на походе, при отступлении, во время боя, при преследовании. Коммуникации (ограничимся этой частью задачи инженерных войск) всегда являются жизненным вопросом, даже в периоды затишья. Нужно быть на высоте задачи, а для этого необходимо развивать и применять пять элементов, которые я указал выше. Эта задача ложится на начальника инженерных войск, и мы таким образом приходим к выводу (упущенному из виду в мирное время и силою вещей сделанному во время войны) о необходимости иметь *технического советника* при каждом командующем крупным соединением.

Это выражение—технический советник—часто употреблялось в уставах, определявших права и обязанности начальника инженерных войск армии, корпуса, дивизии.

Нужно признаться, что до войны никогда не удавалось добиться удовлетворительного определения этого термина.

Ибо дело заключается вовсе не в том, как это думают многие, чтобы высшее командование было осведомлено о технических затруднениях. У него есть другие задачи.

Нужно другое, нужно, чтобы начальник инженерных войск крупного соединения осуществлял идею командующего, непрестанно исполняя, в технической части, индустриальную функцию. Он является доверенным лицом командующего и обязан предвидеть, командовать, организовать, координировать и контролировать. Для того, чтобы выполнить эту задачу, ему нужно быть в одно и то же время и инженером и офицером.

В индустрии применение пяти основных принципов проводится при помощи четырех главных способов:

1) Программа действий.

2) Схема организации каждой службы, в отношении личного состава и материальных средств.

3) Применение горизонтальной связи во избежание проволочек, неизбежных при сношениях только по иерархической лестнице.

4) Еженедельные совещания начальников отделов и служб. Применим эти способы к военно-инженерному делу.

Программа.—Начальник инженерных войск армии устанавливает ее соответственно распоряжениям командующего армией, намерениям последнего на будущее время согласно директив, получаемых им от главнокомандующего

а) При обороне, эта программа, напр., будет заключать:

Разрушения мостов.

Разрушения дорог.

Уничтожение пробелов в сети.

Разрушение источников воды.

Ориентировку войск, прибывающих на заранее подготовленные оборонительные позиции.

Исследование маршрутов для отхода.

Постройку и выпуск плотов на реках, для тяжелых грузов.

Постройку и установку понтонных мостов.

Заграждение дорог для обороны.

Запруды, течения судоходных рек.

Эвакуацию материальных средств и т. д.

б) При наступательных действиях:

Установку мостиков для атаки.

Починку дорог, испорченных артиллерийскими снарядами.

Устройство проезжих тропинок.

Постройку командных постов.

Разведку маршрутов.

Постройку и выпуск плотов на реках.

Постройку понтонных мостов, свайных мостов и т. д. и т. д....

Начальники инжен. войск армейских корпусов или пехотных дивизий также установят свои программы, каждый в связи со своим

непосредственным начальником, и представят их своим корпусным командирам или начальникам дивизий.

Схема организации *). —Для каждой составной части крупного соединения, эта программа выразится, следовательно, в планах использования инженерных рот дивизий, армейских корпусов и армии (понтонеры, электротехники, квартирные отделы, иностранные вспомогательные рабочие отряды и т. д.).

Нужно всячески настаивать на преимуществах, извлекаемых из заблаговременного установления точных планов применения инженерных единиц на всех ступенях. *Эти планы осуществляют формулу. Нужно определенное место для каждой инженерной единицы, и каждая инженерная единица должна быть на своем месте.*

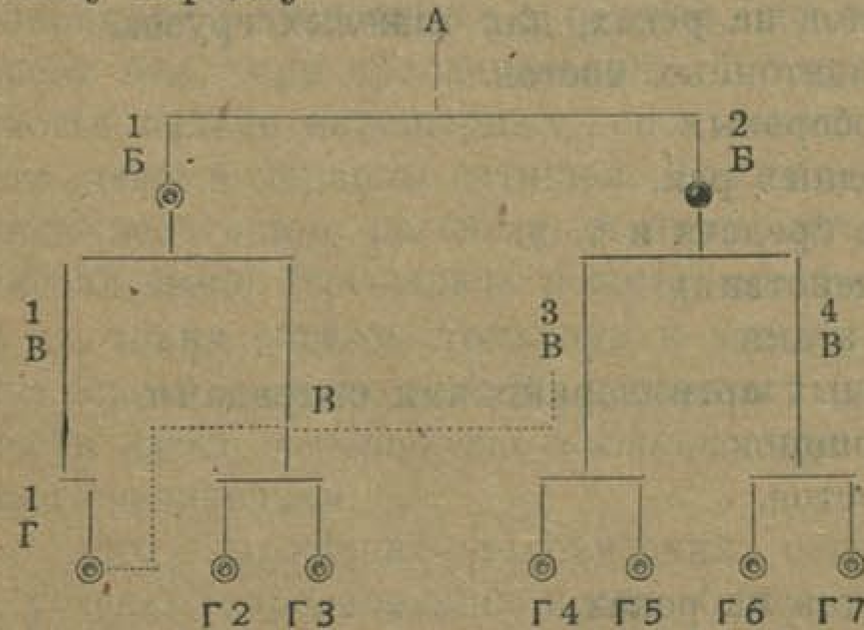
Крупные соединения отсылают эти планы в армию; по рассмотрении начальником инженерных войск армии, который координирует и дополняет их и дает свое заключение, они утверждаются командующим армией.

Таким образом все инженерные начальники дивизий и корпусов имеют определенную программу, оставляющую очень немного на долю лихорадочных импровизаций поля сражения. Отсюда вытекает полная координация действий и правильное использование технических средств.

Программа выразится также в требованиях на материалы; начальник инженерных войск армии централизует и координирует все эти требования, причем в части, касающейся перевозок, будет действовать в контакте с 4-м бюро.

И в этом отношении, для каждой операции, нужно ввести в обиход понятие о дневной потребности инженерных войск в материале и перевозочных средствах, также как существует понятие о дневной потребности артиллерии в снарядах.

Горизонтальная связь (la Passerelle **).—Горизонтальная связь должна быть средством против проволочек, свойственных иерархическому порядку.

Схематически, начальник А имеет подчиненных Б.^{1} Б.^{2} В.^{1} В.$_2$ В.^{3} В.^{4} Если Г^1 имеет дело к В,^{3} то он должен подняться по линии В.^{1} Б.$_1$ А и спуститься по линии Б.^{2} В.^{3} Гораздо проще установить между Г.^{2} и В.^{3} соотношение, называемое горизонтальной связью.

Мы сейчас же увидим применение этого в службе сообщений. Напр. пехотная дивизия имеет срочную потребность в каком либо материале; обычным порядком требование пойдет в армей-

*) Tableau d'organisation.

**) Буквально—мостик.

ский корпус, который пересылает его в армию; оно попадет в 4-е бюро штаба, которое, будучи завалено подобными требованиями, зачастую вынуждено запрашивать по телефону артиллерийское управление, которое, в свою очередь, отвечает, когда находит для этого время. Дивизии долго придется ждать просимого материала.

Если же, наоборот, мы себе представим, что начальник инженерных войск армии будет действовать по индустриальному способу, то мы ясно увидим огромную разницу в результатах. Каждое утро он присутствует на докладах у командующего армией и поддерживает непрерывную связь, лично или через свои отделы, со всеми отделами штаба армии. Каждый день он посещает командиров армейских корпусов и начальников пех. дивизий, проверяя инженерных начальников этих соединений и таким образом в течение недели успевает переговорить со всеми ими, а если дело идет о срочной операции, то видится с ними каждый день. Он отмечает все нужды в материалах и удовлетворяет требования, частью непосредственно, благодаря предусмотрительной подготовке складов, лесопилов, кузниц, и пр., частью же входит в соглашение с 4-м бюро на предмет затребования транспортных средств (грузовики или эшелоны железной дороги с колеей в 0,60 м.). Он связывается по телефону с начальниками технических управлений главной квартиры, если нужно, то и с тыловыми базами, и просит срочно подготовить к отправке материал, который будет своим порядком официально запрошен по иерархической линии; еще лучше, если он пошлет офицера для сопровождения материала и обеспечения быстрой его доставки, если речь идет о важной и необходимой вещи, как напр. сваебойная машина, паровая машина, динамо и т. д.

Выгоды и сущность горизонтальной связи настолько ясны, что на этом не стоит долго останавливаться.

Также обстоит вопрос не только с материалами, но и с личным составом специалистов. По возвращении с об'ездов, вечером, начальник инженерных войск немедленно отправит группу электро-техников для срочной установки, или офицера своего штаба, или специалиста (по дорожному делу, водоснабжению и т. д.) для того, чтобы на месте, на рассвете же, выяснить положение и составить список материала, необходимого для предписанной работы, и т. д. и т. д.

С одной стороны—тесная связь начальников инженерных войск между собою, с другой стороны—со штабами соответствующих крупных соединений.

Но, кроме того, необходимо, чтобы работа различных инженерных частей была вполне координирована, таким образом, чтобы инженерные части высшего соединения всегда во время и, так сказать, автоматически, прибывали на место для того, чтобы усовершенствовать, усилить и дополнить работу инжен. частей низшего соединения: нужна, следовательно, еще и тесная связь инженерных эшелонов и частей между собою.

Одной из главных задач генерала, командующего инженерными войсками армии, заключается в том, чтобы обезпечить эту координацию и связь на всех ступенях; в подчиненных соединениях эта задача ложится на начальников инженерных войск арм. корпуса и пех. дивизии.

Совещания военно-инженерных начальников.—Одними ежедневными об'ездами начальника инжен. войск армии нельзя ограничиваться. Координацию и связь следует обезпечить, кроме того, периодическими совещаниями начальников отделов и служб; напр. каждые шесть или десять дней, каждый инженерный начальник, по очереди, докладывает о ходе своих работ, о связи с соседними секторами (участками), своей потребности в материалах, своих предложениях по использованию наличных сил, своих проектах.

Все расходятся, зная, что им надо делать, в какой мере можно рассчитывать на поддержку, зная, что придется давать отчет. Затруднения выясняются и часто разрешаются тут же. Каждый, сверху до низу, чувствует за собою определенную поддержку.

Мы может быть слишком долго остановились на этих четырех способах, как на примере. Конечно существует еще множество других, и все они хороши, если вытекают из пяти основных принципов, установленных г. Фэйоль.

И действительно, рассмотрим первый из упомянутых выше способов: программу (или план) действий, в той форме как мы его изложили—план действий, план приступа к работам, план использования и применения; мы ведь ясно видим, что это, прежде всего, выражение и орудие предусмотрительности, но тут одновременно участвуют и все пять основных элементов:

Предусмотрительность—сущность всякого плана.

Затем *организация,* ибо нельзя провести программу в исполнение без хорошо обученного личного состава и подготовки нужных материальных средств.

Командование также, ибо вырабатываются и устанавливаются приказы и распоряжения;

Координация, потому что программа вырабатывается при участии всех инстанций и должна установить взаимное доверие между ними;

Наконец *контроль,* являющийся необходимой основой всех расчетов и предположений.

Вот таким образом может быть успешно выполнена задача инженерных войск в деле организации сообщений и коммуникаций и производства разрушений.

Теперь для каждого должно быть ясно, почему для этого требуются технические советники при командующих крупными войсковыми соединениями. И эти советники, это тоже ясно, должны быть не только техниками, хорошо знакомыми с техническими возможностями для того, чтобы информировать командование и давать вполне выполнимые приказания,—они должны также обладать индустриальной практикой и

знанием военного дела. Поэтому они должны еще в мирное время подготовляться к этой тройной миссии.

Не следует забывать, что их пришлось импровизировать во время войны, ибо эти должности были упразднены за несколько лет до 1914 г. Тогда пренебрегли опытом наших отцов, хотя последние приобрели его на полях сражений и отводили очень значительную роль генералам, командующим артиллерией и инженерными войсками армий.

Можно не возвращаться к этому, но необходимо, чтобы военно-инженерные начальники участвовали во всех учениях, маневрах, во всей подготовительной работе к войне.

Таким образом они приучатся к месту, которое им предстоит занимать при командующих крупными соединениями, и к предстоящим им задачам. Этого не заменит никакая импровизация, как бы талантливы ни были те инженеры, которые покинут свои фабрики и предприятия для того, чтобы идти на войну.

Заключение.

В виде резюме из всего вышеизложенного вытекает следующее:

1) Необходимость применения к коммуникационным работам индустриального метода, и для этого нужно наличие, уже в мирное время, хорошо организованного командования инженерными войсками.

2) В отношении материальных средств, необходимость глубокого и непрерывного изучения успехов индустрии и возможности применения их в военно-инженерном деле для коммуникаций, передач и подготовки, на каждой фабрике, быстрой мобилизации этих материальных средств и использования оборудования для непрерывной выделки их при помощи опытного технического персонала, одним словом необходимо распространить на всю нашу индустрию военную организацию наших железных дорог.

М. Дзенит.

Операция 17-й стрелковой дивизии против армии Булак-Балаховича

с 13-го по 28-ое ноября 1921 г.

(Из личных воспоминаний).

В операциях во время Варшавского похода (июль, август и сентябрь месяцы 1920 г.) 17-ая стрелковая дивизия потеряла почти весь свой личный состав, сохранив некоторую часть старшего комсостава. При отходе от Варшавы дивизия на Барановичских позициях получила небольшое количество пополнения до 4000 человек, которое в последних боях, перед перемириями, на Слуцких позициях, получило некоторый боевой закал. После перемирия с Польшей дивизия была в составе около 2500 шт., 200 сабель, после из обозных это число было доведено до 3000 шт., что и составляло численность дивизии во время операции. Дивизия была выведена сперва в резерв фронта в район Бобруйска, а затем в резерв главкома в район Рогачева Жлобин. Начальник дивизии был назначен наштармом 3 и вр. командование дивизией принял начальник штаба, и новый начальник дивизии был назначен только 7-го ноября.

Изнуренные во время Варшавской операции лошади попали в районе Бобруйск—Рогачев—Жлобин в неблагоприятные условия фуражного снабжения и в течение месяца стоянки в резерве почти совершенно были изнурены голодом и не могли не только везти артиллерию и обоз, для них даже было затруднительно на месте стоянки доставлять довольствие—для частей и фураж—для собственного довольствия.

Полки занимались строевой и тактической подготовкой по расписанию и инструкции, выработанным инспекцией пехоты XVI армии и утвержденным командованием армии еще в летних месяцах этого года, расчитанным на две недели обучения, с производством занятий с 9-ти часов утра до 20-ми часов вечера. Кроме того еще было предписано производить занятия с младшим комсоставом по 6 часов в неделю.

Ясно, что эти инструкция и расписание, выработанные и расчитанные на длину летнего дня, не отвечали ноябрю, когда уже в 16 часов начинает темнеть, почему это расписание вносило путаницу в распределение занятий, а инспекция пехоты на это внимания не обращала.

Кроме того, несмотря на то, что мы переживали период маневренной войны, где все время имели дело с походным движением, в этом расписании и инструкции походному движению в течение двух недель отводилось только два часа.

Конница дивизии—кавполк в числе 186 сабель, с истощенными лошадьми—не могла быть в необходимой степени использована для разведки и ординарческой службы.

Материальная часть артиллерии и личный состав были в довольно хорошем состоянии, но от сильного истощения лошадей и некомплекта таковых артиллерия с места трогаться, без реорганизации, не могла.

17-ую стр. дивизию было приказано перебросить в район Киева, к чему и велась вся подготовка, и дивизия два раза начинала погрузку, но по обстановке на фронте погрузка оба раза была отложена. В это время, около 5—7 ноября уже намечались активные действия Булак-Булаховича. В том и другом случае дивизии артиллерия была необходима. Между начдивом и начартдивом начались совещания и соглашения и инспекции арт. всех степеней, занявшись после Варшавской операции *обсуждением* вопроса об реорганизации артиллерии в крупном масштабе, определенных указаний не давали, и все соглашения начдива с начартдивом оставались не санкционированными со стороны инспекции. Сама же инспекция 16 армии, кроме того, заинтересованная в оставлении в армии большего числа артиллерии, с переброской дивизии в район Киева, даже отдала приказ о передаче некоторой части артиллерии в другие дивизии и в распоряжение инспартарма, ввиду чего начались споры между начдивом и нач, артдивом о преимуществе якобы того или другого артдивизиона, т. е. который оставить при дивизии и который передать.

Новый начдив, приняв 7-го ноября дивизию и закончив ее осмотр 12 числа, доложил армии о положении артиллерии и просил командарма разрешить, для предстоящих операций, сформировать из всей арт. дивизии два более или менее боеспособных легких дивизиона и одну гауббатарею, сосредоточив для этого лучших лошадей из всех дивизионов, а остатки передать инспартарму для доформирования, дабы они не были обузой для дивизии.

13-го ноября в 3 часа последовал приказ командарма 16, который гласил, что дивизия из резерва главкома передана в распоряжение командарма 16 и дивизии было приказано 13-го ноября с рассветом выступить и к утру 15-го ноября сосредоточиться в районе оз. Дремлец, у Секиричи, дер. Шкова, выбросив конницу в дер. Евсенчи, отсюда раз'езды на д. Комаровичи, дер. Кузьмичи, м. Копатковичи, м. Петрикозо и м. Скрыгалов.

По означенному приказу пехота дивизии в два дня должна была сделать, считая по прямой, 90 верст, конница 100 верст и еще выбросить от себя раз'езды на 45 верст.

Кратчайшими путями для быстрого сосредоточения являлись: для 50 бригады из района Рогачева через м. Щедрино, м. Паричи, дер. Чернин и для 49-ой бригады из района в 6 верстах к западу от Жлобина тоже через м Паричи, дер. Чернинн и для 51-ой бригады из района в 8-ми верстах к югу от Жлобина, дер. Дуброво и в район оз. Дремлец. Но на этом пути необходимо было переходить реку Березину, о переправах на которой сведений не имелось.

Штарм 16, запрошенный сразу же ночью о переправах, на первый раз ответил, что в штабе никого нет и таковую справку можно будет получить на следующий день, а дивизии уже с рассветом нужно было выступить: запрошенный вторично штарм от имени наоперупра ответил, что есть переправа у Шацылки, а есть ли у м. Паричи, он не знает. Высланная же накануне разведка по направлению на Шацылка, для выяснения тревожных слухов о движении банд Балаховича, от местных жителей получила сведения, что мост у Шацылки неизвестно кем разобран

Таким образом, за неясностью сведения о переправах и коротком сроке, остававшемся до выступления, начдив 17 направил 50 и 49 бригады через м. Паричи, приказав дивинжу выбросить вперед на подводах две саперные роты для постройки переправы у м. Паричи и 51-ую бригаду с приданным ей кавполком через ст. Шацылку, выбросив вперед дорожно-мостовую роту для исправления моста через реку Березину у ст. Шацылка.

Начартдиву было приказано, согласно прежних предположений, к 14-му ноября сформировать два боеспособных легких артдива, 42-х линейную батарею и Гаубдивизион, передав остальную артиллерию Инспартаму; по расформированию 1 легк. артдив. направить за 51-ой бригадой, а остальные за 49 и 50 бригадами.

Хотя этот приказ артиллерии и отдавался, но ясно видно было, что в срок выполнен быть не может, ибо для этого артиллерийскими начальниками, включая инспекцию, ничего сделанного не было: артдивизионы с выводом дивизии в резерв оставались при бригадах и хотя требовали сразу реорганизации, но не были для более удобного управления сведены в один район, хотя бы Рогачева или Жлобина, где им довольствие всех видов можно было бы подать прямо с вагонов и устроить свою связь, дабы начарту иметь все в своих руках. Это сделано не было, и дивизионы до последнего момента оставались обузой.

В первый день похода к исходу дня 13 ноября 50 бригада достигла м. Шедрино, где расположилась на ночлег; 49 бригада—района м. Паричи и 51 бригада с приданным кавполком—района ст. Шапылка, ст. Жердь, пройдя в среднем от 35 до 40 верст.

Когда на 2-ой день 14 ноября около 12 часов начдив 17 прибыл в м. Паричи, то застал переправляющихся через Березину по

слабому льду и на двух весьма скверных паромах части 50 и 49 бригады. Причем тут оказалось, что на старых сваях сожженного моста железно-дорожный отряд 19 армии строит мост, о каковых работах штарм 16 видимо не знал, ибо ночью начоперупр ответил, что о переправе у Паричи он ничего не знает.

Дивинж. двух саперных рот на подводах не перебросил, почему работ по постройке моста сразу ускорить было нельзя, и части с риском продолжали переправляться по льду и на паромах.

На второй день марша бригады, опять сделав в среднем 35—40 верст, к исходу дня 14 ноября достигли: 50 бригада—района М. Дрешлец, полештадив перешел в дер. Чернин. На 15 ноября бригадам оставалось подтянуться верст на 10—15, что и было сделано, и к полудню 15 ноября 50 бригада сосредоточилась в районе деревень Дуброва—Коргитловка—Смыковичи—Ловстыки, выставив заслон на *р. Птичь* у дер. Поречье; 49 бригада в районе деревни Гроббе—Ломовичи—Гроббе-Малая—Нивна, выставив заслон на *р. Птичь* у дер. Бубновка; 51 бригада в районе дер. Радцы—Мушицы, выбросив один полк в дер. Секитичи. Кавполк к исходу дня 15 ноября достиг дер. Евсеичи, но ввиду усталости лошадей раз'ездов выслать не мог.

Местность, по которой дивизия в течении двух дней совершала марш, лесисто-болотистая, дороги песчаные, почему обозы, имея плохих лошадей, далеко отстали от пехотных частей да и в самой пехоте было много отсталых, с потертыми ногами, которые в течения всего 15 ноября продолжали подтягиваться. Обозы же в течение 15 числа не подтянулись.

Батальон связи дивизии, также имея плохих лошадей, отстал от оперативного штаба, и по прибытии в деревню Чернин 14 ноября полештадив со штармом надлежащей связи не имел: от Могилева до Бобруйска штарм имел связь со штадивом 57 по телефону, штадив 57 из Бобруйска имел телефонную связь на протяжении 40 верст из Бобруйска с 505 полком в м. Паричи и от м. Паричи до дер. Чернин, полештадив 17 имел конную связь, при чем телефонная линия от Бобруйска до Паричи работала скверно, т. к. на ней в промежутке еще сидел 97 кавполк, который все время мешал разговору.

16 ноября в 9 часов утра была получена директива командарма 16, отданная в 15 часов 15 ноября и опоздавшая на 18 часов по причинам выше описанной связи.

Директива гласила о переходе в полдень 16 ноября всей 16-ой армии в решительное наступление для уничтожения банд Булак-Балаховича. 17-ой стрелковой дивизии с приданной ей, находящейся в районе Глуска, 24-ой бригадой 8-ой стр. дивизии, было приказано к полудню 16-го ноября, перейдя в энергичное наступление, к исходу дня занять линию м. Скрыгалов—м. Калинковичи; 17-го ноября занять линию м. Евтушкевичи—гор. Мозырь и к исходу дня 18-го ноября занять линию Юревичи—м. Барбатов, войдя в связь с Юго-Западным фронтом, коннице выбросить раз'езд в западном направлении. Опера-

ции дивизии с запада прикрыть 24-ой бригадой 8-ой дивизии, перебросив ее в район дер. Кузьмичи—ст. Птичь—м. Петриково.

Разграничительными линиями были даны: между 17-ой див. и 33 Кубкавдив. м. Паричи,—м. Копатковичи—устье реки Славеча,—дер. Друньки и дер. Бабчик, включительно для 17 дивизии, и 48-ой див. гор. Жлобин—м. Калинковичи—м. Юревичи, все пункты для 48 див., а м. Юревичи для 17 дивизии включительно.

Где находится 33 Куб. кавдивизия, начдив 17 сведений не имел; также не имелось более—менее точных сведений о 48 дивизии. Проезжая 13 ноября Жлобин, начдив 17 случайно узнал от коменданта станции, что в Жлобин ожидается прибытие 33 кавдивизии, но когда именно она начнет прибывать—неизвестно, и что через Жлобин проследовали, направляясь на Шацылку, части 48 дивизии. Следовательно, где находятся указанные в директиве соседи, точных сведений не было. 10 дивизия к этому времени под давлением противника отходила к Речице.

Сведений о противнике почти никаких не было.

Проезжая м. Паричи, начдив 17 в штабе 505 полка встретил задержанных двух красноармейцев 29-ой бригады 10 дивизии, которые показывали, что бои идут верстах в 10 южнее м. Озаричи. Кроме того, по прибытии в дер. Чернин, по сведениям местных жителей—подводчиков, обозы нашей 29 бригады 12—13 ноября отходили через Гороховище—Дубровск по направлению на Жлобин и на м. Евтушкевичи, и что в районе Глуска уже появились партизанские отряды Балаховича.

Как всегда, неизвестность на войне хуже всего: уже начинали циркулировать тревожные слухи, а к устранению их со стороны дивизии не было возможности, ибо штарм никаких мер для установления связи не принимал.

Согласно полученной директивы командарма, 17-ой дивизии необходимо было в первый день 15 ноября сделать 50 верст, разбить на пути противника и с боем форсировать лесисто-болотистую и трудно доступную реку Припять, а в последующие два дня 17 и 18 ноября проделать с боем, в среднем по 25 верст в сутки, и это все нужно было сделать после того, как дивизия в два дня сделала 90 верст.

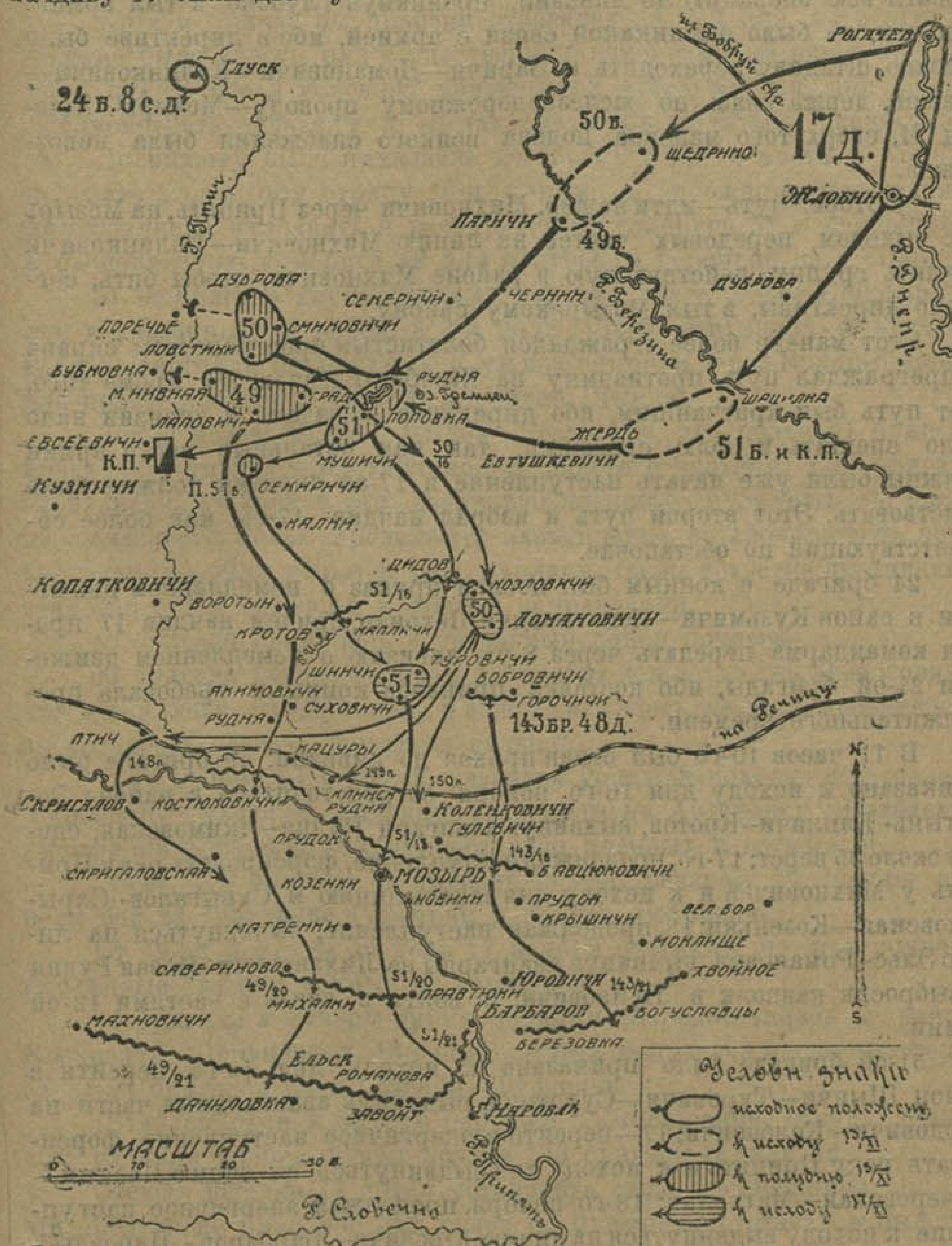
Начдив 17 сообщил командарму, что так как директива опоздала и до сближения с противником дивизии необходимо сделать около двух переходов еще до поставленной директивой задачи, таковая в срок выполнена быть не может и что дивизия приступает к переходу.

Здесь создавалась такая обстановка:

Согласно директивы, дивизия должна была наносить удар своим правым флангом и этот фланг прикрыть 24-ой бригадой 8-ой дивизии, но эта бригада от 17-ой дивизии находилась в 55 верстах к северо-западу. 17 дивизии нужно было немедленно начать наступление к югу, а 24-ой бригаде, чтобы перейти в район, где она могла обеспечить операцию 17-ой дивизии, нужно было пройти 80 верст; начдив 17 с 24-ой бригадой связи не имел, значит посылка ей приказа при

плохих лошадях занимала $1^1/_2$, а то и два дня. Надежды на обеспечение фланга быть не могло, ибо 24-ая бригада могла придти в указанный район после того, как 17-ая дивизия свою операцию должна была кончить, как это на самом деле и случилось.

По характеру местности, для выполнения поставленной задачи, начдиву 17 были два пути:

1) Из района сосредоточения сильной группой двинуться через Кобатковичи—Скрыганов и выйти в тыл Мозырю и далее на Барбатов—на Ровно, но, выполняя этот маневр, эта группа, во первых, оторвалась бы верст на 50 от других частей армии, за покрытое болотами пространство, и, во вторых, ее фланг не мог быть обеспечен 24 бри-

гадой, со стороны главной базы противника—м. Туров. Кроме того, так как директива значительно опоздала, 48 дивизия могла принять влево в свои разграничительные линии, в надежде прихода 17-ой дивизии, и главное направление на Жлобин—Рогачев, и фланг 48 див. остался бы открытым, чем противник мог легко воспользоваться и сорвать всю операцию 48 дивизии, проникнув глубоко в тыл армии. При чем, не было бы никакой связи с армией, ибо в директиве было указано штадиву переходить м. Заричи—Домановичи—Калинковичи—Мозырь, держа связь по железнодорожному проводу—Мозырь—Жлобин. И, сверх того маневра, подача всякого снабжения была невозможна.

2) Второй путь—идти на дер. Михновичи через Припять, на Мозырь и с выходом передовых частей на линию Михновичи—Калинковичи усилить группу, действующую в районе Михновичи, чтобы бить, согласно директивы, в тыл Мозырскому району.

Этот маневр более ограждался болотистым пространством справа и преграждал путь противнику на Жлобин-Рогачев. Да, кроме того, этот путь был кратчайшим, ибо директива опоздала и дивизии надо было спешить к полю сражения, так как остальные части армии должны были уже начать наступление, и 17-ая дивизия должна была действовать. Этот второй путь и избрал начдив 17-ть, как более соответствующий по обстановке.

24 бригаде с конным был послан приказ о немедленном движении в район Кузьмичи—Копатковичи-Петрико, причем начдив 17 просил командарма передать через 8-ую дивизию о немедленном движении 24-ой бригады, ибо доставка приказов конными требовала продолжительного времени.

В 11 часов 16-го был отдан приказ по дивизии: 49 бригаде было приказано к исходу дня 16-го ноября сосредоточиться в районе Зоротынь-Капличи--Кротов, выдвинув авангард Рудня--Якимовская, сделав около 35 верст; 17-го, продолжая наступление, форсировать реку Припять у Михновичей и к исходу дня занять линию м. Скрыгалов--Скрыгаловская—Козеньки; 18, продолжая наступление, выдвинуться на линию Эльс--Романовка, выдвинув авангарды на Лихановичи--Новая Рудня и выбросив кавполк в Буйновичи, и войти в связь с частями 12-ой армии.

51-ой бригаде было приказано к исходу дня 16-го перейти в район Шычи—Туровичи—Суховичи, выдвинув авангардные части на Гардовичи—Колбасичи; 17—перейти в энергичное наступление, форсировать реку Припять и к исходу дня выдвинутбся на линию Новики—Кучеровская—Матренки; 18-го ноября, продолжая энергичное наступление, к исходу выдвинуться на линию Юровичи—Барбаров--Паровльа—Завлот и приступить к постройке переправ через реку Припять.

50-ой бригаде было приказано двигаться за 51 ой бригадой, причем начдив 17 имел ввиду, что если противник прорвался у м. Домановичи на Жлобин, то ударить его во фланг и разбить его здесь; если противник здесь не покажется, то бросить эту бригаду на пра-

вый фланг для усиления 49-ой бригады у Махновичей, для развития успеха в тыл Мозырю, где 50 и 51 бригада развивали бы наступление в юго-восточном направлении, а 49 бригада прикрыла бы это наступление с юго-запада от Махновичей и Ельска, при чем, если с запада противника не оказалось бы, то 49 бригаду начдив имел ввиду вывести в резерв в район Мозыря.

Хотя и приказ по дивизии отдавался на три дня, но в эти дни должно было внести ряд существенных изменений по ранее задуманному плану, ибо в условиях маневренной войны на три дня вперед предусмотреть нельзя, т. к. обстановка может меняться ежедневно.

Дивинжену было приказано достройку второго моста у Паричи передать дорожному отряду 16-й армии, а дорожно-мостовую роту инжбаталиона направить в распоряжение комбрига 51 и две сапроты в распоряжение комбрига 49 для постройки переправ на р. Припять.

51-ая бригада двумя полками переправилась через Поповца-Цидов в указанный ей район, а 3-й полк (152-й) направила в виде бокового авангарда по прямому пути из Секиричи через Колки-Копличи для присоединения к бригаде в районе Шынчи.

Дойдя ночью до д.д. Цыдов—Козловичи, два полка 51 бригады ночью встретились с противником и, вместе с частями 143 бригады 48 дивизии, атаковали его, взяли 250 пленных, пулеметы, но ввиду невозможности ночью продолжать наступление, остановились на ночь. 152 полк, подойдя ночью к дер. Капличи, также встретив противника, атаковал его и отбросил в южном направлении.

49 бригада двинулась в указанный район ночлега.

50 бригада поздно вечером 16 ноября дошла до дер. Выносовичи, что 3 вер. южн. оз. Дремлец, и заночевала здесь, не имея возможности за усталостью людей двигаться дальше.

17-го ноября 51 бригада, развивая успех, к исходу дня заняла Туровичи—Суховичи, выдвинув авангарды на Антоновку и Колбасичи. Противник поспешно отходил, оставляя пленных и пулеметы.

Слева, 143 бригада 48 дивизии поздно вечером 17 ноября еще вела бой за обладание Горочичи и полуст. Бобровичи.

От 49-ой бригады за день 17 ноября сведений не поступало и посланные трижды конные не вернулись.

50 бригада к вечеру двумя полками сосредоточилась в районе Козловичи—Домановичи, 148 полк ее был направлен непосредственно за 51-ой бригадой на д. Влески—Туровичи.

Штаб дивизии к вечеру перешел в Домановичи, откуда только еще уходили вперед штабы полков 143 бригады 48 дивизии.

Отсюда штадив 17 хотел установить связь со штармом, но на это средств не имел, ибо бат. связи по прежнему отставал и был где то далеко сзади, по пути на Домановичи.

В это время за отсутствием горючего и порчи машин связь с фронтом также осложнилась, ибо сотрудники штадива своих лошадей не имели, а начдиву пришлось спешить одного ординарца и сесть на слабую лошаденку, что весьма тормозило знакомство с положе-

нием и далее будет видно как начдив, чтобы иметь представление, что делается на фронте и не отставать от частей, должен был делать верхом по 70 верст в день.

В ночь с 17 на 18-ое ноября начдивом 17 был отдан приказ по дивизии о более энергичном движении частей вперед. 148 полку 50 бригады было приказано, по выходе 51 бригады на линию желдороги Калинковичи—Птичь, направиться на ст. Птичь для обеспечения фланга (ибо части 24 бригады к этому времени туда еще не могли подойти), и если 49 бригада не передвинулась через желдорогу к Припяти, то 148-ой ударить во фланг противнику.

Остальным полкам 50 бригады было приказано двигаться вплотную за 51 бригадой.

Прибыв в 6 часов утра 18 ноября в дер. Влески в штабриг 51, начдив 17 узнал, что 152 полк, пройдя Капличи, присоединился к 51-ой бригаде у дер. Шничи. Из этого было ясно, что 49 бригада тоже пройдет к реке Припять, встречая перед собой малое сопротивление. Был принят ряд мер (посылкой конных), чтобы связаться с 49-ой бригадой, но получить сведений от нее не удалось.

Как ранее было предусмотрено, так и теперь, обстановка указывала, что необходимо будет усиливать правый фланг, т. е. 49 бригаду, и в ночь с 17 по 18 было приказано один из полков 50-ой бригады из района Домановичи не позже полудня 18 перебросить на ст. Клинск.

18-го ноября 51 бригада, отбрасывая противника, захватила около 400 пленных, 3 пулемета и одно траншейное орудие и к вечеру подошла вплотную к реке Припяти у гор. Мозыря, хотела с разбега взять Мозырь, но так как мост был разобран и пр-к находился на другом берегу с природною крепостью у Мозыря, командующей над нашим болотистым берегом, то, встретив оттуда руж. и артогонь, отошла в исходное положение, оставив на берегу разведку.

148 и 149 полки 50-ой бригады перешли в район ст. Клинск дер. Рудня, а 150 было приказано перевести в Калинковичи.

С высот у гор. Мозыря ночью были видны вспышки орудий. раздавался пулеметный огонь, ружейные выстрелы и был слышен в гор. конский топот. Необходимо было хоть одно орудие, чтобы произвести панику у деморализованного противника, но артиллерии не было, ибо она где то еще в тылу формировалась по широкому плану инспекции. Сделать начдив ничего не мог, ибо тут вмешивались все инспекции до республиканской включительно, играли роль какие то крупные масштабы, а на поле битвы не было минимально необходимого.

Начдив 17 обратился к комбригу 143 с просьбой дать одно—два орудия, но комбриг 143 ответил, что его артиллерия, из за лошадей, стала. Было решено с комбригом 51 отложить атаку Мозыря в лоб, изыскать другие переправы и оперировать усиленной 49 бригадой в тыл Мозыря.

Когда начдив вечером 18 прибыл в Калинковичи, то принял ряд мер, чтобы связаться с 49 бригадой, и к утру 19 было получено донесение от комбрига 49, что 17-го вечером бригада подошла к Припяти. выслала на ту сторону разведку и начала строить переправу у дер. Костюковичи.

К утру 19-го была переправлена на ту сторону вся бригада, но, встретив сильное сопротивление, продвинуться не могла. Части прот-ка, отходившие от Мозыря, переходили в контр-атаки, ввиду чего пункты м. Скрыгаловская и Прудок переходили из рук в руки по 3—4 раза. Здесь, по показанию пленных, был ранен брат Балаховича, автомобиль которого был захвачен нами.

Переправа 49 бригады задержалась почти на сутки, ибо инженерные части для постройки переправы не подошли (как не подошли они ранее к Паричам) и пехотным частям в условиях болот и отсутствия материалов пришлось продолжительно строить переправу.

Утром 19 ноября был момент, когда нужно было усилить 49 бригаду и начдивом для этого были подведены резервы, но этому помешало командование 16 армией.

В ночь с 18 на 19 ноября через штадив 48 была получена новая директива командарма, гласящая, что в г. Речицу ворвался противник, и требующая от 48, а особенно от 17 дивизии более энергичного движения вперед и о выводе резервной бригады 17 дивизии в армрезерв в район Калинковичи.

Вывод в армрезерв резервной бригады 17-ой дивизии связал руки начдива 17, ибо по обстановке 49 бригада требовала усиления, чтобы окружить и разбить противника в районе Мозыря, так как иначе он мог уйти.

Начдив 17 сразу же запросил через штадив 48 командарма [о разрешении, по обстановке, использовать для развития успеха в тыл Мозыря армрезерв, но командарм не разрешал, а, в свою очередь, предложил оставить против Мозыря от 51 бригады заслон и остальные части бригады перебросить на усиление 49 бригады и вызвал начдива 17 в штадив 48 для доклада обстановки, хотя эту обстановку он уже знал от наштадива, находящегося в штадиве 48. Этот вызов командарм два раза повторил. Такого шага, чтобы ехать в тыл на 60 верст с фронта во время операции, начдив 17 сделать не мог: во-первых, это было несвоевременно и, во-вторых, у начдива, кроме плохой лошаденки, не было никаких средств передвижения, что командарму было известно.

Начдив 17, получив ответ и вызов командарма, снова настоятельно запросил командарма разрешить ему использовать армрезерв, ибо переброска 51 бригады займет сутки—время будет потеряно—противник уйдет, а 50 бригада уже подведена в тылу 49 бригады. Тут ясно было видно, что 50 бригаду нужно было бросить на усиление 49 бригады, а взамен 50, если командарму нужен был резерв, могла быть выведена 51 бригада, но на это последовало соглашение командарма только через сутки, т. е. утром 20 ноября.

Разумеется, начдив 17 не мог ждать, ибо обстановка не позволяла, и с наступлением темноты 18 ноября было приказано 51 бригаде, отыскав новые переправы, взять город Мозырь, чтобы не дать отбросить обратно за Припять 49 бригаду.

В 2 часа ночи 20 ноября части 51 бригады взяли г. Мозырь, причем город был взят следующим образом:

Было приказано найти возможность переправиться южнее Мозыря и подготовлялась переправа севернее Мозыря у железнодорожного моста.

Командир 153 полка с 74 красноармейцами переправился на лодках в 3 верстах южнее Мозыря, в дер. Новик; за ним начал переправляться и весь полк. Командир полка, не ожидая переправы остальной части полка, с 74 красноармейцами прошел по берегу незамеченным со стороны города и в 2 часа ночи с криком „ура" кинулся в город; внезапное появление его произвело панику у противника. Но малая численность тонула в массе противника и балаховцы могли легко опомниться, но тут через мост ворвался 151 полк. Было захвачено около 300 пленных и пулеметы; 152 полк в это время начал переправу у желдормоста на пароме, но паром сорвался и потонул вместе с 15 красноармейцами, после чего полк был направлен на мост у самого городка.

20 ноября 51 бригада вышла на линию Михалки, выдвинув авангард на Правтюка, а 49 бригада вышла на линию Соверинка-Михалки, выдвинув авангард на Рудня-Санюковская, причем за день было взято около 500 пленных, 8 пулеметов и 2 орудия.

148 полк 50 бригады, дойдя 19 числа до ст. Птичь, нашел там головные части 24 бригады. Оттуда полку было приказано переправиться через Припять и ударить в тыл м. Скрыгалов для содействия 49 бригаде, а 20 ноября полку было приказано перейти в район дер. Скрыгановская и прикрыть фланг 49 бригады с запада на м. Скрыганов и дер. Казимировка.

21 ноября 49 бригада вышла на линию Махновичи-м. Лоск-д. Завойт и вошла в связь с частями юго-западного фронта у дер. Даниловка; 51 бригада вышла на линию Барбаров-Паховы-Завойт и приступила к постройке переправ через р. Припять. 143 бригада 48 дивизии заняла м. Юровичи и выдвинулась на линию Березовка-Богуславцы-Хвойное.

К этому времени начала прибывать артиллерия дивизии, уже никому не нужная и являющаяся обузой в голодное время.

Какова же была *связь* во время операции?

16 ноября ко дню выступления дивизии из района оз. Дремля для перехода в наступление, батальон связи еще только подошел к м. Паричи. Отсюда ему сразу было приказано двинуться дальше на м. Озаричи и м. Домановичи, но к Домановичам он подошел только 18 ноября, откуда и начал искать связи с армией со ст. Холодники. Полештадив 17 в это время уже перешел в дер. Дудичи и непосредственной связи с армией не имел—от Дудичи до Холодники были

протянуты бригадой две линии телефонных линий. Чтобы переговорить с армией, необходимо было по телефону передать в Холодники, а из Холодников передавали в армию.

Обе указанные линии почти ежеминутно, за дальностью, портились, и переговоры шли через промежуточные посты. 19 ноября в Дудичи прибыли скадив и комбат связи, которые, не имея личного состава, сами передавали телефонограммы. 20 ноября подошел батальон связи и полештадив перешел в Калинковичи, откуда удалось связаться с армией по Морзе (по железнодорожному проводу), но и эта связь была не надолго, ибо в тот же день в м. Домановичи пришел штадив 33 кавалерийской, и включился в провод 17 дивизии с армией и перебил связь; переговоры со штадивом 33 ни к каким результатам не привели: 21 ноября провод совершенно испортился, началось его исправление и связь совершенно прекратилась. Шестовая колонна 17 дивизии доходила до Жлобина, т. е. около 100 верст в сторону армии, но со стороны штарма встречной линии не нашла, а тянуть провод до Могилева, до штарма, она не была в силах.

Тут еще раз подчеркивалось непонятное отношение штарма и необходимость выезда его ближе к позиции.

Мне могут возразить, почему начальник дивизии не старался оставаться дальше на одном месте и не позволял сохранять дальше связь с армией? На это могу ответить, что этого начдив не мог, если бы он это сделал, то оторвался бы от частей за неимением средств передвижения и могло бы получиться, что не было бы связи ни с тылом ни с фронтом, а обязанности начдива, во-первых, иметь связь с войсками, и пусть уже армия идет с начдивом.

Какова была работа органов *снабжения* дивизии во время этой операции?

При выступлении из района Рогачев-Жлобин 13-го ноября части были удовлетворены довольствием с выдачею на руки по 14 число; а в бригадные отделы снабжения из дивизии было выдано по 20 ноября. Части двинулись вперед со скоростью в сутки 35—40 верст, а обозы их и органы снабжения по указанной уже выше причине—истощение лошадей—отстали от частей, не поспевая за ними по весьма скудным песчаным дорогам Полесья. Далее части делали с боем 15—20 верст в сутки, обозы уже их не могли догнать, и части были преданы самоснабжению за счет местного населения, а ввиду крайней бедности Полесья и, частично, голоданию.

Головная база снабжения первоначально была выдвинута на ст. Шацинка, что около 65 верст от м. Калинковичи, где скудный обоз не мог справиться с подвозом. Затем база была перенесена на ст. Холодники, что находились в 40—50 верстах от частей; и здесь усталые обозы не могли ничего подвезти.

На это обстоятельство было обращено внимание командования армией, на что последнее ответило, что дивизии придаются из гор. Гомеля 12 и 23 транспорты, которые к 18 ноября должны прибыть в Жлобин, 23 транспорт через день был отменен, а в 12-ом тран-

спорте, по докладу начснабдива, находилось около 25 кадровых повозок и, вдобавок, он только 18 числа прибывал в Жлобин; из Жлобина до Холодники он должен был пройти около 70 верст, а от Холодники до частей 40—50 верст, а в итоге он, если и был бы способен подвести, то только через 3—4 дня и тут по расчету видно было, что от него никакой пользы не было, ибо во время подача снабжения произойти не могла.

Наконец, командованием дивизии было приказано заложить новую головную базу по желдороге через Гомель-Речицу на Калинковичи, но на ст. Калинковичи летучка прибыла только 23-го ноября.

И тут командованием армией не было принято должных мер по снабжению дивизии; армии не следовало ограничиться только выдачею дивизии продовольствия вперед и на этом успокоиться, надлежало позаботиться о том, попадает ли это в руки войскам. Это опять не могло быть выполнено органами снабжения дивизии, так как дивизия в быстрой операции оторвалась от тылов и не могла принять мер, то прямая обязанность тылового начальства об этом позаботиться, тем более о тех мерах, кои не по силам командованию и органам снабжения дивизии. Да, кроме того, каждый начальник, давая подчиненной части (в данном случае командарм—дивизии) задание, должен знать, как она ее выполнит.

Этим закончился первый период операции 17 дивизии, и дальнейшая ее операция состояла в погоне за прорвавшимся отрядом Балаховича и в перегруппировке для выхода на русско-польскую демарклинию.

Дивизия в течение 8-ми дней сделала в условиях боя и походного движения около 200 верст, что, в среднем, составляет 25 верст в сутки, а если считать, что день 15 ноября прошел на подтягивание отставших и 19 ноября вышла вышеупомянутая заминка, то выйдет, что дивизия в 6 дней сделала в условиях походного движения и боя 600 верст, что, в среднем, составит 35 верст в сутки. Как первая, так и вторая цифра в тех условиях, в которых действовала дивизия, не малы, и та суетливость командования армией, которая была проявлена директивой от 18 ноября „о более энергичном движении дивизии вперед", вряд ли была уместна.

Дивизия захватила около 3.500 пленных, 4 орудия, около 30 пулеметов и другие снаряды.

Согласно приказа командарма от 18-го ноября, 48 дивизия должна была одной бригадой, удерживая фронт Юровичи-Хвойное, две бригады сосредоточить в районе ст. Василевичи и ударить в тыл группе противника, наступающей на Речицу, вследствие чего образовался от Хвойное—Макановичи разрыв фронта, чем противник, теснимый из Речицы, воспользовался и, отходя, вышел в тыл нашим частям.

21-го ноября, в 12 часов дня, начальник 17 дивизии подслушал разговор комбрига 143 с начдивом 48, что, якобы, противник, в ночь с 20 на 21, двумя колоннами из всех родов оружия прошел дер. Великий Бор—в направлении на дер. Мокинище и в 7 часов утра

появился в районе дер. Прудки—Крышичи, что 15 верст юго-восточнее Калинковичи, где стояли обозы 427 полка 143 бригады. Из разговора комбрига 143 с начдивом 48 было понятно, что в районе Прудок появилась какая-то банда.

Для того, чтобы выяснить, что находится в районе Прудок, и для ликвидирования банды начдивом 17 туда был послан заградительный отряд дивизии в 180 штыков. Один взвод этого отряда в районе ст. Демарка неожиданно наткнулся на противника. Взвод разбежался, не выяснив, что за противник впереди.

После дополнительных переговоров начдива 17 с начдивом 48 начало выясняться, что это, якобы, отряд 1-ой дивизии Булак-Балаховича около 800—1.000 штыков, 300 сабель при 6 легких орудиях, во главе с самим Балаховичем, прорывается из-под Речицы и желает переправиться через Припять в районе Мозыря или Барбарова, а если там не удастся, то из района Прудок двинуться на север через Мал. и Бол. Автюцевичи, через раз'езд Болевица в обход с севера Калинковичей. Эти сведения были получены от местных жителей и не вполне достоверны—так как местные жители частью сочувствовали Балаховичу.

Так как от Мозыря до Барбарова по Припяти стояла бригада и южнее ее другая бригада, то за этот участок нечего было опасаться, ибо здесь прорваться нельзя было, а район к северу был прикрыт, то после этого начдив 17 начал стягивать резервы в район Мозыря и Калинковичи; со ст. Птичь на ст. Калинковичи вызвал один полк 24 бригады (150 полк уже имелся в Калинковичах) и из района Борисковичи, что в 10 верстах западнее Мозыря, один батальон 149 полка перевел в гор. Мозырь и один батальон на ст. Калинковичи. Все команды приведены были в боевую готовность и об'единены под командованием комбрига 50 в Калинковичах. Одновременно с этим были выдвинуты заставы на раз'езд Голевицы, а в деревню Сирод и Гулевичи были высланы 4 раз'езда—на Бол. Автюцевичи—Демарка, Прудок—Лубня, кроме того, выслана была пешая разведка в две партии, по 40 человек каждая, по дороге на Мозырь для выяснения противника и его намерений, чтобы затем обрушиться на него, так как сил для разброски не хватало и таковые приходилось держать в кулаке, чтобы, выяснив действительно противника, преградить ему дорогу и разбить.

Ни один из раз'ездов и пешая разведка не вернулись, так как противник, устроив засады, захватил всех в плен и до поздней ночи начдив 17 не знал о характере намерений противника и только ночью, в 3 часа, прибежал из деревни Рудня, что в 8 верстах западнее Калинковичи, перебежчик из отряда Балаховича и сообщил, что отряд, при помощи местных жителей, был проведен по лесной тропинке между Калинковичами и Мозырем на Рудню. Следовательно, начдив 17 ничего не знал, а противник от захваченных пленных и местных жителей был великолепно ориентирован.

На Рудню тотчас же были направлены 149 и 150 полки; эти части в Рудне настигли хвост колонны противника, захватили часть обоза и около 300 пленных. Противник кинулся на запад, вдоль линии желдороги, но был встречен у раз'езда Клинск подходящим сюда 71 полком 24-й бригады, после чего Балахович повернул на север, вдоль реки Иппы. Здесь, в районе дер. Капличи, в это время должен был находиться головной полк 32-й Кубкавдивизии, но он от неожиданного удара противника разбежался, открыв этим путь отхода противнику в северном направлении.

Комбригу 50 с приданным 71 полком 24 бригады было приказано преследовать противника, а комбригу 24 с приданным 17 кавполком перерезать путь отступления противника на Залесье—Калки.

Противник двигался очень быстро и перерезать дорогу ему было трудно; наконец он достиг р. Птичь, где у дер. Лучицы переправил кавчасти и часть пехоты, но обозы его и большая часть пехоты с артиллерией были настигнуты частями 50-й бригады и захвачены в плен.

Далее противник двинулся своими остатками на Комаровичи; 24-й бригаде было приказано перерезать ему здесь дорогу, но уставшие части 24-й бригады приказа не выполнили, и противник к вечеру 26-го ноября отошел на ст. Жидковичи и далее на демарклинию.

По выходе 49 и 51 бригады 21/XI на линию Ельск—Нарович—Барбаров 22 ноября начдивом 17, согласно переговоров с командармом, было сделано предупреждение 49 бригаде изготовиться к смене 51-й бригады, которая должна была выйти в резерв в район гор. Мозыря.

24-го ноября была получена директива командарма 16, в которой коротко говорилось: „Начдиву 17 теперь же сделать перегруппировку войск, чтобы к вечеру 27-го выйти на линию Кузьничи—Дяковичи—Лесковичи—Зиодин, оставив одну бригаду в армейском резерве".

К этому времени 51-я бригада была уже сменена 49 бригадой и ей было приказано из района Мозыря перейти в район Лешня—Осовец, где сосредоточиться к вечеру 25-го ноября; 50 бригаде бросить погоню за кавчастями противника, передав таковую 33-й кубкавдивизии и сосредоточиться в районе ст. Птичь и Стрыганов, а 24-й бригаде, продолжая совместное с 33-й дивизией преследование противника, подготовить перегруппировку войск для выхода на линию Кузьмичи—Лесковичи.

В директиве командарма ни слова не говорилось о том, что можно ли бросить линию, занимаемую 49-ой бригадой, или нет, и какова задача частей 12-ой армии юго-западного фронта, причем только указывалось в директиве, что разграничительная линия с 12-ой армией прежняя, но 17 дивизия никогда с 12-ой армией не граничила, и эта линия 17-ой дивизии сообщена никогда не была.

Связи с армией все время не было и вопрос возник серьезный—где разграничительная линия с 12-ой армией, можно ли снимать 49 бригаду, так как для нового наступления нужны были войска, а две бригады ловят прорвавшегося противника, 49 бригада занимает фронт, можно ее снять или нет—это неизвестно и в армейском резерве

нужно оставить одну бригаду. Были попытки вызвать штарм по радио, но штарм не отвечал, наконец радио было передано через 10 дивизию, но и на это ответа не последовало.

Ввиду этого, до выяснения, 49 бригада оставалась на фронте Ельск—Барбаров в течение 24 и 25 ноября и, не имея связи с армией, начдив 17 вечером 25 решил снять с фронта 49 бригаду и отвести в армейский резерв в район дер. Скрыгановская—Костюковичи, предупредив об этом комбрига 20—12-ой армии, прося его переменить фронт вместо севера на запад, дабы не образовать прорыва.

Части 24-й бригады, преследуя противника, 26-го ноября к вечеру достигли линии Жидковичи—Кузьмичи, а 51 бригаде было приказано к вечеру 27 занять линию Зподин—Десковичи.

Производя разведку, 51 бригада 26 ноября обнаружила части 12-ой армии в Зподине, т. е. впереди уже наших частей, об этом штарм 16 не знал, и 26 ноября штарм, отдавая новую директиву о движении далее для занятия русско-польской демарклинии и м. Туров, указывал, что части 12 армии будут наступать на дер. Симоновичи—Млынок, что юго-восточнее м. Туров 30 верст: в то время, как 26 ноября частями 12-ой армии было уже занято м. Туров.

К 28 ноября 51 и 24 бригады вышли на русско-польскую демарклинию, 50 бригада сосредоточилась 27-го в дивиз. резерве в районе Пенориково—Сметаничи и 49 бригада в армейском резерве в районе ст. Птичь—м. Скрыганов.

Здесь еще раз необходимо отметить чрезвычайную скудность нашей связи: 24 ноября отдавался приказ, чтобы к 26 подготовить связь на ст. Птичь, но когда начдив 17—27 утром прибыл на ст. Птичь, то там никакой связи не было, несмотря на то, что здесь от Мозыря до Птичь только 33 вер. и масса железнодорожных проводов, но в течение трех суток никакой связи установлено не было.

В итоге 17 дивизия, за 14—15 дней передвижения и боя в вышеуказанных трудных условиях снабжения, местности и управления, сделала около 350 верст, что, в среднем, составляет в сутки около 30 верст, притом почти без топографических карт, так как запрошенные 13 ноября из штарма карты штармом до 28 числа присланы не были и оказавшиеся на руках у некоторых лиц комсостава карты явились случайными, так как 17 дивизия весной в этом районе действовала.

За всю операцию дивизией было взято около 4.500 пленных, около 40 пулеметов, 6 орудий и масса обоза, в то время как сама дивизия имела только около 3.000 штыков и ни одного орудия.

Я никаких особых выводов делать не буду и предоставлю тем самым, кто этим кратким сообщением поинтересуется, сделать заключение и пожелания: каковы должны быть расчеты и заботы полководца при постановке задачи подчиненным частям (в данном случае командования армии—дивизии); какова должна быть работа высших штабов и где они должны находиться во время операции, чтобы во всем их ориентировать, иметь о них сведения и иметь связь; должен ли высший

начальник вмешиваться в задачи частных начальников или ограничиваться общими директивами, давая инициативу частным начальникам; что необходимо сделать для подготовки войск и отдельных родов оружия, чтобы друг другу содействовать в какой либо мере для выполнения общей задачи; следует ли задаваться широкими планами, в срок невыполнимыми, как это было с артиллерией, или ограничиться требованием момента, чтобы не остаться безучастным зрителем, и что нужно принять для подготовки войск, чтобы не случилось такого явления как с разведкой под Калинковичами.

Р. И. Башинский.

Эволюция методов

артиллерийской стрельбы во время мировой войны *).

Позиционный характер, преобладавший в мировую войну над маневренными периодами, несомненно был решающим моментом во влиянии на те приемы стрельбы, которые усвоены почти всеми артиллериями, принимавшими участие в этой войне. Но как бы то ни было, без малейшего намерения отрицать или в какой либо мере возражать против практиковавшихся до сих пор чисто полевых приемов стрельбы и, в особенности, приемов пристрелки в полевой артиллерии, нельзя не признать, что многое полезное из приемов, до сих пор считавшихся свойственными исключительно позиционной артиллерии, следует удержать и для полевой, а там, где этого не усвоено, как, напр., у нас, ввести и практиковать, чтобы быть подготовленными использовать их в подходящих случаях всеми видами артиллерии и в условиях маневренной войны. Эти приемы дают немало преимуществ, когда они разумно применяются и когда осмысленно учитываются обстоятельства. Возможность избежать методической пристрелки дает стреляющему выигрыш во времени и экономию снарядов, не идущих непосредственно для поражения противника, с одной стороны, не говоря уже о важном преимуществе внезапного открытия огня, сразу действительного, без обнаруживания себя первыми пристрелочными выстрелами; с другой же стороны, в тех случаях, когда точное наблюдение невозможно или крайне затруднено невозможностью точно разобраться наблюдателю в распознании своих выстрелов или по условиям местности или в оживленных секторах обстрела, единственно доступным и целесообразным приемом стрельбы только и может быть стрельба по заранее исчисленным данным, учтя заранее точные топографические, метеорологические и иные условия, влияющие на изменение табличных данных для стрельбы.

---

*) Работа одобрена Арт. Ком. Гл. Арт. Упр. и признана желательной к распространению.

Все это говорит за то, что, не теряя времени, теперь же надо приступить к переработке всех наших таблиц стрельбы не только для орудий тяжелой артиллерии, но и для всех калибров и родов артиллерии, снабдив их всеми добавочными таблицами, графиками и иными данными, необходимыми для быстрого внесения поправок в измеренную дистанцию, как исходную данную для подготовки стрельбы.

Целью этой статьи является проследить, как эволюционировали приемы стрельбы у иностранных артиллерий в период мировой войны и как это отразилось на их уставах последних изданий, о которых до нас дошли уже сведения, хотя и в виде отрывочных и случайных экземпляров иностранной военной литературы.

Франция.—Громадный расход снарядов, ставший отличительной чертой первых же боев мировой войны, и массовые обстрелы одной и той же цели, иногда в течении нескольких дней, наглядно показали артиллеристам частое несоответствие табличных данных фактическим условиям стрельбы и на этой почве среди французских строевых артиллеристов стало зарождаться большое недовольство имевшимися в их распоряжении таблицами стрельбы.

Ряд посыпавшихся в тыл жалоб фронта на неточность этих таблиц уже с начала 1915 г. вызвал в тылу лихорадочную работу среди баллистиков и снабженцев для раз'яснения этих недоумений. Был предпринят целый ряд поверочных баллистических стрельб, произведены перерасчеты, поверка начальных скоростей, баллистических коэффициентов, приемов составления таблиц, исходных формул и т. п.

В свою очередь и наблюдения строевых артиллеристов над огромным числом производившихся стрельб по одним и тем же целям, на неизменных дистанциях, давали богатый материал поверки табличных данных по закону больших чисел. И те и другие изыскания вскоре же с ясностью установили чрезвычайную важность принятия к точному учету как топографических, так, особенно, метеорологических или атмосферных, а также и баллистических условий стрельбы.

Хорошая карта местности боевых столкновений, уменье владеть ею, неослабное наблюдение за целью, тщательная и непрерывная разведка, измерение расстояний как до целей, так и до пунктов разрыва своих снарядов, точные и быстрые приемы этих действий, надежные приборы и хорошо обученные люди для обращения с последними, хорошо продуманная организация, надежная связь и безотказно действующее и систематически организованное аэрологическое осведомление—вот важные факторы успеха стрельбы, тогда ясно осознанные командованием.

В этом направлении шла интенсивная работа в тылу Франции в течении 1915 и 1916 г., и уже к 1917 г. были переизданы почти все таблицы стрельбы и снабжены дополнительными данными, гра-

фиками и таблицами, нужными для учета всех поправок в связи с особенностями условий момента стрельбы.

В то же время метеорологические станции и военные зондировочные посты, приспособленные для обслуживания авиации, перестроились для надобностей артиллерии, а артиллерийское командование было снабжено радиостанциями для приемки методически сообщаемых данных о давлении и температуре воздуха в различные моменты дня и ночи, а также о силе и направлении ветра, которые измерялись обычно на различных высотах и приводились по результатам этих измерений к некоторым средним величинам. Эти последние и включались в сведения, посылаемые на батареи, под названием данных *баллистического ветра*, т. е. такого фиктивного ветра, вычисленного в функции времени полета снаряда, который на последний оказывал бы, в общем, то же действие, как и фактический ветер, вообще говоря, переменный и по величине и по направлению в различных слоях воздуха, проходимых снарядом при полете.

Топографическое обслуживание батарей было поставлено на надлежащую высоту широким развитием и организацией команд наблюдателей засечками по вспышкам и по звуку, усовершенствованием точности и быстроты действия приборов и приемов наблюдения, широким развитием воздушного наблюдения и т. д.

Наконец, в том же 1917 г. переработана и издана 19 ноября „Инструкция для стрельбы артиллерии“, совершенно сливающая и об'единяющая приемы подготовки стрельбы и самые правила стрельбы как для легкой, так и для тяжелой артиллерии. При этом у французов произведено действительное и полное отождествление правил и методов стрельбы, что чрезвычайно облегчает—и это сделано сознательно—комплектование артиллерийских частей командным и личным составом, безотносительно к роду артиллерии, и упрощает управление смешанными артиллерийскими соединениями, делая весь аппарат очень гибким. Здесь, несомненно, отразились отличительные черты французской национальности—широта кругозора, живость натуры и всеоб'емлющий интеллект, а также не без влияния осталась и уверенность в достаточной технической подготовленности своего офицерского состава.

Согласно положений устава 1917 г., французские артиллеристы под подготовкой стрельбы по планшету понимают следующий цикл операций:

1. Вычисление или измерение (по карте) превышения цели;
2. Определение дистанции и высоты траектории;
3. Вычисление угла местности;
4. Вычисление или измерение продольной и боковой составляющих ветра (по сведениям, полученным с метеорологической станции или, в крайнем случае, местными средствами батареи);
5. Вычисление поправок дистанции в соответствии с известными вызывающими их причинами, а именно:

а) на изменение табличной начальной скорости (dV_0—от режима орудия и от разнообразия горения пороха различных партий или от различных условий хранения зарядов);

б) на продольную составляющую ветра (Wx);

в) на изменение веса литра воздуха (dw);

г) на изменение веса снаряда сравнительно со средним табличным (dp);

д) на изменение времени горения трубки от атмосферических условий.

Алгебраическая сумма этих поправок дает *исправленную* дальность.

6. Определение угла прицеливания, соответствующего исправленной дальности;

7. Чтение по таблице поправки на деривацию;

10. Вычисление поправки направления на поперечную составляющую ветра (Wy).

11) Окончательное определение установки деривационного барабана.

Все эти операции, производимые по обычным таблицам стрельбы, конечно, требуют затраты времени, может быть, десятка минут, и не исключена возможность ошибок, как при всяких выкладках, особенно, в условиях полевой обстановки.

Подготовка данных для подвижного заградительного огня, особенно при сильно пересеченной местности, потребует и весьма многих минут или даже часов для выполнения подсчетов.

Но с другой стороны практика показывает, что исправленная дальность (п. 6) отличается от измеренной дистанции (п. 2) иногда более чем на 8—10%, т. е. при стрельбе, напр., на 3.000 саж. разница может достигнуть 300 саж.; поэтому весьма существенно уметь возможно точнее вычислить наиболее вероятную исправленную дальность, чтобы избежать бесполезного обстрела большого пространства вне расположения цепи при пристрелке, исходя из измеренной дистанции, тем более, если при этом стрельба затруднена невозможностью надежного наблюдения.

Вместе с тем, первые же стрельбы, подготовленные указанными приемами, повторенные в течении нескольких дней по одной и той же цели при одинаковых условиях, давали весьма согласованные результаты. Поэтому вскоре же живая мысль французских артиллеристов заработала в направлении упрощения и механизации вычислений, и уже в 1917 г. появилось множество всевозможных табличек, графиков и даже графических таблиц стрельбы, до минимума сокращающих процесс предварительных операций при подготовке исходных данных для обстрела.

Что составляют теперь французские таблицы стрельбы, иллюстрируется приводимым здесь кратким описанием содержания, изданных французами в 1918 г., таблиц стрельбы для переделанной под русский 3-дм. патрон их полевой пушки обр. 1897 г. под наименованием 76,2-м. м. франц. полевой скорострельной пушки обр. 1897 г. Таб-

лицы представляют изящную книжку портативного формата в несколько десятков страниц плотной бумаги в три цвета—белого, розового и желтого*). На белой меловой бумаге в начале книжки помещены все вспомогательные сведения, графики и таблицы, на розовой—таблицы стрельбы шрапнелью и на желтой—таблицы гранатой.

После кратких сведений о баллистических данных пушки, о снарядах, трубках и взрывателях, с приложением чертежей последних и указаний всех отличительных меток и клейм как на снарядах, так и на трубках и взрывателях, следуют собственно „Временные таблицы стрельбы". Прежде всего—три графика №№ 1, 2 и 3.

График № 1—это „график барометрический", помощью которого, без всяких вычислений, прямым чтением, можно получить величину барометрического давления воздуха на уровне стояния батареи, если имеется извещение о давлении воздуха на ближайшем метеорологическом посту, полученное оттуда по радио, и превышение (в метрах) батареи над уровнем поста.

Тут же рядом график № 2, дающий, также прямым чтением, вес куб. метра (в кгр.) и величину разницы (в миллигрм.) веса литра воздуха по сравнению с нормальным, т. е. дающий величины:

$$dw = w - 1{,}208 \text{ грм.}$$

по данному барометрическому давлению воздуха на батарее и по температуре этого воздуха. Эта данная учитывается при подготовке стрельбы, как указано выше в п. 5 в.

И, наконец, имеется график № 3, дающий возможность довольно быстро, по полученным с метеорологического поста сведениям о ветре, получить величины его составляющих, которые учитываются также при подготовке стрельбы по п. 5—б и по п. 10.

Дальше идут: таблица I углов местности (в мин). при превышении цели над горизонтом орудия на 1 метр на различных дистанциях от 200 до 9400 мтр. от батареи; таблицы II и II—bis дополнительных поправок углов местности для различных углов прицеливания от 10° до 40° и для углов местности (одна таблица для положительных, другая для отрицательных) в пределах от 30 мин. до 10° через каждые 1/2 градуса; таблицы III и IV углов встречи траектории в точке падения с местностью при обстреле цели, находящейся на восходящем от батареи скате или на нисходящем от последней скате местности.

Затем на розовой бумаге помещены три таблицы V, VI, VII стрельбы шрапнелью со всеми обычными для них данными, кроме специальной таблицы VII, которая содержит данные для вычисления поправок измеренной дистанции в зависимости от колебаний величины начальной скорости (dv_0), весов снарядов (dro), веса литра воздуха (dw) и от величины продольной составляющей ветра (Wx) и поп-

*) Эти таблицы в русском переводе в начале 1921 г. изданы Управлением Инспектора Артиллерии Республики для батарей, формируемых в России из этих пушек, которых в нашем распоряжении имеется порядочное количество.

равок бокового отклонения снаряда в зависимости от величины поперечной составляющей ветра (Wy) и от угла наклона цапф (Q).

Следующие три таблицы под теми же №№ V, VI и VII, но на желтой бумаге, содержат подобные же данные и также распланированные для стрельбы гранатою

Ныне действующая во французской артиллерии „Инструкция для стрельбы артиллерии“, утвержденная французским военным министром 19-го ноября 1917 г., разработана Центральной Артиллерийской Комиссией в сотрудничестве представителей от всех органов, принимающих участие в подготовке и выполнении артиллерийской стрельбы; в ее разработке принимали участие также строевые артиллеристы, выбранные из числа наиболее выдвинувшихся по своим боевым заслугам, которые, несомненно, внесли ценные указания своего боевого опыта и придали этой Инструкции тот жизненный характер, который она имеет.

Разнообразные отдельные положения, уставы и инструкции, изданные до войны для различных видов артиллерии, во время войны дополнялись многочисленными раз'яснениями, циркулярами и наставлениями, вызывавшимися новыми потребностями, иногда временного характера, и нередко мало согласованными как между собою, так и с основными правилами, а порою даже противоречивыми; поэтому Комиссии были поставлены следующие основные задания:

1) Согласовать разнообразные идеи, вызвавшие появление в свет вышеуказанных документов; 2) свести в стройное целое применение новых приемов и усовершенствований, оказавшихся в распоряжении артиллерии и освященных опытом войны, и 3) уточнить способы употребления их в частных случаях, когда это окажется необходимым.

Руководствуясь этими основными заданиями, Комиссия поставила себе для разработки следующие положения, одобренные советом военного министра:

а) установление общих принципов и однообразных правил как в отношении подготовки стрельбы, так и в отношении методов ее ведения;
б) строгое определение функций каждого органа и участника в подготовке и производстве стрельбы и
в) частные случаи применения разработанных приемов к различным калибрам и родам артиллерии.

Кроме того, в соответствии с руководящими указаниями главного командования, Комиссия имела в виду развить гибкость артиллерийской стрельбы и увеличить ее действительность при минимальном расходе снарядов.

В первых же своих заседаниях Комиссия выработала следующий план „Инструкции“:

Часть I. Определения и основные положения и законы, необходимые для изучения свойств траектории и рационального применения правил, изложенных во второй части.

Часть II. 1) разведка;
2) наблюдение;
3) подготовка стрельбы;
4) правила и производство стрельбы.

Эта вторая часть собственно и составляет руководство стрельбы.

Часть III. Описание снарядов, трубок, принятых на службу, и их действие.

Зависимость стрельбы от рационального использования всех средств современной артиллерии заставило Комиссию отнестись с большим вниманием к разработке правил производства артиллерийской разведки и поэтому включить главу о ней в состав руководства для стрельбы, а, с другой стороны, это сделано с целью воспроизвести и закрепить те основы разведки, которые были выработаны за три года войны и нигде еще не были зарегистрированы ввиде оффициальных наставлений.

Чрезвычайно важное значение наблюдения для артиллерии, без которого „артиллерия слепа и бесполезна", вполне оправдывают ту солидную разработку, которою отличаются главы о наблюдении, причем наибольшее место здесь уделено уже вполне установившимся приемам применения наземного наблюдения, а новые и еще находящиеся в стадии практического развития приемы воздушного наблюдения очерчены только в главнейших чертах.

Подготовка стрельбы разработана с особенной полнотой, причем оценка значения и места, которая сама Комиссия отводит в ряде других приемов „методу подготовки начальных данных для стрельбы *исчислением*", широко разработанному в Инструкции, чрезвычайно ярко сделана Комиссией в ее об'яснительной записке к „Инструкции".

„Внимание, уделенное правилам исчисления начальных элементов для стрельбы, не должно никому давать основания полагать, что после этого можно обойтись совершенно без пристрелки: только она одна при хорошем наблюдении обеспечивает желаемую действительность стрельбы. Комиссия руководилась только целью дать командирам батареи практический и надежный прием—и притом освященный боевым опытом—сократить пристрелку и достичь этим следующих выгод:

а) с точки зрения технической—выигрыша времени, особенно ценного в случае воздушного наблюдения, и рационального и экономного использования материальной части и боевых припасов и

б) с точки зрения тактической—внезапности действия, благодаря сокращению до минимума времени, расходуемого на пристрелку, а также возможности действовать в любой момент с известной действительностью, даже при мало надежных или затруднительных условиях наблюдения".

Общий дух „Инструкции" ясно обрисовывается основной мыслью, которой руководствовалась Комиссия в своей работе, а именно—на основании опыта войны дать *самое широкое разрешение* проблемы стрельбы.

Разнообразие задач, которые ставятся артиллерии, и возрастающее в то же время разнообразие ее средств все более расширяют тесные пределы различных подразделений этого оружия. Поэтому нужно было так согласовать прежние приемы, чтобы в общем этот род войска извлек максимум пользы из того, что дал опыт войны, и чтобы полевая артиллерия могла бы использовать приемы тяжелой артиллерии в соответствии с требованиями современной войны для развития действительного и разрушительного огня, в то же время чтобы и тяжелая артиллерия могла располагать практическими правилами для своевременного и быстрого действия в случае невозможности производства кропотливых и длительных измерений.

Комиссия совершенно справедливо замечает, что баллистика всегда одинаково приложима ко всякого рода орудиям, и поэтому правила стрельбы могут быть одинаковыми, независимо от рода орудия и калибра.

Это положение и легло в основу разработки и изложения правил и механизма стрельбы.

Такая тенденция совершенно стирает в основной работе артиллерии—в обучении стрельбе—всякие различия в терминологии и правилах в разных родах французской артиллерии, создавая чрезвычайно ценные выгоды в смысле облегчения подготовки как командного состава, так и кадров, упрощая комплектование и устанавливая тесную спайку всего рода оружия в целом.

Такая постановка вопроса заслуживает большого внимания и представляется вполне целесообразной.

Отдельная книжка „Приложений к Инструкции", почти такой же толщины, иллюстрирует многочисленными примерами основные положения „Инструкции" по ее главам, давая, таким образом, ценный материал для усвоения этих правил и правильного их применения. Наконец, несколько дополнений в конце этой второй книжки, посвященных отдельным родам артиллерии—траншейной, легкой полевой, тяжелой полевой и тяжелой особого назначения (большой мощности)—дополняют „Инструкцию" в смысле оттенения особенностей каждого из родов артиллерии.

Германия.—Немецкая артиллерия начала войну, имея два отдельных устава: „Руководство стрельбы полевой артиллерии", изд. 1911 г., касающееся правил стрельбы из полевой пушки и легкой гаубицы, и „Руководство стрельбы пешей артиллерии", изд. 1908 г., содержащее правила стрельбы из тяжелых полевых орудий.

Приемы подготовки стрельбы были обычные, довольно простые и при том как для легкой, так и для тяжелой артиллерии, в общем, одинаковые, кроме лишь того отличия, что пешая артиллерия располагала планшетом, т.-е. картою, наклеенною на доску, помощью которой подготовка стрельбы могла вестись по исчисленным данным, но при этом поправка предусматривалась только на боковой ветер.

Веер строился по общей точке наводки на цель или по вспомогательной точке, пользуясь угломером направляющего орудия в соот-

ветствии с угломером командирского наблюдательного пункта. Если этого нельзя сделать по условиям местности, прибегали к помощи буссоли. Орудия отмечались. Далее следовала пристрелка.

Полевая легкая артиллерия принципиально вела пристрелку шрапнелью на низких разрывах скачками от 100 до 400 мтр. до получения вилки в 100 м. по неподвижной цели и от 100 до 400 м. при стрельбе по движущейся цели. Пристрелку вели одним взводом; остальные орудия принимали команды, но не стреляли. Получив одинаковое число разрывов в воздухе и клевков, установку трубки считали пристрелянной и для стрельбы на поражение высоту разрыва поднимали на $^{25}/_{16}$ для пушки и на $^{4}/_{16}$ для гаубицы, после чего переходили к обстрелу беглым огнем очередями, меняя прицел для каждой очереди на 50 мтр. при шрапнели и на 25 мтр. при стрельбе бризантной гранатой.

Для ударной навесной стрельбы из легкой гаубицы пристрелку начинали настильным огнем (полным зарядом), отыскивая вилку в 100 мтр., после чего переходили к навесной стрельбе (уменьшенными зарядами), суживая вилку до 50 мтр.

В пешей артиллерии приемы аналогичны, но пристрелка, даже имея ввиду обстрел шрапнелью, всегда начиналась ударными выстрелами до получения вилки в 100 мтр.

Если затем надо было продолжать стрельбу гранатой же, то предписывалось дать очередь в шесть выстрелов при среднем прицеле, который признавался удачно найденным, если получали от 2 до 4 недолетов; в противном случае прицел изменяли на 50, на 25 или на 12,5 мтр. После этого стрельба на поражение велась при найденном прицеле, делая наблюдение по очередям, пока эти наблюдения не укажут на надобность в корректировании.

Если прицел не мог быть найден с достаточной уверенностью, то оставались на вилке в 100 мтр. и обстреливали полосу между ее пределами скачками в 50, 25 или 12,5 мтр. Закрытые цели пытались захватывать обстрелом полосы значительной глубины и ширины.

При последующем обстреле шрапнелью, после получения ударными выстрелами вилки в 100 м., производили дистанционную стрельбу очередями в 6—8 выстрелов на среднем для пристреливания установки трубки. Если же вилку в 100 м. не удавалось получить, то пространство между пределами полученной более широкой вилки обстреливали скачками в 50 метр.

По невидимой цели, при невозможности производства вышеуказанной пристрелки, рекомендовалась стрельба по планшету, т. е. без пристрелки, по заранее исчисленным данным, определяя по планшету дистанцию до цели округленно в сотнях метров и производя обстрел полосы глубиною в 1/10 дистанции, при чем сразу огонь разделялся, беря для обстрела каждым орудием участок цели по фронту в 25 мтр. при стрельбе бризантною гранатою, а при шрапнельном обстреле деля цель на такие участки для каждого орудия, чтобы конуса разлета пуль касались один другого.

Эти приемы вскоре же после столкновения немцев с французами перестали удовлетворять немецкое командование. Когда фронт принял стационарный характер, немцы также стали обращать внимание на то, что ни частые пристрелки, ни определения прицела дня не могли дать последующим стрельбам достаточно удовлетворительных данных для меткой стрельбы; кроме того, приемы стрельбы, практиковавшиеся согласно указаний уставов, не давали возможности внезапных действительных обстрелов противника, к чему, однако, у немцев было определенное стремление уже в первых больших операциях под Верденом в 1916 г. Изменяющиеся в то время приемы стрельбы французской артиллерии все больше и больше начинали привлекать внимание главного немецкого командования, судя по целому ряду приказов ген. Людендорфа по войскам, внимание коих он обращал, между, прочим, на недопустимость расходования на частые и многократные пристрелки сотен тысяч снарядов ежемесячно, не производящих прямого поражения противника [приказ его от 20 июля 1917 г.], тем более, что, несмотря на эти пристрелки, не устранялись справедливые, по его мнению, жалобы войск на недостатки стрельбы немецкой артиллерии.

Однако, все мероприятия немецкого командования по улучшению меткости стрельбы своей артиллерии до 1916 г. ограничивались приказами о сортировке снарядов по партиям и о мерах тщательного хранения пороховых зарядов для сбережения однообразия свойств пороха; к числу таких мероприятий относится и опубликованный в конце 1916 г. „Сборник инструкций для целесообразного применения материальной части и боевых припасов“.

Хотя уже и в это время немецкая артиллерия стала, повидимому, переходить на путь поправок и исчисления начальных данных при подготовке стрельбы, но решительный сдвиг в этом направлении обнаруживается только после вышеупомянутого приказа ген. Людендорфа от 20-го июля 1917 г.; помимо топографических приемов подготовки стрельбы, особенное внимание в этом вопросе по подготовке стрельбы обращается на баллистические и атмосферистические поправки.

Немцы принялись старательно за усовершенствование своих приемов наблюдения и за реорганизацию команд наблюдателей; они создают у себя, по примеру французов, команды засечек, усовершенствуют и развивают приемы воздушного наблюдения, вводят пристрелку при помощи засечек на высоких разрывах и т. под. Предпринятые же в тылу интенсивные подготовительные работы уже к началу 1917 г. выливаются в издание семи таблиц поправок пристрелочных данных для целого ряда орудий.

Около середины этого же года реорганизуется метеорологическое обслуживание артиллерии, используя для этой цели армейские метеорологические станции, существовавшие до того лишь для нужд авиации и в начале кампании приспособленные еще и к обслуживанию впервые немцами введенного в практику военного дела нового способа нападения—химических отрядов. К этому же времени в Мо-

беже открываются курсы „атмосферических поправок“ [Die Tageseinflüss kurse] во главе с капитаном Пулковским, инициатором и горячим апологетом „стрельбы по исчисленным данным.“ На эти курсы командируются не только молодые артиллеристы и командиры батарей, но и командиры дивизионов, полков и начальники артиллерии дивизий.

Следующие таблицы были тогда опубликованы для пользования артиллерией:

1) Определение плотности воздуха;

2) Поправки на плотность воздуха;

3) Поправки на продольную составляющую силы ветра;

4) Поправки дальности в зависимости от различных влиющих на нее факторов;

5) Поправки направления на поперечную слагающую ветра;

6) Указания для определения скорости ветра;

7) Определение поправки на изменение длины зарядной каморы и температуры пороха.

Все батареи систематически три раза в день начинают получать метеорологические бюллетени, при чем давление атмосферы дается приведенным к уровню моря, а батареи по переводным таблицам из него выводят давление на высоте стояния батареи. Температура, сообщается со станций, дается в виде средней из измеренных три раза в день на различных высотах, она пригодна для траекторий разных высот, играя роль „баллистической температуры“ воздуха.

Зная давление и температуру, по таблицам №№ 1 и 2 определяют поправку дальности на плотность воздуха [немецкие таблицы стрельбы вычислены для температуры 15⁰—Ц. при давлении 760 м.м.]. Согласно уже цитированного выше приказа Людендорфа, зондировочные станции определяют направление и силу ветра в м. в сек. по возможности до 2000 мтр. на разных высотах, выводя из этого средние данные, соответствующие средней высоте траектории, данной в таблицах №№ 3 и 4 для каждой дистанции.

Особенное внимание привлекает к себе таблица № 4; она дает возможность учесть влияние на дальность полета снаряда температуры порохового заряда, скорости горения пороха различных партий и колебаний длины пороховой каморы. Таблица содержит 15 столбцов, дающих для каждой дистанции поправку дальности. Исчислив все ранее указанные поправки дистанции, производят обстрел цели, который даст фактическую разницу исчисленной дальности по сравнению с полученной при обстреле цели каждым орудием; эту разницу и относят на долю вышеупомянутых причин, таким образом, отмечая каждое орудие в том или другом из 15 столбцов таблицы № 4 сообразно с его индивидуальными свойствами и качествами пороха. При последующих стрельбах эту индивидуальную поправку орудия принимают каждый раз к учету по соответствующему этому орудию столбцу таблицы № 4 в функции новой дистанции.

Если поверка при последующих стрельбах заставит передвинуть одно из орудий батареи в другой столбец, то и все остальные орудия

батареи перемещаются в другие столбцы, сохраняя между ними прежнее относительное положение.

Если же предварительная стрельба невозможна, то тогда другая таблица № 7 прямо дает возможность определить качество орудия в функции температуры пороха и длины каморы.

При этом приеме, однако, нет возможности отделить поправки собственно на качество пороха от поправки на температуру его и от поправки на режим орудия. Это заставляет полагать, что немцы достаточно уверены в точности составления пороховых зарядов разных партий в соответствии с развиваемой ими начальной скоростью, а также в постоянстве качества его, т. е. в обеспеченности этого постоянства условиями хранения зарядов.

Что касается учета влияния ветра, то, по сравнению с французскими методами поправок, немецкий прием менее удачен, менее точен, т. к. румб ветра разделен только на 16 частей [у французов на 40], и поэтому направление ветра метеорогическими станциями указывается только приблизительно

Зато при определении плотности воздуха у немцев берется к учету „баллистическая" температура, что дает и плотность баллистическую, тогда как французы учитывают плотность воздуха над почвою.

Начало 1918 г. заканчивает эволюцию немецких методов стрельбы введением в полевой артиллерии принципа стрельбы по исчисленным данным—„без пристрелки". После опытной стрельбы 3-го февраля 1918 г. в Мобеже при курсах кап. Пулковского, приказом от 4-го февраля, германская ставка предписывает в армиях произвести широкий опыт применения этого метода для приемлемости приема подготовки стрельбы по данным планшета, исправленным на режим орудия и на атмосферические поправки, и, следовательно, можно-ли „в известных случаях отказаться от пристрелки?"

Батареи полевой артиллерии снабжаются планшетами с картою в масштабе 1/25000.

Для разрешения топографических задач при подготовке стрельбы артиллерийские дивизионы обслуживаются триангуляционными [топографическими] отделениями, остающимися в техническом отношении в непосредственном подчинении начальника топографов армейского корпуса и решающими все топографические задания по указанию и требованию артиллерийского командования, а именно: поверяют топографические данные расположения батареи на схеме данного участка местности, определяют точными топографическими методами координаты правофланговго [направляющего] орудия; отмечают главную директрису с подразделениями направлений по ту и по другую ее сторону; устанавливают дальности до определенных пунктов впереди лежащей местности; данные возможных последующих позиций и. т. п.

Наконец, после нескольких отдельных инструкций и циркуляров, регулирующих использование артиллеристами таблиц поправок, в середине 1918 г. выпускается устав под заглавием „Ежедневные

поправочные данные для артиллерийской стрельбы“ [Tageseinflüsse beim Schiessen der Artillerie], коим окончательно разрешается проблема стрельбы по исчисленным данным и вводится правильная организация метеорологической службы в армии с точки зрения удовлетворения потребностей артиллерии [приказ Людендорфа 30-го мая 1918 г.].

Согласно этому уставу, батареи получают с метеорологической военной станции „баллистический“ вес куб. метра воздуха и данные „баллистического“ ветра, при чем обе данные вычисляются на станции в функции времени полета по так называемому методу Baltaseknuden (сокращение от Balistische Tadeseinflüsse gestaffelt nach Flugzeitsekunden), по которому путь, проходимый снарядом, разделяется на три горизонтальных слоя; температуры и данные ветра, зарегистрированные для каждого из этих слоев, позволяют вычислить по определенным формулам среднюю величину силы ветра и плотности воздуха, которые на всем протяжении полета снаряда вызовут те же отклонения снаряда, какие вызываются фактическими атмосферными условиями в каждом слое (4-ая часть устава—„Принятие к учету ежедневных поправок при стрельбе“).

Розетка (румб) ветров уже теперь разделена на 32 части, вместо прежних 16-ти.

Вопрос обследования индивидуальных свойств орудий занимал особенное внимание главного германского командования. 17 января 1918 г. специальный приказ ставки обращал внимание командного состава батарей на необходимость точно установить индивидуальные свойства своих орудий, с тем, чтобы орудия, требующие слишком больших поправок дальности, были бы выбракованы и заменены другими, мало отличающимися по качествам от остальных орудий батарей. Не была упущена в этом приказе даже такая деталь, как указание, что индивидуальная характеристика орудия действительна только для всей системы в целом, т. е. для тела орудия, с тою люлькою и тем лафетом, на которых качества орудия обследованы; при замене люльки или при перекладывании орудия на другой лафет индивидуальную характеристику орудия необходимо определить вновь.

Таким образом, в методах подготовки стрельбы немцы, также как и французы, решительно подошли к методу заранее исчисленных данных для сокращения пристрелки, одинаково применяющемуся и в легкой, и в тяжелой полевой артиллерии при известных условиях, и ввели в полевую артиллерию планшеты и все необходимые вспомогательные команды и органы.

В 1917 г. немцами сначала издается „Руководство службы полевой артиллерии“, заменяющее издание 1911 г., впрочем, мало что-либо меняющее в нем по существу и лишь отражающее условия использования легкой артиллерии в позиционной войне. Но 1-го декабря того же 1917 г. появляется новое наставление: „Руководство для стрельбы“, одинаково относящееся до обоих родов полевой артиллерии и отменяющее, таким образом, как предыдущее для легкой артиллерии, так и издание 1908 г. для пешей артиллерии.

Дух этого нового руководства проникнут той же тенденцией, как и французское „Наставление для стрельбы полевой артиллерии“, изд. 1917 г.—об‘единение методов стрельбы обоих родов артиллерии, с целью установления единообразия обучения личного состава.

Однако, у немцев эта тенденция лишь во введении к „Руководству“ проявлена ярко, а в существе текста отмечается еще некоторая нерешительность и прежняя обособленность обоих родов артиллерии, может быть об‘ясняемая недоверием немцев к гибкости своих офицеров и кадров и к технической их подготовленности, или же привычкою еще к старым традициям.

Руководство разделено на четыре части. Первые две части: „Общая“ и „Наводка“—воспроизводят содержание „Руководства для полевой артиллерии“, изд. 1917 г. Изменения касаются только большего развития вопросов о меткости стрельбы, добавлена глава об атмосферических поправках и изменено об‘яснение действия осколков бризантных снарядов, где исключено прежнее указание на полет части осколков назад, а указано, что осколки летят только вперед и в стороны.

Третья часть—„Стрельба легкой артиллерии“ то-же почти целиком воспроизводит прежнее „Руководство“, отличаясь от него лишь отожествлением терминологии, принятой в части четвертой, о тяжелой артиллерии.

Здесь, также как и в предыдущем „Руководстве“, ударная стрельба разработана с большими подробностями, чем в старом „Руководстве“, но уже пристрелка ударными выстрелами очередями предписывается не так настойчиво, как в предыдущем наставлении, ее можно производить очередями в 4 или в 6 выстрелов, во время коих вилка меняется на 50 или 25 м.

Дистанционная стрельба на поражение начинается с корректуры пристрелки на низшем пределе вилки; корректор изменяется параллельно с изменением прицела, если нужно.

Ударной стрельбе с крутой траекторией из легкой гаубицы по прежнему предшествует стрельба полным зарядом, но только до получения вилки в 200 м. (вместо прежней—100 м.).

Специальная глава посвящена стрельбе по исчисленным данным (без пристрелки).

Четвертая часть—„Стрельба тяжелой полевой артиллерии“ мало вводит нового для этого рода артиллерии по сравнению со старым руководством. При стрельбе бризантными снарядами, учитывая вышеупомянутое изменение взгляда на характер разлета осколков, предписывается при обстреле очередями стремиться получить преобладание недолетов над перелетами. В обеих последних частях характерными особенностями являются: 1) требование при обстреле полосы в пределах 100 мтр. вилки предварительно поверить оба предела, 2) пользование вспомогательной целью и, наконец, 3) введение новых приемов стрельбы: с наблюдателем—летчиком и с привязным шаром, борьба с танками и броневиками, стрельба по шарам—наблюдателям, стрельба

с командами засечек по звуку и по вспышкам, пристрелка на нормальных разрывах и т. п.

Наблюдение за время войны претерпело серьезные усовершенствования только с введением новых органов, однако, вне состава батарей и даже им не подчиненных. Наземное же наблюдение средствами самих батарей осталось прежним по существу и по оборудованию, т. е. с теми же оптическими приборами, какие были и до войны—стереотрубы и бинокли; „Руководство" 1917 г. только несколько пространно говорит, но и то в самых общих чертах, о боковых наблюдателях в батареях. Более научные приемы применяются только в командах отмечателей, но это органы, совершенно посторонние для батарей, как будет указано дальше.

Пристрелка с воздушным наблюдателем, как и всюду, ведется командиром батареи, который находится у антены, получая от наблюдателя его наблюдения по радио. Стрельба на поражение контролируется по очередям в 6—12 выстрелов, при чем наблюдатель дает положение средней точки разрыва относительно цели. Пристрелка при помощи команд отмечателей как по звуку, так и по вспышкам, подобно французскому методу, основана на определении засечкою величин отклонений, определяется отклонение средней точки очереди и без отыскания вилки подводится к цели.

Позиционный характер минувшей войны привел немцев к централизации наблюдения за полем и разведки в пределах армейского корпуса. В дивизионах же артиллерии специальных команд разведчиков нет. Разведка поручается командам отмечателей. Им же, кроме наблюдения и разведки, поручаются задачи, свойственные у французов специальным командам воздушной разведки: изучение воздушных и перспективных снимков и составление перечней и схем расположения батарей противника.

Таким образом видно, что наибольшее изменение и у немцев претерпели методы подготовки стрельбы, и сравнительно мало нового в правилах стрельбы. Совсем недавно получено сведение, что в 1919 г. немцы выпустили новое издание „Руководства для артиллерийской стрельбы", но самый документ этот до нас еще не дошел в полном виде.

Англия.—Британская полевая артиллерия вступила в войну в 1914 г. с правилами, еще сильно отражавшими опыт и навыки употребления артиллерии, усвоенные за время южно-африканской кампании: батареи устанавливались близ пехоты, часто без укрытия и для стрельбы прямой наводкой с небольших дистанций; такое же применение предполагалось и для легкой гаубицы.

При таком употреблении артиллерии способы подготовки стрельбы базировались исключительно на скорости операций: быстрое определение направления на цель помощью часового циферблата, предполагая наблюдателя помещенным в центре циферблата, полуденную линию ориентированной на определенную точку и читая после этого угол, образуемый направлением на цель и полуденной линией; дистанция

определялась просто на глаз (иногда дальномером); направление орудия либо на глаз, либо по вехам, построение веера взаимной наводкой по методу построения параллельного веера.

Хотя некоторые части были снабжены приборами, вроде теодолита, но его мало применяли. Впрочем, нужно заметить, что британские войска действовали исключительно на фронте, для которого в мирное время не было заготовлено хороших карт,—поэтому трудно было с начала кампании применять какие-либо точные топографические приемы.

Почти исключительное преобладание шрапнели в боевых комплектах (напр. полевая гаубица стреляла только шрапнелью) отразилось на отсутствии приемов меткой ударной стрельбы. Широко расходящийся веер предназначался для охватывания цели; если нужно было, он затем с'уживался; отыскиваемая пристрелкою вилка изменялась от 200 до 50 м.; часто применялась стрельба косьбой и прогрессивная. Прогресс, который британской артиллерией был осуществлен к концу кампании, также как и везде, особенно резко выявился в области приемов подготовки стрельбы и, в частности—в отыскании атмосферических и баллистических поправок.

Зондировочные армейские посты определяют направление и силу ветра в разных слоях и в части посылают данные о *баллистическом* ветре; при этом в одних таблицах стрельбы указаны поправки на продольные и поперечные составляющие ветра, в других же таблицах, с целью устранения определения этих составляющих, даны прямо поправки на ветер определенной силы, составляющие с плоскостью стрельбы определенные углы через каждые 10°.

Барометрическое давление батареи определяли сами помощью своих барометров, периодически поверяемых Метеорологическим Управлением.

Температура же воздуха измеряется станциями не только над почвой, но и в разных слоях атмосферы, изучая закон ее изменения в зависимости от высоты и выводя, таким образом, *баллистическую* температуру; ее используют и для выражения закона уменьшения веса литра воздуха, исходя из давления атмосферы, измеренного на уровне земли. Эта баллистическая температура и сообщается батареям.

Таблицы стрельбы, переизданные в течение войны, составлены не однообразно: одни из них дают отдельно поправку дистанции при изменении давления воздуха сравнительно с нормальным; другие же, напротив, снабжены общею таблицею поправок дальности для каждых 10% изменения величины баллистического коэффициента, обратно-пропорционального плотности воздуха, который, следовательно, нужно вычислять.

Тоже в отношении влияния температуры заряда: таблицы стрельбы либо дают поправку дальности на изменение температуры заряда через каждые 10° Ф., либо поправку начальной скорости под влиянием колебаний температуры заряда.

Для некоторых орудий (напр., для 6-дм. гаубиц) в таблицах оба метода применены одновременно, смотря по заряду, которым стреляют. Большая часть таблиц стрельбы снабжена таблицей поправок дальности в зависимости от отклонений весов снарядов от среднего веса. Часть же орудий снабжена такими таблицами, по которым эту поправку приходится делать дважды, учитывая сначала влияние колебаний веса на начальную скорость, а потом—на изменение баллистического коэффициента.

Механизация определения поправок широко развита в британской артиллерии; множество всевозможных счетных линеек допускают весьма быстрый учет большей части поправок.

Проблема изучения режима орудий была предметом особенного внимания британского командования, но практическое свое разрешение задача пристрелки орудий (тарировка) получила только к концу 1917 г. Таким образом, к операции у Камбрэ (декабрь 1917 г.) орудия были урегулированы, т. е. определены их индивидуальные баллистические поправки.

Тарировка орудий была проделана либо на фронте путем выписок из журналов стрельб, либо в тылу на полигонах, специальными комиссиями по изучению материальной части батарей, отводившихся на отдых. Все орудия сначала сравнивались с одним и тем же образцовым, а потом между собою в одной и той же батарее. Влияние разнообразия качеств пороха разных партий исключалось предварительной таражной стрельбой из нового, хорошо изученного орудия.

Наконец, имея большую склонность к шрапнельному огню, британская артиллерия с особенной тщательностью разработала вопрос о влиянии давления воздуха и начальной скорости на время горения трубочного состава, и батареи снабжены таблицами, дающими поправки корректора.

Топографическая же подготовка стрельбы, видимо, английскую артиллерию меньше интересовала, чем баллистические и метеорологические влияния на начальные данные для стрельбы. Может быть, об'яснение этой особенности следует искать в отсутствии у английской армии хороших карт и в недостаточной подготовленности офицерского состава.

Правила стрельбы к концу войны заметно сравнялись с французскими, несомненно, под влиянием тесного контакта союзных армий: захватывание цели в узкую вилку, поверка пределов и стрельба очередями по 4 выстрела. Переносу огня предшествует стрельба по вспомогательной цели для поверки исчисленной поправки прицела на сорт пороха зарядов.

Наземное наблюдение как с одного, так и с двух пунктов, одновременно, было обычным. Часто применялись планшеты целей, разграфленные соответственно дистанции от наблюдательных пунктов.

Совершенно отсутствовавшее в британской артиллерии до 1914 г. воздушное наблюдение—получило за время войны чрезвычайное развитие. Метод наблюдения состоит в определении средней точки. При

этом измерительным прибором и для этой цели у англичан часто служат карманные часы, циферблат коих ориентируется полуденной линией на меридиан и считая цель находящейся в центре. Часто при наблюдении применялось воздушное фотографирование, особенно для поверки заградительного огня, что при обычном применении шрапнельного огня дает довольно яркую картину.

Связью с воздушным наблюдателем служит радио и специалисты офицеры у антен.

Служба наблюдения менее централизована, чем французская: ею ведает, обычно, командир контр-батарей армейского корпуса; при этом широко использованы самолеты, воздушные шары, команды засечки по звуку и по вспышкам; эти последние не принадлежат, однако, артиллерии, находясь в составе географической службы армии Показания звуковых отмечателей немедленно использованы быть не могут, так как они применяют фотографический метод отметки.

В каждом своем армейском корпусе англичане в конце кампании располагали картами в масштабе 1/40.000 с отметками местоположения неприятельских батарей и степенью точности этого определения; к карте прилагались списки батарей с исторической последовательностью фотографических снимков с них, а также таблица деятельности батарей противника, служащая для установления ежедневной программы стрельб.

Таким образом, британская артиллерия за время войны осуществила огромный прогресс в эволюции своих приемов стрельбы и ее подготовки и, в общем, пришла к приемам, близким как к французским, так и к немецким, только с менее широко разработанными топографическими методами подготовки и, напротив, сильно опередив упомянутые артиллерии совершенством разработки приемов атмосферических поправок, особенно в отношении учета плотности воздуха.

Бельгия.—В бельгийской артиллерии к началу войны, в которую она была вовлечена так неожиданно для самой себя, имелось два руководства, касающихся правил стрельбы:

„Устав наводки и стрельбы из крепостных орудий“ и „Устав общий для полевой артиллерии“, оба изд. в 1910 г. и переизданные в 1913 г.; в последнем глава V составляет „Техническую инструкцию“ (наводка и стрельба).

Согласно этих уставов, в полевой артиллерии веер строится либо по самостоятельному для каждого орудия направлению, либо взаимным визированием. Разделение огня производится по одному из орудий, называемому „основным“.

Дистанция измеряется дальномером или помощью двух батарейных труб засечкою с концов определенной базы, измеряемой дальномером или непосредственно, если не требуется спешного открытия огня.

Основные принципы стрельбы полевым уставом определялись так:

„Захватить цель в вилку от 100 до 400 мтр, смотря по обстоятельствам:

По неподвижной цели стрелять на среднем прицеле, определенном по узкой вилке; при широкой вилке—обстрел захваченной вилкою полосы скачками.

„По движущейся цели определять последовательные вилки, обстреливая затем *обязательно* на меньшем пределе узкой вилки, независимо от направления движения цели; при широкой вилке—обстрел скачками, начиная с низшего предела".

„Пределы вилок должны быть поверены".

Пристрелка, как и у немцев, велась взводом или даже одним орудием. Обстрел площади обычно производился скачками в 100 м. При обстреле полосы дистанционными снарядами его начали с меньшего предела, уменьшенного еще на 100 м., при корректоре в 3 тысячи, подобно требованиям французского прежнего устава.

Устав также предусматривал, по нахождении прицела, ударную стрельбу очередями в 6 выстрелов для поверки этого прицела, который удерживается, пока очередь дает от 2 до 4 недолетов; в противном случае прицел изменяют на 50 или 25 мтр. Крепостной устав касается пушек, гаубиц и мортир в башенных установках, на платформах, а также подвижной тяжелой артиллерии.

Подготовка стрельбы по этому уставу производится с помощью планшета—карты в масштабе 1/20.000, наклеенной на доску и разделенной на квадраты в 500 мтр. в стороне со специальной нумерацией целей.

Пристрелка ведется до отыскания вилки в 100 м., поверяются пределы и заканчиваются стрельбой на уточнение найденного прицела очередью в 6 выстрелов по методу полевой артиллерии.

Стрельба на поражение ведется очередями от 10 до 25 выстрелов, наблюдая распределение их по отношению к цели.

Установку трубки считают правильной, если из очереди в 6 выстрелов получится 2, 3 или 4 воздушных разрыва.

В уставе установлен метод переноса огня и предписывалась периодическая поверочная стрельба по вспомогательной цели для убеждения в неизменности атмосферических условий.

Проведя всю кампанию плечом к плечу с французской артиллерией, естественно, что бельгийская артиллерия эволюционировала в своих приемах стрельбы в одном направлении с французскими методами.

В 1916 г. был издан „Общий Устав полевой артиллерии" (Техническая инструкция; наводка и стрельба), одинаково относящийся как к легкой, так и к тяжелой артиллерии.

В 1917 и 1918 г. г. он дважды переиздавался.

Приемы наводки, образования и ориентирования веера пополнены употреблением угломера-буссоли и планшета. В правила стрельбы включены: с'уживание вилки; поверка прицела очередью в 6 выстрелов; стрельба на поражение очередями в 12-ть выстрелов,

требуя равномерного распределения их относительно цели; указание приема пристрелки на основании величины вероятных отклонений; применение вспомогательной цели; вычисление атмосферических и баллистических поправок.

В издании 1918 года отличие, главным образом, заключается только в подчеркивании необходимости поправок на режим орудия и на качество пороха в зарядах.

В июне 1918 г. бельгийская армия располагала, в составе своего аппарата наблюдения, четырьмя секциями отмечателей по блеску выстрела и 4-мя секциями отмечателей по звуку.

Италия.—Особые условия как в смысле топографии театра военных действий, так отчасти и в отношении характера противника, с которым итальянским войскам пришлось иметь дело в течении почти трех лет войны, были одними из причин того, что приемы стрельбы итальянской артиллерии значительно менее эволюционировали в сравнении с другими армиями.

Вычисление поправок как баллистических, так и атмосферических при подготовке стрельбы применяется только для некоторых тяжелых орудий. Метеорологическое обслуживание артиллерии в зачаточном состоянии. Когда с конца 1917 года итальянская армия пришла в непосредственный контакт со значительными французскими и британскими силами, для проникания новых методов стрельбы в итальянскую артиллерию создавалась благоприятная почва, особенно, при довольно высоком уровне технической подготовки командного ее состава; все же широкому их распространению, повидимому, мешали трудности чрезвычайно пересеченного и очень гористого характера театра войны.

Тем не менее работы, которые были предприняты артиллеристами X-й французской армии по прибытии ее на итальянский фронт и, особенно, организованный ими на озере Гарда, в начале 1918 г., курс стрельбы для офицеров обеих союзных армий, весьма способствовали распространению новых методов среди итальянских артиллеристов.

Там же было вскоре установлено, что в очень гористой части фронта приемы вычисления углов местности и дополнительных поправок их по принципам французских таблиц стрельбы не обеспечивали надлежащих результатов при больших разностях превышений.

Таблицы изменения веса литра воздуха при расположении батарей на позициях до 1.200 мтр. над уровнем моря требовали экстерполирования.

Поэтому группою для производства баллистических стрельб решено было в начале же 1918 г. как для французских, так и для итальянских орудий предпринять вычерчивание полной сети траекторий при нескольких превышениях. При этом, для ускорения дела, был применен простой прием вычислений, дававший для практических целей вполне приемлемую точность. Вычислив для двух каких нибудь превышений H_1 и H_2 батареи углы прицеливания X_1 и X_2 и вычер-

тив траектории, угол прицеливания X для третьего превышения батареи H вычислялся из уравнения:

$$\frac{H-X_1}{X_2-X_1}=\frac{H-H_1}{H_2-H_1}$$

Эти системы траекторий были снабжены затем и таблицами стрельбы, содержащими поправки дистанции на все ее изменяющие факторы, как и во французских таблицах стрельбы.

Но к концу кампании методы стрельбы в итальянской артиллерии мало эволюционировали и итальянцы, даже на участках фронта чисто позиционного, стационарного характера, часто применяли сосредоточение огня по полосам, отыскивая лишь широкую вилку. Точная пристрелка редко производилась.

Средства наблюдения у итальянцев были те же, что и у всех иных европейских армий: наземное, воздушное, команды засечек по звуку и по вспышкам и авиа-фотографирование; но для воздушного наблюдения чаще применялись одни привязные шары, а летчики по преимуществу использовывались для разведки и бомбардирования; применение звуковых засечек в горах встречало значительные затруднения. Радио-телеграфирование для артиллерии не было использовано совсем—ни один из артиллерийских дивизионов не имел своей антены.

Средства, прекрасно использованные технически, однако, широко не распространялись, будучи слишком централизованными (обслуживая крупные войсковые соединения, обычно не менее армии); все получаемые сведения сосредоточивались в генеральном штабе и не предоставлялись в распоряжение артиллерии для использования при подготовке стрельб.

Совсем недавно получены сведения, что за последние годы в итальянской артиллерии введены новые уставы и инструкции для стрельбы, но ничего еще неизвестно о характере этих новых наставлений.

С.-А. Соединенные Штаты.—Наконец, что касается американской артиллерии, то хотя об эволюции методов подготовки ее стрельбы и самых приемов стрельбы в нашем распоряжении совершенно нет точных данных, несомненно, что совместная работа с союзными артиллериями на европейском материке не могла не отразиться на широком распространении новых приемов и в ее среде. Об этом свидетельствует довольно оригинальный документ, выдержки из которого считаю полезным и интересным здесь привести. Это приказ начальника американской полевой артиллерии ген. *Сноу* (Show), опубликованный им в борьбе „с безоговорочным увлечением новыми идеями“ и для оберегания от „поспешных выводов“ или неправильного понимания самого существа вопроса. Этот приказ, относящийся к 1920 г., ясно свидетельствует о том, что новые методы стрельбы полевой артиллерии не только усвоены американской артиллерией, но что у ее руководителя даже явилось опасение, чтобы этим методам не была сделана рискованная переоценка, по крайней мере некоторыми из артиллеристов.

Вот что, между прочим, говорится в упомянутом приказе: „некоторые офицеры полагают, что опыт войны должен привести к революции в методах стрельбы полевой артиллерии. Это поспешный вывод из фактов, которые еще требуют времени для своего глубокого изучения... Для руководства же направлением обучения в артиллерии, следует не забывать, что командир батареи не может предвидеть заранее условий, при которых ему придется стрелять,—они изменяются до бесконечности: можно ли ему будет наблюдать или нет, будет ли у него достаточно времени или нет для подготовки стрельбы, придется ли обстреливать широкую полосу или только очень узкую и неглубокую цель, будут ли у него под руками более или менее точные приборы и т. д. Но один фактор остается незыблемым, что если он будет в состоянии хорошо наблюдать, то он сможет и правильно регулировать свою стрельбу. Поэтому основная директива обучения такова: подготовить артиллеристов, способных производить стрельбу по наблюдениям, в громадном большинстве случаев возможным. Во время минувшей войны кадровые офицеры артиллерии, владевшие приемами пристрелки маневренной войны, не испытывали никаких затруднений стать господами положения и в применении более тонких методов позиционной войны, которая есть лишь частный случай,—победа одерживается только в открытом поле. В заключение считаю полезным напомнить старую аксиому—в полевой артиллерии лучший дальномер—это пушка“....

Полагаю, что к этому прибавить ничего не приходится, так как этим приказом вводится надлежащий корректив к новым веяниям в деле реорганизации артиллерийской стрельбы, и поэтому можно закончить тем, чем начат этот обзор, т. е. констатированием факта коренной переработки своих уставов стрельбы всеми артиллериями, принимавшими участие в мировой войне, при том почти повсюду во вполне определенном направлении, и этот факт не должен остаться упущенным и нашей артиллерией, тем более, что работа в этом отношении предстоит немалая, потребовав, как видим, не одного года напряжения целого ряда органов и даже неоднократного переиздавания материалов, получавшихся в результате работы.

В наших руках имеются такие ценные документы, как, напр., уставы французской артиллерии*), изд. 1917 г., 1918 г. и 1919 г. и германский 1919 г., которые, несомненно, помогут значительно облегчить нашу работу, хотя до сих пор в этом направлении у нас предпринято весьма мало: только на Клементьевском полигоне минувшим летом проделан ряд подготовительных опытов. Время же не ждет и может быть упущено!

---

*) Издается в ближайшем времени В. В. Р. С. в переводе Р. Башинского с редакционными дополнениями и комментариями В. Микиладзе.

Р. И. Б.

Современная судовая артиллерия.

Конкуренция на морях за военную гегемонию создала еще задолго до мировой войны непомерный рост военных флотов крупных морских держав, к которым после русско-японской войны, столь удачной для Японии, присоединилась и эта последняя. Флоты росли как численно, так особенно и качественно. Качественный рост боевого флота выражается в возрастании калибра главного вооружения корабля—его основных пушек, размещаемых в башнях по палубе. Вместе с этим, конечно, должно было расти и водоизмещение корабля, его бронировка.

Перед войной флот Германии почти догонял по своей мощи морские силы Сев.-Американских Соединенных Штатов: 33 крупных линейных корабля германского флота составляли в сумме 537 тыс. тонн водоизмещения, а в 31 линейных судах Америки было немного больше 546 тыс. тонн в общей сложности. Англия стояла особняком со своим мощным боевым флотом вне конкуренции, насчитывая в одних только своих 57 линейных кораблях, не старше 20—летнего возраста, свыше 1 милл. тонн. Флот Франции был немного больше половины германского, а у Японии немного меньше половины германского.

В результате мировой войны соотношение морских сил упомянутых держав сильно изменилось: Америка и Япония лихорадочно продолжали постройку боевых судов, создав каждая огромнейшие морские строительные программы на ближайшие годы, у Англии боевые потери и выход некоторых устаревших уже боевых единиц из учета основательно поколебали ее первенство на морях, а Версальский договор окончательно вычеркнул Германию не только из числа морских конкурентов, но и даже вообще из списка великих европейских государств.

Исходя из сравнения тоннажа только линейных кораблей, как и выше, соотношение морских сил на январь 1922 г. представится в таком виде: С. Штаты—755 тыс. тонн, Англия—654 тыс. т., Япония ок. 290 тыс. т., Франция—220 тыс. т. и Италия 193 тыс. т. Тоннаж разрешенных ст. 181 Версальского трактата 6-ти линейных кораблей в составе боевого флота Германии составляет едва 90 тыс. тонн.

Однако, та творческая работа, которая упорно ведена была в Германии задолго до ее военного и политического разгрома, привела к весьма интересной стройной системе морских и крепостных орудий, созданной мощным аппаратом фирмы Круппа, располагавшей исключительным по своему составу техническим бюро, и которая сама по себе настолько любопытна, что основные черты ее далеко не безинтересно зафиксировать.

Эта система вылилась в совокупность 13 различных калибров пушек, в составе коих удержаны некоторые из прежних мелких и

средних калибров и включены новые системы мощных калибров, доведенных до максимума, еще даже нигде не осуществленного, до 20 дм. или 50,8 снм. орудия. Все калибры имеются двух несколько разнящихся конструктивно и, главным образом, в баллистическом отношении, типов: — один с длиною канала 45 калибров и другой—в 50 калибров, сообщающих при одинаковых для них боевых зарядах и снарядах начальные скорости собственно первые 850 мтр. в сек. и вторые 875 м. в с. для всех калибров одинаковые.

Краткие данные об этих орудия сведены в нижеприводимые таблицы

Калибры в дм.	Вес снаряда кгр.	Вес заряда кгр.	Толщина стальной плиты в мм., пробиваемой снарядом у дула из пушки.	
			в 45 кал.	в 50 кал.
20—дм.	1805	553	1600	1168
18—дм.	1310	402	1426	1488
16—дм.	920	284	1259	1312
15—дм.	760	233	1177	1227
14—дм.	620	190	1095	1142
12—дм.	390	120	927	967
11—дм.	300	92,7	842	878
9,4—дм.	190	58,3	717	747
8,2—дм.	125	38,8	616	642
5,9—дм.	46	14,4	433	452
4,1—дм.	16	5,05	297	310
3,4—дк.	9,5	2,97	247	258
2,9—дм.	5,8	1,84	206	215

Версальский договор прекратил эту работу. По этому договору из числа оставшихся в строю германского боевого флота после потерь, который потерпел этот флот, и после потопления части судов в Скапа-Фло, Германия имеет право держать только 6 линейных корабле типа „Deutschland", водоизмещением не выше 13.200 тонн. каждый и два таких же корабля в резерве, 6 легких крейсеров с общим водоизмещением 20.000 тонн (два, кроме того, в резерве), 16 миноносцев-истребителей и 16 миноносок, включая в это число по 4 судна каждого из двух последних разрядов в резерве.

Подводного боевого флота Германия вовсе не имеет права содержать в составе своих военных морских сил.

Все остальные суда из уцелевших либо переданы державам—победительницам согласно подробного поименного перечня, приложенного к Версальскому мирному трактату, либо уничтожены, либо переданы для комерческих целей.

В настоящее время в Германии, в ее военном флоте, состоит 8 линейных кораблей постройки между 1902 и 1906 г. г., 8 легких

крейсеров, построенных более 20 лет тому назад, кроме двух крейсеров водоизмещением каждый по 3.250 тонн, построенных в 1903 г., и указанных выше минных судов устаревших типов.

Артиллерию этих судов составляют 28 см. пушки длиною 40 калибров по 4 шт. на каждом линейном корабле; 17 см. пушки дл. 40 кал. по 14 шт. на каждом из 6 линейных действующих кораблей; 15 см. пушки дл. 45 кал. по 14 шт. на двух резервных броненосцах 10,5 см. пушки дл. 45 кал. по 10 орудий на каждом крейсере и по 2 пушки на истребителях, составляя единственное вооружение этих судов, и 8,8 см. пушки дл. 45 кал. по 2 на вооружении действующих миноносок и по 1-й на резервных.

Характеристические баллистические данные этих орудий:

Калибры.	Вес тела в тоннах.	Вес снаряда кгр.	Нач. скорость снаряда м. в с.
28—см. дл./40	29,5	300	840
17—см. дл./40	6,9	70	840
15—см. дл./45	6,0	46	850
10.5—см. дл./45	2,1	16	850
8,8—см. дл./45	1,2	9,5	850

Ст. 190 Версальского договора обусловлено Германии разрешение приобретения или постройки новых судов только для замены выбывающих за выслугою 20-ти летнего срока—для броненосцев и крейсеров и 15-ти летнего—для остальных судов или в случае преждевременного выбытия по аварии, но при этом всякое вновь вводимое судно для замены выбывающих не должно быть больше 10.000 тонн водоизмещения для броненосца, 6.000 т. для крейсера, 600 тонн для истребителя и 200 тонн для миноносца.

Что касается остальных морских держав, совместными усилиями во время мировой войны уничтожившими своего крупного соперника, то вышеуказанное соотношение их морских сил, создавшееся к концу 1921 г., и послужило исходным для решения, принятого 15 декабря 1921 г. на Вашингтонской конференции, созванной в ноябре 1922 года по инициативе С.-А. Соед. Штатов *).

Ценою прекращения дальнейшего изготовления частью уже оканчивавшихся, частью только что начатых постройкою новых морских пловучих чудовищ в количестве около 15 штук, предпринятых по своей морской программе, имевшей в виду в недалеком будущем перещеголять могущество английского флота, Америка предложила британскому правительству отказаться, примерно, от такой же по

*) Решение это, как известно, до сих пор не ратифицировано державами. *Ред.*

мощности своей части флота, намеченной по последней судостроительной программе, и исключив из состава его некоторые, недавно спущенные, боевые единицы, компенсируя, таким образом, жертву Америки. Точно также и Японии было предложено прекратить выполнение ее грандиозной морской программы 1920—28 г.г., требующей колоссального финансового напряжения, закончив лишь некоторые из почти готовых новых судов, а взамен этого уничтожив часть существующих и тем самым в общем закрепив существовавшее на январь 1922 г. состояние ее боевого флота.

Непродолжительные переговоры участников конференции привели к установлению известной из газет пропорции между тоннажами флотов: Англии, Америки, Японии, Франции и Италии как 5:5:3:1,75:1,75, при чем общий тоннаж военных флотов не должен превосходить для:

С.-А. Соед. Штатов	525.000	тонн.
Англии	525.000	„
Японии	315.000	„
Франции	175 000	„
Италии	175.000	„

Наивысшее водоизмещение каждого боевого корабля (броненосца или броненосного крейсера) не должно превышать 35.000 тонн, а максимальным калибром вооружающей их артиллерии установлен 40,6 см. или 16 дм.

Максимальное водоизмещение каждого из остальных надводных боевых судов (крейсеров, истребителей и проч.) установлено в 10.000 тонн, наибольший калибр артиллерии для них 20,3 см. или 8 дм.

Этот последний калибр признан наибольшим, допустимым для вооружения авиационных маток и других судов, приспособленных для взаимодействия в море с авиацией, суммарный тоннаж коих для каждого из договаривавшихся держав установлен в след. цифрах:

Для С.-А. Соед. Штатов	135.000	тонн.
„ Англии	135.000	„
„ Японии	81.000	„
„ Франции	60.000	„
„ Италии	60.000	„

при наибольшем водоизмещении каждой единицы в 27.000 тонн.

В отношении подводных боевых сил соглашение не было достигнуто главным образом из-за возражений представителя Франции.

Для охарактеризования тех достижений, которые для морской артиллерии намечались в последнее время, а главным образом, чтобы дать понятие о той артиллерийской мощи, с которой придется отныне считаться береговой обороне в случае военного столкновения, полагаю не безынтересным познакомить читателей с хотя бы самой краткой характеристикой баллистики современного вооружения военных флотов вышеупомянутых держав. Цифровый материал для таблиц, тоже приводимых, заимствован из недавно вышедшего после длительного перерыва, вызванного войною, известного немецкого справочника

о боевых флотах, составленного флотским капитаном B. Weyer, «Taschenbuch der Kriegsflotten», 1922, 20-й год издания.

Великобритания.

Калибры в см. и длина канала в кал.	Вес тела в тон.	Вес снаряда в кгр.	Начальная скорость снаряда м. в с.
45,7—см. дл./35	?	1633	?
40,6—см. дл./45	119.3	1016	750
38.1—см. дл./45	88,5	885	850
„ дл./42	96	885	760
34,3—см. дл./45	77	567	780
30,5—см. дл./50	69	385,5	917
19 —см. дл./45	15,7	90,7	915
15,2—см. дл./50	8,7	45,3	890
„ дл./45	7,4	45,3	840
14 —см. дл./50	6,3	37,2	900
10,2—см. дл./50	2,2	14	900
„ „	2,2	11,4	850
„ дл./45	2,2	14	900
(полуавтоматическая, противосамолетная).			
7,6—см. дл./50	0,9	5,6	780
„ дл./40	0.6	5,6	670
„ дл./28	0,4	5,6	480
„ дл./50	?	5,6	?
(полуавт., противосам.)			

Ныне выведенные из обращения по Вашингтонскому соглашению 45,7 см. пушки обладают максимальной дальностью стрельбы в 50 клм. при угле возвышения ок. 45°. Они первоначально предназначались для вооружения авиаматки Фуриус; во время же войны они были установлены на мониторах „Лорд Клив“ и „Генерал Вульф“ для обороны берегов.

Пушки 40,6 см. предназначались для вооружения вновь строившихся по последней морской программе броненосных крейсеров, ныне выведенных из состава флота по Вашингтонскому соглашению; распоряжением британского адмиралтейства от 18 ноября 1921 года заводам было предложено изготовление этих пушек приостановить.

С.-Ам. Соед. Штаты.

Калибры в см. и длина канала в кал.	Вес тела в тон.	Вес снаряда кгр.	Начальная скорость снаряда м. в с.
40,6—см. дл./50	128	952	?
„ дл./45	105	952	854
35,6—см. дл./50	81,7	635	854
„ дл./45	64,8	635	793
30,5—см. дл./50	57,2	394	900
„ дл./45	54	394	823—870
„ дл./40	53,1	394	732—793
25,4—см. дл./40	35,3	232	823
20,3—см. дл./45	19,1	118	839
15,2—см. дл./53	10,1	47,5	915
„ дл./50	8,8	47,5	854
„ „	8,3	47,5	793
12,7—см. дл./51	5,0	22,7	960
„ дл./50	4,7	22,7	915
10,2—см. дл./50	2,9	15,0	854
„ „	2,6	15,0	763
7,6—см. дл./50 (противосамолетная).	1,2	5,9	823
7,6—см. дл./50 (полуавтоматическая).	1,0	5,9	823

Орудия 40.6 см. дл./50 предназначались для вооружения 5 строившихся линейных кораблей по 45.000 тонн водоизмещением и 6-ти броненосных крейсеров в 44.200 т. каждый, уничтоженных согласно условий Вашингтонского договора.

Орудия того же калибра длиною 45 кал. установлены на четырех дредноутах по 34.000 т. каждый типа „Мэриланд“, спущенных на воду в 20 и 21 г.г. Один из них, однако, по Вашингт. соглашению не достраивается.

Пушки длиною 40 калибров 30,5 см. составляли главное вооружение пятнадцати устаревших и уничтоженных согласно Вашингтонского соглашения броненосцев типа „Делауаре“ и „Норт-Дакота“, построенных в 1904—09 г.г.

Япония.

Калибры в см. и длина в калибрах.	Вес тела; тонны.	Вес снаряда в кгр.	Начальная скорость снаряда м. в с.
40,6—см. дл./50	?	993,4	?
„ дл./45	?	993,4	850
35,6—см. дл./45	85	635	770
30,5—см. дл./50	67,1	385,6	902
„ дл./45	60,2	385,6	853
„ „	58,6	385,6	899
„ „	60,0	385,6	853
„ дл./40	42,8	324	793
25,4—см. дл./45	36,8	227	853
„ „	35,4	216,5	869
20.3—см. дл./45	18,8	113,4	756
„ „	18,3	113,4	867
15.2—см. дл./50	7,9	45,4	945
„ „	8,9	45,4	930
„ дл./45	8,5	45,4	853
„ „	7,5	45,4	918
14—см. дл./50	?	37,2	?
12—см. дл./50	3,3	20,4	914
7,6—см. дл./50	?	5,4	?
„ „	?	5,7	?

40,6 см. дл./50 пушки были предположены для сверхдредноутов и броненосных крейсеров 44.200—45.000 т. водоизмещением, входившие в судостроительную программу 1920—28 г.г. По одному из вариантов предполагались для некоторых из них и 45,7—см. пушки. Все они анулированы согласно Вашингтонского соглашения.

40,6 см. орудия длиною 45 кал. в количестве 16 шт. состоят на вооружении 2-х дредноутов по 34.300 т. каждый, оставшиеся и ныне в составе японского флота.

35,6 см. пушки всего, в количестве 80 штук, распределены по 12 штук на четырех дредноутах, постройки 1914—17 гг. (по 31.000 т. каждый) и на четырех броненосных крейсерах (по 8 штук на каждом) водоизмещением по 28.000 т., спущенных на воду в 1912—13 гг.

30,5 см. орудий длиною 50 кал. только 4 штуки установлено на броненосце „Сетсу“ (1911 г.) водоизмещения 21.800 т. вместе с восемью 30,5—см. пушками длиною 45 кал. По Вашингтонскому соглашению „Сетсу“ выведен из состава флота. Последние пушки изготовления разных заводов частью Армстронга, частью Виккерса, частью японские (в арсенале Куре) составляют главное вооружение всех остальных броненосцев и броненосных крейсеров, построенных до 1907 г.

Наконец, эти же пушки длиною 40 кал.—это пушки Обуховского завода; состоят на вооружении наших судов, взятых японцами во время русско-японской войны.

Франция.

Калибры в см. и длина канала в калибрах.	Вес тела, тонны.	Вес снаряда в кгр.	Начальная скорость снаряда м. в с.
34—см. дл./45	66,3	540	800
30,5—см. дл./45	55,8	418	780
„ „	55,8	436	780
24—см. дл./50	29,7	220	800
19,4—см. дл./50	15,2	90	950
„ дл./45	12,8	90	850
16,4—см. дл./45	8,1	55	900
„ „	8,1	55	865
13,8—см. дл./55	5,3	36,5	830
7,5—см. дл./65	?	6,4	?
6,5—см. дл./50	?	4,0	?
„ „	—	—	—
(Противосамолетная)	?	4,0	?
6,5—см. дл./16	—	—	—
(Горная сухопутная)	?	3,4	?

Есть еще в составе морской французской артиллерии 10 см. пушки на вооружении некоторых канонерских лодок, миноносцев и подводных лодок; но данных об этих орудиях, к сожалению, не имеется.

34 см. пушками вооружены три броненосца типа „Бретань“ (по 10 шт. на каждом), построенных в 1913 г. (водоизмещение 23.550 т.).

По 12 шт. 30,5 см. пушек обр. 06—10 г.г. со снарядом в 418 кгр. находится на четырех дредноутах типа „Жан Барт“ (23.500 т.),

построенных в 1911—12 г.г. По 4 пушки того же калибра, но стреляющих более тяжелым снарядом и большим зарядом, поставлены на трех броненосцах типа „Вольтер" (18.400 т.), спущенных в 1909 г.

Кроме указанных в таблице 19,4 см. орудий еще в нынешнем году отпущены кредиты для начала изготовления нового типа такого же калибра орудий для вооружения строящихся трех, из общей программы в шесть, новых бронированных крейсеров по 8000 тонн водоизмещением каждый, но данных об этих орудиях нет.

6,5 см. длинные пушки обр. 1902 г. состоят на вооружении миноносцев-истребителей; противосамолетные же пушки тоже калибра обр. 1891 г. имеются только на некоторых миноносках.

Италия.

Калибры в см. и длина канала в калибрах.	Вес тела, тонны.	Вес снаряда в кгр.	Начальная скорость снаряда м. в с.
38,1—см. дл./40	85,2	875	700
30,5—см. дл./46	64,1	452	840
„ дл./40	52,8	427	716
25,4—см. дл./45	35,2	224	850
„ „	36	224	850
20,3—см. дл./45	20	122	780
19—см. дл./45	14,8	90,7	850
15,2—см. дл./45	7,1	47	830
12—см. дл./50	3,7	22,1	850
„ дл./45	4,1	22,1	750
10,2—см. дл./45	2,3	13,7	850
7,6—см. дл./50	1,1	6,4	750
„ дл./45	0,7	6,4	750
„ дл./17	0,1	5,3	375

Орудия 38,1 см. калибра предназначены исключительно для установки (по одному или по два орудия на каждом) на новейших семи мониторах—плавучих батареях для береговой обороны, заложенных в 1917—18 г.г.

30,5 см. пушки длиною 46 кал. имеются только на шести новейших дредноутах (по 12—13 шт. на каждом), имеющих водоизмещение от 21.000 до 24.500 тонн постройки после 1910 г. Всего этих орудий в итальянском флоте 38 штук. Того же калибра пушки длиною 40 кал. по два орудия установлены на четырех старых линейных кораблях в 12.800 т. водоизмещения, постройки 1904—07 г.г.

12 см. пушки (47 лин.) длиною 45 кал. и 10,2 см. (4 дм.) дл. 45 кал. состоят на вооружении только новейших истребителей.

Большинство артиллерии итальянского флота изготовлено на заводах Армстронга и Виккерса и скреплено проволокою; лишь незначительное количество орудий изготовлено (главным образом 15,2 см.) на своих отечественных заводах в Ансальдо, при чем эти последние скреплены кольцами и муфтами.

В. Касаткин.

Пахнет порохом и кровью.

(Международное обозрение).

Политический горизонт густо покрыт тучами. Что эти тучи не разойдутся, что они будут сгущаться и дальше—это ясно теперь даже тем, чьим оффициальным, хорошо оплачиваемым, занятием является прикрашивание достаточно печальной и грязной европейской капиталистической действительности.

В сущности говоря, эти грозовые тучи со времени Версальского мира никогда не сходили с горизонта. Ясного, безоблачного неба, подобного тому, какое Европа знала до войны, она не знает уже с 1914 года.

Версальский мир, положив конец тяжбе двух империалистических колоссов—Англии и Германии, не дал Европе того, во имя чего умирали миллионы обманутых—не дал мира; война 1914—18 г. г. не только не убила войну, как то было предсказано всеми буржуазными пророками, но сделала новые войны неизбежными, неотвратимыми. Сотни конфликтов, бывших законными детищами Версальского насилия, нервировали Европу, кровь лилась в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, в Ирландии, в Колониях. И вот что характерно—каждый последующий конфликт был обостреннее нежели предыдущий, узлы затягивались туже, противоречия новых соперников выявлялись отчетливее, яснее становилось, что узлы эти развязать нельзя, что их можно только разрубить. Об'ективная невозможность немедленно после Версаля начать новую бойню вызвала на политическую сцену бесчисленное количество конференций, имевших одну цель: оттянуть неизбежное, дать собраться с силами, выявить новое соотношение сил, выбрать для нападения наиболее удобный момент, наиболее уязвимое место. Их было много, этих конференций, но они оказались слишком слабым противоядием против аппетитов групп и классов, желавших использовать победу до ее логического конца. Но у них было одно бесспорное достоинство—они все отчетливее обнажали новые противоречия, выявляли новых противников. Бесплодные по своим практическим результатам, все эти Спа, Булони, Генуи, Гааги, Лозанны,

показали с отчетливостью, не оставляющею желать большего, что Германо-Английское империалистическое соперничество уступило место соперничеству Англо-Американского и Англо-Французского империализма, спорящих о праве монопольного насилия, монопольной эксплоатации обескровленной Европы и Ближнего Востока.

Соперничество этих империалистических колоссов давало себя чувствовать во всех случаях политической жизни последних 4 лет и достигло сейчас такой степени обостренности, что даже люди, посвятившие себя, свое перо и свой язык служению культу Антанты, начинают понимать, что их божество уже умерло, что „сердечное согласие" уже уступило место нескрываемой ненависти. На примере Верхней Силезии, где Англия подставила ножку Франции, на примере кемалистской Турции, где Франция отплатила тем же Англии, на бесплодной Генуе и Гааге, на конфузе, приключившемся в Лозанне и очень неумно заувалированном дипломатами—везде отчетливо выраженное соперничество, не знающее ни границ, ни пределов.

Рур—новое поле для обострения франко-английского соперничества. Будет ли он той каплей, которая переполнит чашу, с одной стороны, пролетарского, а, с другой империалистического терпения—мы не знаем, но одно бесспорно—Рур сыграет, и уже в значительной мере сыграл крупную роль в доведении этого конфликта до его логического конца.

Одной из экономических бессмыслиц Версальского мира является то, что Бонар-Лоу охарактеризовал, как попытку Франции получить с Германии непосильную для нее контрибуцию при желании, чтобы Германии вообще в природе не существовало. Второю нелепостью, не получившей, правда, столь классической формулировки, но очевидной с первых дней „мира", был отрыв Эльзас-Лотарингии и Саара от Рура, разрыв экономических связей, выросших и поддерживавшихся всем ходом капиталистического развития Германии.

„Тигр Клемансо", один из авторов Версальского договора, правда, уже тогда понимал всю нелепость этого разрыва и, как теперь выясняется, настаивал на отторжении от Германии Рура немедленно. Но „союзники" нашли, что это опрокидывает систему Европейского равновесия, и „справедливые" притязания Франции остались неудовлетворенными. Но „аппетит растет во время еды", говорят те же французы, и, естественно, скушав Эльзас-Лотарингию и Саар с их рудой и заводами—они захотели получить то, что, по их мнению, плохо лежало, т. е. Рур. Кроме того, это было необходимое звено в цепи тех мероприятий, которые осуществляются Францией в оправдание вышеприведенного афоризма Бонар-Лоу.

Процесс поглощения Рура капиталистической Францией, все больше производящей чугуна (5100000 тонн в 1922 г. против 3400000 тонн 1921 г. и 3200000 тонн 1920 г.) и стали (4500000 тонн в 1922 г. против 3100000 тонн в 1921 и 3050000 тонн в 1920 г.), все более нуждающейся в своем угле, был неизбежен. Можно было гадать о его темпе, и мы видим, что действительность властно требовала сделать это сейчас.

В начале 1922 г. во Франции работала 221 доменная печь; в течение первой половины года прекратили свою работу 19 печей, а вторая половина года дала потухание уже 24 печей (недост. угля). Это отразилось и на экспорте чугуна из Франции (650000 т. 1922 г. против 653000 т. в 1921 г.) и, в особенности, на импорте его (57000 т. против 35000 т.).

Финансовое положение Франции, обремененной долгами, далеко от того, что принято называть удовлетворительным. Новый последний внутренний заем в 13 м-рдов франков только рельефнее оттеняет финансовые затруднения, отнюдь не облегчая их. Прибавим к этому начавшееся еще в эпоху Лозаннского Франко-Английского конфликта падение франка на 13%, под'ем индекса с 407,0 до 418,4 за один месяц (декабрь), и мы поймем всю силу тех аргументов, которые подхлестывали Францию в устремлении к заветной цели. Совершенно понятно, что захват Рура не улучшит финансового положения Франции, но для отвода глаз мелкой буржуазии это недурная игрушка, и радостный рев соответствующей части французской прессы подтверждает, что Пуанкаре и короли металлургии не ошиблись в выборе приманки для отвлечения „общественного мнения“ в нужную сторону.

При допущении того, что Франция сможет ассимилировать Рур, она станет экономически крупнейшей величиной в Европе, серьезным угольным конкурентом Англии и бесспорной кузницей смерти, монополистской по производству орудий истребления (Крупповские заводы, заводы Шнейдера и др.). Перед Англией вырастает куда более опасный противник нежели Германия, ликвидация которой под тяжестью „мирного“ нажима Франции вышибает из рук английских империалистов даже тот балансир, который все же создает хотя бы тень намека на „равновесие“ в Европе.

Мы назвали соперничество Франции более опасным для Англии, чем германское, и это так, поскольку за спиной Франции стоит чудовищно нажившийся на войне империализм американский, а он стоит за ее спиной в качестве союзника во всех тех случаях, когда идет дело о соперничестве с империализмом английским. Борьба за нефть—вот жизненный нерв этого соперничества, и этот нерв обнажался достаточно болезненно во всех тех случаях, где речь заходила о нефти (Генуя, Гаага, Лозанна) и где его не могли скрыть даже прославленное американское и английское хладнокровие и выдержка.

Загадкой поэтому было, и в меньшей мере еще и сейчас остается, хладнокровие, с которым английские империалисты, не поморщившись, встали на многострадальную платформу нейтралитета в борьбе за Рур, в борьбе „активного“ Пуанкаре и „пассивного“ Куно. Но здесь мы имеем дело с вопросом не принципа, а лишь тактики. Ближне-восточные „неприятности“ вынуждали и отчасти и сейчас вынуждают Англию искать поддержки „союзной“ Франции ценой хотя-бы временных уступок на Европейском фронте, тем более что в предвидимый промежуток времени Рурская прогулка не даст Франции больших

барышей, а скорее вгонит ее в солидные убытки. Преимущество явиться к уже накрытому Рурскому столу, без затраты хотя бы одного шилинга, Англия оставила за собой, как и право нанести „удар милости“, если „союзник“ свихнет себе шею в Руре, на что Англия не без основания расчитывает и что также определяет собою ее выжидательную позицию. Кроме того, не потерявши и одного шиллинга, на Рурской авантюре можно хорошо заработать, сколотив приличный и реальный и политический капитал. Уже первые недели Рурской эпопеи показали, что добыча угля в Англии поднялась до рекордной высоты (5100000 тонн еженедельно), а число безработных пало с 1700000 до 1500000 человек. Английский уголь понадобился и французам, пока что безуспешно преодолевающим в Руре неожиданные для них затруднения и тем более, конечно, Германии, все экономическое бытие которой стоит сейчас в зависимости от английского угля. Натянутые отношения с Америкой по вопросу о консолидации английского долга, урегулированные лишь в конце февраля, также связывали руки Англии. И, наконец, желание использовать французского друга в роли мавра, в роли палача такого отряда германского пролетариата, как рурские рабочие, играло, нужно думать, не последнюю роль в политике вынужденного английского нейтралитета Что английские капиталисты не ошиблись в своих расчетах по этому пункту—тому наглядным доказательством служит все происходящее сейчас в Руре. Французский мавр хорошо делает свое дело, французский крот хорошо подрывает устои капиталистического здания и в самые тупые головы вбивает должные понятия о таких капиталистических принципах, как священное право собственности, демократические свободы и т. д. и т. п.

Но временные затруднения, связывавшие английскую активность в Рурском вопросе, постепенно ликвидируются, и мы видим довольно отчетливое оформление активности и в словах и в делах „исполнительного комитета по делам английской буржуазии“. Угольные магнаты устами короля, устами Бонар-Лоу и других не менее компетентных выразителей „общественного мнения“ достаточно определенно констатировали факт глубокого расхождения французской политики с английской и необходимость интервенции Пока что эта интервенция носит характер легкого нажима на французскую финансовую мозоль путем дальнейшей игры на понижение франка (с 13 до 18%), муссирования больного вопроса о необходимости платить долги, вздувании цен на уголь и т. п. Непосредственно в Руре Англия чинит препятствия возможности прямой железнодорожной связи Франции с Руром через зону английской оккупации. Нужно ли сомневаться, что этими „дружескими“ толчками дело не ограничится, и английская экспансия будет расти в прямой зависимости от успеха или определенного фиаско Франции в Руре.

Олимпийское спокойствие, которое Америка хранит в отношении всех европейских скандалов с последовательностью, закаленною 4-мя годами практики, доводит некоторых слабоверных дипломатов и социал-

патриотических лидеров до истерики. А оно понятно, оно целиком определяется стремлением американского капитала к мировой гегемонии. Т. Троцкий в своей речи на X с'езде Советов отметил, как особенность американского капитализма, то, что в рамках его еще об'ективно мыслимо дальнейшее, хотя и замедленное, развитие производительных сил, в то время как европейский капитализм этой возможности производительным силам уже не дает. Суб'ективное сознание своего права на жизнь, подкрепленное быстрым и, по внешности, безболезненным изживанием кризиса 1920—1921 г., определяет собою его политику хладнокровного выжидания окончательного обессиления европейских конкурентов во взаимной борьбе. „Чем хуже в Европе— тем лучше Америке", и в арсенале капиталистической Европы нет той силы, которая смогла бы заставить американских капиталистов лить воду на мельницу их европейских собратьев. Они еще могут ждать, эти ждать уже не могут, порукой чему ламентации германской печати, петиция 85 (кажется) достопочтенных членов английского парламента к президенту Гардингу и т. п. и т. д. О том же говорят и безчисленные безуспешные попытки спровоцировать Америку на вступление в Лигу Наций. Положение Германии, ставшей об'ектом дележа, точкой приложения для англо-французских противоречий и, в сущности, только милостию этого противоречия существующей, поистине безвыходно. Если политический суверенитет Германии со времени Версальского договора представлял собою фикцию, то, с захватом Францией Рура, фикцией становится ее экономическая самостоятельность. Под вопрос ставится самая возможность ее существования при данной политико-экономической ситуации. Трагизм положения в том, что единственный выход из тупика—пролетарская революция—отсрочивается все растущей дезорганизацией всего народно-хозяйственного организма и предательством как „вождей" из социал-демократического лагеря, так и из лагеря буржуазного. Те и другие словно соперничают, побивая все мыслимые рекорды в этом направлении. Тактика „пассивного сопротивления", это зрелище богов, стоит своих авторов. Военная авантюра фашистко-монархического крыла, пролетарская революция или удел французской или английской колонии—вот пути, по одному из которых может пойти Германия. Существующее правительство „пассивного сопротивления" ни на первый, ни на второй путь Германию не выведет. Его путь—путь превращения Германии в колонию. Итак, иного выхода, кроме войны, из Рурского тупика нет. Вопрос лишь в том, когда вспыхнет этот хорошо подготовленный пожар. Проэкты создания франко-германского синдиката, „нейтрализации" Рура и т. п. лишь паллиативы, поскольку они не устраняют и не могут устранить основные противоречия. Их значение, как отсрочки неизбежного взрыва, не расценивать нельзя, но еще менее позволительно его преувеличивать.

Второй точкой приложения империалистической экспансии и заложенных в ней противоречий является Ближний Восток. На этом фронте мы наблюдаем ту же картину англо-французского соперни-

чества, что и в Европе, но в более драматической, точнее говоря, мелодраматической форме, хотя и странно говорить о мелодраме там, где уже лилась и завтра может снова политься кровь. Переплет интересов крупных и мелких империалистических хищников здесь так сложен, поводов и возможностей для авантюр так много, а сдерживающих факторов так мало, что никто не может поручиться даже за завтрашний день. По нашему мнению, однако, в предвидимый промежуток времени война там мало вероятна. В этой войне на карту ставится, в частности для Англии, слишком многое—все ее восточные колонии, чтобы она не сделала максимальных уступок, дабы купить себе отсрочку, необходимую ей для укрепления своего подмоченного престижа на Востоке. С другой стороны, слишком скромны и подточены изнурительной борьбой экономические рессурсы Турции для войны с Англией, хотя бы на турецкую чашку весов Франция и бросила свою поддержку. Турция на горьком опыте Лозанны успела убедиться, что французская поддержка (как, впрочем, и поддержка Англией греков) имеет свои границы, превращающиеся для Турции в ударную петлю в самый критический момент. Иными словами говоря, поддержка эта кончается там, где начинает жить Турция, независимая не только от Англии, но и от Франции.

Но и здесь речь может итти лишь об отсрочке, ибо гнилой компромисс тем скорее обнаружит свою никчемность, чем скорее один из контрагентов получит реальную возможность счесть его „клочком бумаги". Долговечность возможного „мира" на Ближнем Востоке будет стоять в прямой зависимости от об'ема и темпа европейских англо-французских конфликтов, могущих развязать руки Турции или Англии, и от роста мощи Советской России и прочности союза с нею Турции.

Вряд ли имеет смысл анализировать другие, второго, так сказать, разбора, конфликты, вроде польско-литовского, японо-американского и др. Движущие пружины их те же, тот же и смысл.

Война стоит в порядке дня—порохом и кровью пахнет в Европе. Встает вопрос, хотят ли капиталисты Европы и Америки войны? Вызывают ли они ее сознательно? Та растерянность перед надвигающейся военной грозой, которая царит сейчас в европейской прессе и парламентах, показывает, что за исключением определенных, количественно ничтожных, групп, войны не хотят, войны боятся, ибо опыт ликвидации войны 1914—1918 г. показал воочию, что несет в себе война такого размаха, такого масштаба. В недрах империалистической войны лежит ее отрицание—социалистическая революция. Грядущая война, если она не будет предупреждена революцией, будет ею сопровождаться. Это будет действительно последняя война, война войне, и империалисты всего мира понимают это не хуже нас, как понимают и то, что на превращение империалистической бойни в гражданскую войну для рабочего класса потребуется опыт неизмеримо более короткий, чем 4 года прошлой войны. Но война имманентна капитализму, но она единственный способ выражения мировых капиталистических кризисов-

и единственный же способ их разрешения. Поэтому ошибочно было бы переоценивать значение суб'ективного фактора в этом вопросе. Мнения отдельных лиц, групп и классов могут задержать или ускорить развязку, неизбежность которой заложена в самом капитализме. „Настает момент, когда ружья сами начинают стрелять“, и этот момент ближе к нам, чем многие думают, принимая во внимание бешеный темп событий эпохи войн и революций, нами переживаемой, лихорадочно конвульсивное сжатие и развертывание мирового хозяйства и, наконец, те социальные сдвиги, которые обязаны своим происхождением войне 1914—18 г г. и пролетарской революции в России. К ним мы и перейдем в дальнейшем изложении.

Цифрами только отчасти можно выразить те социальные сдвиги, которые вызвала мировая война 14—18 г. г. О мощности их красноречиво говорят волны забастовок, пронесшиеся по всему миру в 1918—20 г. г., те завоевания, которые удалось сделать рабочему классу у растерявшейся буржуазии, наконец, возникновение ряда советских социалистических республик. С 1921 года, с момента кульминации промышленного после-военного кризиса, начинается наступление капитала в экономике, обусловившее наступление реакции в политике Нет смысла лишний раз расценивать меру вины социал-демократии всех стран в той дезорганизации, дезориентации, которая обусловила и обусловливает еще невозможность для рабочего класса в полной мере играть ту активную роль в совершающихся событиях, на которую он имеет об'ективное историческое право. Трафаретной истиной, подкрепленной всеми испытаниями, пережитыми рабочим классом всех стран, стало то, что социал-демократия была и является щитом буржуазии, и щитом, в условиях послевоенных единственно мыслимым. Наступающий капитал в данное время меньше нуждается в этом оружии, хотя и не пренебрегает им при необходимости. Классической формой политической реакции сейчас является фашизм, представляющий законченное выражение империалистического капитализма в политике. Но консолидации сил наступающего капитала, оформлению его в политике в фашизме противостоит консолидации сил пролетариата, оправляющегося от дурмана социал-демократических слов и дел. Рост коммунистических партий, количественный и качественный, усиление влияния их на массы, та политическая роль, совершенно непропорциональная их количественному значению, которую они уже играют в данный момент, новые волны (и добавим, успешных) забастовок—все это говорит за то, что мы вступаем в полосу медленного, но верного роста сил пролетариата и его воли к победе. Грохот приближающейся войны, сознание близкой опасности только усилит этот рост. Иллюзии еще возможны, возможны разочарования и частные поражения, но лед в массе своей тронулся, и нет силы, способной его остановить. Порукой этому служит та бешеная травля коммунистов, рекорд в которой оспаривают Италия, Франция и Польша. Но когда же и где же реакции удавалось остановить революционный ледоход, тем более, что борющийся европейский пролетариат имеет прочный и

обеспеченный тыл—Советскую Россию, единственную твердую точку на взболомученном море послеверсальской Европы.

Мы являемся сейчас свидетелями новой войны „симпатий" со стороны империалистических хищников к Советской России.

Мы знаем цену этим симпатиям и их об'ективные причины. В предстоящей свалке каждый из мировых хищников желает заполучить себе союзника или, по меньшей мере, обеспечить свой тыл. Советская Россия уже сейчас слишком крупная величина, чтобы ею можно было пренебрегать в грядущем мировом военном конфликте. Отсюда новая волна пока, правда, разговоров, речей и резолюций о необходимости признания Советской России. Показательны в этом отношении прения в американском конгрессе (выступление Лоджа), в японском парламенте, усиленно муссируемые слухи о состоявшемся, якобы, соответствующем постановлении французского кабинета (от 20/II), правда, опровергаемые. Все это показательно. Советская Россия развивается, крепнет, и мерой этого укрепления отчасти служит то „уважение" со стороны великих и малых держав, которое возрастает не по дням, а по часам. Но мы знаем также и то, что рост этой силы стоит в прямой зависимости от развития производительных сил в нашей стране и от мощи Красной Армии, этого всеми признанного дипломата.

Что нам нельзя будет остаться безучастными зрителями в грядущей войне—это вряд ли нуждается в доказательствах, но бесспорно также и то, что вмешаемся мы в нее не ради территориальных захватов, не во имя утоления империалистического аппетита, а исключительно в интересах мировой революции, мирового пролетариата и неразрывно с ними связанных интересов русской революции и русского пролетариата.

Это и дает нам сознание спокойной уверенности в себе, и право на действительно мирную политику, которая у наших противников подменяется ажитацией и „мирным" шарлатанством, безотносительно к тому, где и кем оно осуществляется—в Лозанне или Гааге, Керзоном или Вандервельде.

Призрак войны бродит по Европе, политиканы бессильны предотвратить ее, ее предотвратит или превратит в войну гражданскую лишь рабочий класс во главе с Коммунистическим Интернационалом.

М. Бобровский.

Территория и население Польши.

Последняя перепись населения Польши, произведенная 30 сентября 1921 года, впервые дает возможность более точно установить, что представляет собой современная Польская Республика.

Подробная обработка демографических и хозяйственных результатов переписи далеко еще не закончена. Главное Статистическое

Управление Польши предполагает, в более или менее недалеком будущем, обработать и опубликовать 58 таблиц, по нижеследующей программе: 1) демографический отдел (23 таблицы), 2) профессиональный отдел (11 таблиц), 3) жилищная статистика (3 таблицы), 4) статистика строений (6 таблиц), 5) статистика живого инвентаря (6 таблиц), 6) сельско-хозяйственная статистика (9 таблиц).

До настоящего времени опубликованы в декабре „Временные результаты переписи населения“ и в последнее время три таблицы, из коих № 1 содержит данные о жилых постройках, о населении по полу и о живом инвентаре в городах, гминах и помещичьих районах, № 2—о населении в городах, гминах и поместьях польской и другой национальностей, № 3—о территории, административном делении и населении в сравнении с прежними данными и о плотности населения. Опубликованы также общие итоги переписи населения, произведенной военными властями.

Перепись 1921 года не обнимала Верхней Силезии, включенной в состав Польши в ноябре 1921 года и Виленской Литвы (в январе 1922 года). Принимая во внимание последние данные об этих двух областях, мы получили следующую общую таблицу, показывающую пространство и население современной Польши:

Части.	Пространство квадр. километр.	Население.	Поляки.	Прочие.
Вся Польша.	386273	27160163	18659993	8500170
Польша (сентябрь 1921 г.) .	369558	25372447	17359883	8012564
Армия и воен. учреждения .	—	318452	285870	32584
Верхняя Силезия.	3225	980296	677896	302400
Виленская Литва.	13470	488968	336344	152624

Данные о Верхней Силезии основаны на переписи 1919 года, при чем соотношение национальностей принято условно по данным 1910 года. Данные о Виленской Литве не включают нейтральной полосы, а также частей Виленского, Троцкого и Свенцянского уездов, занятых литовскими войсками.

Сравнительно с ближайшими соседями по территории и населению, Польша занимает третье место, по плотности населения—пятое место. Среди государств Европы—шестое и двенадцатое место соответственно.

ГОСУДАРСТВО.	Территория тысяч кв. километров.		Увелич. (+) Уменьш. (—)
	1910 г.	1921 г.	
Евр. Россия	4882,2	3892,0	— 988,2
Германия	540,9	467,2	— 136,9
Польша	—	386,3	—
Финляндия	—	377,4	—
Румыния	131,3	316,7	+ 185,4
Юго-Славия	48,3	248,6	+ 200,3
Чехо-Словакия	—	142,0	—
Венгрия	324,9	92,5	— 232,4
Австрия	351,2	79,9	— 271,3
Эстония	—	67,0	—
Латвия	—	65,0	—
Литва	—	9,5	—

Население.

ГОСУДАРСТВА.	Миллионы.		Увелич. (+) Уменьш. (—)	На 1 кв. кил.м.		
	1910 г.	1921 г.		1910 г.	1921 г.	
Евр. Россия	118,7	69,7	— 49,0	14,3	17,3	— 6,5
Германия	64,9	58,5	— 6,4	120,0	144,9	+ 24,9
Польша	—	27,2	—	—	70,3	—
Румыния	7,2	17,4	+ 10,2	55,2	54,9	— 0,3
Юго-Славия	2,9	11,3	+ 8,4	60,3	45,6	— 14,7
Чехо-Словакия	—	13,6	—	—	95,7	—
Венгрия	20,9	8,2	— 12,7	64,3	88,6	+ 24,3
Австрия	30,5	6,1	— 24,4	86,9	76,0	— 10,9
Литва	—	4,6	—	—	48,4	—
Финляндия	—	2,7	—	—	8,9	—
Эстония	—	1,8	—	—	26,1	—
Латвия	—	1,7	—	—	26,2	—

Таким образом, при благоприятных условиях, пользуясь покровительством и помощью Франции, Польша, как государство, может занять одно из первых мест среди государств Средней Европы, среди окраинных государств России или среди государств малой Антанты.

Переходя к составным частям Польши в отношении к старым государственным границам и административным делениям, получаем следующие цифры.

Довоенные административные деления.

	Пространство кв. километров.	Население (тысяч).	
		1910—11 г.	1921 г.
I. Вся Польша.	386273	30826,1	27160.1
Царство Польское (часть)	119101	12037,0	10530,5
Западные губернии	140869	6764,7	5103,5
Гродненская губ.	38578	1995,4	1160,5
Ковенская губ. (часть)	1795	80.8	63,0
Виленская губ. (часть)	35667	1601,6	1211,9
Минская губ. (часть)	26472	949,2	712,3
Волынская губ. (часть)	38357	2138,3	1637,3
II. Прусская Польша.	46214	3832,5	3893,5
Познанская область (часть)	26111	1920,5	1942,1
Западная Пруссия (часть)	15900	967,1	917,2
Восточная Пруссия (часть)	486	23,8	23,9
Силезия (Бреслав. реген.)	492	28,0	30,0
Верхняя Силезия	3225	893,1	980,3
III. Австрийская Польша.	80089	8191,9	7632,6
Галиция	78497	8025,7	7262,7
Спиш и Орава (Венгрия)	583	23,6	22,7
Австрийская Силезия (часть)	1009	142,6	145,2

В составе современной Польши бывш. русская Польша составляет 67%, т. е. около ⅔ всей территории, 58% всего населения, прусская Польша 12 и 14%, бывш. австрийская Польша—21 и 28%.

Согласно новым административным территориальным делениям, Польша состоит из воеводств, уездов (староств) и гмин; в прусской и отчасти австрийской Польше существуют помимо гмин—поместья.

Площадь и население отдельных административных единиц в настоящее время выражается в следующих цифрах: (см. таблицы).

Новые администра

№№ по порядку.	Государство, воеводство.	Пространство квадратных километров.	Число в 1921 году.			
			Уездов.	Городов.	Гмин.	Поместий.
	Вся Польша	386273	—	—	—	—
	Б. Царство Польское	137879	88	204	1297	—
	Польша (сентябрь 1921 г.) . . .	369558	262	595	12257	4012
1	Варшава	121	—	1	—	—
2	Варшавское воеводство	29310	23	54	289	—
3	Лодзинское „	19034	14	40	234	—
4	Келецкое „	25736	16	31	311	—
5	Люблинское „	31160	20	32	281	—
	Восточные воеводства	108601	29	61	368	—
6	Белостокское воеводство	32518	15	46	182	—
7	Новогрудское „	37195	11	20	155	—
8	Полесское „	41463	9	19	118	—
9	Волынское „	29943	9	22	15	—
	Быв. Прусская Польша	46214	58	151	4414	2556
10	Познанское воеводство	26603	38	118	3065	1817
11	Поморское „	16386	20	33	1349	749
12	Верхняя Силезия (1919 г.)	3225	10	13	328	271
13	Виленская Литва (1919 г.).	13490	4	—	—	—
	Быв. Австрийская Польша . . .	80089	87	179	6178	1446
14	Краковское воеводство	17448	24	52	1904	—
15	Львовское „	27024	28	59	2205	645
16	Станиславовское	18368	16	29	906	344
17	Тарнопольское	16240	17	35	1075	457
18	Тешинская Силезия.	1009	2	4	88	—
19	Армия и военно-пленные	—	—	—	—	—

[1]) За исключением Верхней Силезии.

Население									
Всего (тысяч).		На один квадратный километр.		На сто муж. женщин.		На сто жителей городского населен. 1921 г.	На один квадр. килм. сельск. населен. 1921 г.	На сто жителей поляков.	
1921 г.	1910—11 г.г.	1921 г.	1911 г.	1921 г.	1910—11 г.г.			1921 г.	1911 г.
27160	**30735**	**70,4**	—	—	—	—	—	—	—
11216,5	**13159**	**81,3**	**95,3**	—	—	**23,3**	**62,4**	**84,8**	**72,4**
25372	**29190**	**68,7**	—	**110**	—	**25**	**52**	**68,4**	—
931	935	7695,7	—	121	108	100	—	72,3	—
2112	2464	72,1	—	109	103	20	58	89,7	—
2251	2588	118,3	—	110	105	36	76	82,6	—
2534	2757	98,5	—	108	101	22	77	91,2	—
2886	2507	66,9	—	108	100	17	56	82,5	—
3610,0	**4981**	**33,2**	**45,7**	—	—	**11,4**	**29,4**	**29,1**	**4,2**
1302	1908	40,1	—	109	—	24	30	76,5	—
1300	1784	35,0	—	108	—	9	32	50,0	—
877	1155	21,1	—	106	—	14	18	21,8	—
1433	2042	47,9	—	106	—	12	42	14,5	—
3893,5	**3814**	**84,6**	**82,9**	—	—	**31,2**[1]	**44,4**	**78,6**	**48,3**
1974	1949	74,1	—	114	111	34	49	82,5	—
939	972	57,3	—	109	106	25	43	80,4	—
980	893	306,3	—	—	—	—	—	64,0	—
489	652	36,2	40,9	—	—	—	—	62,4	—
7632,6	**8129**	**95,4**	**101,6**	—	--	**20,2**	**76,1**	**57,9**	**48,3**
1910	2041	114,1	—	113	108	23	88	93,0	—
2719	2833	100,6	—	110	105	22	89	56,1	—
1348	1507	73,4	—	110	103	18	60	21,8	—
1430	1606	88,0	—	109	105	14	76	44,3	—
145	142	143,9	—	109	107	28	104	76,3	—
318	—	—	—	—	—	—	—	89,9	—

Исходя из данных указанной таблицы, можем сделать ряд выводов относительно современных административных делений Польши и ее населения.

Воеводства. Старых делений: в б. русской Польше на губернии, в б. прусской Польше на регенции (округа) не существует более.

Воеводство в б. русской Польше обнимает части 2—3 губерний; в б. прусской Польше оно соответствует прежним „провинциям", составленным из двух и более регент. округов. Новое Силезское воеводство состоит из частей б. австрийской Силезии и прусской Силезии (часть окр. Оппельн. и Бреславль) и является самым малым по размеру (4234 клм.). Воеводства Галиции состоят из известной суммы уездов (от 17 до 24), не связанных ранее никаким административным об'единением. По размеру воеводств можно наметить группы: 1) более 30000 кв. клм.: восточные, а также Люблинское воев., 2) от 20 до 30000 кв. клм.: Варшавское, Келецкое, Познанское, и Львовское. 3) менее 20000 кв. клм.—Лодзинское, Поморское, Краковское, Станиславовское, Тарнопольское и Силезское.

Уезды. За некоторыми изменениями в восточных воеводствах и в пограничных уездах б. прусской Польши, старые границы уездов сохранились. В среднем размеры одного уезда колеблются значительно: по всей Польше—1421 кв. клм., в б. царстве Польском—1566 кв. клм. в восточ. воеводствах 3744 кв. клм., в б. Прусской Польше—741 кв. клм., в б. австр. Польше 920 кв. клм.

Гмины (волости и поместья). Границы старых делений сохранились. Размеры гмины весьма различны во всех областях: во всей Польше—23 кв. клм., в царстве Польском—106 кв. клм., в восточ. воеводствах—295 кв. клм., в прусской Польше—7 кв. клм., в австр. Польше—10 кв. клм.

Города. Понятие „город" в настоящее время более однообразно во всей Польше. В Польше 1 город приходится на 616 кв. клм., в Царстве Польском на 675 кв. клм., в восточ. воеводствах—на 1780 кв. клм., в б. прусской Польше—на 306 кв. клм., в б. австр. Польше—на 447 кв. клм.

Изменения в численности населения.

В сравнении с довоенным временем (1910—1911 г.г.) территория современной Польши потеряла в общем свыше 3,500,000, т. е. около 12% населения. Цыфра эта преувеличена, поскольку считать, что русская статистика исчисляла для соответствующей области слишком высоко рост населения и оценивала слишком высоко численность населения в годы, следующие за годом основной переписи. По отдельным областям % убыли значительно выше среднего, в некоторых он, наоборот, покрывается некоторым ростом.

По отдельным областям убыль (—) или увеличение (+) населения распределяется следующим образом:

		(тысячи)	%
Б. Царство Польское	—	1943	15
Восточные воеводства	—	1371	27
Б. Прусская Польша	—	79	2
Б. Австр. Польша	%	497	6
Виленская Литва	—	163	25
Армия	—	318	—
Всего . .	—	3577	12

Реэмиграция с востока по день переписи 30 сентября 1921 года принята во внимание в этих цифрах.

Таким образом Польша потерпела значительную убыль населения, если даже исходить из уменьшенных довоенных цифр населения русской Польши. В то же время другие государства Зап. и Средней Европы увеличили свое население, в том числе Германия на 2—5%.

Одна Франция показывает значительную убыль населения за время войны—4, 82%.

Больше всего, конечно, пострадали части Польши, расположенные на правом берегу Вислы, и восточные воеводства. Только одно Познанское воеводство и обе Силезии показывают некоторый рост населения.

Плотность населения. В сравнении с довоенным состоянием, плотность населения сократилась более всего как раз в тех местностях, которые имели самое редкое население, т. е. в восточных воеводствах. Разница между густо заселенным западом и югом и редко заселенным востоком еще более усилилась. Несмотря на опустошение войны, западные и южные области отличаются весьма плотным населением и, в частности—сельским населением, так как городское население сравнительно невелико.

В то время, как Германия (33 чел. сельского населения на 1 кв. клм.), Франция (34), Дания (34) имеют сравнительно небольшую (нормальную) плотность сельского населения, в Польше только восточные воеводства не превышают этой нормы; б. прусская Польша, если исключить Верх. Силезию, превышает на 1/3 эту норму, царство Польское почти вдвое, а Галиция более, чем вдвое.

При такой перенаселенности этнографической Польши и обезлюжении восточных окраин понятны широкие планы колонизации последних.

Распределение по полу. Как и в других странах, вовлеченных в мировую войну, соотношение жителей по полу изменилось в ущерб мужскому полу. Если убыль всего населения составила 12%, то убыль мужского населения выразилась в еще большем проценте. Данные о распределении населения по возрастам, согласно переписи, не опубликованы еще, но заранее можно предположить об убыли возрастных групп мужского пола от 24 до 48 лет, т. е. призванных в

войну 1914—1918 г. г., но также и моложе, так как Польша воевала и после 1918 г., а бедствия „беженства“ сильно отразились на самом молодом поколении.

Городское население. В городах с населением свыше 10000 жит. живет около 7% населения, против 25% во всех городах. Как и в отношении плотности населения, можно сказать, что % городского населения уменьшается с востока на запад. Группа воеводств: Лодзинское, Варшавское, Познанское и Силезское—имеют наибольший процент городского населения, однако, кроме Силезии, далеко недостигающий нормы промышленной Западной Европы.

Национальный состав. Наибольшие изменения произошли в национальном составе населения. Не представляется возможным точно установить довоенный % польского населения на территориях, составляющих нынешнюю Польшу. По приблизительному подсчету он составлял около половины (53,5%), в настоящее время—68,4% или около 2/3.

Наибольший рост отмечается в местностях с смешанным населением, где % поляков до войны был незначительный. По уездам восточных воеводств рост этот выражен такими цыфрами, что заставляет нас подвергнуть сомнению точность и добросовестность польской статистики. Так, в ряде уездов Люблинского воеводства мы отмечаем рост от 18—40% до 68, 7—88, 4%, в Белостокском воеводстве (вост. часть) от 0—18% до 43, 4—87, 5%, в Новогрудском воеводстве от 0—11% до 30,7—75,5%, в Полесском воеводстве от 0—3% до 8,2—62% (в Кобринском уезде 1% и 62%); в Волынском уезде от 2—7% до 10,4—26,5%.

Данные о других, кроме польской, национальностях не опубликованы еще, но можно предполагать, что в восточных воеводствах произошла полонизация непольского населения римско католического вероисповедания *) (часть белоруссов) и малороссов, что во время войны, в связи с эвакуацией, уменьшилось в большей степени непольское население и что убыль может быть отнесена именно к последнему. И тем не менее столь интенсивная полонизация, как она выражается в переписи населения, мало вероятна.

То же явление отмечается в меньшей степени в восточной Галиции и в западных бывш. прусских воеводствах.

В результате Польша, все же, остается весьма не однородным по национальному составу государством.

Около 1/3 населения принадлежит к непольскому населению. На территориях, отошедших к Польше по Рижскому договору, соотношение непольского населения, даже по польской статистике, достигает 7/10, в Восточной Галиции—более половины, в Тарнопольском воеводстве, Волынии и Полесьи от 8 до 85%.

	поляков.	белор. кат.
*) Гродненская губ.	6	11
Новогрудский уезд. Мин. губ.	3	8
Виленская губ.	15	32

В городах по всей Польше, кроме прусской области, % непольского населения гораздо выше среднего; в них большой процент составляют евреи.

Данные о соотношении национальностей в Польше являются весьма поучительными. Они показывают, что национальный вопрос в буржуазной Польше будет играть выдающуюся роль. Если сопоставить цыфры статистики, по национальностям, с цыфрами, касающимися классового деления населения Польши, то мы придем к заключению, что национальный вопрос осложняется классовыми моментами, т. к. национальные меньшинства за исключением прусской Польши принадлежат вместе с тем и к другому—угнетенному классу крестьян и батраков, что сильно обостряет и классовую борьбу.

Если сопоставить те же цыфры с данными о плотности населения разных областей Польши, то мы придем к выводу, что в будущем предстоит попытка осуществить переброску части польского крестьянского населения на восточные окраины, а это должно обострить национальную борьбу.

Это не значит, что положение национальных меньшинств безнадежно и что они обречены на полное поглощение большинством.

Господствующие классы Польши вынуждены лавировать в национальном вопросе. Отчасти в угоду „западно-европейским демократам" Польша должна считаться с политическим положением населения. Во время последних выборов в восточных воеводствах и восточной Галиции национальное меньшинство (главным образом украинцы и евреи) выявили свою крупную политическую силу. Впервые они приходят к голосу в Варшавском сейме и несомненно их присутствие там поведет к усилению прений и борьбы между господствующей и второстепенными национальностями, а отчасти к усилению их удельного веса, тем более что им, при равновесии левых и правых польских партий, не раз придется играть решающую роль.

Г. Эрман.

Вооруженные силы Японии *).

I.

В 1871 году Япония впервые ввела у себя воинскую повинность и реорганизовала свою армию по европейскому образцу. Первыми организаторами японской армии и инструкторами в ней были французские офицеры, потом их сменили немцы, но вскоре Япония переста-

*) Не следует придавать абсолютного значения приводимой общей характеристике японской армии. Относительно других империалистических армий, это так и до сих пор. Но, вообще говоря, развитие японской индустрии, а, следовательно, классовой борьбы повлекло за собой:

ла пользоваться непосредственными услугами иностранцев, а стала командировывать своих офицеров заграницу для изучения постановки военного дела в иностранных армиях. И, надо отдать справедливость японцам, ничто не ускользало от их наблюдательности. Все открытия и усовершенствования в военной технике и все новое в тактике внимательно изучалось ими и вводилось в армии. Благодаря усиленной и упорной работе, японская армия в сравнительно короткий срок поднялась до уровня европейских армий, а в настоящее время принадлежит к числу наиболее организованных, обученных и боеспособных армий мира.

По своему духу и характеру она является совершенным типом империалистической армии. Основными принципами ее воспитания являются: преданность императору, готовность смерти за „отечество", перенесение лишений и невзгод, исполнение долга и воинская честь. Отличительной чертой японского солдата является нечувствительность к потерям, а также крайне-незначительные потребности в еде и удобствах. К отрицательным сторонам японского солдата следует отнести его малую физическую выносливость, но этот недостаток с избытком искупается моральной выносливостью *).

II.

Комплектование армии.

1. *Рядовыми*: Японская армия пополниется по всеобщей и личной воинской повинности. Поступление на службу может быть на общих основаниях по жребию, или добровольно. Общий срок службы 17 лет и 4 месяца (от 17 до 40 лет).

Действительная военная служба состоит из службы:

а) в постоянной армии, б) в запасе, в) в территориальной армии и г) в ополчении 1-го разряда;

а) в постоянной армии служба начинается с того года, в котором военнообязанному минует 21 год, и продолжается для пехоты и горной артиллерии 2 года, а для прочих родов оружия 3 года.*);

б) в запас зачисляются военнообязанные, отбывшие действительную службу в постоянной авмии, продолжительность службы в запасе 4 года**) (до 27 лет включительно);

в) в территориальную армию перечисляются военно-обязанные после 4-х летнего пребывания в запасе и состоят в ней 10 лет (до 37 лет включительно);

---

1) взгляд у населения на армию, как на источник непосильных тягот, след. отрицательный взгляд;

2) соответствующие перемены в психике солдата, который теперь уже начинает сознавать, что если „самый лучший цветок—вишневый", то далеко не самый лучший „человек военный" (япон. посл). Отсюда падение моральной выносливости и даже способность поддаваться „большевистской" агитации. *Ред.*

*) Для кавалерии предположено уменьшить срок службы до 2-х лет.

**) Для пехоты и горной артиллерии 5 лет.

г) в ополчение 1-го разряда перечисляются военно-обязанные после 10-ти летнего пребывания в территориальной армии и состоят в ней 3 года (до 40 лет включительно);

Военно-обязанные, которые при освидетельствовании хотя были признаны годными к службе в постоянной армии, но в виду заполнения необходимого количества, оставшиеся в избытке, зачисляются в *рекрутский резерв*. Они могут призываться на действительную службу для пополнения некомплекта и на 32 году рождения поступают в ополчение 2-го разряда.

Все мужское население, способное носить оружие, от 17 до 40 лет, кроме состоящих на службе в постоянной армии, в запасе, в территориальной армии, в ополчении 1-го разряда и в рекрутском резерве—составляет *ополчение 2-го разряда*. Ополчение призывается в крайнем случае, когда запас людей в других категориях уже исчерпан.

Все военно-обязанные, состоящие в запасе территориальной армии и в рекрутском резерве, в период дивизионных и больших маневров, периодически призываются в своих участках в войска для отбывания учебных сборов.

Система комплектования принята территориальная.

Вся территория государства разделена на 20 дивизионных округов, которые в свою очередь подразделяются каждый на два бригадных и 4 полковых района. Полковые районы в свою очередь разбиты на призывные участки.

Каждый дивизионный округ укомплектовывает все части своей дивизии и формирует при ней запасные и резервные войска. Гвардейская пехота и кавалерия комплектуется из всех округов, прочие части гвардии из округов по назначению.

Для солдат (касисоцу) установлены следующие звания; рядовой 2-го разряда (нитосицу), рядовой 1-го разряда (иттосицу) и ефрейтор (дзиотохей).

2. Унтер-офицерами: Японские унтер-офицерские (касси) звания следующие: младший унтер-офицер (гоцио), старший унтер-офицер (иттогунсо), фельдфебель (социо) и зауряд-офицер*) (токуму социо).

В мирное время строевые унтер-офицеры комплектуются из рядовых, прослуживших 2 года, соответственно подготовленных и желающих остаться на сверхсрочной службе, а также из ефрейторов и унтер-офицеров запаса и территориальной армии, служивших на унтер-офицерских должностях в постоянной армии и желающих вернуться на действительную службу, но не позднее как через 2 года после оставления ими действительной службы.

В военное время с объявлением мобилизации призываются унтер-офицеры запаса и территориальной армии одновременно и наравне с рядовыми по срокам службы.

*) Подпрапорщик.

В японской армии унтер-офицеры обставлены отлично, получают хорошее содержание, внешние отличия, обеспечены дальнейшей службой и проч.

3. *Офицерами*: В японской армии существуют следующие офицерские (сикан) чины:

Обер-офицеры (икан): прапорщик (дзюн-ы), подпоручик (сиой), поручик (цюми), капитан (тайи);

Штаб-офицеры: (сакан): майор (сиоса), подполковник (цюуса), полковник (тайса);

Генералы (шокан): генерал-майор (сиосио), генерал-лейтенант цюудсио) и полный генерал (тайсио).

Корпус офицеров пополняется окончившими основное военное училище. В военное время призываются офицеры, состоящие в запасе и в территориальной армии.

Относительно подготовки офицерского состава можно отметить, что каждый из офицеров знает хорошо то, что непосредственно относится к его обязанностям, хотя большого запаса знаний из военного училища он не выносит. Каждый офицер, желающий выдвинуться на старшие должности в армии, должен пройти дополнительные курсы в специальных школах или окончить военную академию.

Пополнение лошадьми: в мирное время войска комплектуются лошадьми ремонтированием, а в военное время по военно-конской повинности путем реквизиции, для чего вся страна разделена на 19 участков. Недостаток лошадей в одном участке пополняется из других более богатых участков.

III.

Состав и численность вооруженных сил Японии.

Вооруженные силы Японии состоят: из сухопутной армии (рикугун) и военного флота (кайгун).

Сухопутные силы состоят: 1) из постоянной армии или полевых войск первой очереди (дзиобугун) с ее запасом или резервом 1-го разряда (иобигун) и рекрутским резервом (ходзюухей), 2) территориальной армии или резерва 2-го разряда (кобигун), 3) ополчения (кокумингун) и 4) милиции.

В мирное время содержатся только войска постоянной армии в кадровом составе и милиция в составе баталиона пехоты и двух эскадронов кавалерии для обороны острова Цусима.

В военное время из всех перечисленных категорий образуются: 1) войска постоянной армии, комплектуемые до полных штатов, 2) запасные войска и 3) резервные войска.

Организационный и численный состав сухопутной армии следующий:

1. Постоянная армия мирного времени

а) *Пехота* (хохей)—4 гвардейских и 80 армейских полков, све-

ленных в 1 гвардейскую и 20 армейских дивизий, 2 особых охранных полка и 6 батальонов железнодорожной охранной стражи.

б) *Кавалерия* (кихед)—1 гвардейский и 20 армейских полков входящих по одному полку в каждую дивизию (дивизионная конница) и 8 полков стратегической конницы, сведенных в 4 отдельные бригады.

в) *Артиллерия* (хоохей)—*1) полевая:* 1 гвардейский и 26 армейских полков, из которых гвардейский и 20 армейских полков входят в состав дивизий, а остальные 6 полков сведены в 3 отдельные бригады; всего полевой артиллерии 162 батареи, или 972 орудия; *2) конная:* 4 батареи, или 24 орудия; *3) горная:* 3 отдельных дивизиона по 3 батареи и 2 отдельные батареи на остр. Формозе, всего 11 батарей, или 66 орудий; *4) полевая тяжелая:* 6 полков по 6 батарей 4-х орудийного состава, причем 4 полка сведены в две отдельные бригады; всего в полевой тяжелой артиллерии 36 батарей, или 144 орудия; *5) тяжелая (бывшая крепостная):* состоит из двух бригад по 2 полка 2-х батальонного состава, 2 отдельных полков (один двухбатальонный, другой трехбатальонный) и 11 отдельных батальонов трехротного (батарейного) состава каждый. Тяжелая артиллерия в мирное время имеет в своем составе полевую тяжелую артиллерию. В военное время она выделяет осадные парки, хотя кадров их и не имеет. В военное время части тяжелой артиллерии, пополненные запасными, выступают на театр войны, оставляя на местах лишь кадры для службы в укрепленных районах под названием резервной тяжелой артиллерии, которая подготовляет пополнение для прифронтовых частей и сама комплектуется запасными.

г) *Инженерные войска* состоят из 1 гвардейского и 20 армейских саперных батальонов и бригады войск сообщения в 3 батальона.

д) *Авиация:* имеются сведения о двух авиационных дивизионах и одном воздухоплавательном батальоне.

е) *Обозные войска:* состоят из 1 гвардейского и 20 армейских батальонов, приданных по одному на дивизию.

ж) *Жандармские войска* (кенцей): состоят из 21 отряда по числу дивизий и трех отрядов, находящихся по одному на острове Формозе, в южной Манчжурии и в Корее, причем в последней имеется еще особая жандармская бригада из 5 отрядов; общая численность жандармских войск около 300 офицеров и 11 тысяч солдат.

По примерному подсчету постоянная армия мирного времени состоит из 260 батальонов пехоты, 95 эскадронов кавалерии, более 200 батарей или 1200 орудий, при соответствующем количестве вспомогательных войск, общей численностью в 15 тысяч офицеров, 250—300 тысяч солдат и 50 тысяч лошадей.

2. Запасные войска.

С об'явлением мобилизации из запасных и рекрутского резерва формируются запасные войска, подготовляющие пополнение и попол-

няющие потери в постоянной и территориальной армиях. Каждый пехотный полк формирует по одному батальону, кавалерийский полк по одному эскадрону и каждый саперный и обозный батальоны по одной роте запасных войск.

Всего запасных войск 84 батальона пехоты, 29 эскадронов кавалерии, из которых 8 содержатся в мирное время пятыми эскадронами в стратегической коннице, 21 саперных и 21 обозных рот.

3. Резервные войска (территориальная армия).

С об'явлением мобилизации каждая дивизия постоянной армии формирует одну резервную дивизию одинакового с собой состава.

Всего территориальная армия состоит из 252 батальонов пехоты, 63 эскадронов кавалерии, 126 батарей полевой артиллерии (756 орудий), 21 саперных и 21 обозных батальонов.

По примерному подсчету общий состав сухопутной армии военного времени равняется: 800 батальонов пехоты, 187 эскадронов кавалерии, около 500 батарей или 3000 орудий при соответствующем количестве технических и вспомогательных войск, примерной численностью 25000 офицеров, 950000 рядовых и 210000 лошадей.

Принимая во внимание численность обученного военному делу контингента и пригодный для военных целей людской состав, Япония может в случае нужды выставить в военное время без особого напряжения до двух с половиною миллионов человек, а при крайнем напряжении всех сил до пяти миллионов человек.

Флот.

Согласно постановления Вашингтонской конференции по вопросу морского разоружения, Япония сдает на слом 7 строющихся и 10 старых линейных кораблей с общим тоннажем 435328 тонн.

После приведения этого постановления в жизнь, сокращенный линейный флот Японии будет состоять из следующих 10 линейных кораблей:

Наименование.	Водоизмещение.	Главное вооружение.
1) Нагато *)	40.600 т.	8—40,6 см.
2) Матху *)	33.800 „	12—38,1 см.
3) Хиуга	31.260 „	12—35,6 см.
4) Изо	31.260 „	
5) Яманигро	31.000 „	
6) Фу-со	30.000 „	

*) Типа „После Ютландского боя".

7) Кирушима	27.500 „	8—35,6 см.
8) Харуна	27.500 „	
9) Хий-Ей	27.500 „	
10) Конго	27.500 „	
Общий тоннаж .	307 920 т.	

К вооруженным силам Японии.

Флот.

По непроверенным сведениям состояние японского флота к 1-му января 1921 года было следующее *).

ТИПЫ СУДОВ.	В строю.		Строющиеся и вошедшие в судостроительные программы	
	Число.	Водоизмещение.	Число.	Водоизмещение.
Линейные броненосцы.	11	241,800	4 4	128.000 ?
Линейные крейсера . .	4	110 100	4 4	160.000 ?
Крейсера	9	81.783	—	—
Легкие крейсера	8	32.790	9 12	49.500 ?
Сторожевые суда	7	78.166	—	—
Контр-миноносцы	65	51.175	56	?
Миноносцы	9	1.248	—	—
Подводные лодки . . .	17	6.200	18 28	18.900 ?
Гидро-авиа-база	1	7.600	—	—

Что же касается вспомогательных судов (крейсера, миноносцы) и подводного флота, то постановление конференции по этому вопросу нам не известно.

По проекту, предложенному Америкой, линейные корабли должны были быть приняты за основное мерило боеспособности флота, а вспомогательные суда составлять тоннаж несколько меньший (при-

*) Данные взяты из статьи Н. Горского „Вашингтонская Конференция и сокращение морских сил," напечатанной в журнале „Военная наука и Революция" кн. I—1922 г.

мерно 0,9) сравнительно с общим тоннажем линейных кораблей (для Японии примерно 277.000 тонн).

Сведений о приведении в исполнение постановления Вашингтонской конференции и о связанной с этим реорганизацией японского флота еще не поступало.

По прежде имеющимся сведениям все суда действующего японского флота были распределены по шести эскадрам, причем пятая эскадра учебная и шестая эскадра резервная.

По этим же сведениям первая эскадра состояла из: 1) одной дивизии линейных крейсеров, 2) одной дивизии линейных кораблей, 3) одной минной дивизии, 4) одной дивизии подводных лодок и 5) гидро-крейсера.

Вторая эскадра—1) одна дивизия линейных кораблей, 2) одна минная дивизия, 3) одна дивизия подводных лодок и 4) отряд гидро-аэропланов.

Третья эскадра—1) дивизия линейных кораблей, 2) дивизия легких крейсеров и 3) одна дивизия миноносцев.

Сведений о составе остальных эскадр не имеется.

IV.

Устройство военного управления.

Начальником и верховным руководителем всех вооруженных сил Японии является император. Ему подведомственны нижеследующие органы военного управления: а) совет маршалов, б) военный совет, в) военное министерство, г) главный военный штаб, д) главный морской штаб, е) главное управление по образованию войск, ж) главное управление транспортов, з) главное инженерное управление, и) главное управление ремонта и к) флигель-ад'ютантская часть. Кроме того, при кабинете совета министров существует, в качестве совещательного органа, совет по делам обороны.

а) Совет маршалов является высшим совещательным органом по военным вопросам и по повелению императора производит высшие императорские смотры войск.

б) Военный совет решает важнейшие вопросы по обороне страны и об'единяет деятельность военного и морского ведомств.

в) Военное министерство ведает личным составом и военно-административными делами армии. Состоит из 6 департаментов: 1) личного состава, 2) личных дел или службы войск, 3) оружия, 4) интендантского или хозяйственного, 5) медицинского и 6) юридического. Во главе министерства находится военный министр.

г) Главный военный штаб ведает вопросами, касающимися обороны, и наблюдает за боевой подготовкой войск. В его непосредственном подчинении находится военная академия и отдел государственных с'емок. Состоит из отделов: 1) общего, ведающего общими делами, личным составом штаба, довольствием чинов его и военной библиотекой, 2) первого отдела, ведающего вопросами государствен-

ной обороны, разработкой мобилизационных планов и крепостями, 3) второго—ведающего разведкой заграницей, статистикой иностранных армий и обработкой секретных статистических и военно-топографических сведений и материалов, 4) третьего—ведающего военными сообщениями и перевозкой войск, 5) четвертого—отдел топографии и геодезии и 6) пятого отдела, ведающего изданием военно-исторических исследований и переводами иностранных военно-научных сочинений. Во главе означенного штаба стоит начальник штаба, непосредственно подчиняющийся императору.

Главный морской штаб ведает всеми вопросами, касающимися содержания и боеспособности военного флота.

е) Главное управление по образованию войск руководит всеми подчиненными ему военно-учебными заведениями, выработкой однообразных програм для обучения войск и наблюдает за специальным и тактическим обучением войск. Состоит из отделов: 1) пехотного, 2) кавалерийского, 3) полевой артиллерии, 4) тяжелой артиллерии, 5) инженерных войск и 6) обозных войск; кроме того, по имеющимся сведениям, при означенном управлении учреждена должность инспектора авиационных и воздухоплавательных войск с отделом военной авиации. Начальник главного управления по образованию войск назначается лично императором.

ж) Главное управление транспортов ведает перевозкою войск на судах и по железным дорогам. Подчиняется непосредственно военному министру.

з) Главное инженерное управление ведает всеми оборонительными работами, сооружениями и материалами и имеющими военное значение железными дорогами.

и) Главное управление ремонтов ведает всеми ремонтными депо, которых 12.

к) Флигель-ад'ютантская часть существует при императоре. Она сопровождает его на смотры, маневры и т. п. Состоит из 8 офицеров Генерального штаба. Такого же состава флигель-ад'ютантская часть существует и при наследнике.

С переходом армии с мирного на военное положение, организуется полевое управление армии, которое в общих чертах имеет следующую структуру. Из состава главного военного и главного морского штабов образуется главная императорская квартира, находящаяся под верховным руководством самого императора. Главной квартире подчиняется главнокомандующий вооруженными силами. Последнему, в свою очередь, подчиняются командующие армиями. Армию составляют 2—3 пехотные дивизии с соответствующим количеством специальных и вспомогательных войск.

Организация войсковых частей.

1) *Пехота.* Каждый гвардейский и пехотный полк состоит из: а) трех 4-х ротных батальонов (в роте 3 взвода строевых и 1 пуле-

метный), б) отдельной пулеметной роты в 6 пулеметов, в) команды связи, г) отряда мотоциклистов (6—12 велосипедов), д) конных ординарцев и е) полкового обоза, который делится на обоз первого разряда и на обоз второго разряда.

Каждый пехотный полк с об'явлением мобилизации выделяет кадры для формирования резервного полка и запасного батальона.

Штатный состав мирного времени: рота (чутан)—офицеров 6, рядовых 160, батальон (дайтай)—офицеров 26, рядовых 655, полк (рентай)—офицеров 85, солдат 1965, бригада (риодан)—офицеров 177, рядовых 3930, дивизия (сидан)—офицеров 465 строевых и 80 нестроевых, рядовых 9625 строевых и 475 нестроевых и лошадей 1290.

Штатный состав военного времени: рота—офицеров 5, рядовых 230 строевых и 5 нестроевых; батальон—офицеров 22 строевых и 3 нестроевых, рядовых 926 строевых и 90 нестроевых; полк—офицеров 69 строевых и 9 нестроевых, рядовых 2790 строевых и 276 нестроевых, лошадей 221; бригада—офицеров 141 строевых и 19 нестроевых, рядовых 5580 строевых и 562 нестроевых, лошадей 452; дивизия—офицеров 457 строевых и 181 нестроевых, рядовых 14930 строевых и 7300 нестроевых, лошадей 6100.

2) *Кавалерия.* Полки дивизионной конницы состоят из трех эскадронов, а полки стратегической конницы из четырех строевых и пятого запасного эскадронов. Эскадрон (кихей—сутай) как дивизионной, так и стратегической конницы состоит из 4-х взводов по 12—16 рядов в каждом взводе. Каждый кавалерийский полк имеет телеграфную команду (денсинтай) с телеграфным имуществом и запасом подрывных материалов для порчи железных дорог, легких мостов, телеграфных станций и т. п. и вьючный полковой обоз.

Кавалерийская бригада имеет пулеметную команду в 8 пулеметов, по расчету 4 пулемета на полк.

Штатный состав военного времени: эскадрон—офицеров 6, рядовых 145 строевых и 32 нестроевых, лошадей 184 (из них 28 обозных); полк (3-х эскадронного состава)—офицеров 22 строевых и 6 нестроевых, рядовых 450 строевых и 117 нестроевых, лошадей 597; бригада—офицеров 59 строевых и 13 нестроевых, рядовых 1206 строевых и 301 нестроевых и 1587 лошадей.

3) *Артиллерия*: Каждый полк полевой артиллерии состоит из двух дивизионов по 3 батареи (хохей—чутай) 6-ти орудийного состава каждая. Каждая батарея имеет 6 зарядных ящиков.

Штатный состав мирного времени: батарея—офицеров 5, рядовых 107, лошадей 65; дивизион—офицеров 15, рядовых 321, лошадей 150; полк—офицеров 38, рядовых 617 строевых и 48 нестроевых, лошадей 307.

Штатный состав военного времени: батарея—офицеров 6, рядовых 145 строевых и 18 нестроевых, лошадей 128; дивизион—офицеров 20 строевых и 3 нестроевых, рядовых 383 строевых и 67 нестроевых, лошадей 395; полк—офицеров 45 строевых и 9 нестроевых, рядовых 872 строевых и 180 нестроевых и лошадей 1017.

В 1919 году был поднят вопрос о переходе полевых артиллерийских полков от 6 на 12 батарейную организацию по 4 орудия в батарее вместо 6 орудий, но сведений о приведении этого проекта в жизнь не поступало.

Конная артиллерия состоит из 4 батарей 6-ти орудийного состава. В 1919 году имелись сведения о формировании еще 4 батарей.

Штатный состав конно-артиллерийской батареи 5 офицеров, 98 рядовых и 128 лошадей.

Горный артиллерийский дивизион состоит из 3 батарей 6-ти орудийного состава каждая батарея.

Штатный состав мирного времени: батарея 4 офицера, 106 рядовых и 29 лошадей; дивизион—12 офицеров, 318 рядовых и 87 лошадей.

Штатный состав военного времени: батарея—офицеров 6, рядовых 155 строевых и 28 нестроевых, лошадей 117, дивизион—офицеров 20 строевых и 3 нестроевых, рядовых 467 строевых и 98 нестроевых и 362 лошади.

Полевой тяжелый артиллерийский полк делится на 2 дивизиона по три 4-х орудийной батареи в каждом дивизионе.

Штатный состав батареи—офицеров 4, рядовых 85 строевых и 12 нестроевых, лошадей 95, полк—офицеров 31 строевых и 4 нестроевых, рядовых 684 строевых и 114 нестроевых и 785 лошадей.

Тяжелая артиллерийская бригада имеет 2 полка 2-х батальонного состава, по 3 роты в каждом батальоне.

Штатный состав роты—офицеров 5, рядовых 120 и лошадей 54.

4) *Инженерные войска*: Саперные батальоны все 3-х ротного состава. Кроме того, каждый батальон имеет понтонный парк с имуществом на 80 саженный мост.

Штатный состав саперной роты военного времени: офицеров 5 строевых и 1 нестроевой, рядовых 220 строевых (в мирное время 150) и 30 нестроевых, лошадей 33: саперного батальона—офицеров 17 строевых и 4 нестроевых, рядовых 659 строевых и 104 нестроевых, лошадей 109.

Бригада войск сообщения состоит из 3 железнодорожных батальонов, 4-х ротного состава каждый, одного телеграфного батальона 9-ти ротного состава, 2 авиационных дивизионов и одного воздухоплавательного батальона.

5) *Авиационные войска*: Предположено сформировать по 1-му авиационному дивизиону на каждую дивизию, сколько сформировано—сведений нет. По имеющимся сведениям в 1919 году Япония имела, примерно, 200 летательных аппаратов.

6) *Обозные войска*: При мобилизации каждый обозный батальон формирует для своей дивизии дивизионный обоз следующего состава:—4 продовольственных колонны, 4 пехотных парка с оружейными патронами, 3 артиллерийских парка с артиллерийскими снарядами, 6 полевых госпиталей, 2 санитарных отряда и 1 депо конского запаса. Кроме того, обозный батальон выделяет небольшой кадр для фомиро-

вания одной запасной роты, обслуживающей свои действующую и резервную дивизии.

Штатный состав обозной роты—офицеров 5, рядовых 110, лошадей 150.

Штатный состав дивизионного обоза: парк с ружейными патронами—офицеров 5, рядовых 147 строевых и 148 нестроевых, лошадей 121, повозок 96, продовольственная колонна—офицеров 5, рядовых 108 строевых и 294 нестроевых, 233 лошадя и 192 повозки.

VI.

Организация высших соединений.

В мирное время постоянным высшим соединением японских войск является дивизия *), состоящая из 4-х пехотных полков с пулеметными командами или ротами, 1 кавалерийского полка, 1 полка полевой артиллерии, 1 саперного и 1 обозного батальонов. Кроме указанных частей к дивизиям в мирное время придаются отдельные кавалерийские бригады, отдельные бригады полевой артиллерии, бригады тяжелой артиллерии и отдельные полки и батальоны ее, дивизионы горной артиллерии, батареи конной артиллерии и войска сообщения, которые, с переходом на военное положение, выделяются из состава дивизии и поступают в непосредственное распоряжение соответствующих командующих армиями.

В военное время дивизия состоит из 4 пехотных полков 3-х батальоного состава каждый, 1 кавалерийского полка 3-х эскадронного состава, 1 полка полевой артиллерии 6-ти батарейного состава по 6 орудий в каждой, 4 пулеметных команд или рот, 1 саперного батальона 3-х ротного состава, 1 понтонного парка, 4 пехотных парков с ружейными патронами, 3 артиллерийских парков со снарядами, 4 продовольственных колонн, каждая с однодневным запасом, 6 полевых госпиталей, 1 полевого лазарета, 2 санитарных отрядов, 1 телеграфно-телефонного отряда, 1 депо конского состава, 1 жандармского отряда.

Управление дивизии состоит из 6 отделов: 1) отдел генерального штаба и оперативный, 2) ад'ютантский или инспекторско-хозяйственный, 3) военно-судный, 4) интендантский, 5) военно-медицинский и 6) ветеринарный. Первые два отдела вместе образуют штаб дивизии.

В военное время 2—3 дивизия сводятся в армию. Каждая армия имеет свой штаб в 70 офицеров, который состоит из 3 главных отделов (оперативного, разведывательного и военных сообщений) и 10 вспомогательных (инспекторско-хозяйственного, интендантского, инженерного, артиллерийского, этапного, медицинского, военно-полицейского, военно-судного, почтового и телеграфного). При штабе имеются комендатура, конвой, 10—15 переводчиков и команда писарей.

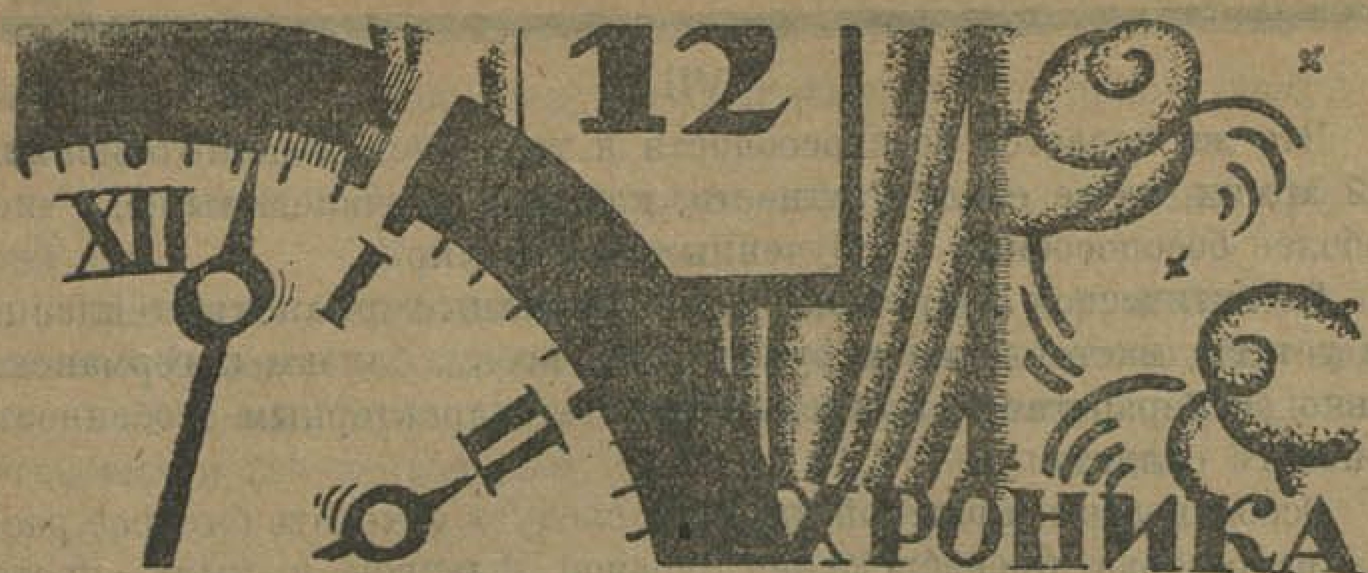
*) По последним, еще непроверенным, сведениям военный министр, при обсуждении в парламенте вопроса о национальной обороне, заявил, что правительство подготовляет реорганизацию армии и намерено ввести корпусную систему. В последнем случае дивизии будут 3-х полкового состава.

VII.

Что же касается боеспособности и тактической подготовки японской армии, то ее следует отнести, как уже отмечалось выше, к числу наиболее боеспособных и обученных армий мира.

В тактической подготовке армии заметны германские тенденции. Все уставы, наставления и руководства весьма близки к германским, только переработаны применительно к характерным особенностям японского солдата.

Особенностью японской тактики следует отметить быстрое расходование резерва, пренебрежение охраной флангов и тыла, густоту боевых линий, запальчивость частных начальников, быстроту, стремительность и крайнее упорство действия в бою, весьма развитую способность применения к обстановке и наблюдательность.

О санитарных последствиях войны.

Вопрос о санитарных последствиях войны живо интересовал Народный Комиссариат Здравоохранения с самого начала его организации. Однако материальная, техническая и организационная возможность для разработки этого вопроса представилась лишь в 1920 г. Тогда Наркомздрав предложил д-ру *М. М Грану* (Петроград) и др. известным статистикам (д-рам *Новосельскому*, *Куркину*, *Бинштоку*, статистику *Михайловскому* и др.) организовать специальную Комиссию для изучения этого вопроса.

Комиссия эта образовалась из указанных лиц, под председательством д-ра *Грана*, проделала ряд чрезвычайно сложных и важных работ по учету санитарно-биологических последствий войны, доведя свою работу до 1921 г. Обширные результаты работ комиссии приготовлены к печати, в настоящей же заметке я познакомлю лишь с некоторыми итоговыми данными.

Первая группа работ (главным образом д-ра *С. А. Новосельского*) касалась учета влияния войны (14—21 г.) на естественное движечие населения (рождаемость, смертность, брачность). В результате анализа имеющихся (правда, неполных и несовершенных) источников авторы вычисляют дефицит прироста только за три года (1915—17 г. г.) по Европ. России без военных потерь в 4.300.000 человек, т. е. вместо нормального прироста в 5.790.000 человек мы имели лишь 1,490.000; а по всей России (без Польши) этот дефицит превышает $5^{1}/_{2}$ милл. человек. За период 1918—1920 г. прирост в России был все время отрицательным, причем в 1920 г. отрицательный прирост колебался от 0,9: 1000 (Тверская губ.) до 13,5: 1000 населения (Ив. Вознесенск. губ.).

Вторая группа работ касается вопроса о наших потерях. Авторы исчисляют, что общие военные потери равнялись 99,2% мобилизованных, т. е. 13 898.637 человек; в том числе убитыми и умершими от ран около 2.000.000 человек.

Число инвалидов авторы устанавливают в 1.418.930 человек.

Потери наши военнопленными авторы исчисляют на 1 марта 1921 г. в 3.935.217. Умерших военно-пленных установлено для Германии 4,4%, для Австро Венгрии—11,2%, для Турции 4.2%; число больных: для Германии 14,5%, для Авторо-Венгрии 32,6%.

Третья группа работ касалось беженцев и погромленных.

Число беженцев 1914—17 г. г. авторы устанавливают в 10—15 милл. человек; русские составляли среди них 54,0%, евреи 6,2%, армяне 3,8%, остальные цифры падают на поляков, литовцев, латышей.

Что касается погромленных, то пока собраны сведения лишь относительно еврейских погромов; они коснулись населения около 2-х милл. человек; погромленных пунктов насчитывается до 600, погромов в них около 2.000, убитых около 150 тыс., раненых и инвалидов—сотни тысяч, изнасилованных женщин—до 100 тысяч, сирот и полусирот более 300 тыс.

Таковы суммарные цифры, относительно которых я считаю целесообразным сообщить предварительные сведения. Детальные сведения, а также данные, касающиеся не упомянутых здесь областей (рост эпидемий, влияние войны на возрастно-половой состав населения и т. д.), интересующиеся читатели найдут в том большом издании, которое в настоящее время подготовлено к печати и сдается в набор.

Но и приведенных суммарных данных достаточно, чтобы понять, какие неисчислимые бедствия принесла нашей стране империалистическая и гражданская война, действительная социально-биологическая и травматическая катастрофа.

Н. Семашко.

Влияние войны на развитие туберкулеза.

В начале этого лета в курорте Бад Кезен состоялся с'езд Центрального Германского комитета для борьбы с туберкулезом, посвященный исключительно туберкулезу и связанным с ним социально-врачебным проблемам, и работа с'езда представляет громадный общественный интерес.

Уже ä priori можно было ожидать, что европейская война должна будет отразиться и на заболеваемости и смертности от туберкулеза, и действительно, во всех воевавших странах замечается это явление в значительной степени, особенно сильно там, где наиболее неблагоприятны были условия питания населения, и из западно-европейских стран больше всего в Германии.

Как известно, до войны именно Германия достигла особенно больших результатов в борьбе с туберкулезом, как народной болезнью.

И в результате мы видим, что до войны смертность от туберкулеза в Германии падает с каждым годом и с 24,75 на десять тысяч жителей в 1895 г., постепенно, но безостановочно понижаясь, доходит в 1913 г. до 14,41 для только легочного туберкулеза. С 1914 г. смертность от туберкулеза начинает снова повышаться и достигает максимума в 1918 г., именно 22,96 на 10 тысяч живущих для всех форм туберкулеза и 20,43 для легочного туберкулеза, вернувшись, таким образом, почти на четверть века назад.

В Германии с самого начала войны было обращено внимание на грозящую опасность, и в то время, как в России противотуберкуледное движение, начавшееся в 1910 г., с началом войны остановилось, и амбулатории попечительства, которых уже было свыше 250, стали хиреть и во многих местах даже закрываться (особенно в провинции), в Германии продолжают открывать все новые учреждения и к концу войны, несмотря на отторжение восточных провинций с их промышленными центрами и значительным числом санаторий, общее число санаторных коек в 1921 г. увеличилось на 3 тысячи по сравнению с 1914 г., а специальные амбулатории-попечительства (диспансеры, Tüberküloze Fürsorgestellen) покрыли сетью всю страну; общее их число около 3000 и в 1921 г. 52% всего населения обеспечены были их помощью. О степени доступности этой помощи говорят следующие цифры. По вычислениям д-ра Брэйгинга при правильной постановке дела на каждые 10 тысяч жителей должно ежегодно в амбулатории приниматься новых 150 туберкулезных клиентов. По отчетным данным за 1921 г., поступившим от 906 диспансеров, всего в них было принято 193.985 больных или на каждых 10 тысяч жителей данной местности 54,9, т. е. 36,6% нормально исчисленного количества.

Большое внимание и очень интересные дебаты вызвал программный доклад д-ра Бергманна (Бреславль): „Попечение о средних слоях населения в прошлом и будущем". Вопрос о средних слоях населения, т. е. о не подлежащих ведению страховых и больничных касс, был поставлен на очередь еще до войны, но теперь приобрел острый характер. Как показали исследования специальной амстердамской комиссии, как раз эти слои населения, по преимуществу интелли-

генции, во всех воевавших странах наиболее пострадали от европейской войны. В Германии, при резко изменившихся политических и социальных условиях, положение известных категорий населения, прежде нередко наиболее обеспеченных, стало поистине трагическим, и как раз по условиям воспитания и прежним привычкам они реже всего обращаются за помощью. В то время, как прежде вся пропаганда и помощь обращены были преимущественно на рабочий класс, теперь необходимо самое тщательное внимание и помощь посвятить этим погибающим „новым пролетариям", но в то же время и наиболее культурным элементам страны. Принимая во внимание громадность требуемых средств и скудость источников, нужно, прежде всего, сорганизовать этот класс для широкой взаимопомощи.

Общее впечатление от с'ездов, что в результате ужасной войны, блокады и послевоенных внешних и внутренних осложнений пострадало значительно и народное здоровье, но всетаки, благодаря удивительной сорганизованности и непрекращавшейся планомерной работе, в гораздо меньшей степени, чем это могло бы быть.

А. Б.

Междусоюзнические долги.

По определению директора банка Берклея Гуднефа, долги европейских держав Америке равняются 11.356.483.059 долларам.

В отдельности государства должны: Австрия—26.220.723 доллара, Бельгия — 428.956.287, Чехословакия — 103.106 426, Эстония — 15.694.148, Франция — 3.770.906.656, Литва — 5.479.791, Латвия—5.582.296, Польша—148.594.423, Россия—227.801.696, Румыния — 41.089.387, Англия — 4.685.862.560, и Италия—1.891 514.634 доллара.

Остальная часть долга приходится в небольших долях на Армению, Финляндию, Грецию, Сербию и Венгрию. Кроме того, Франция должна еще Англии 50 миллионов фун. стерл.

От Соединенных Штатов, поэтому, и зависит прежде всего вопрос об аннулировании междусоюзнических займов. Как известно, одним из первых, указавших на необходимость аннулирования этих долгов, как одну из наиболее существенных предпосылок экономического восстановления Европы, был английский экономист Кейнс в своей известной книге об экономических последствиях войны. Он указывает в ней на то, что если эти долги не будут по взаимному соглашению аннулированы, „победоносная Франция должна заплатить ее союзницам более, чем вчетверо, больше той суммы, которую она должна была заплатить Германии в 1871 году после проигранной войны. Рука Бисмарка была легка в сравнении с рукой нынешних союзников". Меньше всего потеряла бы в случае такого междусоюзнического соглашения Англия, ибо хотя долги ее бывших союзников номинально и превышают значительно ее долг Соед. Штатам (вышеназванные союзные страны должны Англии, если считать теперь фун. ст. равным прибл. 4,5 долларам, 7.647 миллионов долларов, в то время, как сама Англия должна Штатам 4 166 мил. ф. с.), но так как среди должников Англии находится на первом месте Россия с 531 мил. ф. с. или в долларах, по указанному соотношению, 2.524,5 мил. долларов, а вероятность получения этого долга при нынешних условиях в высшей степени сомнительна, то фактически при таком соглашении Англия серьезного ущерба не потерпела бы. Аннулирование было бы несомненно особенно выгодным и для Франции, долг которой Соед. Штатам и Англии значительно превышает суммы, следуемые ей от ее бывших союзниц, не говоря уже о том, что среди этих сумм на первом месте стоит Россия с полученными от Франции во время войны 5.755 мил. франков, на возвращение которых едва ли есть возможность расчитывать в сколько нибудь близком будущем.

Таким образом, аннулирование междусоюзнических долгов было бы крайне выгодно для европейских

стран. Оно было бы одним из самых серьезных шагов к разрешению репарационной проблемы, так как те 9.700 слишком миллионов долларов или приблизительно 39 миллиардов марок золотом, которые союзники должны в настоящее время штатам, могли бы быть списаны с репарационного долга Германии, составляющего, как известно, согласно лондонскому ультиматуму от 5 мая прошлого года, 132 миллиарда марок золотом. Такое сокращение оставило бы еще на Германии достаточно тяжелое бремя, но, тем не менее, было бы несомненно значительным шагом вперед для того, чтобы выйти из этого тупика, в котором оказалась не одна только Германия, но вместе с ней и вся Европа.

До сих пор, однако, руководители американской политики категорически стояли на том, что Америка от своих денежных требований к союзникам отказаться не может. Еще в последние дни в связи с речью Ллойд-Джорджа в палате общин, в которой английский премьер затронул вопрос об аннулировании междусоюзнических обязательств, вашингтонские и нью-иоркские газеты передавали, что президент Гардинг и государственный департамент продолжают стоять на своей прежней точке зрения по этому вопросу. „Нью Иорк Трибуне“ писала, что это предложение „едва ли заслуживает обсуждения“ и что „об аннулировании долгов, повидимому, не может быть речи“. И весь вопрос в том, удастся ли представителям северо-американского делового мира, которые не могут не понимать, что об уплате полностью междусоюзнических долгов может, в сущности, быть также мало речи, как об уплате полностью Германией ее репарационного долга, убедить политические партии Соед. Штатов, что отказ Штатов от своих требований к ее военным союзникам является одной из тех горьких пилюль, которые по необходимости приходится проглотить после мировой войны.

А. Б.

Литовская промышленность и государственный бюджет на 1922 г.

О развитии промышленности, как таковой, в Литве пока не приходится говорить. В данное время наиболее главнейшей ее отраслью является лесная промышленность. Так департаментом труда зарегистрировано на 1-е апреля с. г. 20 лесопильных заводов во всей стране, из которых наиболее крупные расположены в Ковно и более мелкие—в провинции. Кроме этих заводов, имеются еще около 50 лесопилен. Самые крупные лесопильные заводы в Ковно имеют по 3 гатера-рамы и в провинции—по 1–2 рамы, всего во всей Литве насчитывается около 100 рам-гатеров.

Производительность литовских лесопильных заводов весьма невелика. Если принять среднюю цифру производительности одного гатера в 16 куб. метров в день и исходя из 260 рабочих дней в году, мы получим годовую производительность одного гатера в $16 \times 260 = 4160$ куб. метров леса в год. Общая же производительность всех лесопильных заводов в Литве не превышает 250 тыс. куб. метр. леса в год.

Главными конкурентами спроса литовского леса, кроме англичан, являются голландские и германские лесопромышленники, и, как видно из данных лесного ведомства, почти половина вырубаемого леса вывозится заграницу, что сильно отражается на запасах местных лесных заводов.

На всех заводах Литвы работает около 4000 рабочих. Из общего состава рабочих, квалифицированных насчитывается не более 10%, остальные же—чернорабочие. Работа на всех заводах производится в одну смену. Заработанная плата в январе и феврале м-цах 1922 г. не превышала 40 мар. в день, после чего условия резко изменились: бешенные скачки цен на продпродукты побудили заводчиков к уступкам, в результате чего была введена смешанная форма заработной платы, согласно которой средний квалифицированный рабочий на заводе получает 100 марок в день и, сверх этого, продпаек. Заработная

плата чернорабочего гораздо ниже—до 80 мар. в день.

Обувное производство.—При отрезанности Ковенской Литвы от Вильно и Варшавы, для литовского сапожника пропадают два, весьма важные, конкурента. Германский обувный товар вытесняет местный товар только в хороших сортах, где требуется хорошая выделка кожи. Однако, мы не находим в Литве крупных мастерских, с техническими усовершенствованиями и с разделением труда на его составные части. Все ковенские мастерские устроены примитивно, с небольшим количеством рабочих. Благодаря высокой цене на товар, мелкие мастерские, работающие на мелкого заказчика, постепенно замирают. Наибольшим успехом пользуются кооперативы, имеющие достаточный капитал и собственные магазины обуви на продажу.

Профессиональные организации среди обувников совершенно отсутствуют.

Табачное производство. — Табачная промышленность в Литве сосредоточена, главным образом, в Ковно, где имеется 10 фабрик, снабжающих табачными изделиями все литовское население. Табачные фабрики в Литве относятся к разряду смешанного производства, т. к., помимо переработки табака, они вырабатывают гильзы, коробки для папирос и проч. По официальным данным, относящимся к началу 1922 г., из 10 табачных фабрик, наиболее крупные обслуживались штатом в 73—87 рабочих и наиболее мелкие—8—18 рабочими. Согласно показаниям предпринимателей, с января по август с.г. число рабочих, занятых во всей табачной промышленности, увеличилось не менее, как на 50%; так в январе числилось до 400 рабочих и к августу эта цифра достигла 600 чел.

Кроме того, в текущем году еще один фактор способствовал росту табачного производства. Как известно, фабрикантам удалось добиться почти полного запрета ввоза заграничных папирос, и конкуренция, таким образом, была устранена. В настоящее время заграничный ввоз достиг такого минимума (по отдельным исключениям и в экстренных случаях), который не оказывает никакого влияния на внутренний рынок сбыта Общее производство литовских табачных фабрик достигает 40 миллионов папирос в месяц, стоимость которого определяется в 35 миллионов марок (по состоянию на 1-е августа с. г.).

Сырье ввозится главным образом, из Греции, Венгрии, Америки, Китая, южной России и Турции, но выделываемые в Литве сорта табака и папиросы не отличаются доброкачественностью.

Кирпичное производство. — Главным районом выработки кирпича являются Кибарты, где имеется 5 кирпичных заводов, и несколько менее значительных—в других местностях. На среднем кирпичном заводе работает от 15 до 20 человек. Кроме кирпича, заводы изготовляют гончарные трубы и черепицу. Большинство функционирующих заводов имеют гофманские печи и глиномесильные машины.

Средняя произвсдительность завода выражается в 100 тысяч кирпичей в неделю, общая же производительность всех заводов определяется в один миллион кирпичей в неделю. Главное сырье при выделке кирпичей—цемент—ввозится также из заграницы.

Валютный вопрос — В виду того, что при всех финансовых операциях главную роль играет состояние внутренней валюты, каковой в Литве не имеется. литовское правительство намерено в ближайшем будущем приступить к выпуску золотой монеты, названной сеймом «литасом», разделяющимся на 100 центов и заключающим в себе 0,1510462 грамма чистого золота.

Из вышеуказанного обзора литовской промышленности мы видим, что главное сырье для производства, за исключением лесной промышленности, ввозится из заграницы. Т. обр. для поддержания своей внутренней зачаточной промышленности Литва всецело зависит от экономической конъюнктуры тех стран, с которыми связана ее промышленность. При таких

обстоятельствах, естественно, создается постоянное колебание цен внутри страны и неустойчивое положение в промышленности. Кроме того, ввоз из заграницы и отсутствие соответствующего вывоза готовых изделий не дают всех данных на дальнейшее развитие промышленности, а, наоборот, влияют на ее сокращение. Поэтому, чтобы сохранить относительное равновесие в экономической жизни страны, Литва вынуждена давать концессии иностранным лесопромышленникам на свои лесные богатства, запасы которых остались уже в незначительном количестве.

Дальнейшее существование Литвы, как таковой, зависит только от общего развития сельского хозяйства, а лесного—в особенности, с падением же таковового, даже при наличии транзита через страну, отпадает всякое предположение о нормальном экономическом развитии Литвы.

А. Б.

Мировая общественная и хозяйственная кон'юнктура в цифрах *).

Нижеуказанные таблицы, составленные на основании соответствующих статистических данных, показывают общественную и хозяйственную кон'юнктуру в важнейших государствах за время с 1918 г. по апрель месяц 1922 г. по сравнению с 1913 г.

	С. А. Соед. Шт.	Япония.	Канада.	Аргентина.	Индия	Австрал.	Англия.	Франция.	Италия.
1. Сбор пшеницы и ржи в тысяч. тонн.									
1909—13	19557	657[1])	5418	4002[1])	9573[1])	2463[1])	1623[1])	9890	5125
1914—17	23028	734[1])	7450	4368[1])	9448[1])	3206[1])	1772[1])	6606	4574
1919—20	24209	770[1])	7451	5828[1])	10281[1])	1197[1])	1820[1])	7324[2])	3962
1920—21	23104	759[1])	9632	5014[1])	6817[1])	3973[1])	1510[1])	9914[2])	5391
2. Добыча каменного угля в тысяч. тонн (средн. месячн.).									
								Довоенная Франция. Лотарингия и Саарский бас.	
1913	43100	1784	1135	—	1334	1051	24342	3404+1417	—
1918	51778	2334	1167	—	1750	912	19286	2188+992	—
1919	41157	2583	1000	—	1883	881	19458	1619+950	—
1920	48825	2437	1414	—	1500	1066	19128	1834+1050	—
1921	36253	1938	1227	—	—	899	13696	2705	—
Январь 1922	40468	1894	787	—	—	—	21692	2594	—
Февраль 1922	40710	1995	818	—	—	—	19753	2669	—
Март 1922	45110	—	367	—	—	—	19707	2696	—

*) „Экономист“ т. II, Май—июнь, 1912 г. Варшава.

— 1) Сбор одной пшеницы.

— 2) В новых границах, включая Эльзас-Лотарингию и Саарский бассейн.

1. Сбор пшеницы и ржи в тыс. тонн.

(продолжение).

	Бельгия.	Голландия.	Швеция.	Швейцария.	Германия.	Австрия.	Чехословакия.	Румыния.	Польша.
1909—13	985	544	833	154	13659	—	—	—	7147
1914—17	—	478	789	135	—	—	—	—	—
1919—20	742	—	—	—	6182[1])	403	1554	2199	—
1920—21	765	—	—	—	9733[1])	498	2488	2914	5215

2. Добыча каменного угля в тыс. тонн (средн. месячн).

(продолжение).

					Современная Германия. Немецк. часть в Силезии.				Современная Польша. Польск. часть в Силезии.
1913	1904	156	—	—	1095+883	216	1225	—	733+2734
1918	1157	283	—	—	9068+875	—	—	—	521+2443
1919	1547	283	—	—	7566+550	165	874	—	492+1589
1920	1868	328	—	—	10770+592	199	910	—	520+2053
1921	1817	323	—	—	11351	206	990	—	618
Январь 1922	1871	371	—	—	12166	267	1028	—	716
Февр. 1922	1759	330	—	—	11456	264	584	—	686
Март 1922	1967	386	—	—	13418	267	640		861

[1]) В новых границах (без Э.-Лотарингии, Зап. Пруссии, познанской пров. и т. д.

3. Добыча неочищенн. сахара в тыс. тонн.

	С. А. Соед. Шт.	Япония.	Канада.	Аргентина.	Индия.	Австралия.	Англия.	Франция.	Италия.
1913	1019	233	14	276	2328	266	—	763	305
1918	948	—	—	126	2408	210	—	120	108
1919	1175	284	17	297	3084	175	—	165	168
1920	1188	342	46	209	2504	175	—	323	124
1921	1285	425	23	193	2633	—	—	—	—

Добыча сахара.

	Бельгия.	Голландия.	Швеция.	Швейцария.	Германия.	Австрия.	Чехословакия.	Румын.	Польша.
1919	21	—	—	—	542	—	—	—	1,3 21
1920	94	—	38	—	625	—	—	—	3,5 31
1921	69	—	—	—	—	—	—	—	6 —
Январь 1922	94	—	—	—	—	—	—	—	— —
Февраль 1922	92	—	—	—	—	—	—	—	— —
Март 1922	118	—	—	—	—	—	—	—	— —

3. Добыча неочищ. сахара в тыс. тонн.

(продолжение).

1913	228	209	137	4	2180	—	—	34	652
1918	73	165	127	11	1160	—	—	—	226
1919	146	229	145	8	697	51	708	—	96
1920	240	288	164	4	1092	138	691	5	177
1921	285	344	234	5	1254	163	659	25	180

4. Внешняя торговля в тысяч. внутр. валюты (сред. мес.).

(продолжение).

Ввоз . .	386333	326500	70545	159985	897475	—	—	—	-
Вывоз . .	302833	256917	68112	114700	841583	—	—	—	—
1913. Сальдо .	—83500	—69583	—2433	—45285	—55892	-	—	—	—
Ввоз . .	—	50666	102776	200122	—	—	—	—	—
Вывоз . .	—	31750	112536	163598	—	—	—	—	—
1918. Сальдо .	—	—18916	+9760	—36524	—	—	—	—	—
Ввоз . .	437195	235500	211165	294450	2698000	—	—	—	—
Вывоз . .	191388	117583	131308	274842	838083	—	—	—	—
1919. Сальдо .	—245807	117917	—79857	—19608	-1859917	—	—	—	—
Ввоз . .	930460	277702	281125	353558	8177500	—	1949	—	—
Вывоз . .	724847	141775	191133	273092	5775917	—	2297	—	—
1920. Сальдо .	—205613	—135927	—89992	— 79466	—2401583	—	—360	—	—

4. Внешняя торговля в тыс. внутр. валюты (средн. месячн.)

	С. А. Соедин. Штат.	Япония.	Канада	Аргентина.	Индия.	Австралия.	Англия.	Франция.	Италия.
Ввоз	146405	60474	54917	41352	152809	6355	54931	701788	303803
Вывоз	204025	52393	36333	43263	201118	6070	43771	573351	209303
1913. Сальдо	+57620	—8061	—18584	+1911	+48309	—285	—11160	—128437	—94500
Ввоз	244147	135721	75583	41717	137704	4823	1071000	1858416	1336556
Вывоз	503990	160218	102000	66789	203534	5936	41785	393561	278726
1918. Сальдо	+259843	+24497	+26417	+25072	+65830	+1113	—65315	—1464855	—1057830
Ввоз	311146	177113	78417	54648	152770	7696	121784	2983272	1385278
Вывоз	645818	170897	103416	85914	241519	8489	66553	989966	505479
1919. Сальдо	+334672	—6216	+24999	+31266	+88759	+793	—55231	—1993306	—879799
Ввоз	427579	191179	111410	71200	258256	11813	142861	2950412	1321845
Вывоз	673373	158840	106055	83900	231811	10672	111297	1869563	650316
1920. Сальдо	+245794	—32339	—4355	+12700	—26445	—1141	—31564	—1080849	—671529

	С. А. Соед. Штат.	Япония.	Канада.	Аргентина.	Индия.	Австралия.	Англия.	Франция.	Италия.
Ввоз	209095	134513	66616	52900	230047	9795	90557	1062372	2204200
Вывоз	364910	103167	66899	56000	178501	10040	58599	1796092	779200
1921. Сальдо	+155815	—68654	+283	+3100	—51546	+245	—31958	—166280	—1425000
Ввоз	217195	178807	51476	—	277055	8645	76488	1481652	1308564
Вывоз	274638	86080	46198	—	215758	10186	63147	1638741	619341
Январь 1922. Сальдо	+57438	—92727	—5278	—	—61297	+1541	—13341	+151089	—689223
Ввоз	215743	197543	54294	—	198140	9352	69375	1847026	1056646
Вывоз	246357	99861	46046	—	210982	12635	58335	1853312	716468
Февраль 1922. Сальдо	+30614	—97682	—8248	—	+12842	+3283	—11040	+5286	—340178
Ввоз	258000	205400	79337	—	207395	8817	87870	1931956	—
Вывоз	332000	114800	59539	—	259900	12977	64581	1876668	—
Март 1922. Сальдо	+74000	—90600	—19798	—	+52595	+4160	—23298	—55297	—
Ввоз	217000	185000	47861	—	170000	10058	80661	1743640	—
Вывоз	321000	129000	31917	—	230200	10681	55508	1962997	—
Апрель 1922. Сальдо	+104000	—56000	—15944	—	+60200	+623	—25153	+219357	—

	Бельгия.	Голландия.	Швеция.	Швейцария.	Германия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Румыния.	Польша.
Ввоз	837619	186685	105520	191357	9927700	—	—	—	—
Вывоз	504986	114113	91439	178344	8336800	—	—	—	—
1921 г. Сальдо	—212633	—72572	—4081	13003	—1590900	—	—	—	—
Ввоз	—	152496	76580	—	12634242	—	—	—	—
Вывоз	—	86106	61002	—	13393796	—	—	—	—
Январь 1922 г. Сальдо	—	—66390	—15578	—	—1759554	—	—	—	—
Ввоз	677081	152354	49243	148456	12000902	—	—	—	—
Вывоз	444552	84204	37608	140552	14482168	—	—	—	—
Февраль 1922 г. Сальдо	—232429	—68150	—11635	—7904	+2481266	—	—	—	—
Ввоз	—	180329	109107	—	22918932	—	—	—	—
Вывоз	—	112880	71126	—	21284540	—	—	—	—
Март 1922 г. Сальдо	—	—67449	—27981	—	—1634392	—	—	—	—
Ввоз	—	167452	101677	—	28248000	—	—	—	—
Вывоз	—	92730	59863	—	22948900	—	—	—	—
Апрель 1922 г. Сальдо	—	—74722	—41814	—	—5299100	—	—	—	—

	С. А. Соед. Штат.	Япония.	Канада.	Аргентина.	Индия.	Австралия.	Англия.	Франция.	Италия.
5. Курс доллара.									
Уравнитель	—	49,85с.	100	96,48с.	48,66с.	—	1ф.=4,8665д.	19,30с.	19,30с.
Месячный в %									
Март 1919 г.	—	59,50с.	97,62с.	—	35,73с.	—	4,6025д.	16,72с.	12,65с.
Июль 1920 г.	—	51,06с.	VIII88,50с.	91,96с.	36,58с.	—	3,88д.	8,09с.	5,74с.
Январь 1921 г.	—	48,19с.	87,53с.	79,05с.	27,60с.	—	3,75д.	6,43с.	3,55с.
Июль 1921 г.	·	48,09с.	88,28с.	65,86с.	23,24с.	—	3,62д.	7,80с.	4,50с.
Январь 1922 г.	—	47,49с.	94,92с.	76,57с.	27,79с.	—	4,22д.	8,09с.	4,35с.
Февраль 1922 г.	—	47,22с.	96,28с.	82,64с.	28,16с.	—	4,35д.	8,69с.	4,88с.
Март 1922 г.	—	47,29с.	97,30с.	82,80с.	27,84с.	—	4,38д.	9,03с.	5,14с.
Апрель 1922 г.	—	47,30с.	97,74с.	80,52с.	27,75с.	—	4,41д.	9,23с.	5,36с.
6. Индекс гуртовых цен.									
1913 г.	100	100	100	—	100 (1914)	(1914) 100	100	100	100
1918 г.	196	196	205	—	178	170	226½	340	409
1919 г.	212	239½	216	—	200	180	242	357	366
Июль 1920 г.	262	239½	256	—	209	234	299½	496	613
Январь 1921 г.	177	201	208	—	178	205	209	407	642
Июль 1922 г.	148	197	176	—	183	197	178	330	520
Январь 1922 г.	148	206	168	—	178	152	159	314	517
Февраль 1922 г.	151	204	169	—	179	152	158	306	563
Март 1922 г.	152	201	166	—	151	151	160	307	533
Апрель 1922 г.	152	198	167	—	—	—	159	314	527

	Бельгия	Голландия.	Швеция.	Швейцария.	Германия.	Австрия.	Чехословакия.	Румыния.	Польша.
5. Курс доллара.									
Уравнитель.	19,30с.	40,125с.	26,80с.	19,30с.	23,82с.	20,26с.	20,26с.	19,30с.	23,82с.
Месячный в процентах. Март 1919 г.	16,34с.	38,375с.	26,90с.	19,92с.	9,12с.	3,66с.	6,06с.	10,69с.	8,00с.
Июль 1920 г.	8,60с.	35,10с.	21,89с.	17,70с.	2,52с.	0,66с.	2,22с.	2,63с.	0,584с.
Январь 1921 г.	6,78с.	31,66с.	21,42с	15,68с.	1,57с.	0,24с.	1,27с.	1,34с.	0,183с.
Июль 1921 г.	7,62с.	36,65с.	20,97с.	16,56с.	1,30с.	0,14с	1,30с.	1,39с.	0,05с.
Январь 1922 г.	7,74с.	37,56с.	24,93с.	19,41с.	0,51с.	0,03с.	1,71с.	0,76с.	0,03с.
Февраль 1922 г.	8,29с.	33,10с.	26,15с.	19,51с.	0,49с.	0,03с.	1,87с.	0,77с.	0,029с.
Март 1922 г.	8,45с.	37,89с.	26,14с.	19,46с.	0,36с.	0,02с.	1,74с.	0,74с.	0,0245с.
Апрель 1922 г.	8,51с.	37,96с.	26,03с.	19,45с.	0,34с.	0,01с.	1,96с.	0,73с.	0,026с.
6. Индекс гуртовых цен.									
1913 г.	100	100	100	100	100	—	—	—	100
1918 г.	—	400	339	—	216	—	—	—	—
1919 г.	—	306	330	—	412	—	—	—	—
Июль 1920 г.	—	304	363	—	1176	—	—	—	—
Январь 1921 г.	—	213	367	238	1436	—	—	—	—
Июль 1921 г.	347	176	211	179	1428	—	—	—	—
Январь 1922 г.	361	161	170	176	3665	—	—	—	—
Февр. 1922 г.	350	163	166	171	4103	—	—	—	59231
Март 1922 г.	347	161	164	171	5433	—	—	—	63445
Апрель 1922 г.	344	161	165	163	6855	—	—	—	78485

7. Рост прожиточного минимума (в % %).

	С. А. Соед. Штаты.		Япония.	Канада.		Аргентина.	Индия.		Австралия.		Англия.		Франция.		Италия.	
	Индекс прожит. мин.	Индекс предмет потр.		Индекс прожит. мин.	Индекс предмет. мин.		Индекс прожит. мин.	Индекс предмет. мин.	Индекс прожит. мин.	Индекс предмет. мин.	Индекс прожит. мин.	Индекс предмет. мин.	Индекс прожит. мин.	Индекс предмет. мин.	Индекс прожит. мин.	Индекс предмет. мин.
1913 Июль.	100	100	—	100	100	—	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1918 Июль.	156	164	—	146	175	—	—	121	118	131	203	210	—	206	197	203
1919 Июль.	175	186	—	155	186	—	—	155	132	147	208	209	238	261	205	206
1920 Июль.	214	215	—	190	227	—	—	170	154	194	255	262	341	373	313	118
1921 Январь.	198	169	—	175	195	—	169	163	161	184	251	263	370	410	374	367
1921 Июль.	179	145	—	152	148	—	177	174	146	161	219	220	307	306	387	402
1922 Январь.	174	138	—	152	149	—	173	169	140	142	192	185	297	319	430	469
19·2 Февр.	158	139	—	149	143	—	165	160	—	140	188	179	—	307	426	463
1922 Март.	155	136	—	148	142	—	165	161	—	141	186	177	291	294	—	—
1922 Апрель.	—	—	—	146	138	—	162	157	—	—	182	173	—	304	420	455

8. Количество безработных.

	С. А. Соед. Штаты.	Япония.	Канада.	Аргентина.	Индия.	Австралия.	Англия.	Франция.	Италия.
	в ‰	в ‰	в ‰			в ‰			
1913	—	—	—	—	—	6,5	— —	— —	— —
1918	—	—	1,4	—	—	5,8	— —	— —	— —
1919	—	—	3,5	—	—	6,6	— —	— —	— —
1920 Июль.	—	—	2,3	—	—	6,2	— —	— —	— —
1921 Январь.	29,2	—	13,1	—	—	11,4	977 000	39 496	112 000
1921 Июль	22,1	—	9,5	—	—	12,5	1804 000	19 905	4'3 747
1922 Январь.	25.6	—	9,5	—	—	9.5	1955 850	17 611	606 819
1922 Февр.	—	—	13,9	--	—	—	1837 000	— —	576 284
1922 Март.	—	—	10,6	—	—	—	1765 329	88 87	— —
1922 Апрель.	—	—	9.63	—	—	--	1616 200	63 54	—

7. Рост прожиточного минимума (в °/₀₀/₀).

	Бельгия.		Голландия.	Швеция.		Щвейцария.		Германия.		Австрия.		Чехословакия.	Румыния.	Польша.	
	Индекс прожит. миним.	Индекс предмет. потребл.	Индекс предмет. потребления.	Индекс прожит. миним.	Индекс предмет. потребл.	Индекс прожит. миним.	Индекс предмет. потребл.	Индекс прожит. миним.	Индекс предмет. потребл.	Индекс прожит. миним.	Индекс предмет. потребл.	Индекс предмет. потребл.		Индекс прожит. миним.	Индекс предмет. потребл.
Июль 1913	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	—	100	100
„ 1918	—	—	175	219	258	229	222	—	249	—	1788	—	—	—	—
„ 1919	—	—	196	257	318	261	250	—	433	—	3037	—	—	—	—
„ 1920	453	454	210	270	287	253	239	842	1005	—	5570	—	—	7715	—
Январь 1921	450	494	203	271	283	243	230	944	1265	6700	6200	1643	—	14084	25140
Июль 1921	379	408	166	236	232	214	213	963	1274	9800	9800	1346	—	25709	45655
Январь 1922	387	412	161	216	190	189	187	1640	2219	59400	60300	1444	—	46883	73631
Февраль 1922	380	395	159	—	189	179	176	1989	2727	—	—	1461	—	48085	75157
Март 1922	371	380	159	—	185	177	173	2639	3602	77800	90400	1414	—	52358	81269
Апрель 1922	367	377	—	195	182	—	—	3175	4356	87200	104300	—	—	—	—

8 Количество безработных.

	Бельгия.	Голландия.	Швеция.	Швейцария.	Германия.	Австрия.	Чехословакия.	Румыния.	Польша.
					в %%		Всего		
1913	—	—	—	—	2,9	—	—	—	—
1918	—	—	—	—	1,2	—	—	—	—
1919	—	—	—	—	3,7	—	—	—	354000
Июль 1920	—	—	—	—	6,0	—	—	—	65000
Январь 1921	140967	64560	31254	34652	4,5	—	44633	—	74000
Июль 1921	81620	29860	41915	51625	2,6	—	33359	—	95000
Январь 1922	36092	83723	48955	96580	3,3	—	42020	—	178000
Февраль 1922	32100	101132	43453	89541	2,7	—	36300	—	183000
Март 1922	28912	87723	43936	89099	2,7	—	38500	—	173000
Апрель 1922	28524	—	—	81868	1,1	—	32300	—	—

9. Эмиссия банкнотов и золотой запас в центр. банках в милл. внутрен. валюты

	С. А. Соед. Шт.		Япония.		Канада.		Аргентина.		Индия.		Австралия.		Англия.		Франция.		Италия.	
	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.
1913	232	2680	224	426	160	240	263	823	506	646	4	10	35	30	4157	5714	1608	2782
1918	2090	4720	713	1145	200	508	—	—	519	1471	21	59	80	393	5796	31055	1330	13874
1919	2078	4786	952	1555	207	551	—	—	834	1829	24	57	91	443	5847	37275	1315	18552
1920	2056	3623	1247	1458	184	541	480	1362	850	1614	24	58	128	481	5766	37402	1335	22001
Декабрь 1921	2870	2443	1247	1546	154	465	480	1362	—	—	24	55	128	450	5804	46487	1304	19209
Январь 1922	2904	2269	1245	1370	131	417	480	1362	—	—	—	—	128	425	5805	36606	1307	18555
Февраль 1922	2947	2254	1226	1167	132	411	480	1362	—	—	—	—	128	420	5806	36258	1316	18257
Март 1922	2975	2262	1264	1254	143	—	480	1362	—	—	—	—	128	421	5808	35528	1317	18112
Апрель 1922	2995	2237	1273	1227	—	—	480	1362	—	—	—	—	129	421	5809	35787	1323	17710

10. Депозиты в центральн. банках в милл. внутренней валюты.

	С. А. Соедин. Шт.		Япония.		Канада.		Аргентина.		Индия.		Австралия.		Англия.		Франция.		Италия.	
	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.
	Госуд.	Проч.	Госуд.	Проч.	Госуд.	Проч.			Госуд.	Проч.	Госуд.	Проч.	Госуд.	Проч.	Госуд.	Проч.	Госуд.	Проч.
1913	—	—	118,2	5,0	32,3	1147,6	—		—	—	—	—	10,2	61,1	403,4	575,3	158,9	58,9
1918	71,6	2298,2	—	—	269,7	1948,3	—		—	—	—	—	23,6	149,0	111,7	2366,2	266,0	690,7
1919	30,9	2797,0	1145,9	40,0	244,0	2220,8	—		—	—	—	—	19,2	180,6	76,5	3127,1	44,4	641,1
В конце 1920	24,7	2321,7	980,7	70,1	138,0	2397,7	—		—	—	31,1	—	14,3	175,5	116,0	3483,3	354,8	847,8
1921	71,6	2151,9	938,2	35,4	150,1	2124,1	—		—	—	26,8	—	16,0	105,5	26,0	2717,1	1140,4	848,8
1921	45,2	178[illegible],0	974,9	4,3	124,7	1980,6	—		68,0	661,8	—	—	14,3	131,7	15,9	2433,9	1975,8	997,9

11. Учетная степень в конце года и м—ца

	С. А. Соедин. Шт.	Япония.	Канада.	Аргентина.	Индия.	Австралия.	Англия.	Франция.	Италия.
1913	4,81	5,87	5,75	5½	6	—	4,77	4	5½—6
1918	4,75	5	5	—	5	—	4½	5	5½—5
1919	5,31	5	5	5	5	—	4½	5	5
1920	5	5	5	6	6	6	7	6	6
1921	4	5	7	5½	6	7	5	5½	6
Апрель 1922	3½	5	7	5	6	7	4	5	6

Эмиссия банкнотов и золотой запас в центр. банках в милл. внутр. валюты.

	Бельгия		Голландия.		Швеция.		Швейцария.		Германия.		Австрия.		Чехо-словакия.		Румыния.		Польша.	
	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.	Золото.	Банкноты.
1913	306	1067	163	334	102	237	191	314	1170	2753	1241	2493	—	—	152	437	—	—
1918	265	3210	720	1116	286	814	463	976	2262	32297	—	—	—	—	494	2489	—	—
1919	266	4786	655	1069	282	748	591	1036	1089	49390	—	—	—	4723	495	4215	—	—
1920	267	6260	635	1120	282	760	665	1024	1092	80958	53	30646	153	11288	495	9486	50	49361
Декабрь 1921	307	6289	614	1013	286	628	658	1009	1007	122162	81	174115	552	12129	495	13709	67	229537
Январь 1922	307	6304	613	1016	287	563	658	890	1009	123603	44	227016	564	11230	495	13683	69	239615
Февраль 1922	307	6295	613	987	288	579	652	837	1012	128170	44	259931	566	10543	495	13669	71	247209
Март 1922	307	6113	611	959	279	626	654	800	1016	139944	45	304064	599	10323	495	13864	72	250665
Апрель 1922	307	6302	611	1055	290	582	651	801	1019	—	45	346697	621	10075	495	13960	72	260553

10. Депозиты в центр. банки в милл. внутр. валюты.

	Бельгия.		Голандия.		Швеция.		Швейцария		Германия.	Австрия.	Чехо-словакия.	Румыния.	Польша.
	Гос.	Проч.	Гос.	Проч.	Гос.	Проч.	Гос.	Проч.	Всего.				
1913	1,6	124,3	—	2,0	98,6	15,2	30,6	28,4	793,1	187,6 [1]	—	30,0	—
1918	0,8	584,1	—	92,9	99,7	34,8	20,1	167,5	13280,4	7141,2 [1]	—	308,4	185,7
1919	243,6	2246,9	—	97,6	193,3	25,4	18,7	162,0	17071,9	7905 6 [1]	1127,2	895,0	3931,9
Декабрь 1920	60,3	1102,5	—	66,1	142,4	31,0	11,5	151,8	22327,1	2701,2 [2]	1429,6	818,7	15153,2
1921	94,7	580,3	—	26,1	309,5	25 8	7,7	120,9	32905,7	15938,0 [2]	1743,9	1811,6	49014,0
Апрель 1922	487,1	214,6	—	32,3	300,5	21,6	253 2	—	31616,1	19503,2 [2]	1875,0	6258,9	51649

11. Учетная степень в конце года и м-ца.

	Бельгия.	Голандия.	Швеция.	Швейцария	Германия.	Австрия.	Чехо-словакия.	Румыния.	Польша.
1913	5,875	4 52	5 1/2	3 1/2 (14 г.)	9,6 (14 г.)	—	7	5,92	—
1918	5,	4 1/2	6,93	4 1/2—4	7,8	—	—	5,54	—
1919	4,42	4 1/2	6,38	4,75—4,5	8,4	—	7	5,64	6
1920	5 1/2	4 1/2	7 1/2	6	8	—	7	5,83	6
1921	5	4 1/2	5 1/2	4 1/2	8	—	7	7	—
Апрель 1922	5	4 1/2	5	4 1/2	8	—	6 1/2	7	—

[1] Австро-Венгерский Банк.
[2] Австрийский Банк.

Мировое забастовочное движение в первой половине 1922 г.

По подсчету „Швейцарской Рабочей Газеты“, общее количество бастовавших рабочих во всех странах в первой половине 1922 г. составляло 6 781.732 чел., количество же потерянных дней—174.050.186.

Вышеуказанные цифры будут еще выразительнее, если мы проведем разницу между ними и данными о забастовочном движении в соответствующем периоде 1921 г. Так, общее количество бастовавших в первой половине 1921 г выразилось в 4.760.178 чел. при 129.093.199 рабочих днях.

Нижеприведенная таблица показывает количество бастовавших и потерянных дней по отдельным странам, однако, следует признать, что эти цифры не соответствуют действительности, т. к мы не имеем данных о мелких забастовочных движениях, происходивших, главным образом, на политической почве.

	Во всей промышленности.	
	Колич. бастовавших.	Количество потерянных дней.
1. С. А. Соед. Штаты.	1.989.100	63.421.600
2. Германия	1.415.744	27.780.334
3. Англия	795.640	20.975.600
4. Италия	536.700	13.163.000
5. Чехословакия	360.000	10.412.030
6. Индия	325.000	6.140.000
7. Польша	237.000	5 855.000
8. Южная Африка	142.000	4.140.000
9. Голландия	109.900	4.188.000
10. Дания	128.000	3.812.000
11. Испания	234 300	3.245.0·0
12. Мексика	70.100	1.803.000
13 Япония	78.000	1.730.000
14. Франция	75.000	1.576.000
15 Китай	65.000	1.550.000
16. Бельгия	34.000	837.000
17 Австрия	49.000	777.000
18. Венгрия	41.600	690 000
19. Португалия	27.000	560.000
20. Египет	22 000	470.000
21. Аргентина	15.200	303.000
22. Финляндия	10.900	226.000
23. Швеция	11.400	233.000
24. Норвегия	4.500	95.000
25. Швейцария	3.248	71.275

К наиболее крупной борьбе рабочих в этот период следует отнести забастовку рудокопов в Соед. Штатах, в Овидо (Испания) и в Фалькнове (Чехословакия), распространившуюся и на другие чехо-словацкие горные округа; забастовка металлистов в Англии, Голландии и С. Ш.; всеобщая забастовка в Риме, Барселоне и Бомбее; забастовки: в стекольной промышленности в Усти, желдорожная —в Дублине и Вестерланде, всеобщая забастовка в бумажной промышленности в Финляндии; забастовки: в нефтепромышленности в Тампико (С. Ш.) и в древесной промышленности в Швейцарии.

К крупному рабочему движению в Германии следует отнести забастовку металлистов в Лейпциге, Магдебурге, Средней Силезии и юж. провинциях; оставление работы в горной промышл. в Мансфельде и в Рурском бассейне, и всеобщая забастовка в саксонско-тюрингенской красильн. пром., частичная – в древесной пром. в В. Пруссии, в цементной пром. — в Рейнланде, Вестфалии, в стекольной промышл.— в Тюрингене, в кирпичной пром. – в Саксонии, в строительной—в Шлезвиг-Гольштинии, забастовка берлинских наборщиков и ж. д. забастовка.

Причины забастовок, в большинстве случаев, носили экономический характер.

А.

Газовая оборона в Польше.

По последним сообщениям „Польской Зброиной“ от 4/VIII, в Польше образовался добровольный комитет для сбора пожертвований на постройку института газовой обороны, состоящий из представителей обществ нных и военных кругов под председательством полевого епископа Галлема.

Министр Соснковский обратился к членам к-та с просьбой о передаче пожертвований инициатору газового института В. Рабскому. Комитету удалось собрать по подписке $2^1/_2$ миллиона марок, которые переданы в Варшавский земельно - кредитный банк.

А. Бельский.

Заграничные военные новости.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Опыты с ружьем-пулеметом.

Артиллерийское управление американской армии производило недавно испытания с целью усовершенствовать автоматическое ружье системы Браунинга. Добиваются получить оружие в 30 калибров, отвечающее настоятельной потребности иметь ружье легкое для переноски, могущее дать большую точность и стрелять без нагревания ствола более продолжительное время, чем теперешнее автоматическое ружье. Были принуждены изменить ружье системы Браунинга 18-го образца, чтобы добиться желанного результата. Ствол, относительно тяжелый, снабженный кольцеобразными утолщениями и кольцами, похожими на имеющиеся на цилиндрах газовых двигателей, заменил легкий ствол автоматического ружья. Таким образом достигается быстрое охлаждение после продолжительной автоматической стрельбы. Легкая двуногая подставка, установленная недалеко от дула, дает возможность стрелять достаточно точно в положении лежа. Это оружие технически названо „ружьем-пулеметом системы Браунинга образца 1921 года". Его вес равняется приблизительно 22 фунтам (9,9 килограмма). На основании испытаний, произведенных на форту Рилей управлением кавалерии, начальник кавалерии потребовал, что-бы автоматическое ружье Браунинга, после некоторых небольших усовершенствований, было принято для вооружения кавалерийских частей вместо находящегося на вооружении ружья Браунинга теперешнего образца.

Дирекция-же пехоты нашла только, что новое ружье имеет преимущества пред теперешним автоматическим пехотным ружьем лишь соответственно увеличению своего веса. Она потребовала, чтобы были произведены испытания пригодности легкой двуногой подставки для ружья ныне существующего образца. До тех пор пока потребованное дирекцией пехоты усовершенствование не будет произведено, еще нельзя сказать, будет-ли ружье-пулемет системы Браунинга принято для вооружения кавалерийских частей. Артиллерийское управление заготовит достаточное количество автоматических ружей Браунинга, чтобы удовлетворить потребности мирного времени.

Бесшумные танки.

Покупатели автомобилей постоянно требуют от фабрикантов различных усовершенствований и фабриканты их удовлетворяют, часто даже свыше пред'явленных требований. Производственное управление армии может быть сравнено с фабрикантом, требовательными и избранными покупателями которого можно назвать войсковые управления, фактически пользующиеся материальной частью. Управление танковыми частями привыкло требовать от производственного управления снабжения его усовершенствованными типами танков. Одним из рассматриваемых усовершенствований, требующим тщательного изучения, является устранение или уменьшение шума при передвижении танков. Для уменьшения шума прибегают к замене в некоторых частях гусеничного хода стали резиной, к надеванию на некоторые стальные части резиновых шин и к подкладыванию резиновых подушечек. Тракторы, употребляющиеся в промышленности, снабжены резиновыми подушечками и действуют удовлетворительно. Пушка на гусеничном ходу, могущая двигаться со скоростью в 30 миль (48 километров) в час, снабжена резиновыми шинами и подушечками. Выгоды бесшумных танков очевидны. Когда применяли танки впервые, неожиданность была главным залогом успеха. Бесшумные танки можно было-бы сосредоточить без ведома противника и бросить их в атаку совершенно для него неожиданно, что-бы лишить его возможности подготовить средства для борьбы с ними.

Состояние аэронавтики.

В воздушном флоте Соединенных Штатов по штату положено 2 генерала, 1514 офицеров разных рангов и 16.000 солдат. Однако, наличный состав

ниже штатного. Так, в октябре прошлого года числилось: 955 офицеров, 7160 солдат и 164 ученика-пилота, Военных аэропланов на действительной службе имеется всего 700. Они образуют 33 эскадрильи, сведенные в шесть групп, из которых три, представляющие собою бригаду, находятся в самой стране, а три остальные предназначены для Панамского канала, для Гайвайских островов и для Филиппинских островов. Воздушные шары сведены в десять рот, из которых семь находится в самой стране. Дирижабли связаны в шесть рот. Смешанная группа, находящаяся в Техасе, состоит из двух рот воздушных шаров и двух рот дирижаблей.

Связь между воздушным флотом и пехотой

Управление пехоты совместно с управлением воздушного флота вырабатывает приемы совместных действий пехоты и авиации. Предполагается изучить возможность доставления на линию расположения пехоты продуктов, боевых припасов и другого имущества в тех случаях, когда другие способы доставки будут признаны неприменимыми.

Организация пунктов обучения.

В связи с уменьшением регулярной армии создано девять пунктов обучения военному делу, по одному в районе каждого армейского корпуса. В каждом пункте обучения имеются управление и учебный отряд, состоящий из пехотного полка уменьшенного состава, батареи полевой артиллерии, эскадрона кавалерии уменьшенного состава и инженерной роты. В мирное время этот учебный отряд будет доставлять инструкторов для регулярной армии, национальной гвардии, резервных частей и для учебного корпуса офицеров запаса. В военное-же время он доставит необходимый личный состав для учебных лагерей для подкреплений.

Снаряды для ручного оружия.

Франкфордский арсенал изучает ружейную пулю в 7,6 миллиметра, мельхиоровая оболочка которой должна покрываться слоем олова для воспрепятствования загрязнению ружейных нарезов. Начальная скорость этой пули будет достигать 836 метров в секунду.

Опыты с материальной частью артиллерии.

Арсенал в Рок-Айленде произвел первые опыты с пушкой для воздушной обороны калибром в три дюйма (75 миллиметров); опыты будут продолжаться в Эбердине.

Пушка наводится под углом от 0 до 80 градусов; лафет дает возможность стрелять по всем азимутам. Скорость стрельбы увеличивается благодаря устройству полуавтоматического подавателя, так как затвор приводится в движение сжатым воздухом. Лафет имеет гусеничный ход.

Опыты с береговым орудием в 16 дюймов (406 миллиметров) продолжаются в Эбердине, при чем испытываются лафеты неподвижные и лафеты скрывающиеся.

Лафет-платформа для тяжелой железно-дорожной артиллерии калибром в 14 дюймов (350 миллиметров) уже изготовляется для опытов.

Разрабатывается новый проэкт лафета на гусеничном ходу для пушки в 4 дюйма (120 миллиметров). Разрабатывается проэкт гаубицы в 155 миллиметров с приспособлением для уничтожения толчков при движении гусеничного хода.

Англия.

Танки. Организация управления и материальная часть.

Все танковые отряды находятся в распоряжении главнокомандующего, который может распределить их по армиям, а эти последние распределяют их между отдельными частями.

При главной квартире находятся: командир танков, технический советник и командир танковых отрядов, нераспределенных по армиям.

При штабе каждой армии состоят: командир группы танков со своим штабом и технический советник, наблюдающий за технической работой танковых отрядов в армии.

Группа танков состоит из двух или трех бригад; бригада танков имеет: штаб, роту связи, транспортную роту; четыре танковых батальона и танковую роту снабжения; батальон состоит: из штаба и трех рот (всего 48 танков). Рота имеет четыре отделения по четыре танки каждое; отделение состоит из двух полуотделений.

Уставом предусмотрено два типа танков:

1) „Марка V сложная": вес 30,5 тонны, длина 8,23 метра, ширина 3,65 метра, высота 2,64 метра, скорость 8 километров в час (чрез поля 4,8 километра); вооружение: одна шести фунтовая пушка (57 миллиметров) и пять пулеметов Гочкиса· команда 8 чел.; радиус действий 32 километра; может проходить чрез окопы шириною 2,75 метра, чрез вертикальные препятствия в 1,20 метра и спускаться с горы под углом в 45 градусов: требует для выполнения задания 410 фунтов горючего.

2) „Медиум С". вес 20,5 тонны, длина 7,93 метра; ширина 2,72 метра, высота 2,95 метра; скорость 12 километров в час (чрез поля 6,4 километра); вооружение: три пулемета Гочкиса; команда три человека; радиус действий 112 километров; может проходить чрез окопы шириною 2,75 метра, чрез вертикальные препятствия в 1,13 метра и спускаться с горы под углом в 45 градусов; требует для выполнения задания 680 фунтов горючего.

Все находящиеся в танках люди вооружены пистолетами системы Веблей.

Кроме того у тяжелого танка имеется два ружья для стрельбы ружейными дымовыми гранатами.

Г. Григоросуло.

О системе будущих морских войн.

За последнее время в органах антантской прессы морскими специалистами была поднята дискуссия на тему о системе будущих морских войн. В основе этой дискуссии стоит вопрос о разрешении тезы, имеют ли теперь какое-нибудь значение большие суда, на которых основывалась военная мощь Англии, Франции, Америки, Италии и Германии, при современном усиленном развитии авиации.

Одновременно с начавшейся международной военной полемикой, адмирал английского флота сообщил, что Англия приступила к постройке двух новых громаднейших броненосцев с водоизмещением в 35 тысяч тонн каждый. Стоимость постройки этих судов составит 16 миллионов фун. ст.

Наибольший интерес в полемике представляет Франция, имеющая совершенно другого типа морской флот, чем Англия или Германия.

Однако, мнение английских военных кругов соглашается на постройку больших судов довоенного типа, против чего выступил Перси Скотт. На столбцах „Таймса" он полемизирует с сторонниками постройки новых больших судов, доказывая, что они в будущей морской войне, при усиленном развитии морской и сухопутной авиации и подводных лодок, не будут иметь своего довоенного значения. Скотт указывает, NN на систему французского флота, которая не влечет за собой крупных расходов. Во время войны Франция не могла позволить себе содержать крупные линейные суда, вместо которых она пользовалась быстроходными торпедными судами, обеспечивая их в совершенстве авиационной охраной. Опыты войны показали, как говорит Скотт, что ни один из военных броненосцев не приблизился даже к неприятельскому порту.

В ряде своих статей Скотт требует. чтобы сентябрские доходы были обращены исключительно на устройство воздушного флота, который потребует не менее 50 милл. фун. стерл., не выбрасывая попусту миллионов при постройке никому не нужных теперь линейных судов. В одной из своих статей Скотт указывает, что один из вновь строящихся броненосцев, на случай войны с каким нибудь европейским государством, благодаря своей глубокой посадке, не дойдет до неприятельского порта.

Американский адмирал Симс также выражает мнение, что линейные суда, благодаря нападению на них

аэропланов, не могут быть использованы для охраны флота.

Недавно „Таймс“ сообщил результаты конференции морских архитекторов, происходившей в Сорбонне, где главным сторонником линейных судов был Евстафий д'Ейнкурт, технический советник английского флота. Он утверждал категорически, что крупные суда всегда будут представлять оборонительный остов флота. Его не удивляет ни атака аэропланов, ни нападения подводных лодок, так как, по его мнению, в этом нежелании введения новых крупных судов, как в обратном проявлении психологии, является простое нежелание воспринимать все новости и успехи в области морского судостроительства.

По поводу бомб с аэропланов и торпедных судов, д'Ейнкурт видит единственный способ защиты в применении таких же средств. При этом он ссылается на опыты, которые подсказали морскому совету на постройку „Вашингтона“ в 35 тысяч тонн, японского „Моса“, американского „Массачузета“ и английского „Гуда“, доходившие до 40 тысяч тонн каждый. д'Ейнкурт предлагает использовать все опыты из последней морской войны, принимая во внимание три фактора: максимум усилий при наступлении, максимум быстроты и максимум обороны.

Атаки аэропланов должны отражаться зенитной судовой артиллерией, указывая, что только снарядами Дефлингера были затоплены „Принц Евгений“ в Средиземном море и „Квейн Мария. При этом д'Ейнкурт напоминает факт дальнобойности морской артиллерии, достигающей в данное время 20 тысяч метров, что властно диктует необходимость увеличения и в дальнейшем грузопод'емности броненосцев.

Все 406 м/м. орудий должен быть принят во внимание, и чем шире и и важнее будет оборона броненосца от нападения аэропланов и чем необходимее будут меры против неприятельской морской артиллерии, тем больше должен быть размер оружия. Все усилия техников должны быть направлены к тому, чтобы при постройке судов стены были непромокаемы и весь материал был бы прочным и долголетним.

Противники д'Ейнкурта делают оговорку „но“, ссылаясь снова на опыты последней войны, когда арт. снаряд не мог конкурировать с бомбой, в результате чего была ужасная трагедия с „V—117“, „Франфуртом“, „Острисландом“, „Иовом“ и „Агамемноном“.

Таким образом, приходится констатировать, что вопрос о постройке крупных судов остался снова открытым. Утвердительно можно сказать только то, что Франция затратит на эти цели меньше средств, чем Англия на свои гигантские броненосцы, усовершенствуя в то же время авиацию и подводные лодки, будущее которых может проявиться, быть может, в недалеком будущем.

Англия.

Военно-авиционный бюджет. В 1922 году военно-авиционный бюджет в Англии был определен в 19.063.400 фун. ст. Авиационный персонал увеличен с 29.730 до 30.800 чел., т. е. более чем на 1000 чел., с бюджетом в 4.967.850 фун. ст. В эту сумму входит 20 тысяч фун. ст. на территориальную авиацию.

На помещения, хоз. расходы и перевозочные средства предназначено 3.105.000 фун. ст. (на 863.000 фун. ст. более, чем в прошлом году). На техн. и военные материалы—3.758.000 фун. ст. (328.000 фун. ст. в прошлом году). Из этой суммы 1.681.000 приходится на закупку новых аэропланов. На постройку и ремонт аэропланов—3 милл. 18 тысяч фун. ст. (458.000 фун. ст.) Из этой суммы 1.880.000 ф. ст.—на новые работы. На техн. и метеорологич. сооружения для гражданской авиации—880 тыс. фун. ст. На пробные полеты и иследования—1.706.000 фун. ст. и 177.000 фун. ст. —на содержание „Генеральн. Управл. Директора Пробн. Полетов и Исследований“. На мастерские Рояль Апр. в Тоонборунге и в Кордингтоне—364.000 и 140.000 ф. стерлингов.

Воздушное фотографирование Кордильеров. Английский майор Джекоб Сисон совершил весною 1922 г. перелет через Кордильерские Анды. Во время перелета Сисону удалось произвести полный кинемотаграфический снимок Кордильеров. Снимки подобного рода с высоты птичьего полета интересны не только с военной, но и с научной точек зрения. Такое же фотографирование произведено и в окрестности Альп.

Америка.

Авиационная служба. Численность в авиационной службе: командующий авиа-флотом—ген. майор Масон Патрик, 1 бригадный генерал, 1514 офицеров в чинах от полковника до поручика включительно и 16 тысяч рядовых. В ноябре 1921 г. это количество не превышало: офицеров—995, рядов—7160 и учеников-пилотов—164.

Авио силы делятся на 6 групп, из которых 3 находятся в Соед. Штатах, и остальные 3—в Панаме, на Гавайских островах и в Манилии, составляя в общей сложности 35 эскадр, из которых 700 аэропланов находятся на действительной службе.

Аэростаты составляют 10 рот, из которых 7 расположены в Соед. Штатах, и дирижабли—6 рот. Смешанная группа находится в Сан-Антонио (Техас), составляя 2 роты аэростатов и 2 роты дирижаблей.

Стоимость авиации в военное время. Американская пресса приводит данные о расходах Америки на авиацию в прошлую войну. Так, напр., на аэропланы было асигновано 113 милл. долларов, при чем в стране было построено 13.894 аппарата и закуплено в Англии, Франции и Италии 5.198 аппаратов. По заключении мира, вывезено во Францию 2 091 аэроплан, 1000 находилось в пути для этой же цели и остаток приходился на внутреннее употребление. При ликвидации и продаже авиа-материалов выручено 19.400.000 долларов. В течение 21 месяца в 1917—1918 г.г. построено 13.894 аэроплана, в то время, как в течение 9 лет, с 1909 по 1917 г.—только 142. Постройка аэромоторов выразилась в количестве 41.953 шт.

Воздушная почта. Воздушная почта в Америке обслуживается 55 пилотами. Ежеденевное расстояние перелетов составляет 11 тысяч килом., совершаемых 65 аэропланами; в запасе находится 35 аэропланов. Технический персонал состоит из 400 чел. Для воздушной почты построен 21 аэродром. Расходы на воздушную почту составляют 1.250.000 долларов. С I/VII 1920 г. по 30/VI 1921 г. совершено перелетов на 1.770.658 англ. миль и перевезено 44.384.080 почт. посылок.

Новый рекорд скорости. Американский авиатор Мингэн побил мировой рекорд скорости, совершив около 400 килом. в час на французском военном аэроплане в Монфоконе.

Количество автомобилей. Несмотря на экономический кризис, в связи с отсутствием экспорта, количество построенных в прошлом году мотоциклов увеличилось до $1^1/_2$ миллионов штук. Количество же в Америке автомобилей разного типа составляет 9 257.575 штук, т. е. 1 автомобиль приходится на 11,4 жителей.

Противотанковый пулемет. Не так давно в Америке изобретен противотанковый пулемет, размер которого составляет 12,7 м/м.; вес патрона—47 гр., первоначальная быстрота —760 метр в сек. Танковую бронь, толщиною в 25 м/м., снаряд прсбивает на расстоянии 180 метр.

Германия.

Авиа-статистика. Четыре Т-ва воздушного сообщения, по данным Ллойд-Люфт-Динст'а, в течение 1921 г. перевезли 4000 пассажиров. Общее расстояние, покрытое почтовыми аэропланами, определяется в полтора миллиона километров.

Германия имеет 225 аэропланов, преднадзначенных для воздушного транспорта, в то время, как Англия—только 50.

Воздушное сообщение. Мин. Пут. Сообщ. утверждено 14 линий воздушного сообщения, функционирующих с I/IV с/г. Все эти линии организованы

в соглашении с Мин. Почт и Телегр. и обслуживают также почтовые посылки и корреспонденцию Сеть воздушного сообщения, разделяется следующим образом:

1) Гамбург-Берлин-Дрезден—1 раз в день в течение 4 час; воздушная линия Гамбург-Берпин 1 раз в день в течение $1^1|_2$ час.

2) Бремен - Ганновен - Магдебург-Лейпциг-Дрезден—один раз в день (5 час.).

3) Берлин - Бремен—один раз в день (3 час.).

4) Штуттгардт-Фюрт—один раз в день ($1^1/_2$ час.).

5) Констанца-Мюнхен—один раз в день (2 ч. 10 м.).

6) Роттердам - Амстердам - Бремен-Гамбург—один раз в день.

7) Берлин-Штеттин-Данциг-Кенисберг—один раз в день.

8) Гамбург-Штеттин—один раз в день.

9) Берлин - Лейпциг Фюрт-Нюренберг-Мюхнен-Аугсбург—один раз в день.

10) Кенигсберг-Ковно-Рига; первый этап—один раз в день, другой—3 раза в неделю.

11) Данциг - Кенигсберг - Мемель-Рига-Ревель; последний этап один раз в день: Данциг-Рига—3 раза в неделю.

12) Берн - Вангерооге-Нордсней—один раз в день.

13) Гамбург-Вестерланд один раз в день.

14) Кенигсберг - Ковно-Смоленск-Москва.

Намечено соединение первой линии Гамбург-Берлин Дрезден, с одной стороны, с Копенгагеном и с Прагой с другой, при чем, весь перелет Прага-Копенгаген будет производиться в течение 6 час.

Проэкт устройства новых дирижаблей. Одно из О-в воздушного сообщения закупило два проэкта устройства для Америки новых дирижаблей типа „Парсифаль". Первый проэкт касается дирижабля в об'еме 900 куб. метр. для полета на 1225 кил. с 16 пассажирами в течение 10 ч. Длина дирижабля составляет 86,30 метр., средина—14,75 м., высота—20 м., ширина 15,22 м., напряжение—2×260 л. с., быстрота—108 кил. в час, грузопод'емность—4600 килогр., распределяющаяся следующим образом: 6 чел. служебного персонала—480 кил., 10 пассажиров—800 кил., бензин и масло на 10 час.—1560 кил., балласт—1160 килогр., всего 4600 килогр.

Второй тип: об'ем—1800 кубич. метр., полет—2000 килом. в 15 час. с 25 пассаж. Размер: длина—116 м., средина—18 м., высота—25,50 м., напряжение—4×260 л. с., быстрота—130 килом. в час, грузопод'емность: 11 чел. служ. персонала—880 килограмм., 25 пассаж.—2000 килогр., бензин и масло на 15 час.—3900 килограмм, балласт—2220 килогр., всего—9000 килогр.

Италия.

Авиа-потери во время войны. Министерство индел об'явило потери во время войны, составляющие 600 пилотов, убитых на фронте, и столько же в тылу, 400 раненых на фронте и 200—в тылу; 126 аэропланов и 12 дирижаблей (из 25 действовавших)—сбито неприятелем. Потери неприятеля на итальянском фронте ссставляют 1000 (?) аэропланов.

Воздушное сообщение. Т-во воздушного сообщения в Италии под инициалами С. А. И. А. М. за прошлый эксплоатационный год достигло следующих результатов: общий перелет—100 тысяч километров—совершен в течение 998,11 час. с 3291 пассажиром. Рейсы совершались на линии: Медиолания—Турин, Медиолания—Падуа—Болонья, Анкома—Верона, Сжиранна—Сан-Ремо—Романо, Сан-Ремо—Пуисано и Сан-Ремо—Генуя.

Канада.

Авиа-бюджет на 1921/1922 г. Канадский авиационный совет (Апр Боард) получил 700 тысяч долларов на:

1) охрану лесов, рыболовную разведку, охрану границ и т. д.;

2) авиационные опыты, аэрофотографирование, радио-телеграфирование и телефонную сеть;

3) организацию и снабжение аэродромов гражданского ведомства, установку воздушных линий и т. д.

В Онтарио организована рота для постройки наблюдательных дирижаблей и перевозки пассажиров.

Польша.

Авиа-бюджет в Польше на 1922 г. составляет 3 987.576.350 марок, т. е. 3,2% всего бюджета армии.

Первый польский дирижабль. 11/IX пр. г. в Торне состоялся полет первого польского дирижабля „Лях" под управлением начальника офиц. воздухоплав. школы полк. Болсуновского. Дирижабль, поднявшись на 500 метр., продержался в воздухе 2 часа.

Офицерск. радио-телегр. курсы. С 1/IX пр. г. в учебном лагере для войск связи в Зегрже открыты 3-х месячные курсы для подготовки офицеров радио-телеграфн. инструкторов в артиллерии и флоте, а также для увеличения количества офицеров связи, работающих в специальной радио-телеграфн. области.

Франция.

Управление аэропланом при помощи радио. Адмирал Фурнье предложил Парижской академии наук новый метод направления с земли аэроплана для полетов. Этот метод явился результатом открытия лейтенанта Лота.

Аппарат, о котором идет речь, состоит из проволочной сетки, растянутой над землей По проводам проходит электрический ток в 600 вольт в секунду. Пускаемый ток вызывает в атмосфере аналогичные электромагнитические колебания, подобно тому, как с радио-телеграфной антены.

Для опытов, произведенных в Willacoublay, пользовались аппаратом, снабженным тройным рядом притягивающих проводов. Чувствительность этих проводов зависит от проводов, расположенных на земле. Пилот снабжается слуховой трубкой, которую устанавливает к одному из проволочных рядов, и по слуху устанавливает напряженность тока, измеряющегося от 2 до 4 ампер.

Такой аппарат хорошо управляется во время полета на высоте 2 километров. При более низком полете управление аппаратом возможно только на расстоянии не далее 15—20 километров.

В авиационных кругах полагают, что с усовершенствованием этого аппарата, мгла и темнота не будут служить препятствием во время полета.

Перевозка раненых на аэропланах. На последнем аэро-конгрессе в Париже, происходившем в прошлом году, был поднят вопрос о перевозке раненых на аэропланах. Из бюллетеней этого конгресса видно, что Франция установила на вторую половину 1921 г. в Марокко и на востоке регулярную авиационную санитарную службу. Для этой цели использованы монопланы Брегета, имеющие камеры для двух раненых и одного фельдшера с аптечкой. Марокканская эскадра, состоящая из 6 аппаратов, во время пробных полетов перевезла в течение 37 мин. 18 раненых на расстоянии 70 килом.

Финляндия.

Добровольный флот. Финляндская оборонительная дружина будет располагать в непродолжительном времени собственным флотом для охраны финляндского побережья; суда этого флота будут снабжены скорострельными пушками и пулеметами.

Авиация. Финляндская авиация разделяется на сухопутную и морскую. Специональный персонал состоит из 20 пилотов на действительной службе и столько же в тылу, 6 наблюдателей, 50 квалифицированных и 100 неквалифицированных механиков—на действительной службе.

Аппараты: морские аэропланы — „Георг Леви" с мотором Ренаульта в 300 лош. сил, „Бреге" с мотором Фиатема в 300 л. с., „Кандрон" (учеб.) Г 3 с плавниками, „Спад" 34 (учеб.) и „Генри Ферман" в 100 л. с. с плавниками.

Сухопутные аэропланы: „Бреге" 13 2 А—300 л. с., „Кандрон" Г 3

(учеб.) с мотором Рено в 80 л. с. и „Спад“ 34 (учеб.).

Морская авиа-база расположена на острове Сандгануне, около Гельсингфорса, и имеет крупные мастерские для среднего и капитального ремонта.

База сухопутной авиации находится в Утти. Кроме того, в Бьерках, около Выборга и в Сортавалле сформированы авиа-отряды.

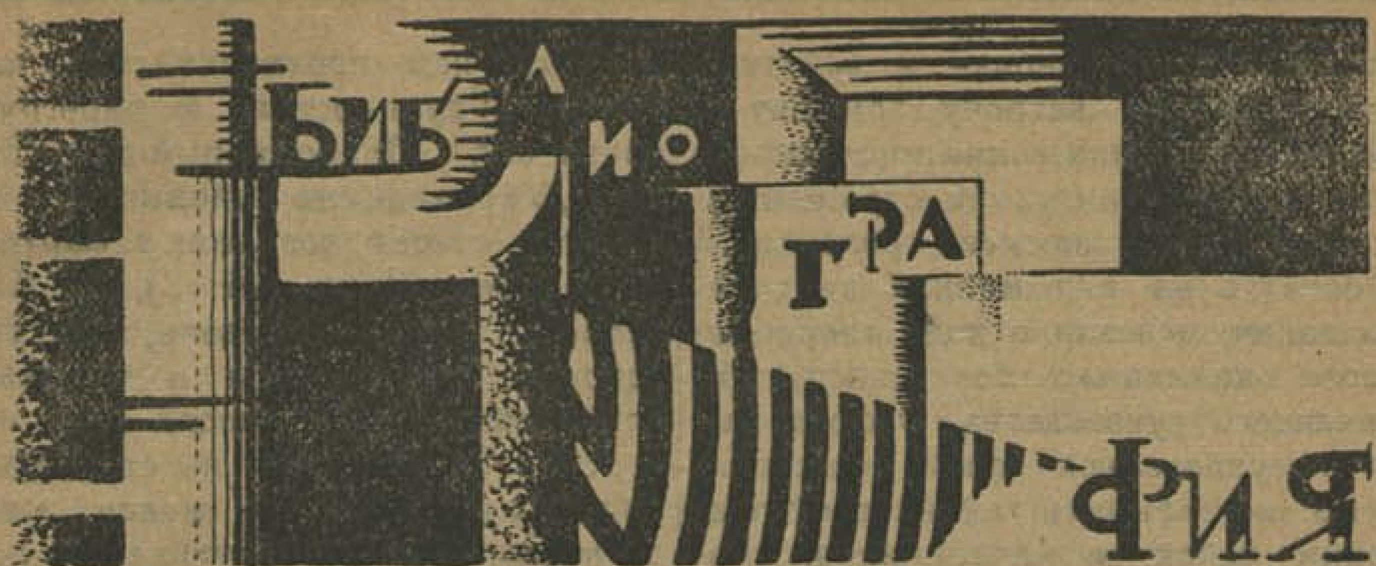
Вооружение доставляется из Франции, Англии и частью из Германии.

В январе м-це 1922 г. в Свеаборге пущена в ход авиационная фабрика, преобразившаяся из быв. русских судостроительных мастерских. Фабрика снабжена новыми специальными машинами из Германии. Аэропланы будут строиться по системе „Бранденбурга“ с мотором „Фиат“ в 300 л. с. Первоначальное производство аэропланов будет составлять около 50 аппаратов в год.

Япония.

Успехи авиации. За последнее время в Японии в области авиации сделаны большие шаги. Для постройки и испытания аппаратов, из Англии было приглашено несколько инженеров и техников. 100 аппаратов выписано из Германии и использовано исключительно для моделей; для этой же цели взяты английские и французские аппараты. Пущен в ход большой авиа-завод, другие же заводы находятся в стадии постройки. В Нагуа существует завод, изготовляющий моторы. Всех аэродромов в Японии насчитывается около 16, из которых некоторые принадлежат военному ведомству, другие же—частным предприятиям.

Русская военная литература.

Военный Вестник.

Издание высшего военного редакционного совета, редактор Д. Петровский. Москва, 1922 г. Второй год издания №№ 1—13. (1 января 15 июля) *).

Военный Вестник—один из самых видных наших военных журналов, с широкой программой и удачной внешностью. Издается один—два раза в месяц, тетрадями от 40 до 80 страниц.

Из статей военного содержания особенного внимания заслуживают: «Задачи строительства Красной Армии» (доклад т. Троцкого на конференции в. у. з. Моск. округа 12 дек. 1921 г. в № 1). «Замысел и исполнение» (речь его же на разборе маневра в Киевском округе в сент. 1921 г. в № 2–3 журнала), „Задачи Красной Армии" (его же речь на празднике В. Акад. курсов, в № 7), „Доклад т. Троцкого о кр. армии на XI с'езде Р.К.П., в № 7 „Тезисы по вопросу военной пропаганды". одобренные на совещании военных делегатов XI с'езда (в № 8) „Красная Армия" (статья т. Троцкого, предназначенная для Коммунистического ежегодника (в № 12).

В докладе на конференции в. у. з. т. Троцкий, отметив молодой состав Кр. Армии, указал, что „нашим идеалом,—практическим, а не какимнибудь небесным,—является провести каждого красноармейца через краткосрочные курсы командного состава". Красные курсанты желают начать свой стаж с отделенного; через 3 месяца— испытание в «командной уверенности», они могут повыситься до взводных. Целью подготовки ставится, чтобы старший в звене был на уровне отделенного, а отделенный на уровне хорошего красного командира. Дальнейшим этапом будет повышение квалификации всей Красной Армии. Улучшение военно-учебного дела—сейчас важнейшая задача Республики. Соглашаясь с т. Верховским об огромной важности самодеятельности в армии, т. Троцкий указал, что „под ней должен быть известный автоматум навыков". Когда нужные действия становятся привычными, то голова свободна для творчества. По вопросу о военной пропаганде, напомнив о таковой во французской армии во время мировой войны, т. Троцкий высказал, что военная пропаганда вовсе не составляет часть «специфической доктрины" Кр. Армии, но наша пропаганда имеет определенное классовое содержание и потому ее лучше слушают. Доклад заканчивается напоминанием о сделанных нами уступках и призывом готовиться к борьбе, если она нам будет навязана.

В речи на киевских маневрах т. Троцкий отметил характерный недостаток, который сказался на этих маневрах, в несоответствии между замыслом и исполнением. С обоих сторон замысел имел чрезвычайно резкий, абсолютный характер, но он не исправлялся (не развивался) в за-

*) Настоящий обзор приходится печатать с большим запозданием в виду того, что номера журнала поступают поздно и с большими перерывами.

висимости от обстановки и действий противника. На встречу замыслу и воле сверху не шла волна информации и инициативы снизу. В стремительном исполнении замысел разбивался без остатка на ряд мелких тактических задач, исчезал в ходе операции, которая оказывалась без всякого об'единяющего руководства. Отсюда вывод: не увлекаться голой маневренностью; не забывать тактической подготовки войск и начальников, разведки, охранения, связи. Нужно больше внимания к частностям и подробностям военного дела. В статье „Красная Армия“, предназначенной для Коммунистического Ежегодника, т. Троцкий дает сжатый исторический очерк развития не только Красной Армии, но всей нашей военной организации, в связи с изменениями в социально-политических условиях за время революции с 1917 по 1920 г.

Яркими чертами отмечена история возникновения нашего военно-административного аппарата, борьба с партизанщиной, создание командного состава и института комиссаров, роль военно-учебных заведений и военной пропаганды, состояние техники; подчеркнуто особое место, занятое конницей; статья заканчивается указанием на постепенное упрочение и уточнение военной организации и на уплотнение военных сил Республики, с непрерывным ростом способности к их развертыванию в случае войны.

Все содержание журнала разбивается, в зависимости от материала, по отделам: обучение войск, вопросы конницы, стрелковые вопросы, о значении отделенного командира, вопросы военной техники, из опыта войны за рубежом, среди книг и журналов, письма читателей, хроника. Таким образом до июля месяца журнал содержал статьи почти исключительно по военным вопросам; но в №№ 12 и 13 добавляется отдел „Политического строительства“

Выделяется по своей содержательности и разработке целый ряд статей С. Варина: „К вопросу об уроках гражданской войны“, „Отскоки Красной Армии при неудачах“, „Роль конницы в будущих войнах“, „Контр-маневр, как противодействие откатам“, „Группировка и перегруппировка сил“, Планомерный отход фронта“, „Укрепленные районы“. В первой из этих статей, возражая т. Бартельсу (Рев. Воен. Мысль № 3), т. Варин делает попытку указать, что гражданская война, хотя и не создала новой тактики, но внесла свое новое в область тактики и стратегии в приемах борьбы. Это новое зависит от новых бойцов, политически подготовленных и охваченных революционным порывом, частью сгруппированных в особые части рабочих и коммунистов,—от новой, «трехчленной» организации, от особенностей обстановки, как политической, так и боевой, наконец, от особенности военных средств, в широком смысле слова. По мнению С. Варина, Красная Армия в целом обнаружила соединение гибкости с упорством, а также быструю применяемость к свойствам и методам противника. Те из приемов вождения войск, на которые указывает С. Варин—культ личного примера, стремление старших начальников к личному руководству, а также стремление увеличить технические средства связи, более всего зависили, вероятно, от одного и того же свойства Красной Армии—недостатка тактической подготовки, но несомненно в них сказались и особенности гражданской войны с ее особенно разнообразной и изменчивой обстановкой.

Сравнивая «отскоки» Красной Армии с такими же отскоками армий противников в последнюю империалистическую войну, которые заканчивались контр-наступлением примерно на прежние места (отход Ренненкампфа и наступление X армии Сиверса, наступление Гинденбурга на Варшаву и наше контр-наступление, наш отход и контр-наступление на юго западном фронте против австрийцев, отход французов из Фландрии), С. Варин дает очень интересные схемы, сопровождая их выводом, что глубина отскоков колебалась в 1914 г. от 100 до 200 вер. тогда как отскоки Красной Армии (на восточном и южном фронтах) были от 180 до 390 вер. Разница об'ясняется разжиженностью

фронтов в гражданской войне. Отскоки белых бывали еще больше. С. Варин указывает, что величина отскоков зависит более всего от выносливости преследующих частей и не зависит от степени полученного частного поражения и от стойкости войск, но этот вывод можно оспаривать. Недостаточная или вернее неодинаковая стойкость войск без сомнения была характерным явлением в гражданскую войну для обеих сторон. Сравниваемые С. Вариным отскоки не могут считаться однородными, но общий вывод о значении их в стратегии гражданской войны вполне правильный. В исследовании «Контрманевр, как противодействие откатам» С. Варин уже не применяет термина „отскоков“. Вполне основательно критикуя систему „затыкания дыр“, которые так часто практиковались с нашей стороны в империалистическую войну, С. Варин говорит, что наилучшим контр-маневром является фланговый удар, но с соответствующими мероприятиями на всем фронте, чтобы задержать противника, помешать его перегруппировкам, растянуть его и т. п.. Примеры даны из действий Кр. Армии в 1919 году на Восточном и в 1921 г. на Южном фронтах. Но С. Варин очень метко указывает, что иногда, по соображениям психологического свойства, в особенности при недостаточной глубине театра войны, приходится прибегать и к фронтальным контр-маневрам, но не для затыкания дыр, а для создания нового фронта из свежих частей позади старого, разгромленного. Так было сделано при наступлении Юденича на Петроград.

В статье „Группировка и перегруппировка сил“ С. Варин, отмечая верность разбора самого хода этих операций для практической работы управления, чтобы научиться, как сосредоточивать силы для удара, при современных растянутых фронтах. Сравнивая условия сосредоточения при фронтальном и при косом ударе, С. Варин указывает на преимущества последнего, при развитии которого фронт не растягивается, но, напротив, сжимается, по мере охвата фланга противника. В дальнейшем, на примерах из гражданской войны, он, разбирает три основных приема группировки: 1) на ходу операции, без подвода резервов с тыла, 2) сосредоточения путем подачи сил с тыла и 3) „стихийную группировку вне воли командования под давлением складывающейся обстановки“. К сожалению, схемы не отличаются ясностью, а одна... утеряна цинкографией.

Очень желательны были бы примеры „стихийных группировок“, которые бывали и будут бывать всего чаще, при чем, как нам кажется, они также не могут производиться и вне воли командования“, но эта воля должна быть вся направлена к использованию „сложившейся обстановки“.

Еще больший интерес представляет небольшая статья „Планомерный отход фронта“, в которой С. Варин решительно высказывается против этого способа действий при неудачном ходе операций, так же, как и против „затыкания дыр“. Предположение, оторваться таким способом от противника, С. Варин считает глубоко ошибочным и совершенно абстрактным, не без основания указывая, что вывести из боя можно сравнительно небольшую часть (бригаду, дивизию), но оторвать целый фронт задача весьма трудная.

Вместо этого надо прибегать к перегруппировкам, имея целью контрнаступление, прежде всего выводить годные для контр удара части, с остальными сдерживать противника, как бы тяжело ни было, поддерживая с ним соприкосновение. Все эти выводы имеют глубокое значение для оценки действий в период гражданской войны, хотя можно оспаривать их абсолютное значение: во время империалистической войны на французском, да и на нашем фронте были факты, которые приводят к иным заключениям. Многое зависит от качества войск, от техники и от подготовки театра войны

Этой подготовки театра войны С. Варин касается в статье об укрепленных районах, в которой критикует промелькнувшее во время гражданской войны бесплодное распоря-

жение о превращении городов на Волге в украйоны „с правами крепости I, II, III разрядов, подчеркивая большое значение „политического укрепления районов и их полной милитаризации“, с самыми ограниченными инженерными сооружениями (проволока и окопы на ближних подступах, несколько позиц. батарей), которые были исполнены в действительности и вполне оправдали свое назначение не для остановки противника, но для создания „устойчивой обстановки“, как на фронте, так и в тылу.

Из статей других авторов заслуживают особого упоминания статьи Е. Смысловского по артиллерийским, Б. Шапошникова по кавалерийским вопросам. Особенно выделяются статьи Е. Смысловского, как по своей содержательности, так и по ясности и простоте изложения. Его идеи, вкратце: сила не в одной силе, но и в искусстве, иначе даже при удаче неизбежно истощение; технические средства надо не копировать, а сообразовать с основными элементами могущества страны Для Франции, с ее вымирающим населением, развитой промышленностью и небольшой территорией, все спасение в технике: для нас, с обратными социально-экономическими и естественными условиями, с нашими запасами живой силы и территории, надо развивать маневренность: наш главный род оружия—пехота; в артиллерии надо усиливать подвижность и гибкость огня, создать пехотную и противосамолетную артиллерию. Статья Е Смысловского „Артиллерия стреляет—пехота наступает“—это целый курс тактики для наших „отделенных“ на 3-х страничках, изложенный особенно популярно, вероятно по заказу редакции

Кавалерийские очерки Б. Шапошникова представляют продолжение тех же очерков, начатых в „Воен. Вестнике“ в минувшем году. Это очень серьезная и интересная работа, в которой автор обнаруживает не только знание дела, но и глубокое знакомство с разбираемым им вопросом.

Из других отдельных статей по различным вопросам представляют особенный интерес: статья Вл. Муратова „Оборона и атака крупного городского центра“ (в №№ 2—3, 5—6) и А. Ефремина „Идеалы курсантов“ и „Чем интересуются курсанты“ (в №№ 1 и 11).

Обе последние статьи составлены по результатам анкет на эти вопросы в военно-учебных заведениях различного типа, и дают ценный материал для характеристики учащихся. По первому вопросу „об идеале“ непонявших вопроса оказалось менее одного процента, свыше половины высказались за революционные идеалы. из другой половины менее одной трети за обывательские интересы и около одной шестой за филантропические идеалы всеобщего счастья и т. п. По второй анкете (анонимной) ярче всего, проявились революционная окраска интересов и неутомимая жажда знаний, но, к сожалению, т. Ефремин недостаточно отделяет об‘ективные данные анкеты от своих выводов, не лишенных суб‘ективной окраски.

Вопросы организации Красной Армии и подготовки командного и комиссарского состава, в связи с постановкой занятий в воен. учебных заведениях, разобраны в речах и докладах т. Троцкого, о которых уже было упомянуто; кроме них, по вопросам организации есть лишь заметки в статьях на артиллерийские, кавалерийские и пулеметные темы, по подготовке комсостава, кроме отделенных командиров, есть две—три статьи (Дегтярева, Кутякова), что же касается военно-учебных заведений, то об них имеется только заметка. Незнамова по заглохшему вопросу о „Единой военной академии“.

Много внимания посвящено в журнале вопросу: нужны ли нам „кадетские“ корпуса? Вопрос этот в положительном смысле обоснован — Д Петровским (в № 4), мотивирующим свое решение с одной стороны—непосильностью пока широкой постановки всеобщего обучения и невозможностью ввести военное обучение в школы 1 и 2 ступени наркомпроса, с другой—необходимостью поднять общее образование, а, в особенности, воспита-

ние среди молодежи, поступающей ныне на курсы В. У. З.

По вопросу о переиздании уставов помещены статьи В. Лазаревича „Уставное невежество и борьба с ним“, (в №№ 12 и 13) в которых излагаются доводы в пользу безотлагательности этой работы, а также намечается общий порядок ее исполнения.

По вопросу о содержании отдельных уставов имеется лишь статья Б. Рышковского об уставе полевой службы (в № 12), в которой автор предлагает, вместо одного полевого устава, составить „три руководства“: 1) устав для рядовых и младшего комсостава, 2) учение о бое для комсостава вообще и 3) учение о войне для высшего комсостава. На это можно заметить, что в „учениях“ о бое и войне есть также „уставные“ положения, обязательные всегда и для всех; все же остальное из этих учений должно войти в наставления.

Выдающийся интерес представляет хорошо поставленные и обильные содержательными статьями отделы: политический. „Опыты войны“, „За рубежом“, „Библиография“. *Ф. Е.*

Военный Вестник.

15 августа № 14, 52 стр.

Этот номер, как и большинство предыдущих, составлен с хорошим подбором статей или, по крайней мере, тем, которые ими затронуты. Особый отдел „политическое строительство“— прекращен по финансовым соображениям. По вопросам политики помещена лишь руководящая статья „После Генуи -Гааги“ с резолюцией Всероссийской конференции Р. К. П., если не считать небольшой, но содержательной статьи А. Т. „Япония и наша приморская область“ (в отделе за рубежом), раскрывающей причины японской интервенции, имевшей целью создать себе базу на нашем Дальнем Востоке на случай невыгодных последствий англо-американского соглашения. В общем отделе уделено наибольшее внимание разведке и маскировке, но нельзя сказать, чтобы статьи не этим вопросам давали что нибудь конкретное и полезное, кроме заметки А. Домбровского. „Внимание разведчикам“, предлагающей создать в стрелковых полках должность особого заведывающего разведкой (такого же разряда, как полковой ад'ютант), в штабах же воссоздать разведывательные отделения, как то было в военное время.

В „стрелковых вопросах“ помещена большая статья М. Энвальда „Стрелковое дело“, но можно было бы гораздо большего ожидать от такого знатока этого дела, каким у нас считается М. Энвальд. Статья повторяет старые „истины“ нашего наставления для обучения стрельбе тем же уставным языком, очень мало считаясь с более новыми взглядами. Кроме списанного у французов—„общего правила“, гласящего — „чтобы убить или ранить, довольно попасть одной пулей“, мы не нашли в ней никаких попыток приблизиться к современным требованиям. То же внимание к коллективной стрельбе, та же стрельба с дистанции в $2^1/_2$ версты, а против редких цепей с 1 версты (!!). То же обстреливание площадей, те же старые приемы управления огнем и пр...

Симптоматично, но неутешительно для нашей Красной Армии! Видимо рутина где то прочно засела. В „вопросах военной техники“ интересна переводная статья А. Т. с английского „противо-танковая оборона“, в которой автор (подполковник Дендис) приходит к выводу, что единственное верное оружие против танков—это быстроходные танки с бронебойными орудиями или пулеметами. *Ф. О.*

„Вестник Воздушного Флота“.

Научно-популярный журнал, орган Главного Управления Воздушного Флота и Главн. Управления Воен. Пром. 1922 г. №№ 12—14 26 печ. лист.

Прекрасное по внешности издание. Хорошая бумага, печать, многочисленные отлично исполненые иллюстрации. В журнале можно найти статьи по всем вопросам, связанным с авиацией и воздухоплаванием.

Известия о том, что делается в Западной Европе продолжают доходить к нам урывками и неполно. Осо-

бенно больно то, когда капиталистическая изоляция закрывает от нас гигантское развитие такого нового и сулящего столь широкие перспективы дела, как авиация.

„Вестник Воздушного Флота“ уделяет большое внимание Западу, в сравнении с которым мы в этом вопросе—вполне понятно, почему—пока еще дикари.

В разбираемых №№ находим ряд интересных сведений.

Т. Виноградов в № 12-м сообщает следующие сведения о численности военного воздушного флота за границей:

В Англии . . ок.	2.000	самолетов	
Во Франции . . .	4.300	„	*)
В С .А. С. Штатах.	1.100	„	
В Румынии . . .	400	„	**)
В Польше . . .	800 900	„	
В Финляндии . . .	200	„	
В Эстонии и Латвии по	100	„	***)

В том же немере В. Пестряков сравнивает экономически и тактически воздушную оборону посредством зенитной артиллерии и воздушным флотом. Подсчет стоимости обороны тем и другим способом приводит автора к выводу, что защита территории истребителями обходится в 210 раз дешевле, чем артиллерийскаа. Кроме того, на стороне воздушного флота еще преимущества в дешевизне содержания меньшего числа (вдвое) личного состава, в сравнительной простоте его подготовки. в легкости выделки самолетов и т. д. Тактические преимущества также на стороне воздушного флота: автор подсчитывает, что за счет стоимости эксплоатации орудий, необходимых для успешной воздушной борьбы 100-верстного участка, можно построить и применять одновременно. 4000 истребителей. С этим количеством можно добиться полной защиты фронта от вторжения неприятельских самолетов. Кроме того, на стороне последних преимущество *в активности* обороны и возможность нападения на тыл противника. Отсюда автор делает совершенно правильный вывод, что главным козырем в борьбе с неприятельским воздушным фло[illegible] быть авиация, а не арти[illegible]

В № 13 помещена интересная статья С. Покровского „Работа белой авиации в Крыму и Сев. Таврии в 1920 г.“. Будучи написана участником операции Врангелевской армии, статья очень содержательна и кончается рядом выводом, полезных не только специалистам летчикам, но и всему командному составу вообще.

В том же номере читаем статью А. Вейнера „Самолет будущего“, рисующую научно обоснованные перспективы применения новых принципов летания.

Статья К. Риске „Переброска ав. звена в Афганистан“ описывает слишком двухмесячный переезд самолета в Кабул в невероятно трудных условиях, без дорог, в пустыно, то на людях, то на слонах, ослах, волоком, вьюком и т. д.

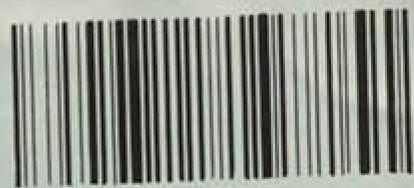
14 й номер открывается заметкой Н. Александрова „Обслуживание авиацией политчасти армий“. Автор отмечает следующие, постоянно практиковавшиеся в минувшую гражданскую войну, случаи применения самолетов политотделами: сбрасывание агитлитературы, установление связи с политорганизациями, работающими в тылу противника, с партизанами, высадка в неприятельском расположении агентов тайной разведки, агитаторов и вообще партийных работников.

Далее заслуживают быть отмеченными статьи С. Столярского „Роль воздушного флота в ликвидации восстания в Кронштадте“ и Инградо „Одиночный воздушный бой двухместного аппарата“.

Инженер А. Воробьев обстоятельно развивает свои соображения „О сети воздушных сообщений России“.

В 14-м номере напечатано также две статьи, несколько специальные для популярного журнала. Это переводная. —„Резиновые. амортизаторы для аэропланов“ (такие вопросы, как гистерезис, довольно сложные математические формулы, нужные только специалистам), „Значение нагнетания воздуха в моторы“ (также переводная, переполненная невыразительными ди-

*) По другим сведениям около 2000.
**) По плану к 1 апреля 1922 г.
***) Цифра предположительная.

Типография Военно-Научного Клуба (Смоленск, Б. Советская, б. Мариинская гимназия) – Б. Советская, 22.—Тираж 1500 экз. Облитэап № 407.